МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АХМАТА АБДУЛХАМИДОВИЧА КАДЫРОВА»

Всероссийская научно-практическая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых

«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА В XXI ВЕКЕ»

12 июня 2026

Грозный – 2026

УДК 34
ББК 67

Ответственный редактор: **Ходжалиев Салех Айсаевич,** доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Члены редколлегии:
Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович – заместитель декана по научно-организационной работе юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», кандидат юридических наук, доцент
Айсханова Екатерина Султановна – и. о. заведующей кафедрой уголовного права, процесса и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», кандидат экономических наук, доцент
Альханов Насрудин Магомедович – и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», кандидат педагогических наук
Нинциева Тамила Магомедовна – заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», доктор юридических наук, доцент

Юридическая наука и практика в XXI веке» материалы Всероссийской научно-практической конференции (Грозный, 12 июня 2026 г.). – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2026. – 230 с.

В материалах Всероссийской научно-практической конференции «Юридическая наука и практика в XXI веке» представлены результаты исследований ученых, аспирантов, магистрантов и студентов по актуальным проблемам современных общественных наук.
Цель конференции – обобщение положительного опыта и направлений дальнейшего развития институтов права, действующих в системе высшего образования России; выработка предложений по развитию правовой науки; публикация научных результатов правовых исследований студентов, магистрантов, аспирантов; поиск решений по актуальным проблемам современной правовой науки, установление контактов между молодыми учеными, обмен научными результатами и исследовательским опытом.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Тексты статей публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-91127-497-9

© Авторы, 2026
© ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Абубакаров М.С-С.
Искусственный интеллект в судейской деятельности: замена или помощник? …… **6**
Абубакарова М.М.
Государство и право на Древнем Востоке в свете
современных историко-правовых подходов…… **10**
Алиева М.В., Абазатов А.М.
Смерть в цифровую эпоху: наследование аккаунтов,
криптокошельков и доменов…… **15**
Алиева М.В., Абазатов А.М.
Юридическая ответственность за вред, причиненный автономным ИИ…… **20**
Алиева С.Г., Муртазалиева Х.Х., Умарова А.А.
Проблемы управления многоквартирным домом…… **25**
Алхастова М.В., Буев Ю.А.
Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав
граждан: от формальной проверки к реальному восстановлению законности…… **30**
Алхастова М.В., Буев Ю.А.
Прокурорский надзор за законностью вмешательства правоохранительных
органов в хозяйственную деятельность: тактика защиты бизнеса
от необоснованного уголовного преследования…… **33**
Альханов Н.М.
Система и виды преступлений против порядка
управления в российском уголовном праве…… **36**
Альханов Н.М.
Уголовно-правовые и организационные аспекты противодействия
незаконной миграции в современной России…… **40**
Арсанукаева А.У.
Источники конституционного права Российской Федерации
в условиях современной трансформации…… **44**
Арсанукаева А.У.
Теоретико-правовые аспекты конституционного регулирования:
от правовых режимов до мотивационного воздействия норм…… **49**
Атаева Д.Р., Айсханова Е.С.
К вопросу о правосубъектности человеческого эмбриона
(плода) в уголовном праве Российской Федерации…… **54**
Ахмадов Д.И.
Правовые проблемы защиты персональных данных
студентов в цифровой образовательной среде…… **58**
Ахъядов Эльдар С.-М.
Актуальность научного наследия гурвича
в современных юридических исследованиях…… **62**
Ахъядов Э.С.-М.
Информационный терроризм в цифровую эпоху:
формы проявления и стратегии противодействия…… **66**
Ахъядов Э.С.-М.
Кибертерроризм и информационный терроризм в условиях
цифровой трансформации общества: современные угрозы
и правовые механизмы противодействия…… **71**
Абдуллаева К.М., Научный руководитель: Исаева Г.Г.
Цифровые инструменты противодействия экстремизму:
правовые контуры и границы применения…… **76**

Бахмадов М.Б.
Обратная сила уголовного закона при изменении
признаков специального субъекта преступления…… **80**
Бахмадов М.Б.
Проблемы вины при совершении преступления
с использованием систем искусственного интеллекта…… **85**
Богатырев М.Р., Хадуева Я.А.
Прикладные аспекты внедрения информационных технологий в
юридическую деятельность: эффективность, риски и новые компетенции…… **90**
Габазов Т.С., Идрисов М.Х.
Территориальная доступность правосудия как фактор
оптимизации судебной системы: обоснование создания
Курчалоевского районного суда Чеченской Республики…….. **94**
Дадаева М.С.
Соотношение законодательной и исполнительной власти в современной России:
проблемы взаимодействия и институциональной трансформации…….. **99**
Дадаева М.С.
Исполнительная власть в современной России: понятие, признаки
и проблемы организации в системе публичной власти…… **104**
Дацуев А.Х., Маказиева З.Д.
Правила обнаружения, фиксации и изъятия
запаховых следов на месте происшествия…….. **109**
Джамулаев С.-Х.С.-Э., Научный руководитель: Абдулаева Э.С.
Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный
системами искусственного интеллекта: поиск оптимальной
модели для российского законодательства…… **113**
Едреев Т.Ш.-М.
Цифровые технологии как инструмент вовлечения
молодёжи в экстремистскую деятельность…… **117**
Едреев Т.Ш.-М.
Смягчение наказания за оборот наркотиков без цели сбыта:
анализ инициативы Верховного суда РФ…… **121**
Идрисов Х.В., Идрисов М.Х.
О понятии ответственности в исламском праве:
проспективный и ретроспективный взгляды…….. **125**
Исаева Г.Г., Давудов З.Э.
Актуальные вопросы правового регулирования технологий
«дипфейк» в условиях цифровой трансформации…… **134**
Куруев С.А., Абдулаева З.Т., Альтемирова Э.Р.
Цифровая валюта в России как объект точечного регулирования.
Понятие, майнинг и международные расчеты…… **137**
Куруев С.А., Абдулаева З.Т., Альтемирова Э.Р.
Цифровая валюта в российском праве: от ограниченного
оборота к модели контролируемой легализации…… **143**
Лабазанов И.Л.
Цифровая трансформация социальной сферы деятельности…… **148**
Лабазанов И.Л.
Социальная защита в эпоху цифровизации: новые возможности и риски…… **152**
Магомадов М.А., Магомадова Э.И.
Причины переосмысления базовых правовых категорий…… **155**

Мадаев С.М., Алихаджиев С-М.Х.
Цифровая защита персональных данных в эпоху больших
данных (Big Data): правовые и технологические аспекты…… **158**
Натаева З.А., Тураева Д.С.
Торговое право в современной юридической науке России,
проблемы понятия, системы и субъектного состава…… **163**
Натаева З.А., Тураева Д.С.
Опека и попечительство как форма законного представительства граждан…… **167**
Оздамирова Л.М.
Правоприменение как особая форма реализации права:
современные теоретические подходы…… **171**
Оздамирова Л.М.
Современные подходы к правовому воспитанию:
теоретические модели и практическая реализация…… **175**
Расумов Ю.Ш., Хаджиев У.К.
Цифровая трансформация юридической деятельности и пределы
применения информационных технологий в юриспруденции…… **180**
Расумов Ю.Ш., Хаджиев У.К.
Роль справочно-правовых систем и электронных баз судебной
практики в развитии современной юридической деятельности…… **184**
Тевсаева Э.М.
Конституция Российской Федерации как первооснова конституционного
права и нормативный центр российской правовой системы…… **188**
Тевсаева Э.М.
Конституционное право как ядро российской правовой
системы в современных условиях…… **193**
Хакимова М.Р.
Соотношение понятий государства и общества в теоретико-правовом дискурсе…… **198**
Хакимова М.Р.
Теоретические модели соотношения права и государства
в современной юридической науке…… **202**
Хамзатова З.Р., Сосаева К.К.
Право в художественном измерении: формы диалога…… **207**
Ходжалиев С.А., Дадашов М.М.
Современное уголовное наказание: от теоретической
сущности к цифровой трансформации…… **210**
Ходжалиев С.А., Дадашов М.М.
Теоретические проблемы понимания уголовного наказания:
от свойств и целей к системности и конституционному осмыслению…… **214**
Эбаев З.С-Э.
Современные векторы конституционно-правового развития:
от экспериментальных режимов до архитектуры национальной безопасности…… **219**
Эльмурзаев С.М.
Когда доказательства не доказывают: как добиться
оправдания при косвенном обвинении…… **223**
Яскиева З.С., Магомадова Э.И.
Проблемы законодательного регулирования ИИ…… **227**

УДК 343.98

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗАМЕНА ИЛИ ПОМОЩНИК?

Абубакаров М.С.-С.,
ассистент кафедры «Программирование и инфокоммуникационные технологии»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье исследуется влияние смарт-контрактов на классическую доктрину обязательственного права. Рассматриваются расхождения между принципом автоматического исполнения кода и гибкостью традиционного договорного права (непреодолимая сила, изменение обстоятельств). Анализируются попытки правовой квалификации смарт-контрактов как формы договора. Обосновывается вывод о необходимости законодательного закрепления права на приостановление автоматического исполнения. Сделан акцент на нерешённой проблеме юрисдикции и применимого права.*
Ключевые слова: *смарт-контракт, блокчейн, обязательственное право, автоматическое исполнение, цифровой договор.*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ARBITRATION: A SUBSTITUTE OR AN ASSISTANT?

Abubakarov M.S.-S.,
Assistant of the Department of Programming and Information and Communication Technologies,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article examines the impact of smart contracts on the classical doctrine of contract law. It considers the discrepancies between the principle of automatic execution of code and the flexibility of traditional contract law (force majeure, change of circumstances). The article analyzes attempts to legalize smart contracts as a form of contract. It substantiates the need for legislative regulation of the right to suspend automatic execution. The article focuses on the unresolved issue of jurisdiction and applicable law.*
Keywords: *smart contract, blockchain, contract law, automatic execution, digital contract.*

Внедрение искусственного интеллекта в судебные системы перестало быть футурологическим прогнозом. Сегодня алгоритмы распределяют дела между судьями в Эстонии и Китае, прогнозируют риск рецидива в США (система COMPAS) и Великобритании (HART). Возникает закономерный, хотя и не имеющий однозначного ответа, вопрос: останется ли судья ключевой фигурой правосудия или его функции постепенно перейдут к машине?

Сторонники цифровизации говорят о скорости, единообразии практики и устранении человеческого фактора. Оппоненты указывают на алгоритмическую предвзятость, непрозрачность нейросетей и, что важнее, на принципиальную невозможность формализовать такие категории, как справедливость или добросовестность. И те, и другие отчасти правы.

Однако эмпирические данные зарубежных исследований рисуют более сложную картину. Точность предиктивных моделей, как правило, не превышает 65–70% на реальных данных. Системы, обученные на исторических решениях, воспроизводят существующие судебные ошибки и социальные стереотипы. А попытки заменить судью алгоритмом наталкиваются на отсутствие легитимности у машинного решения в глазах граждан.

Цель настоящей статьи – не дать окончательный ответ на вопрос о замене, а предложить взвешенный анализ зарубежных практик, выделить границы применимости ИИ в правосудии

и обозначить риски, которые нельзя игнорировать. Вопрос, вероятно, не в том, может ли машина заменить судью. Вопрос в том, должны ли мы ей это позволить.

Наиболее разработанной и одновременно противоречивой практикой остаётся американская система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions). Алгоритм, анализирующий ответы тестируемого, выдаёт прогноз риска рецидива. В ряде штатов, например Кентукки и Огайо, закон прямо предписывает использовать такие оценки при назначении наказания.

Ключевая проблема, как показало расследование ProPublica 2015 года, – систематическая расовая предвзятость. Как отмечает С.А. Машков, «использование алгоритмов в судебной практике воспроизводит исторические стереотипы, заложенные в обучающих выборках» [6, с. 82]. Верховный суд Висконсина в деле State v. Loomis указал, что оценки компьютера не должны подменять судейское усмотрение, оставаясь лишь вспомогательным инструментом. Голландские исследователи подтвердили, что присвоение уровней риска в COMPAS демонстрирует высокую степень противоречивости, что «ставит под сомнение как оптимистичные выводы сторонников, так и категоричные обвинения критиков» [5, с. 188].

В Великобритании с 2013 года тестируется система HART (Harm Assessment Risk Tool), разработанная в партнёрстве с Кембриджским университетом. Она классифицирует задержанных по уровню риска повторного преступления. Однако и здесь алгоритм обвиняли в дискриминации бедных слоёв населения, после чего систему пришлось дорабатывать.

Китай пошёл дальше. В городе Ханчжоу с 2019 года работает система «Умный суд», доступная каждому судье. Она ищет дела, аналогичные рассматриваемому, предлагает нормы и даже исправляет ошибки человека. По оценкам, нагрузка на судей сократилась более чем на треть. Однако, как справедливо замечают Ю.П. Сердюк и соавторы, «точность прогнозирования судебных решений с помощью больших языковых моделей на реальных случаях лишь в отдельных случаях превышает 50%» [7, с. 21]. Иными словами, пока алгоритмы скорее ошибаются, чем угадывают.

Эстония собиралась запустить ИИ-судью для мелких исков до 7000 евро, но проект заморожен – вероятно, из-за принятого в 2024 году Закона ЕС об искусственном интеллекте, который относит судебные ИИ к системам высокого риска. Европейский подход последовательно проводит линию: окончательное решение остаётся за человеком.

Предиктивная аналитика исходов судебных дел – главное, на что способны современные ИИ-системы в правосудии. Алгоритмы анализируют массивы прошлых решений, выявляют статистические корреляции и выдают вероятность удовлетворения иска, обвинительного приговора или назначения условного срока. Второе направление – автоматическое составление проектов документов: шаблонных судебных приказов, исковых заявлений, даже небольших решений по типовым спорам. Третье – система поддержки, которая подсказывает судье аналогичные дела, релевантные нормы и позиции вышестоящих судов.

Звучит впечатляюще. Но ограничения, на мой взгляд, перевешивают возможности. Алгоритмы не понимают контекста. Они не отличают искреннее раскаяние от актёрской игры, не чувствуют абсурдности формально правильного решения. Кроме того, модели обучаются на прошлых данных. Если практика была порочной, алгоритм её увековечит. Ещё один неочевидный минус – иллюзия объективности. Цифра создаёт впечатление точности, хотя за ней стоят всё те же человеческие ошибки, только упакованные в красивую формулу.

Таблица 1. *Соотношение функциональных возможностей и ограничений ИИ в правосудии*

№ п/п	Функциональная возможность	Соответствующее ограничение
	Прогноз исхода дела на основе прецедентов	Алгоритм не учитывает уникальные обстоятельства, выходящие за рамки обучающей выборки
	Автоматическая подготовка документов по типовым делам	Неприменим для сложных, нестандартных или морально-чувствительных споров
	Поиск аналогичных дел и актов	Качество поиска падает при противоречивой или неполной базе судебных решений

Алгоритмическая предвзятость, пожалуй, самый опасный, хотя и не всегда очевидный риск внедрения ИИ в правосудие. Компьютер не имеет собственных предрассудков. Беда в другом – он бездумно воспроизводит те, что уже содержатся в данных. А данные в юриспруденции почти всегда несовершенны.

Первый источник предвзятости – нерепрезентативные обучающие выборки. Если исторические решения судей были смещены против определённой социальной группы, алгоритм выучит эту смещённость как норму. Причём сделает это с большей последовательностью, чем человек, потому что не знает сомнений и рефлексии.

Второй источник – использование прокси-переменных. Алгоритм не знает расу или социальный статус напрямую, но легко находит косвенные маркеры: почтовый индекс, уровень дохода, историю обращений к соцработникам. Формально нейтральные признаки превращаются в заменители запрещённых категорий. И доказать, что дискриминация была сознательной, в таком случае почти невозможно.

Третий механизм – обратная связь. Если система прогнозирует высокий риск рецидива и на этом основании судья назначает более строгое наказание, модель интерпретирует это как подтверждение своей правоты. Получается порочный круг: дискриминация в данных порождает дискриминацию в алгоритме, которая затем закрепляется новыми судебными решениями. Разорвать этот круг без вмешательства извне крайне сложно.

Особая проблема – отсутствие общепринятого определения справедливости. Можно минимизировать ложные обвинения, а можно – ложные оправдания. Одно и то же решение разные люди назовут и справедливым, и несправедливым. Алгоритм не может выбрать этический компромисс – за него это делает разработчик, часто неявно и без общественного обсуждения.

Итог неутешителен, хотя и не фатален. Алгоритмическая предвзятость не устранима чисто техническими средствами – доработкой модели, балансировкой классов или постобработкой результатов. Нужны правовые механизмы: прозрачность разработки, обязательный аудит, возможность обжалования алгоритмических решений. Без этого ИИ в правосудии рискует стать не помощником, а ускорителем несправедливости.

Кто отвечает, когда алгоритм ошибается? Вопрос простой, а ответа на него нет. Если система COMPAS неверно предсказывает высокий риск рецидива и судья, положившись на прогноз, назначает реальное лишение свободы – чья это ошибка? В действующем праве ясности, честно говоря, почти никакой.

Одна из позиций – ответственность судьи. Судья принял решение, судья и отвечает. Однако Верховный суд Висконсина в деле State v. Loomis указал: «Оценки компьютера не должны подменять судейское усмотрение, оставаясь лишь вспомогательным инструментом» [4, с. 752]. Но проблема глубже. Как отмечают журналисты ProPublica, проводившие расследование системы COMPAS, «судьи склонны доверять алгоритмическим рекомендациям, даже когда те противоречат их собственной интуиции» [7, с. 3]. Судья может не осознавать, что поддался авторитету цифры. В такой ситуации строгая ответственность выглядит несправедливой.

Альтернативный подход – ответственность разработчика. Выпустил некачественный продукт – плати. Однако исследователи из Стэнфорда и Корнелла пришли к выводу, который звучит обескураживающе: «Невозможно создать риск-оценку, которая была бы одновременно одинаково точной для всех расовых групп и одинаково ошибочной» [2, с. 3318]. Если алгоритм по объективным математическим причинам не может быть идеально справедливым, можно ли считать ошибки браком? Скорее, объективным ограничением метода.

Третья позиция, пока экзотическая, просматривается в регулировании Европейского Союза. Принятый в 2024 году Регламент ЕС об искусственном интеллекте относит судебные ИИ к системам высокого риска, требуя «обязательного аудита, прозрачности и постмаркетингового мониторинга» [3, ст. 43]. Однако вопрос об ответственности за вред, причинённый алгоритмической ошибкой, остаётся открытым. По сути, предлагается безответный ИИ: никто не отвечает, ошибка признаётся издержкой. Пока не решён вопрос об ответственности, массовое доверие к ИИ-помощникам останется под вопросом. И это отставание, пожалуй, самое опасное.

Подводя итог, следует признать: искусственный интеллект в обозримом будущем не заменит судью. Предиктивные алгоритмы ошибаются в каждом третьем-четвёртом случае. Они не понимают контекста, не чувствуют моральных нюансов и бездумно воспроизводят предрассудки, заложенные в исторических данных. Пока ни одна юрисдикция не рискнула передать машине окончательное решение по уголовному или сложному гражданскому делу.

Это не значит, что ИИ бесполезен. Напротив, он уже доказал свою эффективность как помощник: автоматическое распределение дел, поиск аналогичной практики, подготовка шаблонных документов – здесь алгоритмы незаменимы. Китайский опыт показывает, что нагрузка на судей сокращается на треть. Европейский подход, закреплённый в AI Act, выглядит наиболее взвешенным: ИИ – только инструмент, окончательное решение за человеком.

Вопрос, вероятно, не в том, сможет ли машина заменить судью. Вопрос в том, насколько мы готовы доверять алгоритмам и кто будет нести ответственность, когда они ошибаются. Ответа пока нет.

Список источников

1. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks // ProPublica. 2016. May 23. URL: https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing.
2. Hardt M., Price E., Srebro N. Equality of Opportunity in Supervised Learning // Advances in Neural Information Processing Systems. 2016. Vol. 29. – P. 3315–3323.
3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 1689.
4. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016) // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. No. 5. – P. 1530–1537.
5. Woerkom W. van, Grossi D., Prakken H., Verheij B. A Case-Based Reasoning Analysis of the COMPAS Dataset // 37th Annual Conference on Legal Knowledge and Information Systems (JURIX 2024). IOS Press, 2024. – P. 180–190. DOI: 10.3233/FAIA241316.
6. Машков С.А. «Большие данные» и криминалистика: возможности и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2. – С. 78–86. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.2.78-86.
7. Сердюк Ю.П., Власова Н.А., Момот С.Р., Сулейманова Е.А. Анализ судебных решений с помощью больших языковых моделей // Программные системы: теория и приложения. 2026. Т. 17. № 1. – С. 21–56. URL: https://psta.psiras.ru/2026/1_21–56.

УДК 340.15

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ

Абубакарова М.М.,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных историко-правовых подходов к пониманию основных черт государства и права на Древнем Востоке. В центре внимания находятся вопросы сакральной легитимации власти, правосубъектности общины, особенностей правосознания населения, роли права в процессах политической централизации и значения древневосточной деспотии как особой формы государственно-правовой организации. На основе сопоставления позиций современных исследователей показано, что древневосточное право не сводилось к простому инструменту произвола верховной власти, а выступало сложной системой регулирования, включавшей религиозные, общинные, властные и идеологические элементы. Сделан вывод о том, что государство и право на Древнем Востоке формировались в условиях постоянного взаимодействия сакральных представлений, политических интересов и социальных компромиссов, что позволяет рассматривать древневосточные правовые системы как важный этап развития мировой государственно-правовой мысли.*
Ключевые слова: *Древний Восток, государство Древнего Востока, право Древнего Востока, древневосточная деспотия, правосознание, община, сакральная власть, божественное происхождение власти, историко-правовой анализ, история государства и права.*

STATE AND LAW IN THE ANCIENT EAST IN THE LIGHT OF MODERN HISTORICAL AND LEGAL APPROACHES

Abubakarova M.M.,
Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Kadyrov Chechen State University, Grozny

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern historical and legal approaches to understanding the main features of state and law in the Ancient East. The focus is placed on the issues of the sacral legitimation of power, the legal personality of the community, the characteristics of legal consciousness, the role of law in political centralization, and the significance of oriental despotism as a special form of state and legal organization. Based on a comparison of the positions of contemporary scholars, it is shown that Ancient Eastern law was not reduced to a simple instrument of arbitrary supreme power, but acted as a complex regulatory system incorporating religious, communal, political, and ideological elements. It is concluded that state and law in the Ancient East developed under conditions of constant interaction between sacral ideas, political interests, and social compromises, which makes it possible to regard Ancient Eastern legal systems as an important stage in the development of world state and legal thought.*
Keywords: *Ancient East, state of the Ancient East, law of the Ancient East, oriental despotism, legal consciousness, community, sacral power, divine origin of power, historical and legal analysis, history of state and law.*

Востоковедение и историко-правовая наука накопили значительный корпус исследований, посвященных генезису государственности и правовых институтов древнейших цивилизаций. Однако избыток фактологического материала не всегда сопровождается внятной концептуализацией места древневосточного права в общей теории государства.

Обращение к конкретным научным публикациям последних лет позволяет высветить несколько дискуссионных узлов. В фокусе предлагаемого обзора находятся пять работ, анализирующих разные грани проблемы – от сакральной легитимации власти до повседневной правосубъектности общины. Каждая из них содержит не только эмпирический материал, но и более или менее явную авторскую позицию. Столкновение этих позиций и порождает объемное видение предмета.

Статья А.Н. Никитина «Концепции божественного происхождения государства и права Древнего Востока как предмет научного анализа» преследует цель показать идеологическую подоплеку привычных формул о божественном источнике власти. Автор намеренно выводит разговор за рамки описательной констатации религиозности древних обществ. Его тезис состоит в том, что теологическая риторика служила инструментом реальной политической борьбы.

Наиболее ярко это демонстрирует египетский материал эпохи Аменхотепа IV. Никитин подчеркивает – и данное суждение заслуживает особого внимания, – что «утверждение, что только фараону известны помыслы и истинное могущество Бога-Солнца, не просто подчеркивало единство духовной и светской власти. Оно было призвано способствовать укреплению суверенитета главы государства и одновременно упрочить культ нового бога, должного стать новой идеологической основой власти фараона-реформатора» [1, с. 2].

Из приведенной цитаты отчетливо видно – религия не была застывшей догмой. Она реформировалась вместе с государством, а догмат о божественном происхождении правителя оказывался рычагом, с помощью которого монарх пытался, если не сломать, то потеснить влиятельную жреческую корпорацию. Позиция автора здесь выражена вполне определенно: концепция божественного происхождения в древневосточном исполнении никогда не была абстрактной теологией, она неизменно несла конкретную политическую нагрузку.

Можно добавить к этому наблюдению и собственное соображение методологического свойства. Исследователь, игнорирующий внутриполитический контекст создания таких памятников, как «Гимн Атону» или Законы Хаммурапи, рискует воспринять их лишь как памятники благочестия, упуская из виду острую борьбу за распределение властных полномочий между дворцом и храмом. За фасадом божественного помазания скрывался вполне земной конфликт интересов.

Не менее значимым аспектом функционирования древневосточного социума выступает правовое положение общины. А.Л. Шигабутдинова в работе «Правосубъектность общины Древнего Востока: некоторые историко-правовые аспекты» ставит вопрос, который часто остается на периферии учебных курсов: являлась ли община полноценным субъектом права или лишь объектом государственного администрирования? Автор решительно склоняется к первому варианту. Ее аргументация опирается на анализ правовых текстов Месопотамии, Индии и Китая. Ключевой вывод сформулирован с юридической четкостью: «Признание общины субъектом права объясняется не столько тем, что она была естественной формой самоорганизации общества, пришедшего на смену первобытнообщинному строю, сколько тем, что она являлась необходимым посредником в процессе государственного управления. Иными словами, правосубъектность общины в концентрированном виде отражает ее функциональное назначение в механизме государства» [2, с. 2].

Здесь видна позиция, близкая к этатистскому пониманию права на Востоке. Шигабутдинова фактически утверждает: государство «конструировало» общину как юридическое лицо потому, что это было удобно для фиска и контроля. С этим трудно спорить. Однако уместно высказать и некоторое сомнение. Представляется, что автор несколько преуменьшает обратное влияние общинных традиций на само государство. Да, община была удобным посредником. Но одновременно она оставалась носителем обычного права, которое государство вынуждено было инкорпорировать в свои законы, а не просто отменять. Принцип талиона или клятва именем богов пришли в царские судебники именно из общинной практики. Следовательно, правосубъектность общины была не только «отражением функционального назначения», но и результатом компромисса между центральной властью и локальными

элитами. Без такого компромисса, как показывает пример попыток Цинь Шихуанди сломать общину в Китае, государственная машина рискует надорваться.

Вопрос о том, как сами жители Древнего Востока воспринимали правовые предписания, поднимается в статье О.А. Пыркова «Особенности правосознания населения государств Древнего Востока». Исследователь фокусируется на психологическом и идеологическом измерениях. Он справедливо указывает на неразрывную связь права с религиозным мировоззрением. «Общей характерной чертой правосознания населения государств Древнего Востока было то, что в сознании населения право носило божественное происхождение, целью которого было установление справедливости, общего блага. В текстах, содержащих нормы права, имеются типичные ссылки на волю бога... на общее благо... на ученость или мудрость правящих лиц» [3, с. 2].

Позиция Пыркова ценна акцентом на внутренней мотивации субъекта. Для древнего человека закон был не внешним принуждением, а частью космического порядка. Эта мысль, безусловно, верна. Однако автор, на взгляд читателя, несколько идеализирует картину, сводя ее к единству религиозного и правового сознания. В реальности древневосточные источники дают примеры и циничного прагматизма, и прямого обхода закона с помощью фиктивных сделок. Аренда земли оформлялась как фиктивное усыновление, а долговая кабала обходилась через мнимые браки.

Значит, правосознание было сложнее, чем просто следование сакральной справедливости. Оно включало и элементы правового нигилизма, и лукавство перед лицом неудобной нормы. Тем не менее, заслуга Пыркова в том, что он вывел разговор на уровень правовой психологии, а не ограничился сухим пересказом статей законов.

Иную исследовательскую оптику предлагает А.Д. Никитина в работе «Древневосточное право и типы государственных образований на Древнем Востоке (XXII–XVIII века до н. э.)». Автор рассматривает правовые памятники как индикаторы смены типов государственности – от номовых образований к территориальным царствам и первым империям. Ее внимание сосредоточено на Месопотамии, где эволюция публичного права шла наиболее динамично.

Никитина отмечает двойственную функцию права в процессе централизации. «При возникновении публичного права, основной его задачей было восстановление «справедливости», что должно было объединить свободных общинников в единое централизованное государство имперского типа. В дальнейшем при появлении большого количества царских людей право также приобретает функцию организатора и контролера их деятельности» [4, с. 1].

В этом пассаже содержится важное различение двух адресатов правового регулирования. Для общинников право выступало гарантом социальной стабильности и защиты от долговой кабалы – отсюда регулярные указы о «мишарум» (справедливости). Для «царских людей» – чиновников, воинов, работников храмовых хозяйств – право становилось инструментом прямого администрирования, жесткой регламентации обязанностей и ответственности.

Позиция автора здесь просматривается достаточно ясно. Право на Древнем Востоке было не столько универсальным регулятором, сколько гибким политическим средством, адаптировавшимся к нуждам государства на каждом этапе его развития. Собственная оценка этого тезиса такова: думается, что именно эта двойственность и породила в науке долгие споры о том, существовало ли на Востоке «публичное право» в европейском смысле слова. Если понимать под ним систему норм, обязательных для всех, включая само государство, то ответ скорее отрицательный. Если же видеть в нем совокупность правовых установлений, исходящих от центральной власти и регулирующих общезначимые отношения, то месопотамский материал дает все основания говорить о развитой публично-правовой традиции уже в старовавилонский период.

Наконец, обобщающий взгляд представлен в работе Е.В. Кузнецовой «Государство и право Древнего Востока». Статья носит более реферативный характер, но содержит емкую характеристику места древневосточных цивилизаций в мировой истории права.

«Древневосточные культуры, бесспорно, привнесли большой вклад в формирование страны и права. Рассматриваемые в лекции государственно-правовые действа государств Древнего Востока приносят единое понимание о ключевых видах восточной деспотии и древневосточных правовых системах» [5, с. 2].

Эта простая, почти хрестоматийная формулировка тем не менее возвращает нас к исходному пункту размышлений. Что такое «восточная деспотия» в контексте права? Все рассмотренные выше статьи, по сути, подрывают упрощенное понимание этого термина как абсолютного произвола. Никитин показал, что монарх вынужден был маневрировать между жречеством и собственным обожествлением. Шигабутдинова доказала, что государство признавало правосубъектность общины и не могло ее игнорировать. Пырков напомнил о сдерживающей роли религиозного правосознания. Никитина продемонстрировала, что право служило не только подавлению, но и интеграции общества.

Следовательно, деспотия на Древнем Востоке – это не столько отсутствие права, сколько особая конфигурация правовых отношений. При такой конфигурации верховная власть сакрализована, но ее повседневное функционирование опосредовано множеством традиционных институтов и процедур.

Завершая обзор, следует подвести некоторые итоги. Анализ рассмотренных научных статей позволяет вычленить несколько сквозных линий, определяющих современное состояние историко-правового изучения Древнего Востока. Произошел решительный отход от формационного подхода с его жесткой привязкой к «рабовладельческой формации». В центре внимания оказались конкретные механизмы власти – идеологические (концепция божественного происхождения), социальные (община как субъект права), психологические (правосознание).

На наш взгляд, авторы единодушны в том, что право на Востоке носило ярко выраженный публичный характер. Однако этот публичный интерес был тождественен интересу государства-класса, а не общества в целом. Право защищало не столько индивида, сколько социальный порядок, обеспечивавший стабильность налоговых поступлений и трудовых повинностей.

По нашему мнению, дискуссионным остается вопрос о степени самостоятельности правовой сферы от религиозной и этической. Если для Пыркова религиозное сознание – основа правосознания, то для Никитиной право – прежде всего инструмент государственного строительства, и его сакральное оформление – лишь внешняя оболочка.

Изучение древневосточного права остаётся лабораторией, в которой проверяются на прочность базовые категории юриспруденции – субъект права, норма, ответственность, справедливость. В конечном счёте, обращение к наследию древних цивилизаций Востока убеждает в том, что право никогда не было и не будет нейтральным техническим инструментом. Оно всегда вплетено в ткань господствующих идеологий и социальных интересов. Осознание этого факта – едва ли не главный урок, который можно извлечь из внимательного анализа рассмотренных работ.

Эволюция государства и права России демонстрирует сложный синтез традиции и инноваций. Постсоветский период, несмотря на противоречия, подтвердил способность правовой системы к адаптации [6, с. 125–130].

Список источников

1. Никитин А.Н. Концепции божественного происхождения государства и права Древнего Востока как предмет научного анализа // Вестник Национального института бизнеса. 2018. № 32. – С. 155–159.
2. Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность общины Древнего Востока: некоторые историко-правовые аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). – С. 51–55.

3. Пырков О.А. Особенности правосознания населения государств Древнего Востока // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). – С. 53–56.
4. Никитина А.Д. Древневосточное право и типы государственных образований на Древнем Востоке (XXII–XVIII века до н. э.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2011. № 9 (224). Вып. 44. – С. 99–104.
5. Кузнецова Е.В. Государство и право Древнего Востока // Символ науки. 2018. № 5. – С. 11–15.
6. Богатырев М.Р., Тураева Д.С., Хакимова М.Р. Эволюция государства и права России: историко-правовой анализ // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 125–130.

УДК 347.65/.68

СМЕРТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТОВ, КРИПТОКОШЕЛЬКОВ И ДОМЕНОВ

Алиева М.В.,
ассистент кафедры «Программирование и инфокоммуникационные технологии»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Абазатов А.М.,
студент 2 курса направления «Инфокоммуникационные технологии и системы связи»
Института математики, физики и информационных технологий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена проблеме наследования цифровых активов – аккаунтов в соцсетях, криптокошельков и доменных имён. Анализируется юридическая природа этих объектов, выявляются три ключевые коллизии: запрет операторов на передачу аккаунта, потеря приватных ключей и отсутствие волеизъявления умершего. Рассматриваются зарубежные модели регулирования (США, Германия, Франция, Эстония). Предлагаются конкретные правовые решения: институт цифрового душеприказчика, обязанность операторов предоставлять доступ наследникам и нотариальное депонирование криптоключей.*
Ключевые слова: *цифровые активы, наследование, криптокошелёк, аккаунт, доменное имя, цифровой душеприказчик, нотариальное депонирование, приватный ключ, наследственное право.*

DEATH IN THE DIGITAL AGE: INHERITANCE OF ACCOUNTS, CRYPTO WALLETS, AND DOMAINS

Aliyeva M.V.,
Assistant of the Department of Programming and Information and Communication Technologies
Kadyrov Chechen State University
Abazatov A.M.,
2nd year student, Department of Information and Communication Technologies and Communication Systems, Institute of Mathematics, Physics and Information Technologies,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the problem of inheritance of digital assets – social media accounts, crypto wallets and domain names. The legal nature of these objects is analyzed, three key collisions are identified: the operators' prohibition to transfer the account, the loss of private keys and the lack of the will of the deceased. Foreign models of regulation (USA, Germany, France, Estonia) are considered. Specific legal solutions are proposed: the institution of a digital executor, the duty of operators to provide access to heirs and notary depository of crypto keys.*
Keywords: *digital assets, inheritance, crypto wallet, account, domain name, digital executor, notary deposit, private key, inheritance law.*

Введение. Цифровая эпоха подарила человеку иллюзию бессмертия. Наши аккаунты в соцсетях, облачные хранилища, доменные имена и криптокошельки переживают нас. Но что происходит с этим имуществом после смерти физического лица? Правовая система, построенная на понятиях вещей и бумажных носителей, оказывается беспомощной перед закрытым профилем в Telegram или утерянным ключом от биткоин-кошелька. Парадокс: дорогостоящие цифровые активы могут исчезнуть навсегда, а личные фотографии – стать недоступными для близких. При этом пользователь при жизни не владеет аккаунтом в полном

смысле этого слова – он лишь получает право доступа по лицензионному договору. Смерть разрывает этот договор, и наследники остаются ни с чем. Закон молчит, суды противоречат друг другу, а IT-гиганты блокируют аккаунты умерших, ссылаясь на политику конфиденциальности. В результате наследственное право XXI века сталкивается с вызовом: либо мы признаём за цифровыми следами статус полноценного имущества и вырабатываем механизмы его перехода, либо миллиарды долларов и тонны человеческой памяти будут хоронить вместе с их владельцами. Статья посвящена поиску этих механизмов.

Прежде чем ответить на вопрос, можно ли унаследовать аккаунт или криптокошелек, право должно ответить на другой: а что это вообще такое с юридической точки зрения? Статья 1112 Гражданского кодекса РФ относит к наследству вещи, иное имущество и имущественные права. Казалось бы, криптовалюта имеет денежную оценку, домен приносит прибыль – значит, это имущество. Но не всё так просто.

Проблема в том, что большинство цифровых активов существуют не «сами по себе», а в рамках договора с провайдером – соцсетью, почтовым сервисом, регистратором доменов. Пользователь не приобретает право собственности на аккаунт. Он получает право доступа по лицензионному договору, часто с прямым запретом на передачу учётной записи третьим лицам. Смерть пользователя такой договор не предусматривает. В результате возникает коллизия: для наследников аккаунт – это имущество (там деньги, контент, аудитория), а для оператора – всего лишь услуга, оказание которой прекращается смертью заказчика.

Юристы давно предлагают различать две категории цифровых активов. Первая – имущественные: криптовалюта, доменные имена, баланс на маркетплейсе, лицензионные ключи программ. Они имеют цену, их можно оценить, продать, включить в конкурсную массу. Вторая – неимущественные: личная переписка, фотографии, посты в закрытом профиле. Здесь на первый план выходят не деньги, а память и личная тайна. Смешивать их в одном правовом режиме нельзя. Нельзя допустить, чтобы наследники получили доступ к интимной переписке под видом раздела криптокошелька, но и нельзя оставить их без возможности забрать реальные ценности.

Пока законодатель хранит молчание, правовая природа цифровых активов остаётся «серой зоной». А это значит, что каждый раз – в каждом конкретном деле – судье приходится изобретать велосипед, заново отвечая на вопрос: вещь это, право или просто услуга, умершая вместе с человеком?

Теоретические споры о природе цифрового имущества разбиваются о суровую практику, когда за дело берутся живые наследники и мёртвые договоры. Выделим три главных болевых точки, где закон молчит, а IT-гиганты говорят «нет».

Первое: наследование аккаунтов. Человек всю жизнь вёл бизнес-переписку в Gmail, хранил фото в iCloud, общался с клиентами в Telegram. После его смерти родственники приходят к оператору с нотариальным свидетельством, а им показывают пункт пользовательского соглашения: «Учётная запись не подлежит передаче третьим лицам, в том числе по наследству». Apple, Google, Meta – они не собственники, они хранители. Но хранители, которые запирают дверь на ключ и выбрасывают его вместе с умершим. В результате наследники теряют не только деньги (автоплатежи, балансы), но и доказательства по семейным или корпоративным спорам, которые могли бы защитить их интересы. Как отмечают исследователи, «цифровые активы уже должны рассматриваться как часть наследственной массы, а проблемы их наследования решаться через комбинирование классических инструментов и технических решений» [5, с. 113].

Второе: наследование криптокошельков. Здесь проблема ещё острее. Банк может выдать деньги по завещанию, но у криптовалюты нет банка. Есть только приватный ключ – длинная строка символов, которая хранится в голове или на флешке. Умер человек – ключ исчез. Кошелёк навсегда заперт. Родственники даже не узнают о его существовании, если покойный не оставил записки. Криптовалюта на миллионы долларов превращается в цифровой мусор. Закон бессилен: никто не может принудить мёртвого раскрыть пароль. Как подчёркивают Паар и Пельцль в фундаментальном труде по криптографии: «Совпадение

дайджестов подтверждает как целостность файла, так и факт владения им обладателем соответствующего закрытого ключа, поскольку только легитимный владелец мог создать корректную подпись» [4, с. 569]. Именно эта неразрывная связь между человеком и его ключом превращается в юридическую трагедию после смерти владельца – наследники не могут доказать, что они теперь «легитимные владельцы», ведь подпись умирает вместе с человеком. По оценкам аналитиков, от 2,3 до 4 миллионов биткоинов (11–20% от общего объёма) уже потеряны навсегда, и значительная доля этих потерь приходится именно на наследственные ситуации, когда ключи уходят в могилу вместе с владельцем [9].

Третье: наследование доменов. Домен – это имя в сети. Оно может стоить сотни тысяч долларов (например, бизнес-сайт с раскрученным брендом). Но кто становится его владельцем после смерти? Регистратор молчит, нотариус разводит руками, а наследники делят то, чем не могут распорядиться. Суды признают домен имуществом, но без воли наследодателя его не передать. В итоге домен уходит с молотка по цене регистрации, а бизнес рушится. В научной литературе справедливо отмечается, что «квалификация цифровых активов в качестве движимого или бестелесного имущества для целей наследования является преобладающей, хотя и не вполне адекватно отражает их специфику» [2, с. 89]. Домен – это не просто строка в реестре, это репутация, клиентская база, годами выстроенное доверие. Но классическое право упорно продолжает видеть в нём лишь «имущество», не замечая этой нематериальной ценности, которая исчезает вместе с волей умершего.

Вот три кита, на которых держится цифровая трагедия наследников: запрет оператора, потеря ключа и безволие регистратора. И каждый из них упирается в одну и ту же фундаментальную проблему: закон не успел за технологией, а технология не думала о смерти.

Пока российский законодатель хранит молчание, зарубежные правопорядки уже выработали несколько моделей решения «цифровой наследственной трагедии». Одни пошли по пути жёсткого регулирования, другие – по пути деликатного баланса между тайной умершего и правами родственников. Третьи до сих пор не определились.

Самый прогрессивный подход демонстрируют отдельные штаты США, принявшие Единый закон о доступе к цифровым активам (RUFADAA). Суть проста: наследник получает доступ к аккаунту, если сам умерший при жизни не запретил это в специальном цифровом завещании или настройках сервиса. Никаких судебных тяжб – есть воля, есть доступ, нет воли – доступ закрыт.

Германия пошла другим путём. Там Федеральный суд постановил, что аккаунт в соцсети – это часть наследства, как дневник или семейный альбом. Оператор обязан предоставить доступ наследникам, даже если пользовательское соглашение запрещает передачу. Приоритет – у семейной памяти, а не у корпоративных правил.

Франция и Эстония выбрали превентивную стратегию. Во Франции можно включить цифровые активы в завещание и назначить «цифрового душеприказчика». В Эстонии, с её электронным резидентом, криптоключи можно депонировать у нотариуса – они раскроются наследникам только после предъявления свидетельства о смерти.

Англия и большинство азиатских стран пока в растерянности. Там каждый случай решается судом индивидуально, а операторы продолжают блокировать аккаунты умерших по умолчанию. Единой модели нет.

Для наглядности сравним ключевые подходы в таблице.

Таблица 1. *Сравнительный анализ зарубежных моделей наследования цифровых активов*

№ п/п	Страна/Модель	Доступ наследника	Роль оператора	Спецзакон
	США (RUFADAA)	Да (если умерший не запретил)	Обязан предоставить доступ	Есть
	Германия	Да (аккаунт = часть наследства)	Обязан подчиниться суду	Нет (практика)

	Франция/Эстония	Да (через завещание)	Исполняет волю умершего	Частично
	Англия/Япония	Нет (блокировка по умолчанию)	Блокирует аккаунт	Нет

Проблема обозначена, зарубежный опыт изучен. Остаётся главное: что конкретно делать российскому законодателю и правоприменителю? Предложим несколько работоспособных решений, каждое из которых закрывает одну из трёх ключевых проблем.

Первое: институт «цифрового душеприказчика». Предлагаем дополнить статью 1134 Гражданского кодекса РФ положением, позволяющим завещателю назначить специальное лицо, которое после его смерти получит доступ к перечню аккаунтов, криптоключей и доменов. Душеприказчик не становится собственником – он лишь технический исполнитель, передающий активы наследникам по описи. Это решает проблему «потерянного ключа».

Второе: обязанность операторов. Необходимо законодательно обязать провайдеров цифровых услуг (соцсети, почтовые сервисы, криптобиржи, регистраторы доменов) предоставлять наследникам доступ к аккаунту при предъявлении свидетельства о праве на наследство. Пользовательские соглашения не должны пересиливать закон. Это решает проблему «запрета оператора».

Третье: нотариальное депонирование криптоключей. Внести в Основы законодательства о нотариате положение о том, что гражданин вправе передать нотариусу в запечатанном конверте закрытые ключи от криптокошельков с условием раскрытия после смерти. Нотариус вскрывает конверт только при предъявлении наследниками свидетельства о смерти и о праве на наследство. Это решает проблему «утраченного пароля».

Четвёртое: разграничение активов. Закон должен чётко разделить цифровые активы на имущественные (криптовалюта, домены, балансы) и неимущественные (личная переписка, фото). Первые наследуются в полном объёме, вторые – только с согласия умершего, выраженного при жизни. Нельзя допустить, чтобы наследники рылись в личных дневниках под видом раздела крипты.

Для наглядности сведём проблемы и решения в таблицу.

Таблица 2. *Проблемы и предлагаемые правовые решения*

№ п/п	**Проблема**	**Суть проблемы**	**Предлагаемое решение**	**Механизм реализации**
	Запрет оператора	Пользовательское соглашение запрещает передачу аккаунта	Обязанность оператора предоставлять доступ наследникам	Поправки в ГК РФ (ст. 1112, 128)
	Потеря ключа	Приватный ключ от криптокошелька умирает вместе с владельцем	Нотариальное депонирование ключей	Поправки в Основы законодательства о нотариате
	Отсутствие воли	Умерший не оставил распоряжений насчёт цифрового имущества	Институт цифрового душеприказчика	Поправки в ст. 1134 ГК РФ
	Смешение активов	Личная переписка наследуется наравне с деньгами	Разделение имущественных и неимущественных активов	Отдельный закон о цифровых активах

Заключение. Цифровая эпоха незаметно, но неумолимо изменила главное – отношение человека к своему имуществу. Мы привыкли, что дом, машина или сбережения в банке перейдут к близким после нашей смерти. Но почему-то уверенность исчезает, когда речь заходит о пароле от Telegram, биткоин-кошельке или доменном имени бизнес-сайта. А ведь за ними – не меньшие, а порой и большие ценности.

Проведённый анализ показал: российское наследственное право оказалось не готово к вызовам XXI века. Закон молчит, суды противоречат друг другу, операторы блокируют аккаунты умерших, а криптоключи уходят в могилу вместе с владельцами. Это не пробел – это провал, который ежедневно оборачивается потерянными миллионами и утраченной памятью.

Но проблема решаема. Не нужна революция – достаточно точечных поправок: институт цифрового душеприказчика, обязанность операторов открывать доступ наследникам, нотариальное депонирование криптоключей. Зарубежный опыт подсказывает работающие модели. Осталось лишь одно – политическая воля законодателя.

Пока же единственным надёжным инструментом остаётся предусмотрительность самого человека: составить список аккаунтов, записать пароли, оставить доверенность. Потому что в цифровом мире никто не придёт на помощь, если ты сам не открыл дверь. И это, пожалуй, главный урок цифровой эпохи: готовь цифровое завещание при жизни.

Список источников

1. Высочкина А.А., Сапрыкина Т.Д. Наследование цифровых активов в международном частном праве: проблемы квалификации и определения применимого права // Молодой ученый. 2025. № 43 (594). – С. 88–90. 2.
2. Paar C., Pelzl J. Understanding Cryptography: A Textbook for Students and Practitioners. – Berlin: Springer, 2009. – 372 p. 1–4.
3. Борлаков У.Ш. Исторические основы и тенденции развития института наследования // Молодой ученый. 2026. № 7 (610). – С. 112–113. 5.
4. Gogo J. How a $68T Wealth Transfer Could Expose Bitcoin's Inheritance Crisis // Yahoo Finance / Cryptonews. 2025. 30 сентября.
5. Вавилин Е.В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. – С. 147–158.
6. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правообъектности // Закон. 2017. № 5. – С. 157–170.

УДК 004.8:347.56

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ АВТОНОМНЫМ ИИ

Алиева М.В.,
ассистент кафедры «Программирование и инфокоммуникационные технологии»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Абазатов А.М.,
студент 2 курса направления «Инфокоммуникационные технологии и системы связи»
Института математики, физики и информационных технологий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена проблеме юридической ответственности за вред, причиненный автономным искусственным интеллектом. Анализируется кризис классических моделей ответственности (владельца, разработчика, смешанной), бессильных перед «черным ящиком» самообучающихся алгоритмов. Пострадавший от действий ИИ сегодня нередко остается без защиты. Рассматриваются новые доктринальные подходы: страхование рисков, компенсационный фонд и ответственность за непрозрачность. Обосновывается необходимость комбинированной модели, обеспечивающей баланс между технологическим прогрессом и справедливостью для человека.*
Ключевые слова: *искусственный интеллект, юридическая ответственность, автономность, причинение вреда, «черный ящик», страхование рисков, непрозрачность алгоритма.*

LEGAL LIABILITY FOR HARM CAUSED BY AUTONOMOUS AI

Aliyeva M.V.,
Assistant of the Department of Programming and Information and Communication Technologies
Kadyrov Chechen State University
Abazatov A.M.,
2nd year student, Department of Information and Communication Technologies and Communication Systems, Institute of Mathematics, Physics and Information Technologies,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *This article examines the issue of legal liability for harm caused by autonomous artificial intelligence. It analyzes the crisis of classical liability models (owner, developer, and mixed), which are powerless against the "black box" of self-learning algorithms. Those harmed by AI are often left without protection. New doctrinal approaches are considered: risk insurance, compensation funds, and liability for opacity. The need for a combined model that ensures a balance between technological progress and human justice is substantiated.*
Keywords: *artificial intelligence, legal liability, autonomy, harm, "black box," risk insurance, algorithm opacity.*

Актуальность темы юридической ответственности за вред, причиненный автономным искусственным интеллектом, продиктована стремительным вторжением алгоритмических систем в повседневную жизнь человека. Еще десятилетие назад вопрос об ответственности робота казался сугубо футурологической гипотезой, достоянием фантастов. Сегодня же беспилотный автомобиль, сбивший пешехода, или диагностический ИИ, допустивший фатальную врачебную ошибку, – это реальные кейсы, требующие немедленного правового разрешения. Однако классические институты гражданского права, столетиями выстраивавшиеся вокруг антропоцентричной модели поведения (субъект – вина – причинная

связь – ответственность), оказались бессильны перед «черным ящиком» самообучающегося алгоритма.

Парадокс заключается в том, что чем совершеннее и автономнее становится ИИ, тем сложнее ответить на простые, с человеческой точки зрения, вопросы: кто именно – владелец, разработчик или сама машина – причинил вред и кто должен нести бремя его компенсации? Традиционные конструкции источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) или ответственности за недостатки товара (ст. 1095 ГК РФ) неизбежно наталкиваются на проблему непредсказуемости самообучения. Юрист сегодня вынужден не просто применять нормы, но заглядывать в «технологическую бездну», понимая, что за каждым спором о вреде от ИИ стоит реальная человеческая судьба – травмированный пассажир, разорившийся предприниматель или пациент, которому алгоритм предписал неверное лечение. В этой связи целью настоящей работы является поиск баланса между технологическим прогрессом и справедливым распределением рисков, что предполагает критический анализ существующих моделей ответственности и обоснование предложений по их трансформации для цифровой эпохи.

Классическая конструкция юридической ответственности зиждется на двух незыблемых, казалось бы, основаниях: наличие субъекта, способного нести права и обязанности, и его вины как психического отношения к содеянному. Однако вторжение автономного искусственного интеллекта в ткань общественных отношений обнажает фундаментальный кризис этих антропоцентричных категорий. Человек, взаимодействуя с умным устройством, оказывается в парадоксальной ситуации: вред причинен, но формальный субъект ответственности отсутствует, а классическое понятие вины растворяется в «черном ящике» самообучающихся алгоритмов.

Дискуссия о правосубъектности ИИ расколола научное сообщество. С одной стороны, выдвигаются смелые предложения о признании наиболее совершенных автономных роботов «электронными лицами» (electronic persons). Эта идея, озвученная в резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2017 г., предполагает наделение роботов ограниченной правоспособностью для возложения ответственности за причиненный вред. В российской доктрине П.М. Морхат активно разрабатывает концепт «юнита искусственного интеллекта» как особого субъекта, отмечая, что «электронное лицо представляет собой гражданско-правовую фикцию, позволяющую рассматривать ИИ в качестве ограниченно правосубъектного лица» [3, с. 22].

С другой стороны, значительная часть исследователей, включая С.В. Зыкова, категорически против такого подхода. Указывается, что приписывание ИИ статуса субъекта есть опасная фикция: ИИ лишен физической сущности и собственной воли, а любые правовые последствия его деятельности так или иначе должны возлагаться на физических или юридических лиц. Как справедливо подчеркивает Зыков: «Предлагаемая некоторыми авторами идея «электронного лица» не более чем метафора, за которой не стоит ни физической субстанции, ни возможности нести самостоятельную имущественную ответственность» [1, с. 135]. З.И. Хисамова и И.Р. Бегишев предлагают компромиссный вариант – наделение ИИ ограниченной правосубъектностью с помощью юридической фикции, что позволило бы применять к нему меры ответственности, не отождествляя с человеком. В их совместной работе утверждается: «Природа искусственного интеллекта не позволяет признать его полноценным субъектом права, однако для целей возмещения вреда допустимо использование юридической фикции ограниченной правосубъектности» [4, с. 100].

Но даже признав ИИ субъектом, юридическая наука сталкивается с проблемой вины. Вменять психическое отношение к действию машине, лишенной сознания и воли, абсурдно. В проекте «Закона о робототехнике» Д.С. Гришина предлагается возлагать ответственность на собственника как на владельца источника повышенной опасности, предоставляя ему регресс к разработчику при доказанности дефекта ПО. Однако этот механизм работает лишь до тех пор, пока действие ИИ было предсказуемо. В случае же самообучения, когда алгоритм принял решение, которое не мог предвидеть ни программист, ни владелец, причинно-следственная связь разрывается, и понятие «вины» требует кардинального переосмысления или замены

категорией «риска автономности». Как отмечает П.М. Морхат в другой своей работе, «внедрение систем искусственного интеллекта требует перехода от концепции вины к концепции распределения технологических рисков, где страхование выступает основным механизмом компенсации вреда» [2, с. 30].

Юридическая практика, столкнувшись с вредом от автономного ИИ, оказалась в положении человека, который пытается вставить квадратный колышек в круглое отверстие. Классические модели ответственности, отточенные для мира, где действие всегда совершает человек, с трудом, а порой и вовсе не способны охватить ситуацию, где «действовал» самообучающийся алгоритм. В настоящее время можно выделить три основные модели, каждая из которых имеет свои достоинства, но одновременно оставляет за скобками человеческое стремление к справедливости.

Модель ответственности владельца (оператора) базируется на аналогии с источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Здесь всё просто и привычно: владелец беспилотного автомобиля или робота-курьера отвечает за причиненный вред независимо от вины, а затем, если докажет, что вред возник из-за дефекта ПО, может предъявить регресс разработчику. Для потерпевшего это благо – есть конкретный человек (или компания) с кошельком, который компенсирует ущерб. Однако именно здесь кроется первая несправедливость: владелец зачастую не может повлиять на «решения» самообучающегося ИИ. Он становится заложником машины, которую купил, но не контролирует.

Модель ответственности разработчика переносит фокус на создателя ИИ. Логика железная: кто создал алгоритм, тот и отвечает за его последствия. Но жизнь сложнее абстракций. Разработчик не в состоянии предвидеть всё, чему научится ИИ в процессе автономного взаимодействия со средой. Наказать его за то, что он сам не закладывал и не мог заложить, – значит наказывать за незнание будущего, что противоречит самим основам вины как психического отношения.

Смешанная модель предлагает распределять ответственность пропорционально «доле вины» между владельцем и разработчиком. Звучит разумно, но на практике упирается в непознаваемость «черного ящика». Кто и как определит, где закончился дефект кода и началась автономная «ошибка» алгоритма? Судья, как рядовой человек, оказывается перед технологической бездной.

Ниже представлены сравнительная таблица моделей и диаграмма, отражающая их практическую применимость в зависимости от уровня автономности ИИ.

Таблица 1. *Сравнительный анализ моделей ответственности за вред, причиненный ИИ*

Модель ответственности	**На кого возлагается**	**Основание**	**Главная несправедливость**
Владельца (оператора)	Владелец робота / беспилотника	Источник повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ)	Отвечает за то, что не контролирует (самообучение)
Разработчика	Создатель алгоритма / производитель	Дефект ПО или конструкции	Невозможно предвидеть все сценарии самообучения
Смешанная (долевая)	Владелец + разработчик (в долях)	Степень причинной связи действий каждого	Невозможно определить «долю вины» алгоритма

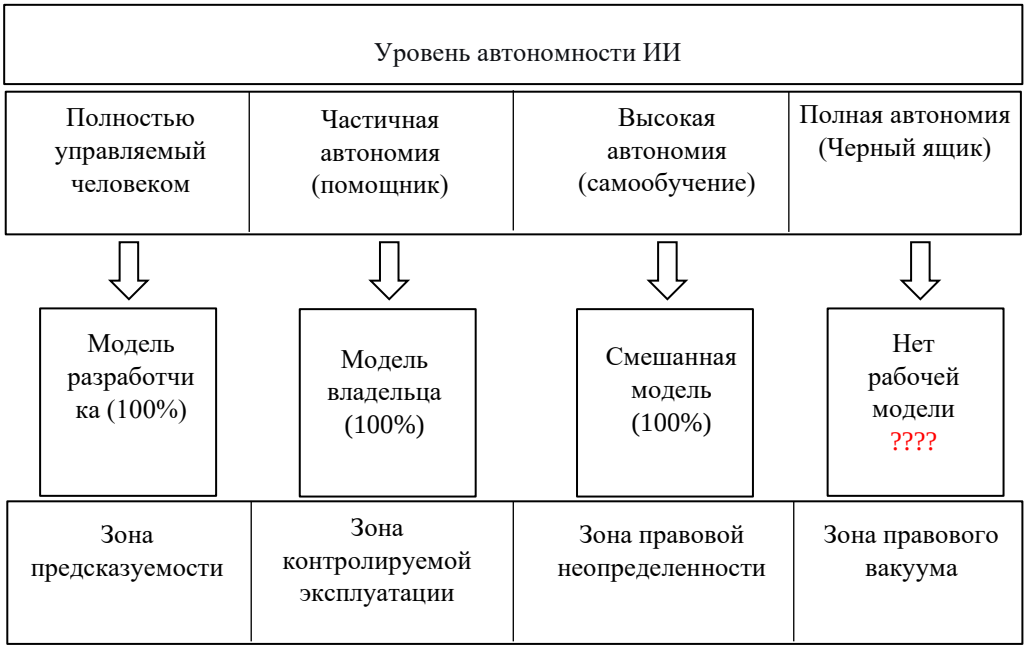

Рис. 1. *Применимость моделей ответственности в зависимости от уровня автономности ИИ*

Как видно из таблицы и диаграммы, ни одна из рассмотренных моделей не способна в полной мере «очеловечить» ответственность – то есть обеспечить одновременно и защиту потерпевшего, и справедливое наказание (распределение рисков) для тех, кто действительно мог повлиять на причинение вреда. Наиболее уязвимой зоной оказывается высокая автономность, где алгоритм ускользает и от контроля владельца, и от предвидения разработчика, оставляя потерпевшего один на один с технологией, а юриста – с правовым вакуумом.

Осознание неспособности классических моделей ответственности справиться с вызовами автономного ИИ породило в юридической науке предложения, призванные смягчить правовую неопределенность. Эти подходы объединяет стремление не оставить потерпевшего человека одного перед технологией, но и не разрушить стимулы к инновациям. Выделяются три доктринальных направления.

Первое – страхование рисков автономного ИИ. Владелец обязан застраховать ответственность по аналогии с ОСАГО. Потерпевший получает компенсацию быстро, не доказывая вины. Слабость: модель не работает, когда у ИИ нет конкретного владельца.

Второе – создание компенсационного фонда за счет обязательных отчислений разработчиков. Когда виновный не установлен («черный ящик»), потерпевший обращается в фонд. Это цивилизационный ответ на технологическую неопределенность, но фонд не создает достаточного стимула для производства безопасных ИИ.

Третье – ответственность за непрозрачность. Если владелец или разработчик не могут предоставить суду понятное объяснение решения алгоритма, они отвечают солидарно. Непрозрачность сама по себе становится основанием ответственности, стимулируя создание «человекочитаемого» аудита. Риск подхода – возможное подавление инноваций из-за удорожания вывода на рынок сложных автономных систем.

Предложенные подходы не являются взаимоисключающими. Напротив, их разумная комбинация способна сформировать сбалансированную экосистему. Видится оптимальной следующая архитектура: обязательное страхование для всех владельцев ИИ как первый слой защиты потерпевшего; компенсационный фонд как второй слой для случаев, когда страхование не покрыло вред или владелец неизвестен; и, наконец, презумпция ответственности за непрозрачность как механизм, переключающий бремя доказывания на профессионалов, которые лучше всех могут объяснить, почему их алгоритм поступил именно

так. Такая трехслойная конструкция не оставляет потерпевшего один на один с «черным ящиком», но и не возлагает на разработчиков заведомо невозможных обязанностей.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что юридическая ответственность за вред, причиненный автономным искусственным интеллектом, находится сегодня в точке бифуркации. Классические модели, веками служившие человеку инструментом справедливости, оказались бессильны перед «черным ящиком» самообучающегося алгоритма. Ответственность владельца, разработчика или их долевая ответственность – каждая из этих конструкций оставляет за скобками главное: реального человека, пострадавшего от технологии, которую никто не контролировал в момент причинения вреда.

Наиболее уязвимой зоной признана высокая автономность ИИ, где причинно-следственная связь разрывается, а понятие вины утрачивает свое традиционное содержание. Предложенные доктриной новые подходы – страхование, компенсационный фонд и ответственность за непрозрачность – не являются панацеей, но их разумная комбинация способна сформировать тот минимальный щит, который общество обязано предоставить человеку перед лицом технологической неизвестности.

Конечная цель любых законодательных изменений в этой сфере остается неизменной: даже самый совершенный алгоритм не должен оставлять человека без защиты и без ответа на вопрос «Кто заплатит за причиненное страдание?». Ответ на этот вопрос – главный вызов юридической науке XXI века.

Список источников

1. Зыков С.В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 2. – С. 131–139.
2. Морхат П.М. Система страхования за ущерб, причиненный действиями искусственного интеллекта: гражданско-правовой аспект // КОПИРАЙТ: Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2018. № 4. – С. 25–37.
3. Морхат П.М. Юридическое лицо и электронное лицо в гражданском праве: концепт соотносимости // КОПИРАЙТ: Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2019. № 1. – С. 16–28.
4. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. The Nature of Artificial Intelligence and the Problem of Legal Personality Determination // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2020. – P. 96–106.
5. Вавилин Е.В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. – С. 147–158.
6. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правообъектности // Закон. 2017. № 5. – С. 157–170.

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ

Алиева С.Г.,
магистрант 1 курса кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Муртазалиева Х.Х.,
магистрант 2 курса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Умарова А.А.,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Вопросы управления многоквартирным домом в истории нашего государства (начиная с дореволюционного периода) всегда оставались актуальными. На современном этапе развития законодательства в данной отрасли принято огромное количество законодательных и подзаконных актов, регулирующих вопросы управления многоквартирным домом, однако всех проблем решить пока не удается. Именно о проблемах управления многоквартирным домом на разных этапах развития нашего государства (в том числе на современном этапе) пойдет речь в настоящей научной статье.*
Ключевые слова: *законодательство, жилищное законодательство, многоквартирный дом, управление многоквартирным домом, история развития законодательства.*

PROBLEMS OF MANAGING AN APARTMENT BUILDING

Aliyeva S.G.,
1st year Master's student
Kadyrov Chechen State University
Murtazalieva Kh.Kh.,
2nd year Master's student
Kadyrov Chechen State University
Umarova A.A.,
Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *Multi-apartment building management issues have always been relevant throughout the history of our country (starting from the pre-revolutionary period). At the current stage of legislative development, a vast number of legislative and bylaws have been adopted regulating multi-apartment building management issues, but not all the problems have been resolved. This research article will discuss the challenges of multi-apartment building management at various stages of our country's development (including the present).*
Keywords: *legislation, housing legislation, apartment building, management of apartment building, history of legislative development.*

История советской модели управления многоквартирными домами начинается с первых послереволюционных десятилетий XX века. Фактически управление имуществом, в том числе и многоквартирными домами, стало обязанностью государства. Статьей 12 Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 года «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» было определено, что доход от недвижимости поступает в местный городской жилищный фонд, назначаемый на ремонт строений, на возведение зданий, на проведение улиц и т.д.

Для осуществления ремонта в муниципализированных домах государством привлекались и жильцы домов. 18 июля 1921 года был принят декрет «О привлечении населения к ремонту водопровода, канализации, газового и центрального отопления в муниципализированных домах». Прежде всего издание декрета было вызвано затруднением со стороны коммунальных отделов произвести ремонт домовых установок из-за недостатка материалов и рабочей силы. Декрет предоставлял право осуществлять ремонт силами и средствами жильцов или домовых управлений пропорционально занимаемой площади, с последующей компенсацией коммунальным отделом понесенных расходов. При этом за самостоятельный ремонт декрет предусматривал стимулирующие меры, как запрет на выселение в течение трех лет с момента производства ремонта.

Продуктивная деятельность по управлению многоквартирными домами – важная составляющая надлежащего функционирования всей жилищной сферы. Разнородность и многоукладность возникающих в этом секторе отношений требуют особого подхода в процессе их правового регулирования. Поэтапное развитие жилищной отрасли повлекло необходимость переработки и модернизации сопровождающей ее нормативной базы [3].

Законодательно урегулированный порядок на практике сложно реализуем при проведении первого собрания по ряду причин, либо само собрание будет растянуто по времени на длительный срок. Во-первых, инициатору собрания неизвестен полный перечень собственников, которых он должен уведомить. Направление заказных писем по адресу квартир в доме бессмысленно, т. к. в доме проживающие лица отсутствуют и письма не дойдут до адресата. Адреса реального проживания собственников инициатору также неизвестны. По этой же причине не имеет смысла вручать эти уведомления под роспись или размещать сообщения о проведении собрания в подъездах многоквартирного дома.

Размещение объявления о проведении собрания в общедоступных местах формально позволяет соблюсти требования законодательства о надлежащем уведомлении собственников во избежание последующих исков о признании проведенного собрания незаконным. Однако, когда цель собрания – получение результата, а не сам факт его проведения, не проживающие в доме собственники, коих в первое время подавляющее большинство, не будут знать о факте проведения собрания и принять в нем участие.

Современное развитие информационных технологий позволяет совершенствовать систему управления многоквартирным домом, в том числе с технической и юридической точек зрения допускается проведение заочных собраний в электронном виде. В этом случае инициатор собрания размещает уведомление о проведении собрания в информационной системе, собственники получают соответствующее уведомление и возможность участия в голосовании в формате онлайн-голосования. Однако, казалось бы, очень удобная система также далека от идеала и непригодна для первичного собрания, что связано с техническими особенностями системы. Для получения уведомления и участия в онлайн-голосовании собственник должен иметь официальное право собственности на имущество, которое он может оформить после кадастровой регистрации многоквартирного дома. Вместе с тем, на практике бывают ситуации, когда кадастровая регистрация осуществляется существенно позже ввода многоквартирного дома в эксплуатацию, например, через 10 месяцев. Все это время фактический собственник, принявший квартиру в новостройке по акту приема-передачи, не имеет возможности зарегистрировать право собственности, а следовательно система онлайн-голосования для него недоступна.

Также следует отметить, что распространенная в Европе и США концепция управления домами в том виде, что управляющая компания осуществляет менеджерские функции и занимается именно вопросами управления, а не проведения различных работ по дому, не получила должного распространения в России. Рынок управления многоквартирными домами достаточно монополизирован и, как правило, состоит из существовавших в советский период ЖЭК, ЖЭУ, РЭУ, сменивших наименование и организационно-правовую форму. Зачастую управляющие компании совмещают в себе функции управления и обслуживания многоквартирного дома, многие работы осуществляются штатными сотрудниками

управляющих компаний, за исключением сложных технических вопросов и настройки оборудования без имеющихся соответствующих специалистов. Как правило, это не приводит к экономии средств собственников на содержание жилья. В практике встречались случаи, когда привлечение сторонних организаций с экономической точки зрения обходилось дешевле использования труда сотрудников управляющих организаций. Тогда как привлечение сторонних организаций в условиях конкурентной среды способствует сбережению средств собственников, управляющие компании в этом абсолютно не заинтересованы.

Отдельно следует отметить проблемы взаимодействия управляющей компании и собственников дома, а также абсолютную непрозрачность производимых расходов на содержание жилья. Законодательством установлено, что процесс выполнения работ по содержанию жилья документируется актами выполненных работ, подписанных председателем совета дома. Акты выполненных работ входят в состав технической документации дома и обязательны для оформления. Вместе с тем, казалось бы, юридически регламентированный вопрос на практике сложно реализуем для обеих сторон.

При этом следует отметить, что отсутствие лица, наделенного полномочиями на подписание актов выполненных работ, не снимает обязанности с управляющей компании по оформлению таких актов, поскольку они относятся к технической документации дома, а их оформление – прямая обязанность управляющей организации. В отсутствие уполномоченных лиц акт должен составляться с участием управляющей компании и второй стороны договорных правоотношений, коими в данном случае являются все собственники. И в таком случае это становится проблемой для управляющей компании, ведь собрать подписи всех собственников, в том числе и не проживающих в доме, практически нереально. На практике недобросовестные управляющие компании данное требование законодательства просто игнорируют.

Также в качестве важнейшей проблемы стоит определить цену договора. Цена как особо значимое условие любого, и в первую очередь потребительского, договора, безусловно, требует четкой, последовательной и детальной регламентации. Ведущую роль при ее определении играет всеобъемлющая и структурированная характеристика предмета договора [2].

Очередной проблемой является надлежащее предоставление собственникам годовых отчетов управления многоквартирным домом. По своей сути он содержит в себе все суммы поступлений на содержание жилья и отражает произведенные за год управляющей компанией расходы. Соответственно, произведенные расходы должны основываться на актах выполненных работ, утвержденных председателем или иным уполномоченным лицом. В случае отсутствия таких актов отчет не несет в себе объективной информации для собственников, расходы в целях максимизации прибыли управляющей компании завышаются. С одной стороны, это может не иметь принципиального значения для собственников: сэкономленные средства по итогам года становятся прибылью управляющей организации. Но, с другой стороны, собственники имеют право принять решение о сохранении сэкономленных средств на балансе дома, и подобная фальсификация уже является предпосылкой к нанесению прямого ущерба и уголовному преступлению.

Органами государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливаются обязательные для исполнения перечни мероприятий по энергосбережению. Вместе с тем, в нарушение Конституции, соответствующие мероприятия не проводятся либо их проведение носит формальный характер. Согласно 261-ФЗ, управляющая компания обязана ежегодно доводить до собственников перечень проводимых мероприятий. При этом многие компании зачастую нарушают эти требования либо исполняют их формально, размещая такой перечень не в общедоступных для ознакомления местах, а на сайте организации. При этом сам перечень носит формальный характер, ограничиваясь лишь обязательными мероприятиями и не включает в себя те мероприятия, которые не включены в перечень обязательных, но при этом могли бы способствовать снижению потребления энергоресурсов, а следовательно, снизить затраты собственников на содержание жилья. На практике существуют случаи, когда

недобросовестные управляющие организации отказывают в проведении обязательных мероприятий, ссылаясь на необходимость организации собрания собственников и принятия соответствующего решения. При этом сами такое собрание, при имеющихся полномочиях, не инициируют и не проводят, фактически игнорируя требования законодательства.

Формализм управляющих компаний при формировании предложений о проведении мероприятий по энергосбережению в многоквартирном доме и низкое качество обслуживания дома не позволяют конструктивно подходить к таким мероприятиям и в то же время игнорировать те мероприятия, которые законодательными органами субъектов РФ не определены как обязательные. В качестве примера можно привести ситуацию с регулированием индивидуальных тепловых пунктов. Стандарты современного строительства предусматривают, что новые многоквартирные дома оборудуются индивидуальными тепловыми пунктами (ИТП) для качественного оказания услуг отопления и горячего водоснабжения. Ресурсоснабжающие организации поставляют в многоквартирный дом тепловую энергию, посредством которой через ИТП осуществляется нагрев холодной воды для оказания услуг горячего водоснабжения и теплоноситель для услуг отопления. При этом существует возможность регулирования параметров индивидуального теплового пункта и температуры теплоносителя в системе отопления. Зачастую установленные по умолчанию параметры завышены, в связи с чем происходит существенный перерасход тепловой энергии. В новых домах с высоким классом энергоэффективности такая температура теплоносителя избыточна. Вместе с тем управляющие компании не рассматривают изменение параметров индивидуального теплового пункта как реальное и осуществимое мероприятие по энергосбережению, нанося жителям дома материальный ущерб и не неся при этом никакой ответственности.

Отдельно стоит отметить и проблемы определения исполнителя коммунальных услуг при наличии в доме индивидуального теплового пункта, которые в связи с возникающими спорными вопросами с точки зрения права имеют необходимость регламентирования [4]. Согласно действующему законодательству собственники могут решить вопрос о переходе на прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями, при этом ресурсоснабжающие организации становятся исполнителями коммунальных услуг. Однако при наличии в доме индивидуального теплового пункта поставщик тепловой энергии не может оказывать услуги горячего водоснабжения, он лишь поставляет в дом тепловую энергию. По аналогичному принципу оказывается услуга отопления: теплоноситель не поставляется в дом, а нагревается непосредственно в доме на индивидуальном тепловом пункте. Возникает спор о том, кто является исполнителем коммунальной услуги отопления и горячего водоснабжения и к кому предъявлять претензии на их качество. Логично предположить, что исполнителем в таких случаях является управляющая организация, в противном случае оказание коммунальных услуг ресурсоснабжающей организацией с использованием общедомового имущества (индивидуального теплового пункта) без соответствующего решения было бы неправомерным.

Также не до конца урегулирован вопрос оплаты горячего водоснабжения в домах с индивидуальными тепловыми пунктами. До настоящего времени существуют спорные моменты: являются ли в таких домах услуги отопления и горячего водоснабжения самостоятельного производства или нет. Имеющаяся судебная практика склоняется к самостоятельности производства таких коммунальных услуг. Вместе с тем в практике среди органов жилищного надзора и прокуратуры бытует мнение о том, что самостоятельное приготовление услуги в таких домах отсутствует.

В завершение исследования в рамках настоящей научной статьи следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует понятие «деятельность по управлению многоквартирным домом» [1]. Таким образом, законодательное закрепление данного понятия могло бы решить значительное количество проблем, возникающих при управлении многоквартирным домом.

Список источников

1. Ворошилов И.И. Проблема определения понятия «деятельность по управлению многоквартирными домами» // Хозяйство и право. 2025. № 11. – С. 3–15.
2. Крюкова Е.С. Проблемы определения цены в договоре управления многоквартирным домом // Гражданское право. 2021. № 6. – С. 32–35.
3. Крюкова Е.С. Проблемы заключения и расторжения договора управления многоквартирным домом // Гражданское право. 2024. № 1. – С. 42–45.
4. Степанян А.С. Особенности управления многоквартирным домом: проблемы защиты прав собственников // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 10. – С. 45–48.

УДК 349.2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ОТ ФОРМАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ К РЕАЛЬНОМУ ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЗАКОННОСТИ

Алхастова М.В.,
преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
Буев Ю.А.,
магистрант кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена критическому анализу деятельности органов прокуратуры по защите трудовых прав граждан. Автор рассматривает специфику прокурорского реагирования на латентные нарушения в сфере оплаты труда, анализирует проблему подмены полномочий государственной инспекции труда и предлагает пути совершенствования надзора через внедрение системы предиктивного мониторинга рисков. В работе акцентируется внимание на защите прав социально уязвимых категорий работников и ответственности работодателей за уклонение от исполнения законных требований прокурора.*
Ключевые слова: *прокурорский надзор, трудовые права, оплата труда, прокурорское реагирование, государственная инспекция труда, социальная защита, судебный иск прокурора.*

CURRENT ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE OBSERVANCE OF CITIZENS' LABOR RIGHTS: FROM FORMAL VERIFICATION TO THE ACTUAL RESTORATION OF LEGALITY

Alkhastova M.V.,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University
Buev Y.A.,
Master's Student of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to a critical analysis of the activities of the prosecutor's office to protect the labor rights of citizens. The author examines the specifics of the prosecutor's response to latent wage violations, analyzes the problem of substitution of the powers of the state labor inspectorate and suggests ways to improve supervision through the introduction of a predictive risk monitoring system. The work focuses on the protection of the rights of socially vulnerable categories of workers and the responsibility of employers for evading the legitimate demands of the prosecutor.*
Keywords: *prosecutorial supervision, labor rights, remuneration, prosecutorial response, state labor inspectorate, social protection, prosecutor's lawsuit.*

Вопрос обеспечения трудовых прав граждан в современной России давно перестал быть узкоотраслевым и приобрел характер базового элемента национальной безопасности. В условиях турбулентности экономики и изменения форм занятости прокурорский надзор в этой сфере выступает как наиболее оперативный и, что немаловажно для населения, бесплатный механизм правовой защиты. Однако за внешней эффективностью статистики скрывается ряд глубоких методологических проблем.

Основной вызов для современного прокурора – латентность нарушений. Сегодня работодатель редко идет на открытый конфликт с законом; нарушения мигрируют в «серую» зону: подмена трудовых отношений гражданско-правовыми (ГПХ), использование «самозанятости» как инструмента ухода от налогов и социальных гарантий, манипуляции с премиальной частью заработка. Прокурорский надзор, традиционно опирающийся на документарную проверку, часто оказывается бессилен перед такими схемами. Как отмечает В. Г. Бессарабов, «надзор в социальной сфере не должен превращаться в простое сопоставление цифр в ведомостях; он обязан вскрывать реальные механизмы ущемления прав работника, скрытые за юридическими фикциями» [1, с. 156].

Ключевой дискуссионный вопрос – пределы вмешательства прокуратуры. Ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ» прямо запрещает подмену иных государственных органов. На практике же Государственная инспекция труда (ГИТ) часто не обладает достаточным ресурсом или «политическим весом» для воздействия на крупных недобросовестных работодателей. В таких случаях граждане идут не в инспекцию, а сразу «на прием к прокурору».

Здесь возникает тактическая ловушка. Если прокурор берет на себя функции ГИТ, он перегружает систему рутинными проверками, отвлекаясь от системного надзора. С другой стороны, формальная пересылка жалобы в инспекцию часто приводит к «отпискам». Представляется, что прокурорский фильтр должен срабатывать именно там, где профильный орган контроля проявил пассивность. Ю.Е. Винокуров в своих исследованиях подчеркивает, что надзор за исполнением законов в социальной сфере – это прежде всего надзор за тем, как работают сами контролирующие органы, а не прямая подмена их функций [2, с. 210].

Невыплата зарплаты – «классика» прокурорского надзора, но и здесь тактика требует перемен. Традиционное внесение представления часто не дает мгновенного результата на предприятиях-банкротах. В таких ситуациях прокурор обязан действовать наступательно, используя весь арсенал: от возбуждения административных производств по ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ до инициирования уголовного преследования по ст. 145.1 УК РФ.

Важным инструментом является обращение прокурора в суд в порядке ст. 45 ГПК РФ. Особенность здесь в том, что прокурор может подать иск в интересах работника без его личного заявления, если речь идет о социально незащищенных слоях или массовых нарушениях. Как указывает А.Я. Сухарев, «судебная защита со стороны прокурора – это высшая форма реализации его правозащитной функции, позволяющая не просто констатировать факт нарушения, а принудительно восстановить право через механизмы исполнительного производства» [3, с. 142].

Современный рынок диктует новые условия: дистанционная работа, платформенная занятость (курьеры, таксисты). Здесь прокурорский надзор сталкивается с отсутствием четкой нормативной базы. Как проверить соблюдение режима труда и отдыха «удаленщика»? Как доказать факт трудовых отношений, если всё общение происходило в мессенджере?

Прокурорская практика должна адаптироваться к «цифровым следам». Скриншоты переписки, данные геолокации, логи в корпоративных системах – всё это должно становиться объектом надзорной проверки. В.Б. Ястребов отмечает, что «консервативность надзорных методик – главный враг законности в цифровую эпоху; прокурор обязан владеть методами IT-аудита не хуже специалиста-техника» [4, с. 112].

Особое место в общем надзоре занимает квотирование рабочих мест. Зачастую предприятия создают вакансии для инвалидов лишь «на бумаге», предлагая условия, заведомо непригодные для работы. Прокурорский надзор здесь должен носить выездной характер. Недостаточно проверить отчет в Центр занятости – нужно лично убедиться в наличии оборудованного рабочего места и доступной среды.

Аналогично обстоит ситуация с защитой прав молодежи. Трудовая эксплуатация несовершеннолетних в каникулярный период – зона повышенного внимания. Бездействие органов опеки и попечительства при согласовании трудовых договоров с подростками должно получать жесткую оценку прокурора. С.А. Шейфер справедливо утверждал, что «степень

цивилизованности правовой системы определяется тем, как она защищает тех, кто не может защитить себя сам» [5, с. 210].

Для того чтобы надзор перестал быть «догоняющим», необходимо развивать систему риск-ориентированного подхода. Прокуратура должна использовать данные налоговых органов (о резком снижении отчислений НДФЛ) и банков (о задержках платежей) для превентивных проверок еще до того, как люди выйдут на митинги или начнут массово жаловаться.

Координация деятельности всех контролирующих органов под эгидой прокуратуры – это единственный путь к системному оздоровлению рынка труда. А.Д. Бойков указывал, что статус прокурора как «координатора» позволяет ему видеть общую картину нарушений в регионе и направлять усилия силовых и контролирующих структур в наиболее проблемные точки [6, с. 112].

Защита права собственности и иных вещных прав является фундаментальным условием правового государства. Современная правоприменительная практика демонстрирует необходимость совершенствования существующих инструментов защиты [7, с. 201–209].

Подводя итог, следует отметить, что прокурорский надзор в социальной сфере – это не застывшая форма, а живой процесс, требующий постоянной тактической гибкости. Отказ от формализма, переход к анализу реальных трудовых отношений и активное использование судебной защиты – вот те векторы, которые позволят прокуратуре оставаться эффективным гарантом трудовых прав граждан. Право на труд и его справедливую оплату – это фундамент человеческого достоинства, и прокурор в этом процессе – главный защитник.

Список источников

1. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник для вузов. – М.: Юристъ, 2019. – 464 с.
2. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник. – М.: Изд-во «Юрайт», 2021. – 510 с.
3. Сухарев А.Я. Российская прокуратура: история и современность. – М.: Юрист, 2005. – 312 с.
4. Ястребов В.Б. Учебник прокурорского надзора. – М.: Изд-во «Городец», 2011. – 448 с.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. – М.: Норма, 2009. – 240 с.
6. Бойков А.Д. Статус прокурора в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 256 с.
7. Скворцова Т.А., Працко Г.С., Ярычев Н.У. Теоретико-правовой анализ механизмов защиты права собственности и иных вещных прав // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 201–209.

УДК 347.9

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТАКТИКА ЗАЩИТЫ БИЗНЕСА ОТ НЕОБОСНОВАННОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Алхастова М.В.,
преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
Буев Ю.А.,
магистрант кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье подвергнут критическому разбору функционал органов прокуратуры по пресечению фактов незаконного использования уголовно-процессуальных инструментов в целях давления на субъектов предпринимательства. Автор деконструирует проблему «силового прессинга», анализирует тактические ошибки прокуроров при проверке законности возбуждения дел по экономическим составам и предлагает алгоритмы усиления надзорного фильтра на стадии досудебного производства.*
Ключевые слова: *прокурорский надзор, защита предпринимательства, уголовное преследование, бизнес, законность, экономические преступления, процессуальный фильтр.*

PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE LEGALITY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES' INTERFERENCE IN BUSINESS ACTIVITIES: TACTICS TO PROTECT BUSINESSES FROM UNJUSTIFIED CRIMINAL PROSECUTION

Alkhastova M.V.,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University
Buev Y.A.,
Master's Student of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article critically examines the functionality of the prosecutor's office to curb the illegal use of criminal procedural tools in order to put pressure on business entities. The author deconstructs the problem of «forceful pressure», analyzes the tactical mistakes of prosecutors when checking the legality of initiating cases based on economic composition, and suggests algorithms for strengthening the supervisory filter at the stage of pre-trial proceedings.*
Keywords: *prosecutorial supervision, protection of entrepreneurship, criminal prosecution, business, legality, economic crimes, procedural filter.*

Проблема необоснованного вовлечения предпринимателей в орбиту уголовного судопроизводства остается одной из наиболее деструктивных характеристик современной правоприменительной практики. Несмотря на многочисленные декларации о необходимости «гуманизации» уголовного законодательства в экономической сфере, на местах мы по-прежнему фиксируем случаи использования следственного аппарата как инструмента в гражданско-правовых спорах. В этой конфигурации прокурорский надзор обязан выступать не пассивным наблюдателем, а жестким процессуальным барьером, отсекающим попытки криминализации обычных коммерческих рисков.

Однако гносеологическая природа современного надзора за следствием в РФ ограничена его «реактивным» характером. Прокурор зачастую узнает о возбуждении дела по

ст. 159 (мошенничество) или ст. 160 УК РФ постфактум, когда на предприятии уже проведены изъятия документации и серверов, что фактически парализует бизнес. Как справедливо подчеркивает В.Б. Ястребов, «надзорная деятельность не должна сводиться к формальной сверке дат в протоколах; прокурор обязан видеть за составом преступления реальный гражданско-правовой субстрат и пресекать попытки перевода коммерческого спора в уголовную плоскость» [1, с. 112].

Центральным тактическим вызовом для надзирающего прокурора является распознавание признаков мошенничества в ситуациях, когда речь идет о простом неисполнении договорных обязательств. Следственные органы часто трактуют «умысел на хищение» расширительно, игнорируя объективные экономические факторы (кризис, неплатежи контрагентов). Прокурорский фильтр здесь должен срабатывать на стадии изучения постановления о возбуждении дела.

Если в материалах проверки нет прямых доказательств того, что лицо изначально не намеревалось исполнять обязательства, прокурор обязан реализовывать полномочия по отмене постановления. А.Я. Сухарев в своих трудах неоднократно указывал, что «прокурор – это первый и главный юрист, который должен отличать уголовно наказуемый обман от предпринимательского просчета, защищая тем самым инвестиционный климат в государстве» [2, с. 84].

Тактика проведения следственных действий в офисах компаний часто носит характер «акции устрашения». Изъятие оригиналов учредительных документов, печатей и ключей доступа к системам «банк-клиент» без реальной следственной необходимости – это прямое нарушение требований закона о недопустимости неоправданного вмешательства в бизнес.

Здесь прокурор сталкивается с дефицитом полномочий: судебный контроль за обысками часто носит формальный характер. Но прокурор имеет право проверить законность последующего хранения изъятого имущества. Как отмечает Ю.Е. Винокуров, «удержание бухгалтерской документации в течение многих месяцев без проведения экспертиз – это скрытая форма давления на подследственного, которую прокурор обязан пресекать через внесение представлений и постановку вопроса об ответственности следователя» [3, с. 210].

Взаимодействие прокурора и следователя по экономическим делам осложнено спецификой ст. 38 УПК РФ. Следователь, ссылаясь на свою самостоятельность, часто игнорирует указания прокурора о переквалификации содеянного с тяжкого состава на менее тяжкий или на гражданско-правовой деликт.

В условиях ограниченности властного ресурса прокурора единственным действенным инструментом остается угроза возвращения дела на дополнительное расследование в порядке ст. 221 УПК РФ. В.Г. Бессарабов подчеркивает, что «прокурорское мужество признать отсутствие состава преступления в деле, по которому уже проведены аресты – это и есть высшее проявление законности, предотвращающее судебную ошибку» [4, с. 145]. Наличие такого «фильтра» дисциплинирует следствие, заставляя его более тщательно собирать доказательства умысла.

Экономические дела часто базируются на данных оперативного учета (ПТП, проверочные закупы). Прокурор обязан проверять, не было ли здесь признаков провокации. Если оперативный сотрудник сам инициировал передачу «отката» или подписание сомнительного контракта, такие результаты ОРД не могут быть легализованы. С.А. Шейфер указывал на то, что результаты негласной работы требуют тройной фильтрации, так как они наиболее подвержены фальсификации в угоду ведомственным интересам [5, с. 210].

Для повышения эффективности надзора необходимо внедрение обязательного участия прокурора в судебных заседаниях по рассмотрению ходатайств о заключении предпринимателей под стражу. Сегодняшний тренд на замену ареста залогом или домашним арестом должен поддерживаться прокурором как приоритетный. А.Д. Бойков справедливо отмечал, что изоляция предпринимателя от управления бизнесом до приговора суда – это мера, которая в большинстве случаев избыточна и социально вредна [6, с. 112].

Защита права собственности и иных вещных прав является фундаментальным условием правового государства. Современная правоприменительная практика демонстрирует необходимость совершенствования существующих инструментов защиты [7, с. 201–209].

Список источников

1. Ястребов В.Б. Учебник прокурорского надзора. – М.: Изд-во «Городец», 2011. – 448 с.
2. Сухарев А. Я. Российская прокуратура: история и современность. – М.: Юрист, 2005. – 312 с.
3. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов. – М.: Изд-во «Юрайт», 2021. – 510 с.
4. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник для вузов. – М.: Юристъ, 2019. – 464 с.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2009. – 240 с.
6. Бойков А.Д. Статус прокурора в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 256 с.
7. Скворцова Т.А., Працко Г.С., Ярычев Н.У. Теоретико-правовой анализ механизмов защиты права собственности и иных вещных прав // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 201–209.

УДК 343.34

СИСТЕМА И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Альханов Н.М.,
канд. пед. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу научных подходов к пониманию системы и видов преступлений против порядка управления в российском уголовном праве. В центре внимания находятся позиции авторов, рассматривающих историческое развитие данной группы преступлений, проблемы их классификации, особенности видового объекта и трудности теоретического осмысления соответствующих составов. Показано, что преступления против порядка управления не образуют полностью однородную группу, поскольку объединяют деяния с различной юридической природой, но сходной направленностью на нарушение установленного порядка функционирования публичного управления. Сделан вывод о том, что наиболее продуктивный подход к их систематизации связан с учетом видового объекта, исторической эволюции уголовного законодательства и внутренней структуры охраняемых управленческих отношений.*
Ключевые слова: *преступления против порядка управления, система преступлений, виды преступлений, классификация преступлений, объект преступления, публичное управление, уголовное право, глава 32 УК РФ, порядок управления, юридическая характеристика.*

THE SYSTEM AND TYPES OF CRIMES AGAINST THE ORDER OF GOVERNANCE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Alkhanov N.M.,
Ph.D. Associate Professor of the Department of Criminal Law Process and National Security Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article analyzes scholarly approaches to understanding the system and types of crimes against the order of governance in Russian criminal law. The focus is placed on the views of authors examining the historical development of this group of crimes, the problems of their classification, the specifics of their generic object, and the difficulties of their theoretical interpretation. It is shown that crimes against the order of governance do not form a fully homogeneous group, since they include acts of different legal nature but united by their common orientation toward disrupting the established functioning of public administration. It is concluded that the most productive approach to their systematization is connected with taking into account the generic object, the historical evolution of criminal legislation, and the internal structure of the protected administrative relations.*
Keywords: *crimes against the order of governance, system of crimes, types of crimes, classification of crimes, object of crime, public administration, criminal law, Chapter 32 of the Criminal Code of the Russian Federation, order of governance, legal characteristics.*

Преступления против порядка управления традиционно воспринимаются как устойчивая и понятная группа составов, однако при более внимательном рассмотрении такая ясность оказывается внешней. Уже на уровне общего подхода видно, что научная литература не ограничивается простым перечислением статей главы 32 УК РФ. В центре внимания находятся границы самой группы, критерии ее систематизации и вопрос о том, что именно должно считаться ее видовым объектом. Именно поэтому разговор о системе и видах таких преступлений нельзя сводить к механическому обзору норм. Гораздо важнее увидеть, как сами

авторы объясняют внутреннюю логику этой группы и где обнаруживают наиболее слабые места доктрины.

Историческую рамку задает Е. Мирецкая. Автор пишет, что «в статье проведен анализ понятия «преступления против порядка», их видов в Российской Федерации в период с XVII века до настоящего времени» [1]. Эта формулировка важна не только как вводная. В ней сразу обозначен принципиальный тезис: система преступлений против порядка управления не возникла в готовом виде и не является случайным набором составов. Она формировалась постепенно, на фоне изменения представлений о государственном управлении, официальных документах, статусе должностных лиц и допустимых пределах частного вмешательства в публичную сферу. Ценность позиции Мирецкой состоит в том, что исторический подход не дает воспринимать современную систему как окончательно завершенную. Одновременно такая перспектива показывает, что многие сегодняшние трудности укоренены в старой неоднородности самой группы.

А.П. Кузнецов подходит к теме уже с иного уровня. Он подчеркивает, что «в представленной статье рассматриваются проблемные вопросы юридической характеристики преступлений против порядка управления» [2]. Здесь акцент смещается с истории на конструкцию состава и классификацию. Это более практичный и в то же время более строгий путь. Если у Мирецкой важна эволюция подходов, то у Кузнецова главным становится вопрос о том, по каким признакам объединять преступления данной главы в единую систему. Такой разворот представляется особенно продуктивным. Без него анализ быстро скатывается к перечислению разрозненных деяний, начиная от подделки документов и заканчивая самоуправством. Между тем именно юридическая характеристика позволяет понять, что объединяющим началом здесь выступает не внешнее сходство деяний, а посягательство на установленный порядок функционирования управленческих отношений.

Наиболее теоретически напряженный ракурс предлагает Ф.Н. Аббасов. В подтвержденном фрагменте статьи указано следующее: «что касается варианта, в соответствии с которым видовым объектом преступлений против порядка управления являются общественные отношения в сфере управления» [3]. Уже из этой фразы видно, что автор работает не с поверхностью, а с основанием всей классификации. Спор об объекте здесь имеет решающее значение. Пока неясно, что считать видовым объектом, невозможно построить непротиворечивую систему видов преступлений. Именно у Аббасова наиболее отчетливо проявляется старая проблема российской уголовно-правовой науки: одни авторы видят в данной группе охрану управленческой деятельности государства, другие делают акцент на нормальном функционировании органов власти, третьи включают сюда более широкий комплекс отношений, связанных с официальным порядком удостоверения, исполнения и подчинения. Сильная сторона статьи Аббасова в том, что она не маскирует эту неоднозначность. Напротив, автор выводит ее на первый план.

Именно на этом фоне работа А.Г. Кибальника выглядит особенно ценной. Автор прямо указывает, что «статья посвящена исследованию проблемных вопросов, связанных с пониманием преступлений против порядка управления» [4]. Здесь уже нет стремления создать впечатление полной теоретической стройности. Напротив, в центре оказывается сама сложность понимания этой группы. Такой подход кажется наиболее честным. Преступления против порядка управления действительно образуют один из самых неоднородных разделов Особенной части. Внутри главы соседствуют составы, связанные с подделкой, уклонением, незаконным воздействием на представителей власти, нарушением правил обращения с официальными идентификаторами и самоуправными действиями. Формально они объединены общей главой, но содержательно между ними слишком много различий. Кибальник ценен именно тем, что показывает эту внутреннюю напряженность, а не скрывает ее за привычной терминологией.

Историко-правовой подход А.В. Щербакова дополняет эту картину с другой стороны. Его публикация посвящена становлению и развитию российского уголовного законодательства о преступлениях против порядка управления, а сама статья обозначена

именно как работа о формировании этой законодательной конструкции [5]. Такой материал особенно полезен для объяснения, почему современная глава 32 УК РФ выглядит именно так. Она не была создана с нуля на абстрактно логической основе. Ее содержание складывалось в ходе длительного накопления отдельных запретов, часть из которых исторически возникла раньше самой идеи единой системы преступлений против порядка управления. Отсюда и ощущение неоднородности. Щербаков помогает увидеть, что эта неоднородность – не дефект только современной техники, а результат исторического наслоения различных моделей уголовно-правовой охраны.

Сопоставление этих пяти публикаций позволяет сделать первый существенный вывод: в научной литературе нет единой, окончательно закрытой модели системы преступлений против порядка управления. Мирецкая и Щербаков показывают историческую изменчивость самой категории. Кузнецов стремится удержать ее через юридическую характеристику и классификацию. Аббасов подводит дискуссию к вопросу об объекте. Кибальник вскрывает методологические сложности в понимании всей группы. В результате складывается не монолитная теория, а поле конкурирующих объяснений. Для научного анализа это скорее достоинство, чем недостаток. Именно наличие конкуренции между подходами показывает, что тема остается живой и не сводится к учебному конспекту.

Если перейти к вопросу о видах преступлений против порядка управления, то самым уязвимым здесь оказывается критерий деления. Одно дело, когда классификация строится по непосредственному объекту. Тогда можно выделять посягательства на порядок обращения официальных документов, на отношения подчинения законным требованиям власти, на устойчивость идентификационных и учетных механизмов. Другое дело, когда в основу кладется способ совершения или характер нарушения. Тогда система начинает распадаться на более частные и не всегда сопоставимые группы. В этом смысле правы те авторы, которые связывают вопрос о видах с вопросом об объекте. Без ясного понимания объекта любое деление легко превращается в формальный каталог. Здесь позиция Аббасова выглядит наиболее фундаментальной, а подход Кузнецова – наиболее пригодным для дальнейшего прикладного анализа.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, насколько удачно сама глава 32 УК РФ выражает системность. При чтении этих работ складывается впечатление, что законодательное объединение составов в одну главу не всегда означает их подлинную внутреннюю однородность. С научной точки зрения это важное замечание. Если группа слишком широка, возрастает риск, что под одним названием будут сосуществовать деяния с разной правовой природой и различным уровнем общественной опасности. В таком случае теория вынуждена компенсировать неточность законодательной конструкции более сложными схемами классификации. Именно этим во многом и объясняется устойчивый интерес ученых к теме. Они пытаются не просто описать норму, а восстановить внутренний порядок там, где он не всегда очевиден в самом законе.

Наиболее убедительным представляется следующий подход: система преступлений против порядка управления должна пониматься как совокупность составов, посягающих на нормальное функционирование публично организованного управленческого порядка, включая отношения удостоверения, подчинения, идентификации и исполнения обязательных правил. Такой взгляд позволяет избежать и чрезмерного расширения, и излишнего сужения предмета. Он объясняет, почему в одну группу попадают внешне разные составы, и в то же время не требует искусственно доказывать их полную однородность. В рамках такой модели виды преступлений можно делить по непосредственной направленности посягательства. Это выглядит логичнее, чем деление по случайным внешним признакам. Основание для такого вывода дает вся совокупность рассмотренных публикаций, хотя в явном виде его наиболее последовательно подготавливают Кузнецов, Аббасов и Кибальник.

Сочетание юридических и социально-экономических инструментов позволит не только сдерживать рост преступности, но и формировать устойчивую систему профилактики,

ориентированную на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и общества в целом [6, с. 228–236].

В итоге анализ этих статей приводит к достаточно четкому выводу: научная дискуссия о системе и видах преступлений против порядка управления далека от завершения. При этом основное напряжение сосредоточено не в вопросе о перечне конкретных статей, а в понимании объединяющего начала всей группы. Исторический материал показывает изменчивость конструкции. Теоретические работы указывают на спорность видового объекта. Аналитические публикации фиксируют сложности классификации и самой трактовки преступлений против порядка управления. По этой причине наиболее продуктивным выглядит не догматическое утверждение о полной стройности данной главы, а признание ее сложной, многослойной природы. Именно такой подход делает научный анализ точнее и позволяет рассматривать систему преступлений против порядка управления как развивающуюся доктринальную и законодательную конструкцию, а не как завершенную схему.

Список источников

1. Мирецкая Екатерина Ильинична. Понятие и виды преступлений против порядка управления в России (история и современность) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-prestupleniy-protiv-poryadka-upravleniya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 17.04.2026).
2. Кузнецов Александр Павлович. Преступления против порядка управления: юридическая характеристика, проблемы классификации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-poryadka-upravleniya-yuridicheskaya-harakteristika-problemy-klassifikatsii (дата обращения: 17.04.2026).
3. Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А. Понятие объекта преступлений против порядка управления и проблемы их классификации в теории уголовного права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obekta-prestupleniy-protiv-poryadka-upravleniya-i-problemy-ih-klassifikatsii-v-teorii-ugolovnogo-prava (дата обращения: 17.04.2026).
4. Кибальник Алексей Григорьевич. Сложности в понимании преступлений против порядка управления // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnosti-v-ponimanii-prestupleniy-protiv-poryadka-upravleniya (дата обращения: 17.04.2026).
5. Щербаков Александр Васильевич. Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления: становление и развитие // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-o-prestupleniyah-protiv-poryadka-upravleniya-stanovlenie-i-razvitie (дата обращения: 17.04.2026).
6. Эскерханова Л.Т. Тенденции развития молодежной преступности в современной России // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4(60). – С. 228–236.

УДК 343.343.6

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Альханов Н.М.,
канд. пед. наук, доцент кафедры уголовного права процесса и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных подходов к пониманию незаконной миграции как объекта уголовно-правового воздействия и государственного контроля. В центре внимания находятся научные позиции российских авторов, рассматривающих незаконную миграцию через призму национальной безопасности, нормативных изменений, миграционного учета и практических механизмов противодействия. Показано, что уголовная ответственность в данной сфере не может оцениваться изолированно, поскольку ее эффективность напрямую зависит от состояния миграционной политики, межведомственного взаимодействия и качества правоприменения. Особое внимание уделено различию авторских подходов, их сильным сторонам и ограничениям. Сделан вывод о том, что наиболее продуктивным является комплексное понимание незаконной миграции как уголовно-правового и организационно-управленческого феномена, требующего точного разграничения мер административного и уголовного воздействия.*
Ключевые слова: *незаконная миграция, уголовная ответственность, организация незаконной миграции, миграционная политика, национальная безопасность, миграционный учет, правоприменительная практика, межведомственное взаимодействие, противодействие преступности, уголовное право.*

CRIMINAL LAW AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF COUNTERING ILLEGAL MIGRATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

Alkhanov N.M.,
Ph.D. Associate Professor of the Department of Criminal Law Process and National Security Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article analyzes modern approaches to understanding illegal migration as an object of criminal law regulation and state control. The focus is placed on the scholarly views of Russian authors who examine illegal migration through the lens of national security, legislative changes, migration registration, and practical counteraction mechanisms. It is shown that criminal liability in this sphere cannot be assessed in isolation, since its effectiveness directly depends on the state of migration policy, interagency cooperation, and the quality of law enforcement. Particular attention is paid to differences in the authors' approaches, as well as to their strengths and limitations. It is concluded that the most productive approach is a comprehensive understanding of illegal migration as both a criminal law and an organizational-administrative phenomenon requiring a precise distinction between administrative and criminal measures.*
Keywords: *illegal migration, criminal liability, organization of illegal migration, migration policy, national security, migration registration, law enforcement practice, interagency cooperation, crime prevention, criminal law.*

Незаконная миграция в последние годы перестала восприниматься как частный вопрос учета иностранных граждан. В научных публикациях она все чаще рассматривается как зона, где пересекаются уголовное право, вопросы государственного контроля и риски для общественной безопасности. Такой поворот нельзя считать случайным. Масштаб миграционных потоков вырос, способы легализации пребывания стали сложнее, а сама

противоправная деятельность нередко приобрела организованный характер. Именно поэтому статья о незаконной миграции уже не может ограничиваться сухим пересказом нормы. Гораздо важнее понять, как авторы объясняют общественную опасность этого явления и где видят пределы уголовно-правового вмешательства.

Наиболее жестко проблему ставит Т.А. Вертепова. Автор прямо указывает, что «противодействие незаконной миграции остается одним из ключевых приоритетов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [1]. В этой формуле важен не только сам тезис, но и его смысловая нагрузка. Незаконная миграция у Вертеповой показана не как административный сбой и не как совокупность отдельных нарушений режима пребывания. Она включена в систему угроз, на которые государство должно отвечать уже не точечно, а комплексно. Такой подход усиливает уголовно-правовой ракурс. В нем организация незаконной миграции воспринимается как деяние, подрывающее управляемость миграционной сферы и создающее условия для других преступлений. Позиция автора выглядит убедительно, хотя в ней заметна ориентация прежде всего на охранительный эффект нормы. Для современной практики это объяснимо.

Статья Ю.А. Жуковой построена иначе. В центре внимания находится уже не столько общая опасность незаконной миграции, сколько динамика законодательства. Автор подчеркивает, что «в последние годы в миграционное законодательство Российской Федерации вносится большое количество изменений, и 2024 год не стал исключением» [2]. Это замечание особенно ценно, поскольку показывает нестабильность правового поля. Когда норма постоянно уточняется, усложняется и дополняется, правоприменитель начинает работать в режиме догоняющего толкования. Здесь проявляется одна из главных проблем: уголовная ответственность не должна зависеть от слишком подвижного нормативного фона. Иначе усиливается риск, что границы преступного будут восприниматься не как четкие, а как ситуативно меняющиеся. Жукова фактически фиксирует именно этот сдвиг, пусть и в более сдержанной форме.

А.С. Прудников выстраивает анализ через связь миграционной сферы с предупреждением терроризма и экстремизма. Автор пишет, что «рассматривается миграционный учет как один из элементов правового регулирования учета иностранных граждан на территории Российской Федерации» [3]. На первый взгляд формулировка спокойная, но ее значение шире, чем кажется. Миграционный учет здесь выступает не просто технической процедурой, а точкой раннего контроля. Если этот элемент работает формально или с перебоями, государство теряет возможность вовремя видеть риски. Сильная сторона статьи Прудникова состоит в том, что он показывает инфраструктуру профилактики. Слабая сторона в том, что уголовная ответственность в таком подходе несколько растворяется в общей логике безопасности. Для научной статьи по уголовному праву это важно учитывать: не всякое ужесточение контроля автоматически означает повышение качества уголовно-правового регулирования.

Работа А.В. Богданова, Е.Н. Хазова и М.И. Венидиктова расширяет рамку еще сильнее. Авторы отмечают, что «рассматриваются вопросы, связанные с незаконной миграцией и совершенствованием нормативно-правового механизма государственной миграционной политики» [4]. Здесь незаконная миграция включена в широкий контекст общественной безопасности. Такой ход оправдан, поскольку сама проблема давно перестала быть изолированной. Нелегальные каналы въезда, фиктивная регистрация, использование подложных документов, теневая занятость и криминальные сети редко существуют по отдельности. Вместе с тем именно в таких текстах особенно заметен риск чрезмерного расширения темы. Когда незаконная миграция начинает объяснять почти все угрозы сразу, теряется точность анализа. Для уголовного права этот момент принципиален. Состав преступления требует не общей тревоги, а ясного описания деяния, субъекта и последствий.

У В.А. Бессонова и И.Ю. Аверина тональность более прикладная. Авторы прямо пишут, что «в статье проанализирован ряд актуальных проблем, связанных с противодействием незаконной миграции» [5]. Это уже не декларация приоритета и не обзор

законодательных новелл, а попытка посмотреть на практический механизм противодействия. В этом и состоит ценность статьи. Она показывает, что уголовная ответственность не существует отдельно от организационной среды. Если взаимодействие ведомств фрагментарно, если сведения об иностранном гражданине передаются с задержкой, если контроль за реальным местом пребывания подменяется бумажной регистрацией, уголовная норма начинает работать на поздней стадии. Иначе говоря, ответственность включается тогда, когда проблема уже сформировалась. Такой вывод особенно важен для оценки эффективности ст. 322.1 УК РФ и смежных норм.

Сопоставление этих пяти публикаций позволяет увидеть интересную закономерность. Авторы почти не спорят с тем, что незаконная миграция опасна и требует активного государственного ответа. Расхождение начинается в другом месте: одни делают акцент на уголовно-правовом реагировании, другие – на контроле, третьи – на связи с терроризмом и экстремизмом, четвертые – на совершенствовании миграционной политики. В результате сама уголовная ответственность оказывается частью более крупной конструкции. Такой сдвиг нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, он отражает реальность. Организация незаконной миграции действительно связана с подделкой документов, коррупционными практиками, теневой занятостью и трансграничной преступностью. С другой стороны, слишком широкая рамка иногда размывает точность юридической оценки.

Наиболее убедительной в этом массиве выглядит позиция Вертеповой, поскольку у нее лучше всего удержан баланс между общей опасностью явления и собственно уголовно-правовым содержанием. Жукова полезна другим. Ее статья помогает понять, что тема развивается на фоне активной законодательной перестройки. Прудников и Богданов с соавторами усиливают аргумент об актуальности, но в большей степени работают на криминологический и политико-правовой фон. Бессонов и Аверин важны как напоминание о том, что без межведомственной координации даже самая жесткая норма дает ограниченный результат. В совокупности эти тексты создают не просто подборку мнений, а почти готовую модель обсуждения темы: от общей угрозы к механизму контроля и далее к уголовной ответственности.

С практической точки зрения из этого корпуса статей вытекает еще один важный вывод. Незаконная миграция сегодня описывается авторами не как разовое нарушение, а как процесс. В нем есть этап въезда, этап фиктивного документирования, этап пребывания, этап трудового использования и нередко этап криминального прикрытия. Именно поэтому одних административных мер недостаточно, но и ставка только на уголовное наказание не решает проблему. Здесь проявляется современная логика российского права. Уголовная ответственность занимает центральное, но не исключительное место. Она должна включаться там, где выявляется организованный, корыстный или устойчивый характер противоправной деятельности. Такой подход выглядит более точным, чем простое расширение круга уголовно наказуемых деяний.

Отдельного внимания заслуживает язык самих авторов. Он показательно строгий и почти всегда охранительный. Вертепова говорит о приоритете национальной безопасности, Жукова – о непрерывных изменениях законодательства, Прудников – о миграционном учете как элементе регулирования, Богданов с соавторами – о совершенствовании нормативного механизма, Бессонов и Аверин – об актуальных проблемах противодействия. Во всех случаях чувствуется одна общая установка: незаконная миграция мыслится не как маргинальный сюжет, а как устойчивый вызов для государства. Именно поэтому и научный анализ становится более жестким. В нем меньше абстрактной теории и больше внимания к реальным механизмам контроля, регистрации, пресечения и координации органов власти.

Сочетание юридических и социально-экономических инструментов позволит не только сдерживать рост преступности, но и формировать устойчивую систему профилактики, ориентированную на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и общества в целом [6, с. 228–236].

Заключение сводится к следующему. Современные российские публикации по теме незаконной миграции демонстрируют общий поворот к усилению охранительной функции права. При этом сами авторы по-разному распределяют акценты. Одни связывают проблему прежде всего с уголовной ответственностью, другие – с миграционной политикой, третьи – с безопасностью и профилактикой экстремизма. Самой продуктивной выглядит позиция, при которой незаконная миграция рассматривается одновременно как уголовно-правовой и организационно-управленческий феномен. В таком случае появляется возможность увидеть не только факт нарушения, но и механизм его возникновения. Для науки уголовного права это особенно важно. Без учета миграционного контроля, межведомственного взаимодействия и нормативной динамики оценка организации незаконной миграции будет неполной. По этой причине дальнейшая разработка темы должна идти по линии более точного разграничения административной и уголовной ответственности, анализа организованных форм содействия незаконному пребыванию и оценки того, как меняющееся законодательство влияет на предсказуемость правоприменения.

Список источников

1. Вертепова Т.А., Сазонов Д.Е. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-protivodeystviya-nezakonnoy-migratsii-v-rossiyskoy-federatsii-ugolovno-pravovoy-aspekt (дата обращения: 17.04.2026).
2. Жукова Юлия Александровна, Подейко Вадим Андреевич, Гаджиламаммаев Алихан Гаджимурадович, Солопов Арсений Павлович. ИЗМЕНЕНИЯ В МИГРАЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2024 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-migratsionnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii-2024-g (дата обращения: 17.04.2026).
3. Прудников Анатолий Семенович. Борьба с незаконной миграцией как основа предупреждения терроризма и экстремизма в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2024. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-nezakonnoy-migratsiey-kak-osnova-preduprezhdeniya-terrorizma-i-ekstremizma-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 17.04.2026).
4. Богданов А.В., Хазов Е.Н., Венидиктов М.И. Незаконная миграция как угроза общественной безопасности России // Криминологический журнал. 2024. № 2. – С. 24–31. https://doi.org/10.24412/2687- 0185-2024-2-24-31.
5. Бессонов Владимир Анатольевич, Аверин Игорь Юрьевич. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-nezakonnoy-migratsii (дата обращения: 17.04.2026).
6. Эскерханова Л.Т. Тенденции развития молодежной преступности в современной России // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4(60). – С. 228–236.

УДК 342.4

ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Арсанукаева А.У.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных подходов к пониманию источников конституционного права Российской Федерации в условиях обновления конституционной модели, цифровизации правовой системы и усиления роли органов конституционного контроля. В центре внимания находятся теоретические и практические вопросы, связанные с категориальным аппаратом Конституции Российской Федерации, правовыми позициями субъектов конституционного контроля, нормативным значением решений Конституционного Суда Российской Федерации, стратегической функцией конституционного права и перспективами формирования новых цифровых источников конституционного права. Показано, что современная система источников конституционного права уже не исчерпывается традиционной иерархией нормативных актов и включает более сложные формы правового воздействия, связанные с судебным конституционным толкованием, документами стратегического планирования и цифровыми алгоритмизированными конструкциями. Сделан вывод о том, что развитие источников конституционного права происходит в направлении сочетания устойчивости конституционных основ с расширением нормативного инструментария, необходимого для реагирования на новые общественные и технологические вызовы.*

Ключевые слова: *источники конституционного права, Конституция Российской Федерации, конституционное право, Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции, конституционный контроль, цифровые источники права, смарт-контракты, стратегическая функция права, правовая система России.*

SOURCES OF CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY TRANSFORMATION

Arsanukayeva A.U.,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern approaches to understanding the sources of constitutional law of the Russian Federation in the context of constitutional renewal, digitalization of the legal system, and the growing role of constitutional review bodies. The focus is placed on theoretical and practical issues related to the categorical apparatus of the Constitution of the Russian Federation, legal positions of constitutional review subjects, the normative significance of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the strategic function of constitutional law, and the prospects for the emergence of new digital sources of constitutional law. It is shown that the modern system of sources of constitutional law is no longer exhausted by the traditional hierarchy of normative legal acts and includes more complex forms of legal influence associated with constitutional judicial interpretation, strategic planning documents, and digital algorithmic constructions. It is concluded that the development of sources of constitutional law is moving toward a combination of the stability of constitutional foundations with the expansion of the normative instruments necessary to respond to new social and technological challenges.*

Keywords: *sources of constitutional law, Constitution of the Russian Federation, constitutional law, Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions, constitutional review, digital sources of law, smart contracts, strategic function of law, legal system of Russia.*

Конституционное право России заметно меняется. На него одновременно воздействуют поправки 2020 года, цифровизация публичной власти, перестройка механизмов конституционного контроля, усиление внимания к вопросам суверенитета и поиск новых юридических форм, способных работать в быстро меняющейся среде. Из-за этого тема источников конституционного права уже не сводится к привычному перечню: Конституции, федеральных конституционных законов и федеральных законов. В центре внимания оказывается более сложный вопрос: какие именно формы сегодня реально участвуют в конституционном регулировании, как меняется их иерархия и где проходит граница между классическими источниками и новыми нормативными конструкциями.

Современные исследования показывают, что конституционно-правовая материя стала намного подвижнее. В ней усиливается роль судебного толкования, расширяется значение стратегических документов, по-новому воспринимается категориальный аппарат Конституции, а цифровые инструменты начинают претендовать на нормативную значимость. По этой причине анализ работ А.М. Хурматуллиной, М.В. Варлен, А.Ф. Малого, С.Н. Ревиной и И.В. Мешкова, а также Р.В. Дорогина и И.А. Зырянова позволяет увидеть не набор разрозненных мнений, а достаточно цельную картину развития современной доктрины.

Особого внимания заслуживает статья А.М. Хурматуллиной, где проблема источников рассматривается через формирование правовых позиций субъектов конституционного контроля в федеративной России. Такой ракурс удачен уже потому, что позволяет увидеть источники не как абстрактную классификацию, а как реально действующие основы принятия решений. Автор показывает, что после изменения модели регионального конституционного контроля система не исчезла, а начала перестраиваться, сохраняя преемственность, но одновременно меняя круг используемых ориентиров. Это особенно заметно в социальной сфере, где защита права на охрану здоровья и медицинскую помощь требует не только буквального применения закона, но и опоры на более широкий ценностный и нормативный контекст. А.М. Хурматуллина делает принципиально важный вывод. «Система защиты прав и свобод человека в федеративной России носит динамический характер, который, в свою очередь, проявляется 1) в развитии правовых позиций субъектов конституционного контроля, в частности, расширения источников, лежащих в основе формирования итоговых решений начиная с договорного регулирования, далее – ориентиром на законодательное регулирование, пронизанное принципом приоритета федерального законодательства, ценностно-ориентированные позиции высшего судебного органа конституционного контроля России и расширением источников в части применения документов стратегического планирования, норм международных документов» [1, с. 178]. В этом фрагменте наиболее важна сама логика движения. Источники уже не ограничиваются только формально закрепленными нормативными актами. В правоприменительной практике все сильнее работают ценностные позиции, стратегические документы и акты более сложной природы. Такая тенденция говорит о серьезном усложнении всей системы конституционного регулирования.

Если Хурматуллина показывает, как меняется практическая основа конституционного контроля, то М.В. Варлен переносит обсуждение на более общий уровень и рассматривает конституционное право как особый системный феномен. Сильная сторона ее подхода состоит в том, что тема источников у нее не существует отдельно от вопроса о функциях отрасли. Конституционное право в этой логике выступает не просто одной из отраслей, а конструкцией, которая определяет направление развития всего правопорядка. Именно поэтому значение его источников оказывается шире, чем у обычных отраслевых форм. Автор подчеркивает: «Конституционное право России представляет собой сложный, многофункциональный правовой феномен, сочетающий качества инструмента правового регулирования, системообразующего фундамента правовой системы, стратегического ориентира

государственного развития. Эти характеристики позволяют рассматривать конституционное право не просто как отрасль права, но как метаправовую систему, определяющую параметры развития всего национального правопорядка» [2, с. 37]. Такой подход представляется особенно продуктивным в современных условиях. Он помогает объяснить, почему разговор об источниках конституционного права не может быть чисто формальным. Если сама отрасль выполняет стратегическую функцию, то и ее источники должны оцениваться не только по юридической форме, но и по их реальному воздействию на развитие государства, законодательства и публичной власти.

В теоретическом плане важную роль играет работа А.Ф. Малого, посвященная категориальному аппарату Конституции Российской Федерации. На первый взгляд, эта тема может показаться слишком отвлеченной от вопроса об источниках права. Но это впечатление обманчиво. Пока не уточнено, что именно в тексте Конституции следует считать категорией, что выступает принципом, а что имеет характер регулирующей нормы, невозможно точно оценить и саму природу Конституции как источника права.

Сильная сторона статьи А.Ф. Малого состоит в том, что автор предлагает более строгий инструментарий для чтения конституционного текста. В работе сформулированы следующие дефиниции: «Конституционная категория – это наиболее общее, фундаментальное, абстрактное понятие, сформулированное в виде термина или лингвистической конструкции. Конституционный принцип – это закрепленная в конституционной норме основополагающая идея, имеющая значение для формулирования юридического содержания иных конституционных норм, обладающих регулирующим содержанием, а также норм текущего законодательства» [3, с. 61]. Значение этого подхода трудно недооценить. Он позволяет более точно увидеть, что Конституция действует не только как набор прямых правил поведения. Она одновременно выступает и источником принципов, и источником категориальных оснований, через которые затем строится все текущее законодательство. По сути, статья А.Ф. Малого укрепляет теоретическую базу для понимания Конституции как сложного, многослойного источника конституционного права.

Наиболее спорный, но и наиболее живой вопрос современной доктрины связан с решениями Конституционного Суда Российской Федерации. С.Н. Ревина и И.В. Мешков обращаются именно к нему, и в этом заключается особая ценность их статьи. Дискуссия о том, можно ли считать решения Конституционного Суда источником права, длится давно, однако в последние годы она перестала быть чисто академической. После конституционных изменений 2020 года значение судебного конституционного контроля еще больше выросло, а значит, усилился и интерес к нормативному эффекту актов Суда. Авторы приходят к следующему выводу: «Признавая обязательность решения Конституционного Суда на территории Российской Федерации и тот факт, что они должны быть учтены не только при рассмотрении аналогичных дел судебными инстанциями, но и субъектами нормотворческого процесса в рамках осуществления своей деятельности, представляется бесспорным вывод о том, что данные акты фактически в ряде случаев выполняют функцию регулятора общественных отношений, являясь продуктом нормотворческого процесса Конституционного Суда» [4, с. 271]. Этот вывод выглядит сильным именно потому, что опирается не на абстрактную теорию, а на реальное действие решений Конституционного Суда. Когда судебный акт обязателен для всех, влияет на нормотворчество и меняет практику применения права, игнорировать его источникообра-зующую функцию уже невозможно. По существу, речь идет о признании особой формы источника, которая не совпадает ни с законом, ни с подзаконным актом, но при этом действительно регулирует общественные отношения.

Наиболее новаторский ракурс предлагают Р.В. Дорогин и И.А. Зырянов, вынося на обсуждение тему цифровой правовой системы и новых источников конституционного права России. Их статья интересна прежде всего тем, что она ставит вопрос, который еще недавно воспринимался бы как сугубо футурологический. Сегодня этот вопрос уже нельзя считать преждевременным: цифровые платформы, дистанционное голосование, алгоритмизированные процедуры, цифровой рубль и иные формы автоматизированного

регулирования постепенно меняют саму юридическую среду. В этих условиях авторы рассматривают смарт-контракты и более широко гибридные цифровые конструкции как потенциальные источники конституционного права. Их позиция сформулирована предельно ясно. «Гибридные смарт-контракты могут быть источниками конституционного права, если они будут закреплять правила поведения участников коренных отношений и обладать обязательной юридической силой. Сейчас же гибридный смарт-контракт в конституционном праве – самоисполняемый цифровой алгоритм, фиксирующий и автоматически обеспечивающий реализацию конституционно-правовых норм между субъектами общественных отношений» [5, с. 97]. Эта мысль выглядит смелой, но при этом вполне обоснованной. Авторы не утверждают, что любой цифровой алгоритм уже стал источником права. Они задают более точный критерий. Источником может быть только такая цифровая конструкция, которая закрепляет обязательные правила поведения в сфере коренных конституционных отношений. В этом состоит принципиальная разница между обычным техническим инструментом и новой формой права.

При сопоставлении рассмотренных подходов особенно заметно, что современная доктрина источников конституционного права развивается сразу в нескольких направлениях. Во-первых, усиливается интерес к усложнению самой системы источников. Это хорошо видно у А.М. Хурматуллиной, которая показывает расширение набора оснований для формирования правовых позиций субъектов конституционного контроля [1, с. 178]. Во-вторых, возрастает внимание к стратегической функции конституционного права и, как следствие, к особому характеру его источников, что отчетливо выражено в концепции М.В. Варлен [2, с. 37]. В-третьих, происходит углубление теоретической работы с самой Конституцией как источником права, чему способствует анализ категориального аппарата у А.Ф. Малого [3, с. 61]. В-четвертых, решения Конституционного Суда все настойчивее осмысляются как самостоятельная регулятивная форма, что аргументированно показывают С.Н. Ревина и И.В. Мешков [4, с. 271]. В-пятых, возникает тема принципиально новых цифровых источников, выдвинутая Р.В. Дорогиным и И.А. Зыряновым [5, с. 97].

Все это позволяет сделать более общий вывод. Источники конституционного права Российской Федерации уже нельзя описать только через классическую вертикальную иерархию актов. Такая схема по-прежнему остается важной, но она перестала быть исчерпывающей. Конституция как основной источник сохраняет безусловное ядро системы. Однако вокруг нее формируется более сложное нормативное пространство, в котором заметную роль играют правовые позиции органов конституционного контроля, решения Конституционного Суда, стратегические документы, а в перспективе и цифровые нормативные конструкции. Именно эта многослойность сегодня и определяет реальное состояние отрасли.

Научное сообщество на протяжении веков создало обширный массив концептуальных моделей, классификаций и теорий о государственной эволюции. Многомерность и противоречивость процессов формирования и преобразования государственных систем существенно затрудняют их теоретическое понимание. Активные споры относительно базовых свойств государства, его происхождения и ключевых характеристик продолжаются и сегодня, несмотря на существование множества конкурирующих гипотез и объяснительных моделей [6, с. 184–193].

В итоге современное конституционное право России демонстрирует редкое сочетание устойчивости и изменчивости. С одной стороны, его развитие по-прежнему опирается на базовые конституционные ценности, принципы и учредительные начала. С другой стороны, источниковая база становится подвижнее, технологичнее и функционально сложнее. По этой причине дальнейшее развитие доктрины источников конституционного права, скорее всего, будет идти не по пути механического расширения перечня форм, а через более тонкое осмысление их юридической природы, их места в системе публичной власти и их способности действительно регулировать общественные отношения. Именно здесь будет решаться один из главных вопросов современной конституционно-правовой науки: как сохранить устойчивость

основного закона и одновременно дать правовой форме возможность отвечать на вызовы быстро меняющегося мира.

Список источников

1. Хурматуллина А.М. Источники формирования правовых позиций субъектов конституционного контроля в федеративной России // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2025. Т. 35, № 1. – С. 175–180.
2. Варлен М.В. Конституционное право России: стратегическая роль в условиях современности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9. – С. 34–43.
3. Малый А.Ф. О категориальном аппарате Конституции Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, № 1. – С. 56–63.
4. Ревина С.Н., Мешков И.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. – С. 269–272.
5. Дорогин Р.В., Зырянов И.А. К вопросу о развитии цифровой правовой системы и новых источников конституционного права России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71). – С. 92–98.
6. Канамготов К.А. Трансформация форм государства: комплексное историко-правовое исследование // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4(60). – С. 184–193.

УДК 342.4

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ДО МОТИВАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НОРМ

Арсанукаева А.У.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу теоретико-правовых аспектов конституционного регулирования общественных отношений в современных условиях. В центре внимания находятся конституционно-правовой режим, запрет, позитивное обязывание, дозволение и мотивационное воздействие конституционных норм. Рассматриваются научные подходы к пониманию конституционно-правового режима как системообразующей категории, к выявлению имплицитных обязанностей, к особенностям юридической техники закрепления обязанностей в Конституции Российской Федерации, а также к мотивационному потенциалу управомочивающих норм. Особое внимание уделено праву на информацию как примеру практического преломления конституционных способов регулирования в цифровую эпоху. Показано, что современное конституционное право развивается в направлении усложнения регулятивного инструментария и поиска баланса между стабильностью конституционных принципов и необходимостью адаптации к новым социальным и технологическим условиям. Сделан вывод о том, что наиболее продуктивным направлением развития конституционно-правовой доктрины выступает комплексный подход, сочетающий анализ правовых режимов, способов регулирования и реального мотивационного воздействия норм на поведение субъектов.*

Ключевые слова: *конституционное право, конституционно-правовой режим, конституционное регулирование, методы правового регулирования, запрет, обязывание, дозволение, управомочивающие нормы, право на информацию, юридическая техника.*

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF CONSTITUTIONAL REGULATION FROM LEGAL REGIMES TO THE MOTIVATIONAL IMPACT OF NORMS

Arsanukayeva A.U.,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of theoretical and legal aspects of the constitutional regulation of social relations in modern conditions. The focus is placed on the constitutional legal regime, prohibition, positive obligation, permission, and the motivational impact of constitutional norms. It examines scholarly approaches to understanding the constitutional legal regime as a system-forming category, to identifying implicit duties, to the specific features of the legal technique of enshrining duties in the Constitution of the Russian Federation, as well as to the motivational potential of empowering norms. Particular attention is paid to the right to information as an example of the practical implementation of constitutional methods of regulation in the digital era. It is shown that modern constitutional law is developing toward increasing complexity of its regulatory instruments and toward a search for balance between the stability of constitutional principles and the need to adapt to new social and technological conditions. It is concluded that the most productive direction for the development of constitutional legal doctrine is a comprehensive approach combining the analysis of legal regimes, methods of regulation, and the actual motivational influence of norms on the behavior of legal subjects.*

Keywords: *constitutional law, constitutional legal regime, constitutional regulation, methods of legal regulation, prohibition, obligation, permission, empowering norms, right to information, legal technique.*

Конституционное право сегодня все чаще рассматривается не только как совокупность норм высшей юридической силы, но и как сложный механизм воздействия на общественные отношения. Именно здесь задаются пределы публичной власти, формируются базовые обязанности, закрепляются дозволения и выстраиваются режимы, через которые затем работает все отраслевое законодательство. Поэтому интерес к методам конституционного регулирования заметно усилился. Речь уже не идет о простом перечислении запретов, дозволений и обязываний. Гораздо важнее понять, как эти способы действуют вместе, где проходит граница между их формальным закреплением и реальным влиянием на поведение, а также каким образом они меняются под давлением цифровизации и новых социальных запросов.

Показательно, что современные авторы все чаще уходят от слишком общей схемы, где метод конституционного права описывается несколькими учебными формулами. На первый план выходит более точный разбор отдельных инструментов. Одни исследователи работают с категорией конституционно-правового режима, другие анализируют имплицитные обязанности, третьи сосредоточены на мотивационном потенциале управомочивающих норм, четвертые смотрят, как эти конструкции проявляются в конкретных институтах, например, в сфере права на информацию.

Отправной точкой здесь становится не само понятие режима, а его место в общей конструкции публичной власти. Конституционно-правовой режим нельзя воспринимать как обычный набор правил, который действует рядом с гражданским, административным или финансовым регулированием. Его значение шире. Он задает рамку, внутри которой остальные отрасли права получают свои границы, смысл и допустимые способы воздействия на общественные отношения.

Г.С. Беляева, И.Ю. Капустина и К.А. Белоусова точно фиксируют эту особенность. Авторы подчеркивают: «Конституционно-правовой режим характеризуется наиболее широким и политически значимым набором инструментов: от норм-принципов и учредительных актов до механизмов конституционного контроля, которые отсутствуют в других отраслях. Он объединяет разнородный инструментарий (законы, судебные решения, институты прямой демократии) на базе конституционных принципов, выступая интеграционной основой для всех средств» [1, с. 9].

Более точное понимание конституционно-правового режима появляется тогда, когда внимание переносится с общей рамки на конкретные способы правового воздействия. Именно на этом уровне становится видно, что конституционное регулирование работает не только через прямые предписания. Иногда его смысл раскрывается через запрет, который внешне выглядит как ограничение, но, по сути, создает обязанность для государства, должностных лиц и иных участников публичных отношений.

В этом плане позиция М.В. Саудаханова выглядит особенно важной. Автор рассматривает запрет как источник имплицитных обязанностей, и такая логика заметно усложняет привычное деление на права и обязанности. Конституционный текст не всегда говорит прямо, что субъект обязан совершить определенное действие. В ряде случаев он устанавливает предел, за который нельзя выходить. Но именно этот предел и превращается в юридическое долженствование.

М.В. Саудаханов прямо пишет: «В качестве имплицитной конституционной обязанности в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ фигурирует и запрет на использование пыток и чрезмерного насилия в качестве наказания» [2, с. 130].

Данный пример хорошо показывает внутреннюю логику конституционного запрета. Он не просто исключает определенный вариант поведения из правового поля. Запрет на пытки и чрезмерное насилие одновременно закрепляет обязанность государства воздерживаться от

действий, которые разрушают человеческое достоинство. Здесь конституционная норма работает глубже, чем обычное правило поведения. Она задает границу, через которую публичная власть не вправе переступать даже при ссылке на наказание, безопасность или защиту общественного порядка.

Иной срез проблемы раскрывает И.А. Минникес, обращаясь к позитивному обязыванию. В отличие от подхода, где главное внимание уделяется смыслу обязанностей, здесь в центр выведена техника их конституционного оформления. Это решение представляется удачным. Часто именно языковая форма позволяет понять, как законодатель видит субъектов конституционного права и насколько дифференцированно строит обязанностное регулирование. Автор фиксирует большое терминологическое разнообразие и делает из этого важный вывод. «При возложении обязанности законодатель использует термины "обязанность", "обязаны", "обязан", "является обязанностью", "осуществлять обязанности", "не освобождает от обязанности", "несут обязанности", "обеспечение обязанностей", "исполнение обязанностей", "наложение обязанностей", "приобретение обязанностей", "выполнение обязанностей". Несмотря на такое терминологическое разнообразие, смысл один – это обязанность участника общественных отношений к совершению определенных позитивных действий» [4, с. 16]. На первый взгляд это замечание может показаться чисто техническим. На деле оно затрагивает саму природу конституционного регулирования. Конституция избегает механического однообразия и подстраивает форму обязанности под специфику субъекта и контекст нормы.

Особенно ценным в подходе И.А. Минникеса выглядит внимание к различию между абсолютными и персонифицированными обязанностями. Такой ход помогает уйти от грубой схемы, где все конституционные обязанности будто бы обращены ко всем одинаково. В реальности это не так. Одни императивы относятся к каждому человеку, другие зависят от гражданства, статуса, возраста, семейной связи или специальной роли в публичной системе. Значит, метод обязывания в конституционном праве не является единым и однородным. Он гибок. И именно эта гибкость делает его эффективным.

Если запрет и обязывание достаточно хорошо исследованы в доктрине, то дозволение долгое время оставалось в тени, как будто оно является чем-то само собой разумеющимся. На этом фоне статья А.А. Нигметзянова выглядит особенно своевременной. Автор рассматривает управомочивающие нормы не как пассивное разрешение, а как средство формирования правовой активности. Такой взгляд представляется сильным, потому что позволяет увидеть в дозволении не слабый, а, напротив, весьма содержательный способ регулирования. А.А. Нигметзянов подчеркивает: «Управомочивающие конституционные нормы обладают огромным потенциалом влияния на общественные отношения. Они мотивируют субъектов права на достижение целей конституционного развития посредством выработки осознанного позитивного поведения и повышения эффективности управленческой деятельности. Мотивация усиливается стимулированием такой деятельности через использование правового и организационного инструментария» [3, с. 196]. Это важная мысль. Дозволение в конституционном праве не сводится к формуле «можно». Оно запускает внутреннюю мотивацию и создает пространство для самостоятельного, но социально ценно ориентированного поведения.

Такой ракурс особенно интересен в условиях современной публичной жизни, где государство все чаще не только запрещает и предписывает, но и побуждает. В сфере участия в управлении, реализации социальных инициатив, использования цифровых сервисов, защиты прав и свобод именно управомочивающие нормы задают рамку инициативного поведения. Поэтому статья А.А. Нигметзянова расширяет традиционное понимание методов конституционного регулирования. Она показывает, что конституционная норма может работать не только через принуждение или обязательность, но и через внутреннее согласие субъекта действовать в правовом поле.

Наиболее наглядно практический смысл этих теоретических построений виден в исследовании В.В. Шепеля, посвященном праву на информацию. Здесь уже нет абстрактного

разговора о методах вообще. Наоборот, становится видно, как различные способы конституционного регулирования переплетаются в одной конкретной сфере. Право на информацию не может быть обеспечено только через дозволение. Его приходится сочетать с ограничениями, обязанностями государства, процедурами доступа, гарантиями защиты персональных данных и механизмами обжалования. В.В. Шепель формулирует это очень точно. «Регулирование конституционных прав на информацию должно обеспечивать реальность и осуществимость свободы выражения и доступа к сведениям при надежной защите персональных данных. Оптимальная модель – процедурная, риск-ориентированная, технологически нейтральная, с независимым надзором и эффективными средствами обжалования» [5, с. 178]. В этом высказывании особенно важен акцент на балансе. Свобода информации сама по себе не работает без защитных механизмов. Но и чрезмерный контроль разрушает смысл права.

Статья В.В. Шепеля ценна тем, что показывает современное лицо конституционного регулирования. Сегодня недостаточно просто закрепить право в Основном законе. Необходимо продумать, как оно будет реализовываться в цифровой среде, как будут минимизироваться риски, кто и в каком порядке сможет ограничивать доступ к сведениям, как защитить человека от злоупотреблений со стороны как государства, так и частных цифровых платформ. Здесь особенно заметно, что метод конституционного регулирования становится более сложным, многоуровневым и технологически чувствительным.

Если рассматривать все проанализированные позиции в совокупности, можно увидеть достаточно ясную картину. Современная конституционно-правовая наука больше не удовлетворяется общими формулами о дозволении, запрете и обязывании. Исследователи пытаются показать, как именно эти способы работают в конкретных конструкциях, как они сочетаются друг с другом и как меняется их роль под воздействием новых социальных условий. Работа Г.С. Беляевой и соавторов подчеркивает системный и интегративный характер конституционно-правового режима [1, с. 9]. Подход М.В. Саудаханова раскрывает скрытую силу запрета как формы конституционной обязанности [2, с. 130]. И.А. Минникес показывает, что позитивное обязывание требует точной и гибкой юридической техники [4, с. 16]. А.А. Нигметзянов убеждает в том, что дозволение обладает серьезным мотивационным ресурсом [3, с. 196]. В.В. Шепель демонстрирует, как все эти методы взаимодействуют в реальном регулировании конкретного конституционного права [5, с. 178].

На этом фоне становится очевидно, что современное конституционное право движется к более тонкой модели регулирования. Жесткие императивы уже не могут исчерпать всю сложность общественных отношений. Но и одна только свобода выбора без нормативных границ не обеспечивает устойчивости правопорядка. Поэтому ключевой тенденцией выглядит не возвышение какого-то одного метода, а поиск их разумного сочетания. Именно здесь и проходит главная линия развития отрасли.

Научное сообщество на протяжении веков создало обширный массив концептуальных моделей, классификаций и теорий о государственной эволюции. Многомерность и противоречивость процессов формирования и преобразования государственных систем существенно затрудняют их теоретическое понимание. Активные споры относительно базовых свойств государства, его происхождения и ключевых характеристик продолжаются и сегодня, несмотря на существование множества конкурирующих гипотез и объяснительных моделей [6, с. 184–193].

В итоге можно сказать, что конституционное регулирование сегодня все чаще строится как многослойная система. В ней запреты формируют пределы допустимого, обязывания задают позитивную программу поведения, дозволения раскрывают пространство правовой инициативы, а конституционно-правовой режим удерживает всю конструкцию в единстве. Такой подход представляется наиболее реалистичным. Он лучше отвечает и природе Конституции, и потребностям общества, которое уже невозможно регулировать исключительно через простые и прямолинейные модели. Поэтому дальнейшее развитие конституционно-правовой доктрины, вероятнее всего, будет связано не с отказом от

традиционных методов, а с их более точной настройкой под новые условия жизни, прежде всего цифровые, информационные и институционально сложные.

Список источников

1. Беляева Г.С., Капустина И.Ю., Белоусова К.А. Конституционно-правовой режим как разновидность отраслевых правовых режимов: теоретико-правовой ракурс // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. – С. 7–10.
2. Саудаханов М.В. Имплицитность основных обязанностей человека и гражданина как способ реализации запрета в конституционно-правовом регулировании // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. – С. 127–131.
3. Нигметзянов А.А. Мотивационная составляющая управомочивающих конституционных норм // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 9. – С. 192–198.
4. Минникес И.А. Обязывание как способ конституционно-правового регулирования: понятие, виды, техника изложения // Legal Concept = Правовая парадигма. 2025. Т. 24, № 4. – С. 13–19.
5. Шепель В.В. Правовое регулирование конституционных прав и свобод человека и гражданина на информацию // Закон и право. 2025. № 9. – С. 177–180.
6. Канамготов К.А. Трансформация форм государства: комплексное историко-правовое исследование // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4(60). – С. 184–193.

УДК 343.6

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЭМБРИОНА (ПЛОДА) В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Атаева Д.Р.,
аспирант кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»; адвокат Коллегии адвокатов № 1 г. Владикавказа Адвокатской палаты РСО-Алания
Айсханова Е.С.,
заведующий кафедрой уголовного права, процесса и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В настоящей работе предпринята попытка определить границы уголовно-правовой охраны человеческого эмбриона (плода). Актуальность выбранной темы заключается в том, что момент начала жизни человека не совпадает с моментом начала ее охраны уголовно-правовыми нормами. Необходимо также отметить, что в Российской Федерации не закреплен на законодательном уровне правовой статус еще не родившегося ребенка. Полемика о необходимости и способах закрепления такого статуса не утихает годами.*

Неоднократно представителями правоохранительных органов России предлагалось ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации понятие «плод», введя таким образом уголовную ответственность лишь для медицинского персонала за его гибель. Однако целесообразно обратить внимание на то, что нередко жертвами преступных посягательств становятся женщины, находящиеся в состоянии беременности, и субъектами этих посягательств в большинстве случаев выступает не медицинский персонал.

В связи с изложенным, целесообразно внести поправки в ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации и других правовых актов, предусмотрев уголовную ответственность не только за причинение вреда здоровью женщины, находящейся в состоянии беременности, но и непосредственно за вред, в том числе гибель эмбрион (плода) в результате преступного посягательства.

Ключевые слова: *человеческий плод; эмбрион; уголовно-правовая охрана; уголовное право; защита; субъект права.*

ON THE ISSUE OF THE LEGAL PERSONALITY OF THE HUMAN EMBRYO (FETUS) IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ataeva D.R.,
Postgraduate student of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security of Kadyrov Chechen State University Lawyer of the Bar Association № 1 of the city of Vladikavkaz of the Bar Association of the Republic of North Ossetia-Alania
Aiskhanova E.S.,
Head of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security, Kadyrov Chechen State University

Abstract. *This paper attempts to define the boundaries of criminal law protection for the human embryo, fetus. The relevance of this topic lies in the fact that the beginning of human life does not coincide with the moment when it is protected by criminal law. It should also be noted that the legal status of the unborn child is not enshrined in law in the Russian Federation. The debate over the need and means of enshrining such status has raged for years.*

Russian law enforcement officials have repeatedly proposed introducing the concept of "fetus" into the Criminal Code of the Russian Federation, thereby making criminal liability limited to medical

personnel for its death. However, it is worth noting that pregnant women are often the victims of criminal assaults. These assaults often result in the death of the fetus, and the perpetrators are certainly not medical personnel.
In view of the above, it would be appropriate to amend a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation to provide for criminal liability not only for causing harm to the health of a pregnant woman, but also for harm directly caused, including the death of the fetus, as a result of a criminal offense.
Keywords: *human fetus; mbryo; criminal law protection; criminal law; protection; subject of law.*

В статье 20 Конституции Российской Федерации указано, что каждый имеет право на жизнь [1]. Жизнь человека является и главным объектом охраны уголовного права. Именно в этой связи Особенная часть Уголовного кодекса открывается Разделом VII «Преступления против личности», Главой 16 «Преступления против жизни и здоровья» [3]. Несмотря на это, проблемы уголовно-правовой защиты личности, в частности защиты здоровья, сегодня нельзя назвать решенными.

Необходимо отметить, что право на жизнь, согласно Конституции Российской Федерации, определяется с момента появления на свет – рождения. Аналогичный подход к правосубъектности человеческого эмбриона имеют и ряд других стран, таких как Испания, Швейцария, Франция и др. Но есть и другие подходы к определению правосубъектности человеческого эмбриона (плода). В нормативно-правовых актах Чешской Республики, а именно в ст. 6 гл. 2 Конституции, Словацкой Республики (гл. 2 ст. 15) говорится о том, что жизнь человека необходимо охранять еще до момента появления на свет [6, с. 135].

В Соединенных Штатах Америки, в случае если мать убьет ребенка в своем утробе, ей может грозить наказание в виде пожизненного лишения свободы. Зарубежные нормативно-правовые акты в целом достаточно серьезно относятся к уголовно-правовой охране жизни человеческого эмбриона, плода в период его нахождения в утробе матери.

Вопросы правосубъектности человеческого эмбриона, плода особенно остро стоят ввиду стремительно развивающейся медицины в области репродукции. Для детального анализа рассматриваемой проблематики необходимо обратиться к понятию «эмбрион». Эмбрион – это зародыш до 9 недель, далее до самих родов – это уже человеческий плод.

Научно доказано, что плод, появившийся на свет на сроке 22 недели, считается вполне жизнеспособным. Например, в 2023 году в Санкт-Петербурге на 22-й неделе беременности (а это всего 120 дней беременности) на свет появился мальчик по имени Эдгар. Его вес на момент родов составил 322 грамма. Новорождённый помещался на ладони, но уже спустя год он был здоров согласно клиническим показателям [5].

При рассмотрении вопроса правосубъектности человеческого эмбриона, плода важно рассмотреть теологический подход к определению начала жизни. Сегодня в мире выделяют три основные религии: ислам, буддизм, христианство. И все три религии считают началом течения жизни появление зародыша (эмбриона) в утробе женщины.

Согласно действующему российскому законодательству, право на жизнь возникает в момент рождения человеческого плода, но сложность понимания данного вопроса кроется и в том, что рождение – это не одномоментный акт, а зачастую длительный процесс.

В нашей стране действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», а именно ст. 53, согласно которой моментом рождения плода является момент его отделения от организма матери в процессе родов [4]. Более того, ребенок при рождении считается живым, если у него прослеживается сердцебиение, дыхание и другие признаки.

Вследствие изложенного можно предположить, что при отсутствии указанных признаков при рождении ребенка он не может считаться живым. Однако известны случаи, когда дети, только появившиеся на свет, выживали даже после проведенного аборта.

В рамках рассматриваемой темы научной работы необходимо отметить, что сегодня в рамках российского уголовного права действия, направленные на причинение вреда,

уничтожение непосредственно эмбриона (плода), не подпадают под отдельную квалификацию уголовно-правовой нормы. Такие действия будут расцениваться как причинившие непосредственно вред жизни/здоровью женщины, находящейся в состоянии беременности.

Рассмотрим посягательство на жизнь женщины, находящейся в состоянии беременности (ст. 105 УК РФ). Для квалификации содеянного, согласно п. «г» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, не играет роли, на каком сроке беременности находилась жертва. Даже если предположить, что женщина была на девятом месяце беременности, то есть плод был вполне жизнеспособен, и фактически посягающий субъект преступления лишает жизни не только женщину, но и полностью сформировавшегося ребенка, ответственность для него наступит лишь за лишение жизни матери с отягчающими наказание обстоятельствами (квалифицирующим фактором) в виде беременности жертвы.

В Российской Федерации сложилась общепризнанная практика, имеющая законные основания: нерожденный плод не является человеком, он всего лишь придаток организма матери, приравненный к органу, части тела. Однако, в противовес этой укоренившейся практике, необходимо отметить, что уже через несколько дней после зачатия у эмбриона формируются нервная, дыхательная и пищеварительная системы, а также некоторые внутренние органы.

На третьей неделе беременности у эмбриона начинается сердцебиение, начинает работать кровеносная система. Примерно на 10–11 неделе развития плод уже имеет индивидуальные отпечатки пальцев, может осуществлять движения языком и глазами. Уже на 11–12 неделе беременности плод может реагировать на тепло, свет, резкие звуки.

В пользу защиты человеческого эмбриона, плода говорят некоторые нормы отечественного законодательства, в основном гражданско-правового. Так, например, согласно положениям ст. 1166 Гражданского кодекса Российской Федерации, в случае зачатого, но неродившегося наследника, раздел имущества может быть произведен после его рождения [2]. Возникает закономерный вопрос: если государство защищает гражданские (в данном случае имущественные) права еще не родившегося ребенка, то почему его внутриутробная жизнь никак не защищена?

К сожалению, уголовное право не содержит норм, направленных на защиту эмбриона, плода в период его нахождения в утробе матери. В свою очередь, некоторые нормы Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают санкции, устанавливающие ответственность в случае посягательства на жизнь женщины, находящейся в состоянии беременности. К ним можно отнести:

- ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации – Незаконное проведение искусственного прерывания беременности;
- ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации – Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и ст. 118 Уголовного кодекса Российской Федерации – Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности [7, с. 246].

Необходимо подчеркнуть, что в данных нормах предусмотрена ответственность за причинение вреда здоровью самой женщине, а не плоду, находящемуся в ее утробе.

Ранее в данной работе уже упоминался пункт «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ – Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Выделение в отдельный пункт данного состава преступления говорит о том, что законодатель хотел усилить охрану непосредственно самой личности женщины, находящейся в положении.

В данной работе нельзя обойти стороной и вопрос причинения смерти плоду непосредственно в процессе самих родов. Роды – это физиологический процесс изгнания плода из организма матери после достижения плодом жизнеспособности.

На данном этапе необходимо упомянуть ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации – Убийство матерью новорожденного ребенка. Данная норма предусматривает ответственность за убийство новорожденного как во время прохождения через родовые пути,

так и после. Но необходимо отметить: если ребенок не отделен от тела матери, не полностью прошел через родовые пути и в случае его умерщвления в этот период, действия матери могут быть квалифицированы как прерывание беременности (аборт), хотя фактически жизни может быть лишен вполне жизнеспособный человеческий плод.

Видится вполне обоснованным считать убийством плода преступлением против личности действия, направленные на его умерщвление, независимо от того, окончены роды или нет, отделился плод от тела матери или находится еще в нем.

С учетом данных передовой современной медицинской науки имеются все основания полагать, что посягательство на жизнь человеческого плода есть ни что иное, как посягательство на жизнь человека, то есть преступление против личности.

Необходимо привести современное российское законодательство в соответствие с современными реалиями и достижениями медицины, признав человеческий эмбрион (плод) правосубъектным. Для этого в первую очередь видится необходимым внести поправки в действующее законодательство, а именно в ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», сформулировав ее следующим образом:

- претерпеть изменения должна в первую очередь название ст. 53: к формулировке «Рождение ребенка» необходимо добавить «и момент начала жизни»;

- ч 1. ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» необходимо дополнить формулировкой: «Моментом начала жизни считается момент начала сердцебиения у плода».

Далее, после внесения предложенных поправок в Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», необходимо внести соответствующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, наделив тем самым правосубъектностью человеческий эмбрион (плод).

Так, например, ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо дополнить пунктом «п»: «Убийство эмбриона, плода, находящегося в утробе матери». Уголовный кодекс также будет необходимо дополнить новым составом преступления – ст. 106. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью неродившегося эмбриона (плода)».

Также, в силу предложенных поправок в Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», ряд иных статей Уголовного кодекса Российской Федерации должны будут претерпеть изменения для обеспечения гарантии на уголовно-правовую охрану жизни человеческого эмбриона (плода).

Сегодня данный вопрос весьма значим, особенно в силу сложнейшей демографической обстановки в нашем государстве. Меры, предпринимаемые правительством нашей страны для повышения рождаемости, конечно, своевременны, но без охранительных мер человеческой жизни еще не родившегося плода они недостаточны.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием, с изм. и доп. от 01.07. 2020 г.) // Российская газета № 237 от 25 декабря 1993 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. от 31.07.2025 г.) // Российская газета № 233 от 28 ноября 2001 г.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25, ст. 2954.
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» (с изм. и доп. от 29.12.2025 г.) // Российская газета № 263 от 23 ноября 2011 г.
5. Бешлей Н.Р. Определение и нормативное закрепление начала человеческой жизни как одно из оснований в признании эмбриона и плода человека в качестве квазисубъектов права // Пролог: журнал о праве. 2024 г. № 3. – С. 59–70.
6. Казакова В.А. Уголовно-правовой статус нерожденного ребенка в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2025 г. Вып. 2 (855). – С. 133–137.
7. Петрова А.И. Человеческий эмбрион как потенциальный субъект права // Теория и практика общественного развития. 2024 г. № 5. – С. 242–249.

УДК 34:004

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Ахмадов Д.И.,
студент 2 курса направления «Программная инженерия»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

***Аннотация**. В статье исследуются актуальные правовые проблемы защиты персональных данных студентов в условиях развития цифровой образовательной среды. Рассматриваются особенности обработки персональных данных обучающихся при использовании электронных информационных систем, дистанционных образовательных платформ, сервисов видеоконференцсвязи и иных цифровых ресурсов. Анализируются основные риски, связанные с утечкой сведений, несанкционированным доступом, избыточным сбором информации и недостаточной правовой осведомленностью субъектов данных. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения требований законодательства Российской Федерации, организации внутренней системы информационной безопасности образовательных организаций и совершенствования локального регулирования. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к защите персональных данных студентов, сочетающего правовые, организационные и технические меры.*
***Ключевые слова:** персональные данные, цифровая образовательная среда, студенты, защита информации, информационная безопасность, образовательное право, конфиденциальность, цифровизация.*

LEGAL PROBLEMS OF PROTECTING STUDENTS' PERSONAL DATA IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Akhmadov D.I.,
2nd year student in the field of Software Engineering
Kadyrov Chechen State University

***Abstract**. The article examines current legal problems of protecting students' personal data in the context of the development of the digital educational environment. The features of processing students' personal data when using electronic information systems, distance learning platforms, video conferencing services and other digital resources are considered. The main risks associated with data leakage, unauthorized access, excessive collection of information and insufficient legal awareness of data subjects are analyzed. Particular attention is paid to compliance with the legislation of the Russian Federation, organization of internal information security systems in educational institutions and improvement of local regulation. It is concluded that a comprehensive approach combining legal, organizational and technical measures is necessary for effective protection of students' personal data.*
***Keywords**: personal data, digital educational environment, students, information protection, information security, educational law, confidentiality, digitalization.*

В условиях цифровизации сфер жизни общества система высшего образования активно использует современные информационные технологии. Электронные журналы, личные кабинеты обучающихся, сервисы дистанционного обучения, платформы тестирования, облачные хранилища и мобильные приложения стали частью повседневного образовательного процесса. Использование указанных решений повышает доступность образования, простоту и эффективность взаимодействия между участниками учебного процесса, но одновременно ставит вопрос о защите персональных данных студентов.

Персональные данные относятся к числу сведений, затрагивающих сферу частной жизни гражданина. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному либо определяемому физическому лицу [3]. В рамках образовательной деятельности к таким сведениям относятся фамилия, имя, отчество студента, дата рождения, контактные данные, сведения о месте обучения, результаты аттестации, данные о посещаемости, фотографии, сведения о социальных льготах и иная информация, необходимая для организации учебного процесса.

Специфика цифровой образовательной среды заключается в постоянной обработке большого массива данных в электронном виде. В отличие от традиционного бумажного документооборота, цифровые системы обеспечивают быстрый доступ к информации, её копирование, передачу и хранение на различных носителях. Это упрощает административные процедуры и рутинные процессы, снижая нагрузку на персонал. Однако увеличение количества операций с данными объективно повышает вероятность утраты сведений, несанкционированного доступа или нарушения режима конфиденциальности.

Главный правовой вопрос: где проходит граница допустимой обработки данных? Образовательная организация вправе запрашивать и использовать только те сведения, которые необходимы для учёбы. Запрос информации, не связанной с целями, разрешёнными законом, может рассматриваться как избыточный сбор данных, противоречащий принципу соразмерности обработки [1, с. 57].

Сложности появляются при работе с цифровыми сервисами, которые автоматически собирают техническую информацию о пользователях: IP-адреса, данные об устройствах, время входа в систему, историю действий в личном кабинете. Подобные сведения могут использоваться для обеспечения безопасности и стабильной работы платформы, но вуз обязан заранее прописать, на каком законе основан такой сбор, и объяснить студентам в ясной форме, какие именно данные будут обработаны и зачем.

Особую опасность представляет неправомерный доступ к персональным данным. Он возникает из-за слабой парольной политики, использования устаревшего программного обеспечения, передачи данных по незащищенным каналам либо отсутствия контроля за действиями пользователей. При массовом использовании цифровых сервисов даже единичная техническая ошибка способна затронуть сведения значительного количества студентов.

Отдельного внимания заслуживает проблема человеческого фактора. Нарушения конфиденциальности нередко происходят не вследствие внешних атак, а по причине неосторожных действий работников и пользователей: передачи логинов третьим лицам, использования общедоступных устройств без завершения сеанса, направления документов не тому адресату, хранения служебной информации на личных носителях. Следовательно, правовая защита данных невозможна без ответственного обращения с информацией. Яркой иллюстрацией указанных рисков служит пример из судебной практики: мировым судьёй судебного участка № 13 Промышленного района г. Ставрополя в июне 2024 года было рассмотрено дело. Как следует из материалов дела, личное дело студента было оставлено без надлежащего хранения, вследствие чего иное лицо получило доступ к содержащимся в нём персональным данным, сфотографировало соответствующие сведения и распространило полученные персональные данные через мессенджер Telegram. По итогам рассмотрения дел № 5-283/2024 и № 5-320/2024 суд привлёк образовательную организацию к административной ответственности по ч. 6 ст. 13.11 КоАП РФ на 50 000 рублей, а физическое лицо – по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ на 2 000 рублей [4]. Данный пример подтверждает значимость соблюдения как организационных, так и правовых мер защиты персональных данных.

Сторонние образовательные платформы и сервисы видеосвязи тоже создают зону риска. Здесь в обработке данных студентов участвуют не только сами образовательные организации, но и владельцы этих информационных систем. Чтобы снизить риски, нужно заранее определить объем передаваемых сведений, цели их использования, сроки хранения и

распределение ответственности между участниками обработки. Без чётких правил страдают права студентов как субъектов персональных данных.

Также одним из важных аспектов является информированное согласие. Формальное подписание документов без объяснения их содержания не обеспечивает полноценную реализацию прав обучающегося. Студент должен понимать, какие именно сведения обрабатываются, на каком основании это происходит, каковы сроки хранения данных, каким образом можно запросить уточнение информации либо обратиться с требованием о прекращении обработки в предусмотренных законом случаях. Чем яснее студенту его права, тем реальнее правовая защита.

Внутренние документы образовательной организации играют существенную роль в защите персональных данных. Политика конфиденциальности, положения об информационных системах, инструкции для сотрудников, регламенты по инцидентам и порядок доступа к сведениям должны быть понятными, актуальными и применяться на деле. Формальное наличие документов без реального исполнения не обеспечивает надлежащей защиты.

Превентивные меры – неотъемлемая часть защиты данных. Речь идёт о сложных паролях и многофакторной аутентификации, создании регулярных бэкапов информации, ограничении доступа по ролям, защите транслируемых сведений криптографическими методами, обновлении ПО и мониторинге подозрительной активности. Все эти меры важны не только для IT-службы, но и с правовой точки зрения: они позволяют оператору соблюсти требования законодательства по обеспечению защиты персональных данных.

Представляется необходимым уделять повышенное внимание защите данных несовершеннолетних обучающихся, а также студентов, относящихся к социально уязвимым группам. Компрометация сведений о здоровье, мерах соцподдержки или биометрических идентификаторов может привести к дискриминации или нарушению неприкосновенности частной жизни [2]. Поэтому для таких данных требуется специальный правовой режим. Минимизировать риски поможет усиление контроля и внедрение дополнительных организационных гарантий.

В перспективе значение данной проблемы будет расти экспоненциально. Интеграция алгоритмов искусственного интеллекта, систем автоматизированного анализа успеваемости, биометрических средств доступа и различных цифровых помощников, по всей вероятности, приведет к росту объема обрабатываемых данных. Это выглядит почти неизбежно. Чем удобнее становятся сервисы, тем больше сведений они начинают запрашивать и сохранять. Отсюда возникает необходимость заранее совершенствовать правовое регулирование, а не тогда, когда проблема уже проявилась. Вероятно, потребуется и более ясное закрепление этических стандартов обработки информации, поскольку одного технического прогресса здесь недостаточно. При этом важно не потерять баланс между развитием технологий и защитой прав человека, хотя на практике удержать его бывает непросто.

Защита персональных данных студентов в цифровой среде представляет собой комплексную задачу. Она касается интересов самого обучающегося, образовательной организации и государства. В определенной степени затрагивается и общественный интерес, поскольку речь идет о доверии к системе образования в целом. Решение данной задачи возможно при соблюдении нескольких базовых условий: точном исполнении требований закона, разумном ограничении объема собираемых сведений, прозрачности процедур обработки данных, повышении цифровой грамотности работников и студентов, а также постоянном совершенствовании технических средств защиты. Перечень, конечно, не исчерпывающий, но основное направление видится именно таким.

Следует признать, что сама по себе цифровизация образования не создает угрозу правам студентов. По крайней мере, не напрямую. Риски чаще возникают там, где отсутствует организационная дисциплина, контроль носит формальный характер, а вопросы информационной безопасности воспринимаются как второстепенные. Иногда проблема связана даже не с технологией, а с небрежностью пользователей. Это наблюдается достаточно

часто. Следовательно, при грамотном управлении цифровая образовательная среда вполне способна сочетать технологическую эффективность с надежной защитой частной жизни обучающихся.

Основной вывод состоит в том, что высшая школа должна развиваться не только через внедрение новых сервисов и платформ. Этого уже недостаточно. Не менее важно последовательно укреплять правовые гарантии обработки персональных данных, совершенствовать локальные регламенты и формировать ответственное отношение к информации у всех участников учебного процесса. Доверительная и безопасная образовательная среда возникает не автоматически, а как результат системной работы. Именно такой подход, как представляется, в наибольшей степени отвечает вызовам XXI века.

Список источников

1. Бачило И.Л. Информационное право: учебник. – Москва: Юрайт, 2023. – 419 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок) // Российская газета. 1993. № 237.
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.
4. Штефан Е. Никаких секретов: колледж и студентку оштрафовали за утечку данных через Telegram // Известия. 2024, 23 сентября. Режим доступа: https://iz.ru (дата обращения: 28.04.2026).

УДК 340.12

АКТУАЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ГУРВИЧА В СОВРЕМЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ахъядов Эльдар С.-М.
ассистент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных научных публикаций, в которых раскрывается значение юридического наследия Гурвича для развития процессуальной, теоретико-правовой и конституционно-правовой мысли. Исследуются подходы Е.С. Кощеевой, Р.Ф. и Г.Н. Степаненко, Д.А. Русанова, И.Л. Данилевской и Ю.Н. Старилова к интерпретации идей М.А. Гурвича, Г.Д. Гурвича и Г.С. Гурвича. Показано, что современное обращение к их трудам связано не только с историко-правовым интересом, но и с потребностью в обновлении понятийного аппарата юридической науки. Особое внимание уделяется вопросам природы административного иска, правового плюрализма, правового сотворчества, советской государственно-правовой доктрины и теории судебного решения. Делается вывод о том, что научное наследие Гурвича сохраняет методологическую и теоретическую ценность, поскольку позволяет по-новому осмыслить соотношение права, государства, общества и правосудия в современной юридической науке.*
Ключевые слова: *Гурвич, научное наследие, теория права, философия права, правовой плюрализм, административный иск, судебное решение, конституционное право, юридическая наука, правотворчество.*

THE RELEVANCE OF GURVICH'S SCHOLARLY LEGACY IN CONTEMPORARY LEGAL RESEARCH

Akhyadov Eldar S.-M.
Assistant of the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of contemporary scholarly publications that reveal the significance of Gurvich's legal legacy for the development of procedural, theoretical-legal, and constitutional-legal thought. The approaches of E.S. Koshcheeva, R.F. Stepanenko, G.N. Stepanenko, D.A. Rusanov, I.L. Danilevskaya, and Yu. N. Starilov to the interpretation of the ideas of M.A. Gurvich, G.D. Gurvich, and G.S. Gurvich are examined. It is shown that the current appeal to their works is connected not only with historical and legal interest, but also with the need to renew the conceptual framework of legal science. Special attention is paid to the nature of the administrative claim, legal pluralism, legal co-creation, Soviet state-law doctrine, and the theory of judicial decision. It is concluded that Gurvich's scholarly legacy retains methodological and theoretical value, as it makes it possible to reconsider the relationship between law, the state, society, and justice in contemporary legal science.*
Keywords: *Gurvich, scholarly legacy, theory of law, philosophy of law, legal pluralism, administrative claim, judicial decision, constitutional law, legal science, law-making.*

Современное обращение к трудам Гурвича объясняется не только историко-правовым интересом. В новейших публикациях его идеи используются как рабочий инструмент для решения разных задач процессуального, теоретико-правового и конституционного характера. Это особенно заметно в тех исследованиях, где наследие ученого рассматривается не как музейный объект, а как источник действующих понятийных моделей. Такой подход

прослеживается у Е.С. Кощеевой, Р.Ф. и Г.Н. Степаненко, Д.А. Русанова, И.Л. Данилевской и Ю.Н. Старилова.

Работа Е.С. Кощеевой ценна тем, что она переносит идеи М.А. Гурвича в сферу административного судопроизводства. Автор не ограничивается общей ссылкой на классика процессуальной науки, а выстраивает через его концепцию внутреннюю логику возникновения административного иска. В центре внимания находится положение о том, что при формировании иска имеет место «трёхэтапное» развитие правоотношения [Кощеева, 2025, с. 232]. Эта цитата важна не сама по себе, а как конструктивный узел всей статьи. Кощеева показывает, что иск не возникает мгновенно. Он созревает поэтапно, а значит, публичный спор должен анализироваться не только в момент обращения в суд, но и на предшествующих стадиях правовой трансформации.

Сильная сторона статьи Кощеевой состоит в ее методологической дисциплине. Автор не смешивает частноправовой и публично-правовой материал механически. Напротив, внимание сосредоточено на том, что административный иск нельзя описывать по гражданско-правовой инерции. В этом проявляется самостоятельная позиция исследователя. Она исходит из того, что публичное правоотношение обладает иным центром тяжести, а потому и исковая форма здесь приобретает особое содержание. Эта мысль выглядит убедительно, поскольку в российской науке долго сохранялась тенденция подводить административный иск под уже готовые процессуальные шаблоны. Кощеева от этой упрощенности отказывается.

Иной ракурс представлен в статье Р.Ф. и Г.Н. Степаненко. Здесь Гурвич прочитывается прежде всего как мыслитель, связывающий право с коммуникацией, сотрудничеством и признанием. Авторы подчеркивают, что категории «общение», «коммуникация», «сотрудничество» образуют ту социальную тотальность, которая делает право общепризнанным [Степаненко, Степаненко, 2025, с. 30]. Это уже не процессуальная, а философско-правовая оптика. Право предстает не только как нормативный текст, но и как результат совместной социальной выработки.

Позиция Степаненко принципиальна. Авторы явно спорят с юридическим позитивизмом, который замыкает право на государственном велении. Для них Гурвич важен как теоретик, позволяющий вернуть в юридический анализ гражданское общество, нравственное признание и общественный интерес. При этом статья не растворяется в абстракциях. В ней проводится мысль о недостаточности одной только догмы права для понимания современного правотворчества. Это придает работе полемический нерв. Ее ценность состоит в том, что она напоминает о простом, но часто игнорируемом обстоятельстве. Норма может быть юридически оформленной, но при этом социально непризнанной. В таком случае ее регулятивная сила неизбежно ослабевает.

Статья Д.А. Русанова продолжает эту линию, но делает акцент уже на самом ядре гурвичевской концепции. Автор приводит определение, согласно которому право для Гурвича есть «претворение в реальность общественной солидарности, попытка осуществить в данных условиях социальный идеал справедливости» [Русанов, 2025, с. 332]. В этой формуле заметно главное: право не сводится к приказу и не исчерпывается санкцией. Оно укоренено в социальной связи.

Русанов последовательно показывает, что правовой плюрализм Гурвича направлен против монополии государства на правообразование. Это одна из самых содержательных сторон статьи. Автор не просто воспроизводит известные положения, а раскладывает их на несколько блоков: социальное право, индивидуальное право, право организованных институтов, нормативные факты, множественность уровней правовой жизни. За счет этого работа приобретает системность. Одновременно Русанов не уходит от критики. Он указывает на расплывчатость ряда понятий и на трудности практического применения столь сложной конструкции. Такая оговорка делает статью научно добросовестной. Она не превращается в апологию, а сохраняет аналитическую дистанцию.

На этом фоне публикация И.Л. Данилевской решает другую задачу. Она возвращает внимание к советской государственно-правовой мысли и подчеркивает, что обращение к

трудам советских ученых-государствоведов по-прежнему является актуальной исследовательской задачей [Данилевская, 2023, с. 305]. Здесь особенно важно то, что автор не упрощает исторический материал до идеологической схемы. Напротив, Данилевская показывает, что даже в рамках советского конституционализма существовали серьезные теоретические разработки по вопросам суверенитета, федерализма, автономии и демократии.

Исследовательская позиция Данилевской выглядит взвешенной. С одной стороны, ею признается идейная обусловленность трудов Г.С. Гурвича. С другой стороны, не допускается редукция его наследия к политической публицистике своей эпохи. В этом и заключается научная значимость статьи. Она предлагает рассматривать тексты советского периода как источник не только для исторических справок, но и для реконструкции логики становления отечественной государственно-правовой доктрины. Такой подход представляется продуктивным. История юридической мысли обедняется всякий раз, когда из нее заранее исключаются идеологически неудобные, но интеллектуально значимые концепции.

Особое место занимает статья Ю.Н. Старилова о труде М.А. Гурвича, посвященном судебному решению. Ее достоинство – в предельной концентрации на одном фундаментальном вопросе. Через анализ монографии раскрывается не только значение конкретной книги, но и общий масштаб процессуального мышления Гурвича. Наиболее показательной выглядит приведенная в статье формула, согласно которой «законное решение действительно всегда обоснованное, но не наоборот: обоснованное решение может быть и незаконным» [Старилов, 2020, с. 43]. Эта мысль и сегодня звучит исключительно современно. Она отделяет фактическую убедительность решения от его нормативной безупречности и тем самым предостерегает от смешения истины, доказанности и законности.

Старилов фактически демонстрирует устойчивость классической процессуальной доктрины. Автор статьи подчеркивает, что идеи Гурвича о природе судебного решения, его обязательности, законной силе и месте в процессуальном правоотношении сохраняют исследовательскую ценность и в настоящее время. В этом проявляется не только уважение к научной традиции, но и вполне определенная авторская оценка. Она состоит в признании того, что современная теория судебного решения не может развиваться в отрыве от разработок советской процессуальной школы. Такой вывод трудно оспорить. Именно в вопросах о судебном акте история права особенно часто оказывается не прошлым, а продолжающимся спором о критериях правильного правосудия.

Сопоставление этих статей позволяет выделить несколько направлений современного освоения наследия Гурвича. Первое направление связано с процессуальной реконструкцией классических категорий. Его представляет Кощеева. Второе выражено в философско-правовом осмыслении социального признания права и роли совместного правотворчества. Здесь наиболее показательна работа Степаненко. Третье направление связано с разработкой плюралистической модели права, где государство теряет исключительность как источник нормативности. Эту линию проводит Русанов. Наконец, четвертое направление ориентировано на историко-доктринальную переоценку советской юридической науки. Его отчетливо демонстрируют Данилевская и Старилов.

При этом все рассмотренные авторы сходятся в одном: наследие Гурвича не является однородным. Оно не сводится ни к гражданскому процессу, ни к философии права, ни к государствоведению. В этом как раз и заключается его устойчивость. Разные исследователи находят в нем разные опорные точки, но каждая из них оказывается востребованной в современной дискуссии. Отсюда следует важный вывод: значение Гурвича определяется не только содержанием отдельных тезисов, но и типом мышления, который он задает. Это мышление не терпит упрощений, избегает одномерных схем и настаивает на связи права с социальной реальностью, процедурой и ценностью одновременно.

Именно здесь проявляется и собственная оценка рассматриваемого корпуса статей. Их достоинство состоит в отказе от формального цитирования авторитета. Во всех пяти публикациях Гурвич не украшает текст, а работает внутри аргументации. Вместе с тем заметно и общее ограничение: не во всех случаях авторы в полной мере доводят историко-

теоретические положения до уровня прикладных выводов для сегодняшнего правоприменения. Между доктриной и юридической практикой еще сохраняется дистанция. Однако сама постановка вопроса уже важна. Она показывает, что возвращение к крупным теоретикам прошлого может быть формой движения вперед, а не шагом назад.

Согласно Г.Д. Гурвичу, нормативный факт – это то, что является социальной действительностью, источником права во всей его идеальной сущности и внешней эмпирической определенности [6, с. 149–155].

В итоге можно заключить, что современные статьи о Гурвиче фиксируют возобновление серьезного интереса к фундаментальным основаниям права. Это интерес не к биографии и не к юбилейной памяти. Речь идет о более существенном процессе. Современная юридическая наука вновь ищет язык, который позволил бы соединить норму и общество, государство и коммуникацию, иск и правоотношение, судебное решение и законность. Именно поэтому труды Гурвича продолжают звучать убедительно и сегодня.

Список источников

1. Кощеева Е.С. Понимание природы административного иска через призму научных взглядов М.А. Гурвича // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. – С. 230–237. DOI: 10.17223/15617793/515/27.
2. Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н. Правовое сотворчество в научных воззрениях Г. Гурвича. Философско-правовые аспекты // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. – С. 29–41. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.29-41.
3. Русанов Д.А. Концепция правового плюрализма Георгия Давидовича Гурвича // Вестник науки. 2025. № 11 (92). Т. 1. – С. 331–334.
4. Данилевская И.Л. Вопросы государственного (конституционного) права в трудах советского юриста Г.С. Гурвича // Образование и право. 2023. № 7. – С. 305–308. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-305-308.
5. Старилов Ю.Н. О значении научного труда доктора юридических наук, профессора М.А. Гурвича «Судебное решение. Теоретические проблемы» // Журнал административного судопроизводства. 2020. № 4. – С. 42–43.
6. Ахъядов Эльдар С-М. К вопросу о методологическом значении концепции нормативного факта в правовом учении Г.Д. Гурвича // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 4(60). – С. 149–155.

УДК 343.326

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ахъядов Э.С.-М.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (FEGS-2024-0017)

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных подходов к пониманию информационного терроризма как особого способа осуществления террористической деятельности в условиях цифровой трансформации общества. Рассматриваются основные формы его проявления, включая использование мессенджеров, распространение дезинформации, психологическое воздействие, кибератаки и применение современных информационно-коммуникационных технологий для координации преступной активности. Особое внимание уделено уголовно-правовым, институциональным, технологическим и профилактическим мерам противодействия информационному терроризму в Российской Федерации. Показано, что данное явление представляет собой не автономный вид терроризма, а специфическую форму террористической деятельности, основанную на использовании цифровой среды для дестабилизации общества и государства. Сделан вывод о том, что наиболее эффективная модель противодействия должна носить комплексный характер и сочетать совершенствование законодательства, развитие международного сотрудничества, повышение медиаграмотности населения и внедрение современных средств мониторинга информационных угроз.*

Ключевые слова: *информационный терроризм, цифровая среда, террористическая деятельность, дезинформация, кибертерроризм, мессенджеры, уголовно-правовое противодействие, медиаграмотность, информационная безопасность, цифровые технологии.*

INFORMATION TERRORISM IN THE DIGITAL ERA: FORMS OF MANIFESTATION AND COUNTERACTION STRATEGIES

Akhyadov E.S.-M.,
Ph.D. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern approaches to understanding information terrorism as a special method of carrying out terrorist activity in the context of the digital transformation of society. The main forms of its manifestation are examined, including the use of messengers, the spread of disinformation, psychological influence, cyberattacks, and the use of modern information and communication technologies to coordinate criminal activity. Particular attention is paid to criminal law, institutional, technological, and preventive measures aimed at countering information terrorism in the Russian Federation. It is shown that this phenomenon does not constitute an autonomous type of terrorism but rather represents a specific form of terrorist activity based on the use of the digital environment to destabilize society and the state. It is concluded that the most effective model of counteraction should be comprehensive and combine the improvement*

of legislation, the development of international cooperation, the enhancement of media literacy, and the implementation of modern tools for monitoring information threats.
Keywords: *information terrorism, digital environment, terrorist activity, disinformation, cyberterrorism, messengers, criminal law counteraction, media literacy, information security, digital technologies.*

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни, многократно ускорившаяся в последнее десятилетие, принесла человечеству не только очевидные блага, но и качественно новые угрозы. Среди них особое место занимает информационный терроризм – явление, не знающее государственных границ и способное дестабилизировать политическую ситуацию, подорвать доверие к институтам власти, спровоцировать панику и насилие без единого выстрела. Российская Федерация столкнулась с этим вызовом в полной мере, особенно в условиях проведения специальной военной операции и беспрецедентного санкционного давления. Осмысление сущности, форм проявления и стратегий противодействия информационному терроризму становится насущной задачей юридической науки и практики. Представленные в настоящем обзоре работы, написанные в 2024–2025 годах, позволяют сформировать комплексное представление о данной проблематике – от понятийного аппарата до конкретных уголовно-правовых механизмов.

Статья А.А. Шпак «К вопросу о противодействии информационному терроризму (на примере мессенджера Telegram)» фокусируется на одном из наиболее опасных каналов распространения террористического контента. Автор анализирует, почему именно Telegram стал излюбленным инструментом преступников. Среди ключевых причин называются сквозное шифрование, гарантирующее конфиденциальность переписки, возможность создания анонимных каналов и чатов, а также экстерриториальность платформы, не подчиняющейся российскому законодательству. Шпак приводит конкретный пример – теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, где вербовка исполнителей и координация их действий осуществлялись именно через этот мессенджер.

Центральный тезис исследователя сформулирован предельно конкретно. «Telegram предоставляет преступникам возможность тайно общаться, начиная с вербовки и обучения будущего преступника и заканчивая созданием так называемых закрытых "спящих ячеек" террористических группировок» [1, с. 3].

Позиция Шпак отличается практической направленностью. Она не ограничивается констатацией угрозы, а предлагает конкретные меры противодействия: введение в мобильных приложениях коротких видеороликов об ответственности за преступления террористической направленности, принятие специального закона «О социальных сетях и мессенджерах». Автор справедливо отмечает, что существующие правовые механизмы не поспевают за стремительным развитием цифровых технологий, а отсутствие юрисдикции над зарубежными платформами существенно затрудняет оперативно-розыскную деятельность. Думается, что предложение о законодательном регулировании мессенджеров заслуживает самого пристального внимания, хотя его реализация неизбежно столкнется с дилеммой баланса между требованиями безопасности и защитой права граждан на тайну переписки.

Более широкий, институциональный взгляд представлен в работе Э.С.-М. Ахъядова «Стратегии противодействия информационному терроризму в современной России: институциональные, правовые и социальные аспекты». Автор предлагает комплексную модель противодействия, включающую правовое регулирование, технологические решения и социально-образовательные инициативы. В отличие от Шпак, фокусирующейся на конкретном инструменте, Ахъядов выстраивает многоуровневую систему защиты, охватывающую все этапы – от профилактики до уголовного преследования.

В статье дается четкое определение ключевого понятия: «Информационный терроризм определяется как использование информационных ресурсов для нанесения ущерба государству, обществу или отдельным лицам через дезинформацию, кибератаки или психологические манипуляции» [2, с. 2].

Позиция автора характеризуется стремлением к системности. Он выделяет три блока мер. Правовой блок включает анализ действующего законодательства (ФЗ «Об информации», «О противодействии экстремистской деятельности», «О фейковых новостях») с указанием на его пробелы – отсутствие четких критериев «фейковой информации», недостаточное регулирование новых угроз вроде дипфейков. Технологический блок предполагает внедрение систем кибербезопасности, использование искусственного интеллекта для мониторинга и выявления аномалий. Социальный блок охватывает формирование медиаграмотности, программы цифровой безопасности для разных возрастных групп, повышение квалификации госслужащих. Такой подход представляется наиболее продуктивным, поскольку информационный терроризм многолик и не может быть побежден исключительно репрессивными мерами.

В другой своей работе «Уровни и меры противодействия информационному терроризму» Ахъядов углубляет анализ, перенося акцент на сопоставление национального и международного уровней регулирования. Автор констатирует, что ключевой проблемой остается отсутствие общепринятого и конкретного определения информационного терроризма в нормах как международного, так и национального законодательства. Это порождает трудности при квалификации деяний и разработке универсальных механизмов сотрудничества. Отмечается, что предложенный Россией в 2021 году проект Конвенции о противодействии использованию информационных и коммуникационных технологий в преступных целях до сих пор не рассмотрен, хотя мог бы стать новой международно-правовой основой для совместной борьбы.

Суть предлагаемого подхода выражена в итоговом суждении автора. «Противодействие информационному терроризму представляет собой комплекс взаимосвязанных между собой мер и средств в различных сферах общественной жизни – политической, культурной, экономической, образовательной, правовой» [3, с. 4].

Ахъядов подчеркивает, что вне уголовно-правовой сферы принимаемых государством мер явно недостаточно. Профилактике и предупреждению информационного терроризма уделяется мало внимания – нет специализированного законодательства, отсутствуют органы, целенаправленно занимающиеся этой работой. С этим трудно не согласиться. Действительно, существующая система в значительной степени реактивна – она реагирует на уже совершенные преступления, но не создает прочного заслона на этапе формирования преступного умысла и распространения деструктивного контента.

Теоретический фундамент для всех последующих построений закладывается в статье Ахъядова «Понятие и основные формы проявления информационного терроризма». Здесь автор обобщает доктринальные подходы к определению рассматриваемого явления, ссылаясь на работы Д.А. Ковлагиной, Д.В. Фатхи, И.М. Глотиной, и предлагает собственную классификацию форм проявления – психологическую, техническую (кибертерроризм) и облегчающую совершение иных преступлений террористического характера.

Особый акцент делается на масштабе потенциального воздействия: «Информационный терроризм способен оказать массовое влияние на личность человека посредством распространения дезинформации с использованием современных цифровых технологий» [4, с. 3].

Позиция автора здесь носит предупредительный характер. Он настойчиво проводит мысль о том, что информационный терроризм не является чем-то второстепенным или менее опасным по сравнению с «традиционным» терроризмом. Напротив, его способность одновременно воздействовать на сознание миллионов людей, не оставляя физических следов и не требуя непосредственного контакта с жертвой, делает его исключительно опасным. Интернет, благодаря своей доступности, анонимности и массовости аудитории, выступает идеальной средой для реализации преступных замыслов. Можно добавить, что эффект усиливается за счет алгоритмов социальных сетей, создающих «информационные пузыри» и способствующих быстрому распространению непроверенных, эмоционально заряженных сведений.

Наконец, уголовно-правовой аспект проблемы детально раскрыт в коллективной статье Э.С.-М. Ахъядова, Н.М. Альханова и М.М. Дадашова «Информационный терроризм: система преступлений». Авторы проводят скрупулезный анализ норм главы 24 Уголовного кодекса РФ, выявляя составы, содержащие элементы информационного терроризма. Все такие преступления разделены на две группы. Первую составляют деяния, которые могут быть отнесены к информационному терроризму только при условии их совершения с использованием информационных технологий (содействие террористической деятельности, прохождение обучения, организация террористического сообщества и участие в нем). Вторую – преступления, диспозиция которых прямо указывает на использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (публичные призывы к террористической деятельности, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации).

Обобщающий вывод статьи четко определяет место информационного терроризма в системе преступных посягательств. «Информационный терроризм по своей сущности является одним из проявлений террористической деятельности, ее особым способом, который основан на применении современных информационных технологий» [5, с. 3].

Позиция авторов этой статьи выглядит юридически точной и достаточно сдержанной. Они не настаивают на введении новых составов преступлений, а показывают, что действующий Уголовный кодекс уже содержит набор норм, позволяющих реагировать на подобные деяния. Основная трудность, по их мнению, связана не с нехваткой запретов, а с практикой их применения. Ключевым становится вопрос квалификации. Требуется ясно определить тот момент, когда использование цифровых инструментов переводит обычное преступное деяние в плоскость информационного терроризма. Подобный подход имеет прикладную ценность, поскольку напрямую связан с работой следственных органов и судов.

Сопоставление всех пяти публикаций позволяет выделить несколько важных выводов.

Прежде всего, в научной среде уже сложилось достаточно устойчивое понимание сущности информационного терроризма. Независимо от исследовательского угла, почти все авторы рассматривают его не как автономный вид терроризма, а как особый способ осуществления террористической деятельности, тесно связанный с применением цифровых технологий. Различия возникают главным образом в деталях. Одни авторы акцентируют внимание на психологическом воздействии, другие – на киберкомпоненте, третьи – на уголовно-правовой квалификации.

Далее обращает на себя внимание взаимодополняемость рассмотренных работ. Шпак дает прикладной и наглядный материал на примере конкретного мессенджера, что делает проблему особенно осязаемой. Ахъядов выстраивает более широкую теоретическую рамку и предлагает системное видение. Альханов и Дадашов сосредоточены на уголовно-правовом измерении. За счет этого складывается достаточно цельная картина, в которой одна работа усиливает другую, а не повторяет ее.

Кроме того, почти все исследователи сходятся в одном: нынешние меры противодействия нельзя считать достаточными. Предлагаемые решения различаются по направленности. Где-то акцент смещен на технический мониторинг и контроль цифровых платформ, где-то – на совершенствование законодательства, где-то – на образовательные программы и международное сотрудничество. Само это разнообразие показательно. Оно подтверждает, что речь идет о многослойной угрозе, с которой невозможно справиться только за счет ужесточения уголовной ответственности.

Оценка рассмотренного материала позволяет сделать и более жесткий вывод. Самым слабым звеном в системе противодействия информационному терроризму по-прежнему остается человек. Можно совершенствовать правовые механизмы, внедрять новые технологии наблюдения и анализа, усиливать контроль за цифровой средой, но при отсутствии базовых навыков критического восприятия информации результат будет ограниченным. Если гражданин не способен отличить достоверное сообщение от манипуляции, государственные

усилия неизбежно будут запаздывать. Именно поэтому идеи о развитии медиаграмотности и цифровой гигиены на всех уровнях образования выглядят не вспомогательной, а одной из центральных мер профилактики.

Не менее заметна и другая проблема. Российское регулирование довольно подробно описывает ответственность за распространение запрещенного контента, однако значительно слабее проработаны вопросы предупреждения и раннего выявления подобных угроз. В этом смысле система во многом остается реактивной. Она включается после того, как опасный контент уже создан, распространен и начал воздействовать на аудиторию. Создание специальных подразделений, ориентированных именно на превентивную работу в информационной среде, могло бы сделать противодействие гораздо более результативным.

Отдельно следует выделить международный аспект. Информационный терроризм по своей природе не укладывается в границы одного государства. Поэтому попытки бороться с ним исключительно внутренними средствами заведомо ограничены по эффекту. Без обмена данными, согласованных процедур и международной координации любые национальные меры будут работать лишь частично. В этом контексте продвижение российской инициативы о выработке универсальной конвенции по борьбе с киберпреступностью действительно может рассматриваться как одно из значимых направлений внешней политики в сфере безопасности.

Введение в статью УК РФ с наименованием «Информационный терроризм» позволило бы чётко очертить состав преступления, указать его квалифицирующие признаки и разграничить от смежных составов, таких как киберпреступность, экстремизм и хулиганство в цифровой среде [6, с. 105–111].

В итоге можно сказать, что рассмотренные статьи заметно продвигают научное понимание информационного терроризма и одновременно формируют основу для более практичных решений. Их ценность состоит не только в описании проблемы, но и в попытке предложить рабочие механизмы противодействия. В условиях усиливающейся цифровизации, роста информационного давления и расширения гибридных форм конфликта значение подобных исследований будет только возрастать.

Список источников

1. Шпак А.А. К вопросу о противодействии информационному терроризму (на примере мессенджера Telegram) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3. – С. 3.
2. Ахъядов Э.С.-М. Стратегии противодействия информационному терроризму в современной России: институциональные, правовые и социальные аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. – С. 2.
3. Ахъядов Э.С.-М. Уровни и меры противодействия информационному терроризму // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. – С. 4.
4. Ахъядов Э.С.-М. Понятие и основные формы проявления информационного терроризма // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. – С. 3.
5. Ахъядов Э.С.-М., Альханов Н.М., Дадашов М.М. Информационный терроризм: система преступлений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). – С. 3.
6. Ахъядов Эльман С-М. Уголовно-правовые аспекты противодействия информационному терроризму в Российской Федерации: вызовы и пути совершенствования // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 105–111.

УДК 343.326:004

КИБЕРТЕРРОРИЗМ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ахъядов Э.С-М.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (FEGS-2024-0017)

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных научных подходов к пониманию кибертерроризма и информационного терроризма как взаимосвязанных форм деструктивного воздействия в цифровой среде. Рассматриваются позиции исследователей из России, Беларуси и Азербайджана, раскрывающие классификацию кибертеррористических угроз, роль сети Интернет и мессенджеров в террористической и экстремистской деятельности, уголовно-правовые меры противодействия, а также социально-психологические и геополитические аспекты информационного воздействия. Показано, что современный терроризм все чаще переносится в сферу критической информационной инфраструктуры и массового сознания, а его последствия затрагивают не только безопасность отдельных лиц, но и устойчивость государства в целом. Обосновывается вывод о том, что эффективное противодействие данным угрозам возможно только на основе комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие международного сотрудничества, технологическое усиление правоохранительных органов и формирование у граждан навыков критического восприятия информации.*

Ключевые слова: *кибертерроризм, информационный терроризм, цифровая среда, критическая информационная инфраструктура, информационная безопасность, террористическая деятельность, дезинформация, уголовно-правовое противодействие, цифровой суверенитет, медиаграмотность.*

CYBERTERRORISM AND INFORMATION TERRORISM IN THE CONTEXT OF SOCIETY'S DIGITAL TRANSFORMATION: CONTEMPORARY THREATS AND LEGAL COUNTERMEASURES

Akhyadov E.S.-M.,
Ph.D. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern scholarly approaches to understanding cyberterrorism and information terrorism as interrelated forms of destructive influence in the digital environment. It examines the views of researchers from Russia, Belarus, and Azerbaijan who address the classification of cyberterrorist threats, the role of the Internet and messengers in terrorist and extremist activity, criminal law countermeasures, as well as the socio-psychological and geopolitical aspects of information influence. It is shown that modern terrorism is increasingly shifting into the sphere of critical information infrastructure and mass consciousness, while its consequences affect not only the security of individuals but also the stability of the state as a whole. The article substantiates the conclusion that effective counteraction to these threats is possible only on the basis of a comprehensive approach combining legislative improvement, the development of international*

cooperation, the technological strengthening of law enforcement agencies, and the formation of citizens' skills of critical information perception.
Keywords: *cyberterrorism, information terrorism, digital environment, critical information infrastructure, information security, terrorist activity, disinformation, criminal law counteraction, digital sovereignty, media literacy.*

Современный этап развития цивилизации характеризуется тотальной цифровизацией общественных отношений. Глобальное информационное пространство, первоначально создававшееся как среда для обмена знаниями и коммуникации, все чаще становится ареной для деструктивной деятельности. В последние годы научное сообщество постсоветского пространства сфокусировало внимание на одном из наиболее опасных вызовов времени – трансформации террористической угрозы в киберсреде. Анализ публикаций ведущих исследователей из России, Беларуси и Азербайджана позволяет не только систематизировать существующие риски, но и выявить векторы развития правовой мысли в данной сфере.

Обращаясь к работе Н.Б. Абаева, посвященной мерам предупреждения кибертерроризма, следует отметить детальную проработку классификационных признаков данного явления. Автор предлагает дифференцировать угрозы по степени сложности и масштабу потенциального ущерба. В частности, в его исследовании зафиксировано, что «классификация направлений и типов кибертерроризма возможна по уровню создаваемой угрозы обществу. Простой. Его также называют неструктурированным. Этот вид подразумевает применение программ, не созданных самим злоумышленником... Расширенный... подразумевает проведение более сложных атак... Комплексный. Это наиболее сложная разновидность кибератак, носящая скоординированный характер» [1].

Позиция исследователя демонстрирует эволюционный взгляд на преступность. От простого использования готовых вредоносных утилит преступные группы переходят к структурированной деятельности с собственной иерархией и пропагандистским аппаратом, а затем – к скоординированным атакам, способным парализовать государственное управление. Данная градация имеет важное прикладное значение для правоохранительных органов, поскольку позволяет соотносить сложность расследования и уровень привлекаемых ресурсов с категорией угрозы.

Несколько иной ракурс рассмотрения проблемы предлагают белорусские правоведы Е.А. Лаппо и М.С. Шлыков. Их исследование фокусируется на интернете как инструменте экстремизма и террора. В работе подчеркивается особая роль информационного воздействия на сознание, предшествующего физическим акциям. Авторы фиксируют важную закономерность функционирования деструктивной идеологии в сети, отмечая, что «информационный экстремизм является средством формирования молодежного, националистического, политического, религиозного и других видов экстремизма, то есть выполняет обеспечивающую функцию противоправной деструктивной деятельности» [2].

В этом тезисе заключена важнейшая криминологическая констатация. Киберсреда в трудах Лаппо и Шлыкова предстает не просто местом совершения преступления, но своего рода питательным бульоном для вызревания мотивации. Посредством социальных сетей и мессенджеров осуществляется вербовка, координация и психологическая накачка будущих исполнителей. Следовательно, противодействие угрозе не может ограничиваться технической блокировкой ресурсов – оно требует активной контрпропагандистской работы и оперативного внедрения в закрытые сегменты сети.

Уголовно-правовой аспект проблемы наиболее полно раскрыт в статье Э.С-М. Ахъядова. Исследователь проводит ревизию действующего законодательства и приходит к выводу о необходимости его дальнейшей модернизации. Российский уголовный закон содержит ряд составов, адаптированных под цифровую эпоху, однако специфика террористической деятельности в сети требует более системного подхода. Позиция автора выражена предельно конкретно и структурированно. Он указывает, что «подводя итог настоящего исследования, можно сделать следующий вывод о возможной стратегии

противодействия терроризму в информационной сфере. 1. Меры уголовно-правового характера должны включать в себя криминализацию новых проявлений информационного терроризма, а также усиление мер наказания за совершение уже имеющихся в нормах УК РФ преступлений соответствующей категории. 2. Усиление просветительской и воспитательной работы, прежде всего, среди молодежи. 3. Увеличение полномочий правоохранительных органов по контролю за киберпространством» [3].

Эта трехчастная модель мер показывает, что проблема рассматривается не узко, а сразу в нескольких плоскостях. Именно такой подход сегодня характерен для значительной части авторов, работающих с темой цифрового терроризма. У Ахъядова заметно, что акцент делается не только на наказании и пресечении уже совершенных деяний. В его выводах ясно просматривается идея раннего воздействия, прежде всего через работу с молодежной аудиторией. Такой акцент совпадает с позицией белорусских исследователей, которые также связывают противодействие угрозе с блокированием каналов вербовки. Не менее важным выглядит и предложение о расширении полномочий правоохранительных органов в киберпространстве. По сути, речь идет о попытке сократить тот разрыв, который уже возник между государственными структурами и преступной средой, быстро осваивающей искусственный интеллект, анонимные сети и инструменты даркнета.

О.Ю. Ангел рассматривает проблему под иным углом и выносит на первый план социальную природу кибертерроризма, а также неустойчивость понятийного аппарата. В научной литературе по-прежнему нет полного согласия относительно того, где заканчивается хакерская активность и начинается терроризм в цифровой среде. Исследовательница предлагает достаточно определенный критерий разграничения и связывает террористический характер подобных действий с возникновением угрозы неопределенному кругу лиц и подрывом нормального функционирования государственных институтов. В статье приводится следующее определение: «Компьютерный терроризм (кибертерроризм, кибертеррakt) – комплекс незаконных действий в интернет-пространстве, создающих угрозу государственной безопасности и обществу в целом. Существенная особенность этого вида терроризма состоит в том, что он проявляет себя в цифровом мире; приставка "кибер-" подтверждает это» [4].

Обращает на себя внимание указание на комплексный характер деяний. Это не единичный взлом, а система мер, направленных на устрашение социума. Позиция Ангел ценна тем, что переводит обсуждение из сугубо технической плоскости в социально-политическую. Кибертерроризм рассматривается как асимметричный ответ деструктивных сил на усиление государственного контроля в физическом мире. Там, где границы укреплены, а объекты критической инфраструктуры физически защищены, уязвимость смещается в виртуальную плоскость управления этими объектами.

Завершает панораму научных взглядов работа азербайджанского политолога Э. Талышинского, посвященная концептуализации информационного терроризма. Автор поднимает проблему на метауровень, рассматривая информационные атаки как элемент гибридных войн и геополитического противостояния. В отличие от юристов, фокусирующихся на составе преступления, Талышинский исследует морально-психологический аспект воздействия. Он утверждает, что «информационный терроризм возникает в моральной сфере, объединяющей политические, философские, правовые, религиозные и иные взгляды и мысли, где происходит борьба идей. Доступность и свободное использование информационных технологий значительно повышает риск такого терроризма. Чем более информировано общество, тем более чувствительно оно к последствиям массового психологического террора» [5].

Этот тезис объясняет парадокс высокой эффективности сравнительно малозатратных информационных вбросов. Чем глубже проникновение цифровых сервисов в повседневную жизнь, тем выше уровень тревожности населения при малейших сбоях в их работе или появлении пугающего контента. Анализ показывает, что Талышинский расширяет границы дискурса. Для него кибертерроризм – лишь частный случай более масштабного явления, где главным оружием становится искаженная реальность, а не вредоносный код.

Сопоставление рассмотренных научных подходов позволяет выделить несколько ключевых направлений, по которым сегодня развивается исследовательская мысль.

Прежде всего стало очевидно, что критическая информационная инфраструктура обладает системной уязвимостью. Если раньше террористическое воздействие связывали главным образом с посягательством на людей и материальные объекты, то теперь в качестве цели все чаще выступают автоматизированные системы управления производством, энергетическим комплексом и транспортом. Анализ классификации, предложенной Абаевым, показывает, что наиболее разрушительный эффект дают именно комплексные атаки, направленные на такие сферы.

Следующее важное наблюдение связано с тем, что главным пространством противоборства признано человеческое сознание. В этом вопросе позиции Лаппо, Шлыкова и Талышинского во многом совпадают. Государство вынуждено противостоять уже не столько техническим средствам, сколько идеям, страхам и навязанным интерпретациям. По этой причине речь идет не только о блокировке опасного контента, но и о развитии у населения навыков критического восприятия информации и цифровой гигиены. Без этого любые технические барьеры будут давать лишь ограниченный эффект.

Еще одна общая линия состоит в признании того, что одних уголовно-правовых запретов явно недостаточно. И Ахъядов, и некоторые иные исследователи сходятся в оценке, что репрессивные механизмы начинают работать слишком поздно. К моменту возбуждения уголовного дела психологический, репутационный или организационный ущерб часто уже нанесен. Отсюда вытекает потребность в упреждающей модели защиты, которая включает мониторинг с применением систем искусственного интеллекта и быстрый обмен данными между государствами.

Особую настороженность вызывает отмеченная авторами тенденция использовать вполне легальные цифровые сервисы в преступных целях. VPN-сервисы, криптовалютные площадки и зарубежные социальные платформы нередко превращаются в удобный защитный контур для злоумышленников. Пока между государствами не будет выстроен рабочий механизм диалога по вопросам интернет-юрисдикции, результативность одних только национальных ограничений останется крайне низкой.

Введение статьи УК РФ с наименованием «Информационный терроризм» позволило бы чётко очертить состав преступления, указать его квалифицирующие признаки и разграничить от смежных составов, таких как киберпреступность, экстремизм и хулиганство в цифровой среде [6, с. 105–111].

Информационная эпоха принесла обществу не только скорость и удобство, но и новые формы уязвимости. Психологическая устойчивость социума, его способность распознавать и отсеивать деструктивный контент постепенно становятся такими же значимыми элементами национальной безопасности, как и материальные средства защиты. Работы российских, белорусских и азербайджанских авторов достаточно убедительно показывают, что игнорирование цифровых и вербальных угроз со временем оборачивается вполне реальными физическими последствиями. Противодействие кибертерроризму требует не громких деклараций, а последовательной и во многом незаметной повседневной работы, направленной на укрепление цифрового суверенитета и формирование личности, способной мыслить критически.

Список источников

1. Абаев Н.Б. О мерах, направленных на предупреждение кибертерроризма в глобальном информационном пространстве // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). – С. 285–287. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_285.
2. Лаппо Е.А., Шлыков М.С. Сеть Интернет как средство осуществления экстремистской и террористической деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 4. – С. 154–158.
3. Ахъядов Э.С-М. Противодействие терроризму в информационной сфере // Аграрное и земельное право. – 2025. № 6. – С. 309–311. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_309.

4. Ангел О.Ю. Кибертерроризм как современная социальная угроза общественной безопасности: правовые меры противодействия // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 4. – С. 14–19. DOI: 10.24158/spp.2025.4.1.
5. Talyshinsky E. Information Terrorism: Concept, Forms and Modern Threats // Universum: Social Sciences. – 2025. № 8 (123). – P. 1–3. DOI: 10.32743/UniSoc.2025.123.8.20677.
6. Ахъядов Эльман С-М. Уголовно-правовые аспекты противодействия информационному терроризму в Российской Федерации: вызовы и пути совершенствования // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 105–111.

УДК 349

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРАВОВЫЕ КОНТУРЫ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Абдуллаева К.М.,
студентка 1 курса,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
Научный руководитель: Исаева Г.Г.,
доцент кафедры информационного права и информатики,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Аннотация. *В статье анализируется трансформация правового механизма противодействия экстремизму в условиях цифровизации общественных отношений и исследуются нормативные основания функционирования Единого реестра запрещенной информации, а также новеллы административного законодательства, вступившие в силу в 2025 году (ст. 13.53 КоАП РФ). В статье выявлены правовые коллизии, связанные с определением субъективной стороны состава правонарушения (умысел), а также предложены направления совершенствования законодательства в части исключения из запрета научных и служебных целей использования данных.*
Ключевые слова: *цифровые права, экстремизм, Роскомнадзор, суверенный интернет, блокировка сайтов, VPN, административная ответственность, реестр запрещенной информации.*

DIGITAL TOOLS FOR COUNTERING EXTREMISM: LEGAL CONTOURS AND BORDERS OF APPLICATION

Abdullaeva K.M.,
1st year student,
Dagestan State University, Makhachkala
Scientific supervisor: Isaeva G.G.,
Associate Professor of the Department of Information Law and Computer Science,
Dagestan State University, Makhachkala

Annotation. *The article analyzes the transformation of the legal mechanism for countering extremism in the context of the digitalization of social relations and examines the regulatory basis for the functioning of the Unified Register of Prohibited Information, as well as the novelties of administrative legislation that came into force in 2025 (Article 13.53 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). The article identifies legal conflicts related to the definition of the subjective aspect of the offense (intent), and proposes ways to improve legislation by excluding scientific and official purposes from the ban on the use of data.*
Keywords: *digital rights, extremism, Roskomnadzor, sovereign internet, website blocking, VPN, administrative liability, and the register of prohibited information.*

В условиях, когда глобальная информационно-телекоммуникационная среда приобретает статус доминирующей площадки для распространения идеологий, правовая система сталкивается с необходимостью дать адекватный технологический ответ на соответствующие вызовы.

Экстремизм, определяемый в правовой доктрине как система взглядов и действий, направленных на силовое, антиконституционное разрешение социальных конфликтов, приобрел сетевую природу. В этих условиях государство вынуждено внедрять многослойные стратегии сдерживания, основанные на цифровых технологиях.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовых контуров применения цифровых инструментов противодействия экстремизму в Российской Федерации, выявление границ их допустимого использования и оценка рисков нарушения конституционных прав граждан.

Стержнем российского механизма фильтрации контента выступает автоматизированная платформа «*Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов и сетевых адресов*». Легальная дефиниция и порядок её создания установлены в ч. 1 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Данный ресурс наделяет уполномоченные ведомства (МВД, ФСБ, Роскомнадзор и др.) правом блокировать интернет-площадки с запрещённым контентом. Ключевой особенностью является возможность внесудебной блокировки по ряду категорий информации, что, с одной стороны, повышает оперативность реагирования на угрозы (например, распространение детской порнографии или способов суицида), а с другой – требует строгого контроля за законностью решений.

Показательной иллюстрацией реализации внесудебного механизма блокировки служат результаты мониторинга, проведённого сотрудниками УМВД России по г. Сургуту в 2025 году. В ходе системного анализа сети Интернет правоохранительными органами было выявлено около 100 сайтов, содержащих материалы террористической и экстремистской направленности, целевой аудиторией которых являлась молодёжь. Информация о всех выявленных ресурсах была незамедлительно направлена в Роскомнадзор для принятия решения о включении в Единый реестр и последующей блокировки.

Данный пример демонстрирует оперативность взаимодействия уполномоченных ведомств и эффективность внесудебной процедуры как средства противодействия вовлечению несовершеннолетних в деструктивную деятельность.

Масштаб применения цифровых инструментов блокировки подтверждается официальной статистикой. По данным пресс-службы Роскомнадзора, за 2025 год по решениям уполномоченных органов было удалено более 265 тысяч интернет-страниц с запрещённой информацией в российских социальных сетях. В структуре удалённого контента преобладали материалы, содержащие способы обхода ограничений доступа к информации, ЛГБТ-пропаганда (ЛГБТ-движение признано экстремистским и запрещено на территории РФ), сведения о незаконном обороте наркотических средств, а также информация, направленная на вовлечение несовершеннолетних в противоправные действия. При этом, по итогам 2025 года, объём блокировок контента непосредственно экстремистского и террористического характера составил 41,5 тысячи материалов, что на 22% ниже аналогичного показателя 2024 года. Такая динамика может свидетельствовать как о перераспределении усилий надзорного органа в сторону иных категорий запрещённой информации (например, ЛГБТ-пропаганды и способов обхода блокировок), так и о сокращении самого объёма публично распространяемых экстремистских материалов в российском сегменте сети.

Правоприменительная практика демонстрирует распространение механизмов ограничения доступа не только на отдельные интернет-страницы, но и на целые цифровые платформы. Так, в декабре 2025 года Роскомнадзор ограничил доступ к игровой платформе Roblox под предлогом распространения экстремистских материалов и ЛГБТ-пропаганды (ЛГБТ-движение признано экстремистским и запрещено на территории РФ). Несмотря на декларируемое платформой намерение сотрудничать с российским надзорным органом, по состоянию на апрель 2026 года ресурс оставался заблокированным. Более того, Таганский районный суд г. Москвы привлёк компанию-владельца платформы к административной ответственности, назначив штраф в размере 8 млн рублей за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Аналогичная правовая оценка была дана действиям мессенджера Telegram: Таганский районный суд признал его виновным в неудалении запрещённого в Российской Федерации контента (ч. 4 ст. 13.41 КоАП РФ) и 21 апреля 2026 года назначил штраф в размере 7 млн рублей. Ранее, 23 марта 2026 года, тот же суд оштрафовал Telegram на

10,5 млн рублей за аналогичные нарушения. Эти случаи наглядно иллюстрируют применение мер публично-правовой ответственности к иностранным цифровым платформам, отказывающимся исполнять требования российского законодательства об ограничении доступа к экстремистской информации.

Юридически значимым основанием для включения сайта в реестр служит судебное решение о признании информации экстремистской. Процессуальный порядок признания информации запрещенной регламентирован Кодексом административного судопроизводства РФ, при этом административное исковое заявление подается прокурором в районный суд по месту нахождения Роскомнадзора, что подчеркивает публично-правовой характер процедуры. Важной гарантией прав граждан и владельцев сайтов является принцип состязательности сторон, закрепленный в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации.

Существенные поправки в административное законодательство внес Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ. С 1 сентября 2025 года Кодекс РФ об административных правонарушениях дополнен статьей 13.53 «Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, доступ к которым ограничен».

Объективная сторона правонарушения выражается в умышленном осуществлении поиска в сети «Интернет» материалов, включенных в федеральный список экстремистских материалов (содержит более 5,4 тыс. позиций по данным Минюста РФ), а также трудов руководителей нацистской Германии и фашистской Италии. Диспозиция нормы охватывает также использование программно-аппаратных средств (VPN-сервисов, прокси, анонимайзеров) для доступа к заблокированным ресурсам, если они применяются для проникновения к противоправной информации.

Мера ответственности, предусмотренная статьей для граждан, выражается в штрафе в размере от 3 до 5 тысяч рублей. При этом законодатель ввел повышенную ответственность за пропаганду методов обхода блокировок: для граждан – 50–80 тыс. руб., для должностных лиц – 80–150 тыс. руб., для юридических лиц – от 200 до 500 тыс. руб.

Практика реализации правовых запретов невозможна без технологической инфраструктуры. В рамках реализации положений Федерального закона № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» («О суверенном интернете») на сетях операторов связи разворачиваются технические средства противодействия угрозам. Данное оборудование позволяет осуществлять глубокий анализ пакетов (DPI) и фильтровать трафик на магистральном уровне. По имеющимся данным, только за июнь 2025 года фиксировались случаи ограничения доступа к мобильному интернету на территории более половины регионов России, что свидетельствует о масштабном применении данных инструментов.

Активное внедрение цифровых методов борьбы с экстремизмом актуализирует вопрос о границах применения технологий. Статья 29 (ч. 4) Конституции РФ гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Статья 23 охраняет тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Риски, связанные с применением технических средств противодействия угрозам и тотальным мониторингом, заключаются в возможности:

1. Блокировки легального контента по ошибке (overblocking).

2. Вторжения в частную жизнь лиц, не причастных к экстремистской деятельности.

3. Сложности доказывания субъективной стороны правонарушения (умысла) при использовании VPN для нейтральных целей.

Правоприменительная практика выявила необходимость корректировки действующих норм. В частности, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ не исключает корректировки норм о запрете на поиск экстремистских материалов. В

официальном ответе ведомства (опубликованном в октябре 2025 года) указано, что рассматривается вопрос законодательного уточнения случаев, не попадающих под запрет, включая научные и исследовательские цели, а также деятельность в рамках правотворческой и правоохранительной функций.

Кроме того, важным направлением является перекрытие финансовых потоков. Федеральный закон, одобренный Госдумой 25 марта 2025 года, внёс поправки в законы «О противодействии экстремистской деятельности» и «О рекламе», запрещающие размещение рекламы на виртуальных площадках организаций, ликвидированных по антиэкстремистским основаниям. Это лишает деструктивные группы финансовой базы в киберпространстве.

Цифровые инструменты противодействия экстремизму в Российской Федерации сформировались в сложную юридико-технологическую экосистему. Её задача – сохранение конституционного строя и защита национальных интересов в виртуальном пространстве.

Эффективность системы зависит от способности законодателя удерживать баланс между общественными императивами (безопасностью) и личными правами, закреплёнными в Конституции РФ. Дальнейшее движение в этой сфере должно быть направлено на:

1. Уточнение границ допустимого цифрового вмешательства (исключение из состава правонарушения действий, совершаемых в научных или служебных целях).

2. Укрепление процессуальных гарантий владельцев сайтов при внесудебной блокировке.

3. Минимизацию рисков необоснованного отлучения граждан от информационных потоков, не связанных с противоправной деятельностью.

Список источников

1. «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»». http://kremlin.ru/acts/news/78310 (дата обращения: 25.04.2026).
2. Ответственность за поиск заведомо экстремистских материалов: [официальные разъяснения от 02.12.2025]. URL: (https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_29/activity/legal-education/explain/e8336265/) (дата обращения: 22.04.2026). Текст: электронный.
3. Информация Роскомнадзора «Алгоритм действий в случае обнаружения в сети „Интернет“ материалов с признаками наличия запрещенной информации, включая материалы экстремистского и (или) террористического характера» // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. 2026. .https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308233/
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.04.2026).
6. Международно-правовые и цифровые основы деятельности прокуратуры России по борьбе с экстремизмом на примере новых подходов // Прокурор. 2025. № 4. – С. 48–50.
7. Минцифры допускает корректировку закона о штрафах за поиск экстремистских материалов. Текст: электронный // Парламентская газета. 2025. 9 октября. URL: (https://www.pnp.ru) (дата обращения: 22.04.2026).
8. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон № 281-ФЗ: [принят Гос. Думой 22 июля 2025 г.: одобрен Советом Федерации 25 июля 2025 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.
9. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
10. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
11. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31 (ч. I). Ст. 6124.

УДК 343

ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ПРИЗНАКОВ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бахмадов М.Б.,
старший преподаватель кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье исследуется проблема обратной силы уголовного закона при изменении признаков специального субъекта преступления. Обосновывается, что трансформация признаков специального субъекта затрагивает не только вопросы законодательной техники, но и пределы уголовной ответственности, поскольку влияет на наличие самого состава преступления. На основе ст. 10 УК РФ, современных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и российских доктринальных подходов к пониманию специального субъекта анализируются случаи сужения и расширения круга специальных субъектов, изменения их отраслевого правового статуса, а также последствия таких изменений для квалификации, декриминализации и пересмотра приговоров. Делается вывод, что ключевым критерием применения обратной силы выступает не формальное изменение диспозиции, а фактическое улучшение положения лица вследствие отпадения обязательного специального признака либо изменения его юридического содержания.*
Ключевые слова: *обратная сила уголовного закона, специальный субъект преступления, уголовная ответственность, декриминализация.*

RETROSPECTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW WHEN THE CHARACTERISTICS OF A SPECIAL SUBJECT OF A CRIME ARE CHANGED

Bakhmadov M.B.,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Procedure, and National Security,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *This article examines the problem of retroactive effect of criminal law when the characteristics of a special subject of a crime are changed. It is argued that the transformation of the characteristics of a special subject affects not only issues of legislative technique but also the limits of criminal liability, as it influences the very existence of the crime. Based on Article Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, current clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and Russian doctrinal approaches to understanding a special subject are analyzed, including cases of narrowing and expanding the scope of special subjects, changes to their sectoral legal status, and the implications of such changes for the classification, decriminalization, and review of sentences. It is concluded that the key criterion for applying retroactive effect is not a formal change in the disposition, but rather the actual improvement in the individual's position due to the elimination of a mandatory special characteristic or a change in its legal content.*
Keywords: *retroactive effect of criminal law, special subject of crime, criminal liability, decriminalization.*

Введение. В силу статьи 19 УК РФ субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности; следовательно, любой дополнительный служебный, профессиональный, семейно-правовой, военно-правовой либо иной статусный признак, специально вынесенный законодателем в диспозицию статьи, примечание к ней или раскрываемый посредством бланкетной отсылки, приобретает значение обязательного квалификационного фильтра [11, с. 123]. Такой признак является не

факультативным описанием личности виновного, а юридически значимым условием криминализации конкретного варианта поведения.

В российской уголовно-правовой доктрине проблема специального субъекта давно вышла за пределы сугубо описательного анализа. Д.В. Подлипский, обобщая научные подходы, указывает, что А.В. Наумов классифицировал признаки специального субъекта по гражданству, полу, возрасту, семейно-родственным отношениям, должностному положению, отношению к воинской обязанности и иным основаниям [11, с. 123]. Н.Ф. Кузнецова, как показывает П.С. Яни, рассматривала состав преступления одновременно как категорию объективной действительности и как законодательную конструкцию. Отсюда вытекает, что изменение субъектного признака трансформирует не словесную оболочку нормы, а саму модель преступного деяния.

Л.Л. Кругликов относил субъектные характеристики к средствам дифференциации уголовной ответственности. Современная литература подтверждает это положение. Так, М.В. Винокуров подчеркивает: если специальный субъект прямо закреплен в диспозиции статьи, его отсутствие означает отсутствие соответствующего состава; если же субъектный признак используется для разграничения смежных составов, он влияет на квалификацию и пределы наказуемости [16, с. 286]. Именно эта дихотомия имеет решающее значение для ответа на вопрос об обратной силе уголовного закона.

Нормативный каркас исследуемой проблематики задают статья 54 Конституции Российской Федерации и статья 10 УК РФ. Конституция закрепляет, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет, а если после совершения правонарушения ответственность устранена или смягчена, применяется новый закон. Статья 10 УК РФ конкретизирует данный императив, распространяя ретроактивность на уголовный закон, который устраняет преступность деяния, смягчает наказание либо иным образом улучшает положение лица [8, с. 29]. Уже сама формула «иным образом улучшает положение лица» исключает узкосанкционное понимание обратной силы.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 9 июля 2019 г. № 27-П сформулировал принципиальную правовую позицию: закон, улучшающий положение лица, имеет обратную силу независимо от стадии судопроизводства и независимо от того, выражается ли такое улучшение в исключении квалифицирующего признака, изменении правил назначения наказания либо в ином благоприятном нормативном эффекте [4]. Для темы специального субъекта это означает, что правоприменитель обязан оценивать не формальное местоположение поправки, а ее материально-правовой результат: исключается ли состав, смягчается ли квалификация, отпадает ли квалифицирующий субъектный признак.

Системообразующее значение имеет и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 10, где разъяснено, что обратную силу имеют изменения как Общей, так и Особенной частей УК РФ, а устранение преступности деяния возможно также посредством отмены либо изменения иных нормативных правовых актов, к которым отсылает бланкетная норма [3]. В науке подобный подход был предварительно обоснован А.Е. Якубовым, связывавшим проблему обратной силы с реальным улучшением положения осужденного, и Л.Н. Бараташвили, показавшей, что ретроактивность может быть обусловлена модификацией бланкетной составляющей запрета. Следовательно, анализ должен быть одновременно персонализированным, функциональным и межотраслевым.

При решении вопроса об обратной силе уголовного закона необходимо разграничивать три базовые модели изменения субъектного признака. Первая – сужение круга специальных субъектов. Если новая редакция нормы исключает определенную категорию лиц из числа тех, кто может нести ответственность по специальному составу, для данной категории имеет место полная либо частичная декриминализация. В такой ситуации уголовно-правовой запрет утрачивает прежний объем, а потому возникает основание для применения статьи 10 УК РФ. Определяющее значение имеет персонализированный сравнительный анализ: охватывалось ли конкретное лицо прежней редакцией и перестало ли охватываться новой.

Вторая модель – расширение круга специальных субъектов. Подобное изменение не может обладать обратной силой, поскольку устанавливает преступность деяния для новых категорий лиц либо усиливает их уголовно-правовой риск. Показателен Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ, которым были изменены примечания к статьям 201 и 285 УК РФ и расширен круг лиц, признаваемых должностными либо выполняющими управленческие функции [6]. Такая новелла ухудшает положение соответствующих лиц и потому ретроактивному применению не подлежит.

Третья модель – изменение функционального содержания специального признака. А.И. Рарог, анализируя конструкции, связанные с использованием служебного положения, указывал, что уголовно-правовое значение имеет не сам по себе статус служащего, а использование предоставленных полномочий для совершения деяния [14, с. 105]. Следовательно, если законодатель меняет не только наименование должности, но и объем организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных функций, вопрос об обратной силе должен решаться посредством сопоставления прежнего и нового нормативного содержания статуса.

Особую разновидность образуют составы, где специальный субъект определяется через предшествующее состояние судимости либо административной наказанности. В Постановлении от 8 апреля 2021 г. № 11-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что такие состояния имеют смежную правовую природу и свидетельствуют о повышенной общественной опасности повторного деяния [5]. Поэтому исключение подобной статусной предпосылки из конструкции состава должно рассматриваться как улучшение правового положения лица, а не как сугубо редакционная коррекция.

Наиболее сложные коллизии возникают тогда, когда признаки специального субъекта раскрываются не непосредственно в тексте статьи УК РФ, а через иные нормативные массивы. К.В. Ображиев обоснованно отмечал, что при бланкетной конструкции уголовного закона предписания нормативных правовых актов иной отраслевой принадлежности включаются в источник бланкетной части уголовно-правовой нормы. Н.И. Пикуров и Н.В. Иванов, исследуя бланкетную форму конструирования, исходили из того, что из внешнего нормативного предписания делается непосредственный вывод о признаке состава преступления [17, с. 601]. Следовательно, изменение отраслевого акта способно трансформировать и субъектный элемент состава.

Практическая ценность данного подхода сегодня подтверждена Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 2025 года, который прямо допустил обратную силу изменений в неуголовных актах, если к ним отсылает бланкетная норма [3]. Для составов со специальным субъектом это означает, что изменение законодательства о государственной службе, корпоративном управлении, обороне либо иной специальной сфере должно учитываться при решении вопроса о наличии либо отсутствии состава преступления.

Характерным примером служат примечания к статьям 201 и 285 УК РФ. Примечание к статье 201 определяет лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, через осуществление функций единоличного исполнительного органа, члена совета директоров либо организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Примечание к статье 285 УК РФ, напротив, описывает публично-властный сегмент должностных лиц, причем после реформы 2021 года его содержание заметно расширилось. Как справедливо отмечается в современной литературе, смещение границы между указанными категориями субъектов способно повлечь не только изменение квалификации, но и переход деяния из одной главы Особенной части в другую [16, с. 286].

Не менее показателен Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ, которым в статью 331 УК РФ была введена часть 4, распространившая уголовную ответственность за ряд преступлений против военной службы на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях [7]. Здесь законодатель не изменил санкции и объективную сторону деяния, но модифицировал специального субъекта. Такое расширение субъектного состава очевидно

не имеет обратной силы; напротив, исключение соответствующей категории из сферы действия нормы породило бы вопрос о частичной декриминализации.

С точки зрения квалификации выпадение специального субъектного признака не всегда означает отсутствие преступности деяния вообще. В ряде случаев оно исключает лишь специальный состав, но не устраняет возможности квалификации по общей норме, если все ее признаки установлены и отражены в приговоре. Поэтому ретроактивный эффект изменения признаков специального субъекта может выражаться в прекращении уголовного преследования, переквалификации на общий состав либо исключении квалифицирующего признака с последующим смягчением наказания. Такая многовариантность согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что улучшение положения лица может проявляться в различных нормативных формах [4].

Особые трудности возникают при соучастии в преступлениях со специальным субъектом. В.С. Комиссаров рассматривал предписание части 4 статьи 34 УК РФ как универсальное; в научной литературе эта позиция воспроизводится как вывод о том, что лицо, не обладающее признаками специального субъекта, по общему правилу не может быть исполнителем такого преступления. В.Г. Павлов также исходил из необходимости строгого разграничения исполнителя и иных соучастников [14, с. 105]. Отсюда вытекает важное следствие: если после изменения закона лицо утрачивает статус специального субъекта, восполнить этот дефект путем искусственного признания иного участника исполнителем нельзя.

На стадии исполнения приговора правоприменитель связан дополнительными ограничениями. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в 2025 году специально указал, что суд, приводящий приговор в соответствие с новым законом, основывается исключительно на обстоятельствах, установленных вступившим в законную силу приговором, и не вправе заново оценивать правильность первоначальной квалификации [3]. Следовательно, при изменении признаков специального субъекта допустима лишь нормативная, но не фактическая ревизия судебного решения.

Представляется, что в делах об изменении признаков специального субъекта должен использоваться следующий алгоритм. Во-первых, необходимо установить источник соответствующего признака: диспозиция статьи УК РФ, примечание к ней либо нормативный акт иной отраслевой принадлежности. Во-вторых, требуется определить функцию признака – конституирует ли он основной состав, квалифицированный состав либо лишь разграничивает смежные преступления. В-третьих, следует сопоставить прежний и новый правовой статус конкретного лица, а не ограничиваться формальным сравнением текстов. В-четвертых, нужно ответить на вопрос, устраняет ли изменение преступность деяния полностью, частично либо только смягчает квалификацию. В-пятых, необходимо проверить, сохраняется ли возможность квалификации по иной норме при условии, что соответствующие фактические обстоятельства уже установлены судом.

Таким образом, изменение признаков специального субъекта преступления обладает самостоятельным уголовно-правовым значением для решения вопроса об обратной силе закона. Если законодатель сужает круг лиц, способных нести ответственность по специальной норме, либо изменяет нормативное содержание специального статуса таким образом, что он отпадает у конкретного лица, это может означать устранение преступности деяния, частичную декриминализацию либо необходимость переквалификации содеянного. В этой связи применение ст. 10 УК РФ должно основываться не на формальном сопоставлении санкций, а на содержательном анализе трансформации состава преступления и реального улучшения положения осуждённого. Такой подход соответствует действующей редакции ст. 10 УК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 года [3].

Особенности назначения наказания в специфических ситуациях регламентируются специальными нормами Уголовного кодекса РФ. Эти правила учитывают процессуальные обстоятельства, стадию совершения преступления, форму вины и другие факторы, требующие дифференцированного подхода [19, с. 217–223].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова».
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой».
6. Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 21 Федерального закона “Об обороне”».
8. Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона: некоторые проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 206 с.
9. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – Москва: Городец, 2007. – 336 с.
10. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
11. Андреев С.А. Специальный субъект преступления // Вестник Омской юридической академии. 2012. № 2 (19). – С. 122–125.
12. Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. – С. 8–13.
13. Яни П.С. Понимание Н.Ф. Кузнецовой категории «виновность» и квалификация преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. – С. 8–22.
14. Павлов В.Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом: монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2011. – 374 с.
15. Пудовочкин Ю.Е. Соучастие в преступлении со специальным субъектом: некоторые проблемы уголовно-правовой оценки // Общество и право. 2018. № 4 (66). – С. 44–49.
16. Винокуров М.В. Специальный субъект преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, как дополнительное основание дифференциации уголовной ответственности за обращение фальсифицированной медицинской продукции // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). – С. 285–287.
17. Пикуров Н.И., Иванов Н.В. Бланкетная форма конструирования в уголовном праве // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 2. – С. 597–603.
18. Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. – С. 99–105.
19. Ходжалиев С.А. Институт назначения наказания в правоприменительной судейской деятельности // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 217–223.

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Бахмадов М.Б.,
старший преподаватель кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые и прикладные проблемы установления вины при совершении преступлений с использованием систем искусственного интеллекта в условиях трансформации общественных отношений. Анализируются классические положения уголовного права Российской Федерации о вине как обязательном элементе состава преступления через призму цифровизации и автономизации алгоритмических систем. Особое внимание уделяется доктринальным подходам к определению субъекта преступления, разграничению форм вины и проблеме предвидения общественно опасных последствий при использовании самообучающихся технологий. Обосновывается невозможность признания искусственного интеллекта субъектом уголовной ответственности и выявляются сложности распределения ответственности между разработчиком, оператором и пользователем. Рассматриваются существующие модели вменения, включая инструментальную и риск-ориентированную, а также оценивается допустимость расширительного толкования принципа вины.*
Ключевые слова: *вина, уголовная ответственность, искусственный интеллект, субъект преступления, причинно-следственная связь.*

ISSUES OF GUILT IN CRIMES USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Bakhmadov M.B.,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Procedure, and National Security,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *This article examines the theoretical, legal, and applied issues of establishing guilt in crimes committed using artificial intelligence systems in the context of transforming social relations. Classic provisions of Russian criminal law on guilt as a mandatory element of a crime are analyzed through the lens of digitalization and the autonomy of algorithmic systems. Particular attention is paid to doctrinal approaches to determining the perpetrator of a crime, differentiating between forms of guilt, and the problem of anticipating socially dangerous consequences when using self-learning technologies. The impossibility of recognizing artificial intelligence as a subject of criminal liability is substantiated, and the complexities of distributing responsibility between the developer, operator, and user are identified. Existing models of imputation, including instrumental and risk-based, are examined, and the admissibility of a broad interpretation of the principle of guilt is assessed.*
Keywords: *guilt, criminal liability, artificial intelligence, subject of a crime, causality.*

Введение. В российской правовой системе вопрос о вине при совершении преступления с использованием систем искусственного интеллекта должен рассматриваться в контексте общей конструкции субъективного вменения. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, а в статье 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ искусственный интеллект определен как комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека [8, с. 95], включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. Уже эта дефиниция показывает свойства, имеющие значение для уголовного права: автономизацию выбора, вероятностный характер

результата, технологическую непрозрачность причинного механизма и частичное ослабление непосредственного человеческого контроля над стадией исполнения.

Однако действующая модель вины в отечественном уголовном праве имеет выраженно антропоцентрический характер. В силу статьи 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности лишь за те общественно опасные действия и последствия, в отношении которых установлена его вина [7, с. 30]; объективное вменение прямо запрещено. Статьи 24–26 УК РФ связывают вину исключительно с умыслом и неосторожностью, а статья 28 УК РФ выводит за пределы преступного случаи невиновного причинения вреда. Следовательно, вина для уголовного закона представляет собой не техническую неисправность алгоритма, а психическое отношение субъекта к деянию и его последствиям, имеющее интеллектуально-волевую структуру.

Такая постановка вопроса полностью соответствует отечественной доктрине. А.В. Наумов определяет субъективную сторону как внутреннюю, психическую характеристику преступления и подчеркивает, что вина является обязательным признаком состава. П.С. Дагель заложил фундаментальные подходы к исследованию вины и неосторожности как центральных категорий уголовной ответственности. А.И. Рарог, полемизируя с попытками отождествить вину со всей субъективной стороной, показал, что вина образует ее ядро, но не исчерпывает полностью [7, с. 31]: мотив и цель сохраняют самостоятельное значение для квалификации. Для исследуемой темы это принципиально, поскольку система искусственного интеллекта, не обладающая сознанием, волей и правосубъектностью, не может быть признана самостоятельным носителем вины даже тогда, когда фактически участвует в реализации объективной стороны преступления.

В то же время современная интеллектуальная система уже не сводится к обычному техническому устройству. И.В. Понкин и А.И. Редькина обоснованно указывали на почти полное отсутствие нормативного и нормативно-технического регулирования условий функционирования и контроля использования искусственного интеллекта, предлагая рассматривать его как сложную кибернетическую программно-аппаратную систему, обладающую автономностью и способностью к восприятию, анализу информации и самообучению [8, с. 93]. Именно это качество автономизации создает иллюзию собственной «виновности» машины. Но с уголовно-правовой точки зрения речь должна идти не о признании за ней субъектности, а о переосмыслении критериев вменения человеку, который создает, обучает, внедряет, эксплуатирует либо преступно использует такую систему.

Наиболее последовательно данная мысль выражена в работах И.Н. Мосечкина. Он показал, что искусственный интеллект уже способен полностью реализовывать объективную сторону некоторых преступлений, однако это еще не означает его превращения в нового субъекта преступления. В последующих работах ученый развил данную позицию и пришел к нескольким важным выводам: действующее уголовное законодательство отстает от уровня общественных отношений, связанных с интеллектуальными системами; причиняемый ими вред может обладать высокой общественной опасностью; уголовно-правовая оценка должна концентрироваться на человеческом звене – разработчике, обучающем лице, изготовителе, пользователе, владельце, операторе либо лице, неправомерно вмешавшемся в функционирование системы. Дополнительно И.Н. Мосечкин обосновывает целесообразность криминализации создания искусственного интеллекта в преступных целях, а также ненадлежащего создания или обучения интеллектуальных систем, повлекших тяжкие последствия [10, с. 144]. Сходный вывод формулирует Е.Ю. Антонова, по мнению которой технологии искусственного интеллекта на современном этапе являются лишь орудиями либо средствами совершения преступления, тогда как субъектами преступлений выступают физические лица, конструирующие, производящие либо использующие такие технологии для выполнения объективной стороны деяния.

Именно поэтому юридически наиболее понятными являются ситуации орудийного использования интеллектуальной системы [11, с. 38]. Когда лицо сознательно применяет программу распознавания речи, синтеза голоса, генерации текста, автоматизированного

подбора паролей или поиска уязвимостей как инструмент достижения преступного результата, его психическое отношение к содеянному устанавливается по общим правилам статьи 25 УК РФ. В таком случае искусственный интеллект лишь технологически опосредует исполнение, но не разрывает интеллектуальный и волевой моменты умысла. Пользователь осознает общественную опасность деяния, предвидит последствия и либо желает их наступления, либо сознательно допускает их. Следовательно, при умышленном использовании интеллектуальной системы для хищения, обмана, неправомерного доступа к компьютерной информации, создания и распространения вредоносных программ либо воздействия на критическую информационную инфраструктуру квалификация возможна по действующим составам Особенной части УК РФ, прежде всего по статьям 159.6, 272, 273, 274.1 УК РФ, а при наличии оснований – и по иным общеуголовным нормам.

Значительно сложнее вопрос вины встает применительно к неосторожным преступлениям и к тем ситуациям, в которых система в силу самообучения либо статистической адаптации вырабатывает решение, не совпадавшее с непосредственным ожиданием человека. Здесь ключевым становится вопрос о предвидении. Для легкомыслия законодатель требует, чтобы лицо предвидело возможность наступления последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение; для небрежности – чтобы лицо не предвидело последствий, хотя должно было и могло их предвидеть [6, с. 121]. В случае с интеллектуальными системами необходимо установить не просто факт использования программы, а весь комплекс специальных обязанностей, возлагавшихся на конкретное лицо: обязанность проверки массива обучающих данных, тестирования граничных сценариев, ограничения автономии, обеспечения человеческого надзора, своевременного обновления, фиксации журналов событий и реагирования на предупреждающие сигналы. Чем выше объем фактического господства лица над процессом разработки, обучения и эксплуатации системы, тем выше и объем вменяемой ему предусмотрительности.

Именно поэтому Н.В. Шмяткова справедливо отмечает, что «сложный» искусственный интеллект способен самостоятельно выполнять объективную сторону преступления и причинять вред самым различным общественным отношениям [12, с. 277]. Но из этого не вытекает необходимость признания за ним уголовной субъектности. Напротив, предмет доказывания по делам такого рода должен смещаться с последнего вычислительного акта на предшествующий ему человеческий организационно-технический комплекс. Необходимо установить, кто определил функциональное назначение системы, кто формировал и проверял обучающий массив, кто задавал пределы автономии, кто был обязан осуществлять контроль и кто располагал реальной возможностью пресечь опасное поведение системы. Без восстановления этой цепочки невозможно корректно установить ни форму вины, ни причинную связь.

Также важна статья 27 УК РФ о преступлениях с двумя формами вины [7, с. 98]. Лицо может умышленно использовать интеллектуальную систему для совершения основного деяния, но неосторожно относиться к наступившим тяжким последствиям, которые не охватывались его умыслом. В подобных конструкциях искусственный интеллект не устраняет вину, а усложняет ее внутреннюю структуру: базовое деяние охватывается умыслом, тогда как квалифицирующие последствия могут быть инкриминированы при доказанности легкомыслия либо небрежности.

Серьезную опасность в исследуемой сфере представляет подмена субъективного вменения объективным. Технологическая непрозрачность самообучающихся систем и множественность опосредующих факторов – параметры обучения, качество исходных данных, вмешательство третьих лиц, особенности среды эксплуатации – создают соблазн возложить ответственность на ближайшего к системе человека по принципу наступившего вреда [7, с. 32]. Но именно против такой логики прямо выступает статья 5 УК РФ. Если лицо не предвидело и по обстоятельствам дела не должно было и не могло предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий, содеянное подлежит оценке по правилам

статьи 28 УК РФ как невиновное причинение вреда. В то же время ссылка на автономность системы не должна становиться универсальным средством освобождения от ответственности. Если разработчик или оператор игнорировал известные риски, вводил систему в эксплуатацию без надлежащего тестирования, использовал дефектный массив данных, отключал механизмы контроля либо продолжал эксплуатацию после выявления опасных отклонений, основания для вывода о небрежности или легкомыслии сохраняются в полном объеме.

Проблема распределения уголовно-правовой ответственности между несколькими участниками технологической цепочки также приобретает особую остроту. Хисамова З.И. и Бегишев И.Р. подчеркивают необходимость выработки уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, совершаемым с применением искусственного интеллекта, а также четких рамок разработки, проектирования, производства, использования и модификации таких систем [9, с. 564]. Для уголовного права это важно в той мере, в какой подводит к идее специального стандарта должной осмотрительности. Чем более опасной является сфера применения системы – транспорт, здравоохранение, финансовое посредничество, критическая инфраструктура, – тем строже должны быть требования к человеческому надзору и тем легче обосновывается вывод о возможности предвидения вреда.

С учетом изложенного основные модели уголовно-правовой атрибуции вины при использовании системы искусственного интеллекта могут быть представлены следующим образом.

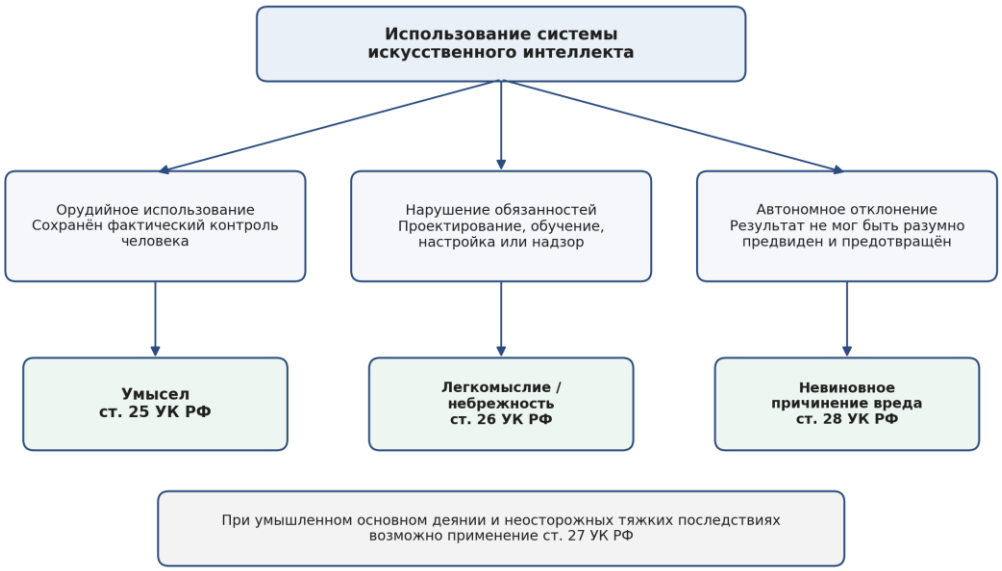

Рисунок 1. *Модели уголовно-правовой атрибуции вины при использовании системы искусственного интеллекта. Составлено автором на основе статей 25–28 УК РФ*

Нормативная и судебная практика пока идут по пути сохранения классической антропоцентрической модели. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 ориентирует суды на квалификацию преступлений, совершаемых с использованием электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей, через уже существующие составы, связанные с компьютерной информацией и иными посягательствами. Показательно и то, что в 2025 году в Государственную Думу был внесен законопроект № 885494-8 о признании использования искусственного интеллекта в преступных целях обстоятельством, отягчающим наказание, однако инициатива была возвращена на доработку. Следовательно, вектор законодательного поиска направлен не на признание «вины машины», а на усиление уголовно-правовой оценки поведения человека, использующего интеллектуальную систему как средство повышения скрытности, масштабности либо результативности преступления.

В этой связи заслуживает внимания позиция Ю.В. Грачевой, А.И. Коробеева, С.В. Маликова и А.И. Чучаева, которые справедливо предупреждают: не любое совершение преступления в цифровой среде автоматически увеличивает степень его общественной опасности [13, с. 158]. Поэтому механическое закрепление использования искусственного интеллекта в качестве универсального отягчающего обстоятельства вряд ли будет безупречным. Более обоснованным представляется дифференцированный подход, при котором усиление ответственности связывается либо с конкретными квалифицирующими признаками, либо с доказанным возрастанием риска причинения существенного вреда.

Особенности назначения наказания в специфических ситуациях регламентируются специальными нормами Уголовного кодекса РФ. Эти правила учитывают процессуальные обстоятельства, стадию совершения преступления, форму вины и другие факторы, требующие дифференцированного подхода [19, с. 217–223].

Таким образом, основная проблема вины при совершении преступления с использованием систем искусственного интеллекта состоит не в «одушевлении» машины, а в юридически корректном переносе категорий умысла, неосторожности, смешанной вины и невиновного причинения вреда на многоступенчатый механизм алгоритмически опосредованного поведения. Российское уголовное право в его действующей редакции не знает и не нуждается в признании искусственного интеллекта самостоятельным субъектом преступления. Но оно уже нуждается в более точной регламентации круга специальных обязанностей лиц, создающих, обучающих и эксплуатирующих интеллектуальные системы, в нормативном закреплении критериев должной предусмотрительности и в недопущении объективного вменения под видом борьбы с новыми технологическими угрозами.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»».
3. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 782 с.
6. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1977.
7. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. – М.: Проспект, 2015. – 229 с.
8. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. – С. 91–109.
9. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. – С. 564–574.
10. Мосечкин И.Н. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 4. – С. 143–169.
11. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. – С. 31–39.
12. Шмяткова Н.В. Искусственный интеллект: субъект или способ совершения преступления? // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. – С. 276–279.
13. Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 1. – С. 145–159.
14. Ходжалиев С.А. Институт назначения наказания в правоприминительной судейской деятельности // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 217–223.

УДК 34:004

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮРИДИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ, РИСКИ И НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Богатырев М.Р.,
канд. юрид. наук, заведующий кафедрой «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»
Хадуева Я.А.,
старший преподаватель кафедры прикладной математики и компьютерных технологий
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена практическому анализу внедрения и использования современных информационных технологий в различных сферах юридической деятельности. Рассматриваются конкретные инструменты и сервисы, применяемые для автоматизации документооборота, юридического анализа, судебного делопроизводства и взаимодействия с государственными органами. Автор оценивает эффективность таких технологий с точки зрения повышения производительности, снижения затрат и минимизации рутинных ошибок. Особое внимание уделяется правовым и организационным рискам, связанным с цифровизацией, включая вопросы защиты конфиденциальной информации, ответственности за решения, принятые с использованием алгоритмов ИИ, и цифрового разрыва. На основе проведенного исследования формулируются рекомендации по грамотной интеграции ИТ-решений в практику юридических лиц и государственных учреждений, а также определяются ключевые цифровые компетенции современного юриста.*
Ключевые слова: *информационные технологии, юридическая деятельность, автоматизация, LegalTech, цифровая трансформация, электронный документооборот, искусственный интеллект, цифровые компетенции, правовые риски, эффективность.*

APPLIED ASPECTS OF IMPLEMENTING INFORMATION TECHNOLOGIES IN LEGAL PRACTICE: EFFICIENCY, RISKS, AND NEW COMPETENCIES

Bogatyrev M.R.,
PhD in Law, Head of the Department of Jurisprudence,
Millionshchikov Grozny State Oil Technological University
Khadueva Ya.A.,
Senior Lecturer at the Department of Applied Mathematics and Computer Technologies,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to a practical analysis of the implementation and use of modern information technologies in various spheres of legal activity. Specific tools and services used for the automation of document flow, legal analysis, court proceedings, and interaction with state bodies are considered. The author evaluates the effectiveness of such technologies from the standpoint of increasing productivity, reducing costs, and minimizing routine errors. Particular attention is paid to the legal and organizational risks associated with digitalization, including issues of protecting confidential information, liability for decisions made using AI algorithms, and the digital divide. Based on the conducted research, recommendations are formulated for the competent integration of IT solutions into the practice of legal entities and state institutions, and the key digital competencies of a modern lawyer are identified.*
Keywords: *information technologies, legal practice, automation, LegalTech, digital transformation, electronic document management, artificial intelligence, digital competencies, legal risks, efficiency.*

На современном этапе информационные технологии уже нельзя воспринимать как внешний сервис для юридической работы. Такой взгляд устарел. Цифровая среда вошла в профессию слишком глубоко, чтобы оставаться лишь вспомогательным инструментом. Сегодня она влияет на скорость поиска норм, на качество правового анализа, на внутреннюю организацию работы юридического отдела и даже на то, как юрист выстраивает профессиональное мышление. Когда специалист открывает справочно-правовую систему, проверяет судебную практику, формирует процессуальный документ по шаблону, направляет материалы через электронный контур суда или ведет дело в корпоративной базе, речь идет уже не об эпизодическом использовании техники, а о новой рабочей модели. Именно поэтому цифровизация юридической деятельности на современном этапе приобрела не формальный, а прикладной и системный характер.

Практический эффект здесь хорошо заметен на уровне повседневных операций. То, что еще десять лет назад занимало часы, сейчас часто решается за считанные минуты. Поиск редакции нормы, сопоставление судебных позиций, проверка реквизитов акта, подготовка типового иска, систематизация клиентских материалов, контроль сроков процессуальных действий– все это цифровые инструменты заметно ускорили. Особенно нагляден пример с использованием КонсультантПлюс, Гаранта, ГАС «Правосудие», системы «Мой арбитр», ведомственных электронных архивов и внутренних CRM-решений юридических компаний. В крупной практике такие платформы уже не просто помогают – они задают ритм работы. Чем сложнее массив дел и документов, тем сильнее зависимость от цифровой инфраструктуры.

Но рост скорости сам по себе не равен росту качества. В этом месте и начинается главный разговор. Информационные технологии усиливают юридическую деятельность только тогда, когда встроены в нее грамотно. При небрежном использовании они создают обратный эффект. Юрист начинает механически доверять выдаче системы, пропускает смысловые различия между схожими судебными позициями, ориентируется на готовый шаблон вместо вдумчивой правовой квалификации. На практике это особенно заметно у молодых специалистов, которые быстро работают с поиском, но хуже чувствуют контекст нормы, и у перегруженных отделов, где скорость начинает вытеснять глубину анализа. Поэтому цифровизация в праве не сводится к покупке программного продукта. Она требует перестройки самой профессиональной культуры.

«Исследователи справедливо отмечают, что под информационными технологиями понимается процесс обработки информации, основанный на методах получения, учета, передачи, хранения и преобразования данных для подготовки, принятия и реализации решения» [1]. Для юридической сферы это определение особенно точно. Право почти полностью построено на работе с информацией. Юрист собирает факты, проверяет нормы, соотносит обстоятельства с правовыми конструкциями, выбирает позицию, оформляет вывод и затем сопровождает его в процедуре. Цифровая технология вмешивается во все эти этапы. Она ускоряет доступ к источникам, снижает число технических ошибок, помогает удерживать большие массивы информации и делает профессиональные действия более управляемыми. В этом смысле технология уже не находится рядом с юридическим мышлением. Она встроена внутрь него.

История развития юридических технологий хорошо показывает, как менялась сама логика профессии. Сначала цифровые решения решали довольно простую задачу: нужно было навести порядок в массивах нормативных актов и избавиться от бумажного хаоса, который особенно остро ощущался еще во второй половине XX века. Затем на первый план вышли справочно-правовые системы. После этого начался следующий этап: информационные решения стали не только хранить документы, но и сопровождать процесс. Так появились автоматизированные комплексы для судопроизводства, криминалистики, делопроизводства, ведомственного контроля и внутренней организации труда: АДИС, АГИПС, «Зеркало», электронные архивы, картотеки дел, автоматизированные рабочие места специалистов. Все это уже не библиотека права, а цифровая среда его функционирования.

Именно здесь возникает новая системная проблема. Чем сложнее технологический контур, тем выше требования к самому юристу. Специалисту уже недостаточно уметь найти статью закона и открыть судебное решение. Нужна другая квалификация. В нее входят: уверенная работа с несколькими цифровыми платформами, понимание логики их поиска, навык проверки релевантности результата, способность распознавать ошибочную выдачу, внимательное отношение к защите данных и умение не терять правовой смысл за технической оболочкой. В юридических фирмах, судах, органах публичной власти и крупных компаниях это уже привело к появлению новой организационной модели, когда правовые и технические специалисты работают не раздельно, а в постоянной связке. Там, где такого взаимодействия нет, цифровизация часто буксует.

«Н.М. Делок и В.А. Шарыпова обоснованно относят к ключевым технологиям правовой сферы базы данных, хранилища данных, базы знаний, экспертные системы, автоматизированные рабочие места, электронный документооборот и автоматизированные системы управления» [2]. Сама эта классификация уже важна, потому что она показывает одно простое обстоятельство: современная юридическая цифровизация не является чем-то единым и односложным. Она построена как многослойная система. Один класс решений отвечает за накопление информации. Другой обеспечивает ее обработку. Третий помогает стандартизировать действия. Четвертый встраивается в управленческий цикл. Пятый обслуживает коммуникацию между участниками процесса. Юристу приходится работать сразу в нескольких цифровых режимах, причем переключение между ними становится частью обычного рабочего дня.

Отсюда вытекает еще один важный вывод. Эффективность юридической деятельности сегодня зависит не просто от наличия программ, а от того, насколько удачно они собраны в единую экосистему. Если база судебной практики не связана с документооборотом, если карточка клиента существует отдельно от календаря процессуальных сроков, если шаблоны документов не обновляются под актуальные изменения законодательства, цифровая среда начинает дробиться и теряет смысл. В результате юрист тратит время на переключение между системами, повторно вводит одни и те же данные, дублирует действия и получает на выходе ту же перегрузку, только в электронной форме. Поэтому сегодня выигрывает не тот, у кого больше программ, а тот, у кого они лучше согласованы.

Очень показательным примером здесь выступает автоматизированное рабочее место юриста. В литературе отмечается, что такое рабочее место может включать базу данных дел, планирование рабочего времени, формирование отчетности, автоматизированное составление процессуальных документов и другие функции [2]. На практике АРМ становится персональной цифровой средой специалиста. В нем сходятся календарь, дело, шаблон, справочная система, коммуникация с клиентом, контроль стадии процесса и внутренняя отчетность. Это уже не техническая надстройка над профессией. Это ее рабочий каркас. Чем качественнее организовано такое пространство, тем меньше юрист теряет времени на рутину и тем больше ресурса остается на правовую аргументацию.

Но вместе с этим возрастает и зависимость. Если система работает нестабильно, если нарушен доступ к базе, если данные загружены некорректно, если шаблоны устарели, юридический процесс начинает давать сбои почти сразу. В бумажную эпоху специалист медленнее работал, но был менее привязан к единому цифровому контуру. Сейчас ситуация обратная. Профессиональная скорость выросла, но выросла и уязвимость. Отсюда особое значение приобретают резервные процедуры, кибербезопасность, разграничение доступа, аудит цифровых решений и регулярное обновление баз. Для юридической деятельности это не техническая мелочь, а вопрос надежности правового результата.

Отдельная проблема связана с изменением профессиональных компетенций. Раньше цифровая грамотность в юридической среде воспринималась почти как дополнительное преимущество. Сейчас это уже базовое условие нормальной работы. При этом одного умения пользоваться сервисом недостаточно. Нужен навык критической оценки цифрового результата. Поисковая система выдает подборку актов, но не объясняет, какой из них

действительно значим для конкретного дела. Шаблон генерирует документ, но не гарантирует его содержательной точности. Аналитический сервис показывает статистику, но не раскрывает причин, по которым сформировалась именно такая судебная тенденция. Следовательно, сильный юрист нового типа – это не человек, который быстрее нажимает кнопки. Это специалист, который понимает ограничения цифрового инструмента и не подменяет правовое суждение технической выдачей.

По этой причине юридическое образование тоже вынуждено меняться. Недостаточно научить студента искать закон и открывать судебную практику. Нужна более сложная модель подготовки. Она должна включать навыки работы с цифровыми правовыми платформами, понимание логики электронного документооборота, основы защиты информации, анализ цифровых следов, умение сопоставлять автоматизированный результат с нормой и фактическими обстоятельствами дела. Без этого выпускник оказывается технически включенным в современную среду, но профессионально не готовым к ней. В итоге цифровая оболочка есть, а содержательной устойчивости нет.

Вместе с тем полный уход в технократику для юридической профессии тоже опасен. Право не сводится к обработке данных. В нем всегда остается место для интерпретации, оценки, спора, усмотрения, учета контекста и этического измерения. Именно поэтому автоматизация рутинных процедур выглядит полезной, а автоматизация сложного правового вывода требует осторожности. Нельзя допустить, чтобы юрист начал мыслить логикой интерфейса, а не логикой права. Когда технология вытесняет профессиональное суждение, внешняя эффективность растет, но качество юридической работы начинает проседать. Особенно опасно это в делах, где важны нюансы фактической ситуации, баланс интересов сторон, судебная тактика и тонкая аргументация.

Информационное пространство включает в себя множество компонентов. Это компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, иные цифровые устройства, различные технологии, в том числе сама сеть Интернет – то есть все то, что дает возможность общаться и обмениваться информацией, размещать данные о себе и своей деятельности или личной жизни и т. д. [3, с. 125–131].

В итоге внедрение информационных технологий в юридическую деятельность действительно дало ощутимый прикладной эффект. Сократились временные издержки, упростился доступ к нормативным массивам и судебной практике. Стало легче контролировать сроки, маршруты документов, внутреннюю отчетность и ход типовых процедур. Но одновременно усложнилась сама профессия. Юристу теперь нужно не только знать право, но и уметь работать в многослойной цифровой среде, видеть ее ограничения, защищать данные и сохранять самостоятельность правового мышления. По этой причине цифровизация юридической деятельности должна оцениваться не как техническая модернизация сама по себе, а как глубокая перестройка профессиональной среды. Ее реальный результат зависит не от числа внедренных систем, а от того, насколько разумно они встроены в правовую практику и насколько уверенно специалист сохраняет контроль над ними.

Список источников

1. Егоров И.С., Лупандин В.В., Деменкова А.О. Применение информационных технологий в юридической сфере // Теория и практика современной науки. 2016. № 12-1 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-informatsionnyh-tehnologiy-v-yuridicheskoy-sfere (дата обращения: 12.01.2026).
2. Дедок Н.М., Шарыпова В.А. Виды информационных технологий, используемых в правовой сфере // Colloquium-journal. 2021. № 14 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-informatsionnyh-tehnologiy-ispolzuemyh-v-pravovoy-sfere (дата обращения: 12.01.2026).
3. Ахъядов Э.С.-М. Защита информационного пространства мерами уголовно-правового характера // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1(57). – С. 125–131.

УДК 347.97

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: ОБОСНОВАНИЕ СОЗДАНИЯ КУРЧАЛОЕВСКОГО РАЙОННОГО СУДА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Габазов Т.С.,
канд. юрид. наук, старший преподаватель юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Идрисов М.Х.,
студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В представленной статье предпринята попытка комплексного анализа организационно-правовых предпосылок реформирования системы судов общей юрисдикции на региональном уровне. На примере Курчалоевского района Чеченской Республики авторами выявлено существенное несоответствие между административно-территориальным устройством, демографическими показателями и сложившейся структурой судебных органов. Опираясь на положения действующего законодательства и разъяснения Верховного Суда РФ, авторы аргументируют необходимость учреждения самостоятельной судебной инстанции в виде дополнительного районного суда.*
Ключевые слова: *районный суд, судебная система, территориальная подсудность, доступность правосудия, Курчалоевский район Чеченской Республики.*

TERRITORIAL ACCESSIBILITY OF JUSTICE AS A FACTOR IN OPTIMIZING THE JUDICIAL SYSTEM: RATIONALE FOR THE CREATION OF THE KURCHALOEVSKY DISTRICT COURT OF THE CHECHEN REPUBLIC

Gabazov T.S.,
PhD in Law, senior Lecturer at the Faculty of Law
Kadyrov Chechen State University
Idrisov M.Kh.,
law student
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *This article attempts to comprehensively analyze the organizational and legal prerequisites for reforming the general jurisdiction court system at the regional level. Using the Kurchaloy District of the Chechen Republic as an example, the authors identify a significant discrepancy between the administrative-territorial structure, demographic indicators, and the existing judicial structure. Based on the provisions of current legislation and clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, the authors argue for the need to establish an independent judicial authority in the form of an additional district court.*
Keywords: *district court, judicial system, territorial jurisdiction, accessibility of justice, Kurchaloevsky District Chechen Republic.*

Проблематика организации судебной власти и обеспечения территориальной доступности правосудия неизменно находится в фокусе внимания отечественных правоведов. Как резонно подчеркивают отдельные исследователи, районные суды являются основным звеном системы судов общей юрисдикции, расположенными наиболее близко к населению территориально, что позволяет гражданам обращаться именно в этот суд для защиты нарушенных или оспариваемых прав [5]. Однако на практике реализация данного принципа

сопряжена с существенными трудностями, особенно в регионах с высокой плотностью населения и сложной административно-территориальной структурой.

В контексте настоящего исследования особый интерес представляет ситуация, сложившаяся в Курчалоевском районе Чеченской Республики с административным центром – городом Курчалой. Несмотря на устойчивый демографический рост и высокие показатели плотности населения, данный муниципальный район до настоящего времени не имеет самостоятельного районного суда, что, по нашему убеждению, создает объективные препятствия для реализации конституционного права граждан на судебную защиту.

Следует отметить, что фактор территориальной удаленности органов юстиции от мест проживания населения приобретает особое значение в условиях предгорья, где транспортная доступность существенно ограничена.

Целью данной работы является комплексный анализ правовых, демографических и организационных предпосылок создания Курчалоевского районного суда, а также формулирование мотивированного предложения по его созданию с определением оптимальной кадровой численности судейского корпуса.

Новизна исследования обусловлена разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимися в Постановлении № 23 от 28 октября 2025 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О создании суда Путинского района города Грозного Чеченской Республики» (далее соответственно – ПП ВС РФ № 23 от 28.10.2025, Проект Закона) [3].

В соответствии с Федеральными конституционными законами от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», федеральные суды создаются и упраздняются федеральными законами [1, 2]. Ключевым критерием при принятии такого решения является численность населения, проживающего на территории соответствующего судебного района (округа).

Принципиально важным представляется обращение к постановлению ПП ВС РФ № 23 от 28.10.2025 и соответствующей документации к вышеуказанному Проекту Закона [3].

Как следует из пояснительной записки к указанному Проекту Закона, при решении вопроса о создании нового судебного органа надлежит учитывать не только абсолютную численность населения, но и такие факторы, как фактическая нагрузка на смежные судебные инстанции. Пленум Верховного Суда РФ особо подчеркнул, что отсутствие самостоятельного судебного органа на территории с численностью населения, превышающей 42 тысячи человек (с перспективой на значительный рост населения в ближайшее время), может рассматриваться как обстоятельство, нарушающее разумные сроки судопроизводства [3]. Нельзя также забывать о таких показателях, как плотность населения, транспортная доступность суда для жителей отдаленных населенных пунктов.

Обратимся к статистическим данным, характеризующим демографическую ситуацию в исследуемом районе. Согласно официальной информации, численность населения Курчалоевского района по состоянию на 1 января 2025 года составляет более 120 тыс. человек [10]. По другим официальным источникам – более 139 тыс. человек [4]. Из 17 муниципальных образований Чеченской Республики (15 муниципальных районов и 2 городских округа) Курчалоевский район занимает 5 место по численности населения [10]. Данный показатель позволяет отнести Курчалоевский район к числу наиболее крупных муниципальных образований не только в Чеченской Республике, но и в масштабах всего Северо-Кавказского федерального округа.

Курчалоевский район ЧР состоит из административного центра – города Курчалой и 21 населенного пункта [4]. Плотность населения в районе достигает 297–302 человека на квадратный километр, что является одним из самых высоких показателей для сельских и предгорных территорий Российской Федерации. Такая плотность создает повышенную нагрузку на судебную систему, обусловленную высоким уровнем социальных споров,

земельных и имущественных конфликтов, а также необходимостью оперативного рассмотрения уголовных дел.

Для более убедительной аргументации целесообразно провести сравнительный анализ с иными субъектами Российской Федерации. Показательно, что население Курчалоевского района ЧР превышает численность населения нескольких городов, являющихся административными центрами субъектов РФ. В частности:

- город Магас (Республика Ингушетия) – около 19 тыс. человек [7];
- город Анадырь (Чукотский автономный округ) – чуть более 13 тыс. человек [6];
- город Нарьян-Мар (Ненецкий автономный округ) – около 25 тыс. человек [8];
- город Элиста (Республика Калмыкия) – около 108 тыс. человек [9].

Таким образом, административный центр Курчалоевского района (г. Курчалой с населением более 24 тыс. человек) и весь район в целом (более 120 тыс. человек) по численности превосходят или сопоставимы с населением вышеуказанных столиц субъектов РФ, которые гарантированно обеспечены полноценными судами. Таким образом, отсутствие собственного судебного органа в Курчалоевском районе ЧР при сопоставимых или даже более высоких демографических показателях представляется труднообъяснимым с точки зрения принципа равной доступности правосудия.

В настоящее время правосудие на территории Курчалоевского района ЧР фактически осуществляется иными судебными органами – в частности, Шалинским городским судом. При этом необходимо отметить, что Шалинский городской суд ЧР (состоящий из 7 судей) обслуживает три муниципальных образования – сам Шалинский муниципальный район (г. Шали) (население более 136 тыс. человек), Курчалоевский муниципальный район (г. Курчалой) (более 120 тыс. человек) и городской округ «Город Аргун» (более 60 тыс. человек) [10]. В общей сложности население этих трех муниципальных образований составляет более 316 тыс. человек.

Такая организация территориальной подсудности создает для жителей удаленных населенных пунктов дополнительные сложности, связанные с необходимостью преодолевать значительные расстояния для участия в судебных заседаниях, что особенно критично для лиц с ограниченными возможностями передвижения и малоимущих граждан.

Кроме того, передача дел в другие судебные районы неизбежно приводит к увеличению нагрузки на судей этого района. Исследования показывают, что высокая загруженность судей негативно влияет на сроки рассмотрения дел и качество правосудия, что в конечном итоге влияет на права и законные интересы участников судопроизводства.

Определение оптимальной численности судей Курчалоевского районного суда ЧР требует учета как формальных нормативов, так и реальной потребности в отправлении правосудия на данной территории.

В российской судебной практике сложился подход, согласно которому один судейский состав рассчитывается ориентировочно на 30 тыс. населения. Исходя из этого норматива, минимальная потребность в судьях для Курчалоевского района ЧР составляет 4 единицы (120 648 / 30 000 ≈ 4,02). Коэффициент 1:30 000 является оптимальным лишь для территорий со средними показателями нагрузки, тогда как для густонаселенных регионов с высокой социальной активностью населения требуется увеличение количества судей в 1,5–2 раза.

Однако, на наш взгляд, этого недостаточно. Высокая плотность населения, специфика региона (уровень преступности и характер гражданско-правовых споров в восстанавливающейся экономике), а также необходимость специализации судей по различным категориям дел требуют увеличения штатной численности. Помимо этого, следует учитывать, что судьи выполняют не только функции по рассмотрению дел, но и осуществляют процессуальное руководство, участвуют в судебном контроле на досудебных стадиях.

С учетом изложенного, а также принимая во внимание позицию Пленума Верховного Суда РФ, при определении штатной численности вновь создаваемого районного суда надлежит исходить из перспектив демографического роста и прогнозируемой судебной

нагрузки на ближайшие годы [3]. Оптимальной представляется штатная численность Курчалоевского районного суда ЧР в количестве семи судей. Такая структура (председатель, двое заместителей и четыре судьи в составе) является стандартной для многосоставных районных судов РФ с высокой нагрузкой и позволяет сформировать полноценные составы по уголовным, гражданским и административным делам.

На основании проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения:

- инициировать Верховным Судом Российской Федерации вопрос о создании Курчалоевского районного суда Чеченской Республики как самостоятельной судебной инстанции;
- установить штатную численность судей Курчалоевского районного суда ЧР в количестве семи единиц, включая председателя суда и двух его заместителей;
- обеспечить материально-техническое оснащение вновь создаваемого суда, включая выделение отдельного здания, оборудование залов судебных заседаний системами видеоконференц-связи и аудиопротоколирования;
- предусмотреть в федеральном бюджете на очередной финансовый год средства на финансирование дополнительных штатных единиц аппарата суда.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что создание Курчалоевского районного суда Чеченской Республики является объективной необходимостью, обусловленной демографическими факторами, принципом территориальной доступности правосудия и необходимостью равномерного распределения судебной нагрузки.

Следует отметить, что Шалинский городской суд Чеченской Республики действительно сталкивается с колоссальной нагрузкой, связанной с обслуживанием достаточно многочисленного населения и его плотности. Также данный городской суд одновременно обслуживает 2 районные и 1 городскую прокуратуры, 2 межрайонных следственных отдела Следственного управления СК РФ и 3 отдела внутренних дел МВД по Чеченской Республике.

Отсутствие самостоятельного судебного органа в крупнейшем муниципальном образовании Чеченской Республики не только нарушает права граждан на доступ к правосудию по месту жительства, но и создает чрезмерную нагрузку на соответствующие суды, что в конечном счете влияет на качество и сроки рассмотрения дел.

Сравнительный анализ с другими субъектами Российской Федерации, а также учет правовых позиций, сформулированных в ПП ВС РФ № 23 от 28.10.2025, подтверждает, что Курчалоевский район ЧР по демографическим показателям давно перерос статус территории, обслуживаемой судами соседних районов.

По нашему мнению, институционализация новых судебных органов должна опережать, а не догонять демографические процессы, иначе неизбежно возникает дисбаланс между потребностью в правосудии и возможностями его отправления. Доступность правосудия является не факультативным, а конституционно значимым благом, и государство обязано создавать все необходимые организационные предпосылки для его реализации.

Учреждение самостоятельного районного суда с семью судейскими составами позволит обеспечить реализацию конституционного права граждан на судебную защиту в полном объеме и будет способствовать дальнейшему развитию судебной системы Чеченской Республики. Представляется, что реализация предложенных рекомендаций будет способствовать не только оптимизации судебной нагрузки, но и повышению доверия населения к судебной власти в целом.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 04.04.2026).
2. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 04.04.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2025 № 23 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О создании суда Путинского района города Грозного Чеченской Республики» // URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 04.04.2026).
4. Распоряжение Правительства Чеченской Республики от 14.12.2020 № 486-р (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении региональной программы «Модернизация первичного звена здравоохранения Чеченской Республики» // URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 02.04.2026).
5. Габазов, Т. С. Отдельные коллизионные проблемы заочного судебного решения / Т. С. Габазов, Х. В. Идрисов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2(153). – С. 194–197. DOI 10.46320/2073-4506-2021-2-153-194-197.
6. Городской округ Анадырь // URL: https://xn--80atapud1a.xn--p1ai/o-regione/munitsipalnye-obrazovaniya/gorodskoy-okrug-anadyr.php (дата обращения: 02.04.2026).
7. Магас. Историческая справка // URL: https://pskov.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/goroda-pobratimy/magas (дата обращения: 02.04.2026).
8. Официальный сайт администрации города / Общая информация// URL: https://adm-nmar.ru/city/obshchaya-informatsiya (дата обращения: 02.04.2026).
9. Официальный сайт администрации города Элисты // URL: https://gorod-elista.ru (дата обращения: 02.04.2026).
10. Оценка численности населения Чеченской Республики на 1 января 2025 года// URL: https://95.rosstat.gov.ru/main_indicators (дата обращения: 04.04.2026).

УДК 342.52

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Дадаева М.С.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных подходов к пониманию соотношения законодательной и исполнительной власти в Российской Федерации в условиях конституционной реформы 2020 года и обновления законодательства о публичной власти. Рассматриваются вопросы статуса Правительства Российской Федерации в системе федеральных органов исполнительной власти, проблемы взаимодействия федерального центра и субъектов Федерации, особенности реализации полномочий исполнительной власти в кризисных условиях, а также исторические и сравнительно-правовые аспекты взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти. Показано, что современная российская модель характеризуется сочетанием нормативного обновления, институциональной неопределенности и усиления роли Президента в системе публичной власти. Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие данной сферы требует уточнения правового статуса ключевых органов, укрепления механизмов координации и контроля, а также выработки более сбалансированной модели взаимодействия законодательной и исполнительной власти.*

Ключевые слова: *законодательная власть, исполнительная власть, Правительство Российской Федерации, публичная власть, разделение властей, взаимодействие ветвей власти, конституционная реформа, система сдержек и противовесов, полномочия Правительства, государственное управление.*

THE CORRELATION BETWEEN LEGISLATIVE AND EXECUTIVE POWER IN CONTEMPORARY RUSSIA: PROBLEMS OF INTERACTION AND INSTITUTIONAL TRANSFORMATION

Dadaeva M.S.,
Senior Lecturer Departments of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern approaches to understanding the correlation between legislative and executive power in the Russian Federation in the context of the 2020 constitutional reform and the renewal of legislation on public authority. It examines the issues of the status of the Government of the Russian Federation within the system of federal executive bodies, the problems of interaction between the federal center and the constituent entities of the Federation, the specifics of the implementation of executive powers under crisis conditions, as well as the historical and comparative legal aspects of interaction between the executive and legislative branches of power. It is shown that the modern Russian model is characterized by a combination of normative renewal, institutional uncertainty, and the strengthening of the President's role in the system of public authority. It is concluded that the further development of this sphere requires clarification of the legal status of key bodies, strengthening of coordination and control mechanisms, and the development of a more balanced model of interaction between legislative and executive power.*

Keywords: *legislative power, executive power, Government of the Russian Federation, public authority, separation of powers, interaction of branches of power, constitutional reform, system of checks and balances, powers of the Government, public administration.*

Конституционная реформа 2020 года и последовавшее за ней масштабное обновление законодательства о публичной власти поставили перед юридической наукой и практикой целый ряд вопросов, связанных с организацией и функционированием исполнительной ветви. Меняются не только формальные полномочия органов власти, но и сама архитектура отношений между различными уровнями управления, между ветвями власти, между традиционными институтами и новыми вызовами – цифровизацией, кризисными ситуациями, внешним давлением. Представленные работы, охватывающие как современные административно-правовые проблемы, так и исторический опыт политического взаимодействия, а также сравнительный анализ зарубежных моделей, позволяют сформировать объемное представление о текущем состоянии и перспективах развития исполнительной власти в России.

Центральное место в дискуссиях о системе федеральных органов исполнительной власти занимает вопрос о статусе Правительства Российской Федерации. Статья М.А. Лапиной, Г.И. Валентика и Д.Е. Самофалова «Правительство Российской Федерации в системе и структуре федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: административно-правовой аспект» обращается к этой проблеме с позиций строгого юридического анализа. Авторы сопоставляют положения Конституции РФ, Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и указов Президента, определяющих структуру федеральных органов исполнительной власти. Их ключевой вывод формулируется с необходимой научной осторожностью, но вполне определенно: «Утверждение в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», что Правительство РФ входит в систему федеральных органов исполнительной власти, не представляется достаточно обоснованным с учетом содержания Основного закона России и актов главы государства» [1, с. 2].

Позиция Лапиной и ее соавторов заслуживает пристального внимания. Они не просто констатируют наличие коллизии, но и показывают ее практические последствия. Если Правительство является частью системы ФОИВ наряду с министерствами и ведомствами, то его руководящая роль, закрепленная в ч. 3 ст. 110 Конституции, размывается. Если же оно стоит над системой, то почему законодатель использует формулировку «Правительство и иные федеральные органы исполнительной власти»? Авторы предлагают путь разрешения противоречия – проверку конституционности соответствующих норм либо их официальное толкование Конституционным Судом. Думается, что такая постановка вопроса абсолютно своевременна. Без четкого определения места Правительства в системе органов власти любые реформы исполнительной вертикали будут натыкаться на исходную неопределенность базовых понятий.

Проблема усугубляется, когда речь заходит не только о федеральном уровне, но и о субъектах Федерации. И.С. Романчук в статье «Исполнительная власть в единой системе публичной власти субъектов Российской Федерации: проблемы реализации полномочий» анализирует последствия принятия Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Исследователь приходит к неутешительным выводам о состоянии нормативного регулирования и правоприменительной практики: «В настоящее время существуют серьезные препятствия для эффективного построения подобных отношений внутри единой системы исполнительных органов власти регионов, что, прежде всего, связано с недостатками и противоречиями в нормативном регулировании данной сферы» [2, с. 5].

Романчук последовательно вскрывает целый пласт нерешенных вопросов. Как должны взаимодействовать федеральные и региональные органы исполнительной власти на территории субъекта? Кто и в каких формах осуществляет координацию их деятельности?

Каким образом оценивать эффективность работы отдельных органов, а не всей региональной системы в целом? Ответы на эти вопросы либо отсутствуют, либо носят фрагментарный характер.

Особого внимания заслуживает наблюдение автора о цифровом взаимодействии. Электронный документооборот и межведомственные информационные системы сегодня замкнуты преимущественно на сфере оказания государственных услуг населению. Иные публичные функции остаются вне рамок современных технологических решений. Романчук справедливо указывает на необходимость разработки федеральных стандартов и механизмов, обеспечивающих полноценную цифровую интеграцию всех уровней исполнительной власти. Без этого единство публичной власти, провозглашенное конституционной реформой, рискует остаться декларацией.

Исторический опыт взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в России свидетельствует о том, что поиск эффективных форматов сотрудничества всегда был сопряжен со значительными трудностями. А.А. Берлов в статье «Взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти России в конце 1997 – начале 1998 года: опыт нового формата» детально реконструирует попытку создания механизмов межвластных консультаций в условиях острого политического кризиса.

Исследователь опирается на богатый архивный материал и демонстрирует, как угроза вотума недоверия правительству вынудила президента, правительство и палаты Федерального Собрания искать компромисс. Результатом стало создание четырехсторонней комиссии и круглого стола – новых институтов, призванных обеспечить постоянный диалог и согласование позиций по ключевым вопросам. Оценка итогов этого эксперимента дается Берловым взвешенно.

«Попытка создать новый формат была вызвана необходимостью преодоления политического кризиса, и в этом, стоит признать, она достигла успеха. Вотум недоверия был отозван, бюджет принят, хотя и с опозданием, а парламентарии получили часть желанных уступок. Однако для проведения слаженного политического и экономического курса реформ этого было недостаточно» [3, с. 9–10].

Позиция автора ясна. Созданные механизмы сработали как инструмент тактического урегулирования конфликта, но оказались неспособны обеспечить стратегическую согласованность действий ветвей власти. Разные подходы к процедурам, разные приоритеты, стремление исполнительной власти к быстрым пакетным решениям при склонности парламента к длительным согласованиям – все это предопределило недолговечность нового формата. Уже весной 1998 года президент отказался от роли арбитра, отправил правительство в отставку и фактически продавил через Думу новую кандидатуру премьера, разрушив достигнутые договоренности.

Этот исторический урок представляется весьма поучительным. Любые институциональные механизмы межвластного взаимодействия эффективны лишь тогда, когда существует реальная политическая воля к компромиссу с обеих сторон. Как только одна из сторон решает действовать с позиции силы, самые продуманные процедуры перестают работать.

Современные вызовы, с которыми сталкивается российская исполнительная власть, носят иной характер, но требуют не меньшей гибкости и адаптивности. В.А. Дмитриенко в статье «Трансформация полномочий Правительства Российской Федерации в условиях современных вызовов» анализирует, как пандемия COVID-19, санкционное давление и цифровая трансформация меняют содержание и объем полномочий высшего органа исполнительной власти.

Автор обращает внимание на открытый характер перечня полномочий Правительства, закрепленного в Конституции. Наличие «иных полномочий» позволяет оперативно реагировать на возникающие угрозы, не дожидаясь внесения изменений в законодательство. Именно эта гибкость оказалась востребованной в кризисных условиях последних лет.

«Адаптивный характер полномочий Правительства РФ, как ответ на современные вызовы, позволяет оперативно реагировать на кризисные ситуации, такие как пандемия COVID-19, санкционное давление и технологические трансформации, в частности цифровизация» [4, с. 5].

Дмитриенко не ограничивается констатацией позитивных аспектов адаптивности. Он фиксирует и сопутствующие риски. Расширение полномочий в кризисных условиях способно нарушить баланс между ветвями власти, размыть конституционные границы компетенции. Автор выявляет системные противоречия институционального характера – дуализм подчиненности Правительства (формально перед парламентом, фактически перед Президентом), асимметрию законотворческого процесса, сегментацию компетенции с особым статусом силовых министерств.

Предложенная в статье классификация полномочий (учредительные, нормотворческие, правоприменительные, внешнеполитические, кризисные) представляет собой полезный инструмент для системного анализа и может быть использована при совершенствовании законодательства.

Сравнительный аспект функционирования исполнительной власти в России и зарубежных странах представлен в работе И.А. Гаврилкина, Д.О. Полякова и Д.О. Платоновой «Сравнительный анализ взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в РФ, Великобритании, Франции и ФРГ». Авторы рассматривают четыре страны с различными формами правления и выявляют как общие тенденции, так и национальную специфику.

Великобритания демонстрирует высокую гибкость парламентской системы, где правительство фактически выступает агентом парламента, а институты вотума недоверия и роспуска палаты позволяют оперативно разрешать конфликты. Германия сочетает сильные позиции федерального правительства в законодательном процессе с эффективными механизмами контроля. Франция предоставляет исполнительной власти мощные инструменты влияния на законодательный процесс, включая право «блокированного голосования».

Российская модель сопоставляется авторами с французской, но с одной важной оговоркой: «В России, в силу особого статуса Президента, сосредоточившего в своих руках наиболее существенные полномочия отправления государственной власти, модель разделения властей со свойственной полупрезидентской республике системой сдержек и противовесов, реализуется в меньшей мере, чем во Франции» [5, с. 8–9].

Эта констатация имеет принципиальное значение. Речь идет не просто о сравнительной характеристике двух смешанных республик, а о качественном отличии российской модели, которую исследователи обозначают термином «сверхпрезидентство». Концентрация наиболее существенных полномочий в руках главы государства ослабляет механизмы взаимного сдерживания ветвей власти, что, в свою очередь, влияет на эффективность всей системы публичного управления.

Цифровизация государственного управления представляет собой комплексную трансформацию процессов внутри государственной системы с использованием современных информационных и коммуникационных технологий, направленную на повышение эффективности, прозрачности, доступности и качества предоставляемых государственных услуг, что влечёт за собой переосмысление и адаптацию традиционных принципов и подходов в управлении, включая принцип разделения властей, к новым условиям функционирования [6, с. 112–117].

Собственные размышления над совокупностью представленных материалов приводят к нескольким выводам. Во-первых, правовая неопределенность статуса Правительства РФ в системе федеральных органов исполнительной власти, отмеченная Лапиной и соавторами, является не просто технической коллизией, а симптомом более глубокой проблемы – незавершенности институционального дизайна исполнительной вертикали. Конституционная реформа 2020 года сделала важный шаг, закрепив единство публичной власти, но не решила вопроса о четком разграничении ролей и полномочий ключевых субъектов.

Во-вторых, анализ регионального уровня, проведенный Романчуком, показывает, что формальное приведение законодательства в соответствие с федеральным не сопровождается созданием реально работающих механизмов взаимодействия. Без детальной регламентации процедур координации, без внедрения цифровых платформ, охватывающих все публичные функции, единство системы останется лишь нормативной декларацией.

В-третьих, исторический опыт, исследованный Берловым, напоминает о том, что институциональные механизмы сами по себе не гарантируют эффективного сотрудничества ветвей власти. Необходима политическая культура компромисса, готовность к учету позиций другой стороны. В условиях доминирования исполнительной вертикали эта задача становится особенно сложной.

В-четвертых, современные вызовы, рассмотренные Дмитриенко, требуют от исполнительной власти гибкости и оперативности. Открытый перечень полномочий Правительства – адекватный ответ на эту потребность. Однако гибкость не должна оборачиваться бесконтрольностью. Развитие институтов парламентского и общественного контроля, четкое определение пределов и процедур реализации кризисных полномочий – необходимое условие сохранения конституционного баланса.

Наконец, сравнительный анализ, проведенный Гаврилкиным и соавторами, подводит к выводу о том, что российская модель организации исполнительной власти, несмотря на внешнее сходство с французской, имеет существенную специфику, связанную с особым положением Президента. Это обстоятельство должно учитываться при любых попытках реформирования системы, ибо механическое заимствование зарубежных институтов без учета отечественных реалий редко приводит к успеху.

Совокупность рассмотренных научных позиций позволяет утверждать, что исполнительная власть в России находится в состоянии перманентной трансформации. Конституционные поправки 2020 года задали вектор на укрепление единства публичной власти, но конкретные механизмы реализации этого единства еще предстоит выработать. Решение данной задачи потребует как доктринальных усилий научного сообщества, так и политической воли законодателя.

Список источников

1. Лапина М.А., Валентик Г.И., Самофалов Д.Е. Правительство Российской Федерации в системе и структуре федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: административно-правовой аспект // Право и политика. 2025. № 1. – С. 2.
2. Романчук И.С. Исполнительная власть в единой системе публичной власти субъектов Российской Федерации: проблемы реализации полномочий // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 4. – С. 5.
3. Берлов А.А. Взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти России в конце 1997 – начале 1998 года: опыт нового формата // Полития. 2025. № 1 (116). – С. 9–10.
4. Дмитриенко В.А. Трансформация полномочий Правительства Российской Федерации в условиях современных вызовов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 4. – С. 5.
5. Гаврилкин И.А., Поляков Д.О., Платонова Д.О. Сравнительный анализ взаимодействия законодательной и исполнительной ветви власти в РФ, Великобритании, Франции и ФРГ // Вестник науки. 2025. № 3 (84). Т. 5. – С. 8–9.
6. Аджиев А.А. Трансформация принципа разделения властей в условиях цифровизации государственного управления: теоретико-правовой анализ // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 112–117.

УДК 342.5

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Дадаева М.С.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных теоретико-правовых подходов к пониманию исполнительной власти в Российской Федерации в условиях конституционной реформы 2020 года и обновления законодательства о публичной власти. Рассматриваются вопросы определения понятия исполнительной власти, ее признаков, функций, субъектного состава и особенностей организации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Особое внимание уделено проблемам разграничения полномочий, нестабильности институциональной структуры, взаимодействия органов исполнительной власти в единой системе публичной власти и месту муниципального уровня в этой системе. Показано, что современное состояние исполнительной власти характеризуется сочетанием нормативного обновления и сохраняющихся организационно-правовых противоречий. Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие доктрины и законодательства должно быть связано с уточнением понятийного аппарата, укреплением координационных механизмов и выработкой более целостной модели функционирования исполнительной власти в современной России.*
Ключевые слова: *исполнительная власть, органы исполнительной власти, публичная власть, система исполнительной власти, субъекты исполнительной власти, функции исполнительной власти, региональная исполнительная власть, муниципальная власть, разграничение полномочий, государственное управление.*

EXECUTIVE POWER IN CONTEMPORARY RUSSIA: CONCEPT, FEATURES, AND PROBLEMS OF ORGANIZATION WITHIN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

Dadaeva M.S.,
Senior Lecturer Departments of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern theoretical and legal approaches to understanding executive power in the Russian Federation in the context of the 2020 constitutional reform and the renewal of legislation on public authority. It examines issues related to defining the concept of executive power, its features, functions, subject composition, and the specifics of its organization at the federal, regional, and municipal levels. Particular attention is paid to the problems of delimitation of powers, instability of the institutional structure, interaction of executive bodies within the unified system of public authority, and the place of the municipal level in this system. It is shown that the current state of executive power is characterized by a combination of normative renewal and persistent organizational and legal contradictions. It is concluded that the further development of doctrine and legislation should be connected with clarifying the conceptual framework, strengthening coordination mechanisms, and developing a more coherent model of executive power functioning in contemporary Russia.*
Keywords: *executive power, executive bodies, public authority, system of executive power, subjects of executive power, functions of executive power, regional executive power, municipal power, delimitation of powers, public administration.*

Конституционная реформа 2020 года и последовавшее за ней обновление законодательства о публичной власти существенно изменили ландшафт государственного

управления в Российской Федерации. Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепил новые подходы к структурированию региональных органов, а признание органов местного самоуправления частью единой системы публичной власти поставило вопрос о переосмыслении всей вертикали исполнительной власти. Однако законодательные новации не сняли накопившихся проблем – они лишь высветили новые грани давних дискуссий о сущности, признаках и оптимальной организации исполнительной ветви.

В научной литературе последних лет обозначился целый спектр позиций по этим вопросам. Пять статей, отобранных для анализа, представляют различные ракурсы – от теоретического определения понятия исполнительной власти до конкретных проблем взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов. Сопоставление этих работ позволяет увидеть как общие тенденции, так и противоречия в осмыслении современного состояния исполнительной власти в России.

Статья Е.Д. Зуева «Понятие и признаки исполнительной власти в России» носит теоретико-методологический характер. Автор обращает внимание на отсутствие в российском законодательстве легального определения исполнительной власти, что, по его мнению, создает правовую неопределенность и затрудняет понимание ее сущности. Проанализировав доктринальные подходы, Зуев выделяет ряд ключевых признаков – подзаконный характер, самостоятельность в рамках разделения властей, непрерывность осуществления, единство, предметно-функциональную обособленность, исполнительно-распорядительный характер деятельности.

На основе этих признаков автор формулирует собственное определение, которое и становится центральной цитатой его работы: «Исполнительная власть в РФ – это независимая в границах принципа разделения властей ветвь государственной власти, отличительной чертой которой является всеобъемлющий, предметный и организационный характер, структурированность в целостную систему органов, которые, в свою очередь, обеспечивают исполнение нормативных правовых актов в установленной форме, порядке и методами в пределах собственных полномочий» [2, с. 2].

Позиция Зуева отличается стремлением к строгой формализации понятийного аппарата. Он фактически предлагает доктринальную дефиницию, восполняющую пробел законодательства. Однако при этом автор ограничивается рамками государственной исполнительной власти, не затрагивая муниципальный уровень, что характерно для многих работ по административному праву. Можно заметить, что с учетом конституционных поправок 2020 года, включивших местное самоуправление в единую систему публичной власти, такое ограничение выглядит уже недостаточным.

Более практико-ориентированный подход демонстрирует статья А.С. Серебренникова «Система и структура федеральных органов исполнительной власти, их функциональные особенности». Автор исследует иерархию федеральных органов, возглавляемых Президентом и Правительством, анализирует полномочия министерств, служб и агентств. Особое внимание уделяется принципам деятельности – федерализму, законности, сочетанию централизации и децентрализации.

Критическая часть работы выявляет ряд системных недостатков. Серебренников указывает на нестабильность структуры из-за частых реформ, бюрократические коллизии, размывание границ системы за счет наделения юридических лиц властными полномочиями. Главный вывод автора сформулирован достаточно жестко: «Современная модель органов исполнительной власти существует не без изъянов. Ряд проблемных вопросов наталкивает на мысль о необходимости реформирования полномочий органов исполнительной власти с целью создания единой централизованной системы, с указанием на компетенции и полномочия каждого органа и ведомства» [3, с. 4].

Здесь позиция автора очевидна – существующая система страдает от недостатка четкости и требует дальнейшей унификации. Интересно, что Серебренников, как и Зуев, не выходит за пределы государственного уровня. Между тем многие из отмеченных им проблем

– дублирование функций, отсутствие ясных компетенционных границ – еще острее проявляются при взаимодействии федеральных органов с региональными и муниципальными структурами.

Эти межведомственные и межуровневые коллизии становятся центральной темой статьи И.С. Романчука «Исполнительная власть в единой системе публичной власти субъектов Российской Федерации: проблемы реализации полномочий». Автор анализирует последствия принятия Закона № 414-ФЗ и приходит к неутешительным выводам.

Романчук фиксирует целый ряд нормативных пробелов: не определены механизмы взаимодействия федеральных и региональных органов, не установлены формы координации их совместной деятельности. Межведомственное электронное взаимодействие замкнуто преимущественно на сфере государственных услуг. Отсутствует система оценки эффективности отдельных органов – оценивается лишь вся региональная исполнительная власть в целом. Органы местного самоуправления формально включены в единую систему публичной власти, но реальный механизм их взаимодействия с государственными органами не прописан.

Обобщающий вывод автора звучит так: «В настоящее время существуют серьезные препятствия для эффективного построения подобных отношений внутри единой системы исполнительных органов власти регионов, что, прежде всего, связано с недостатками и противоречиями в нормативном регулировании данной сферы» [4, с. 5].

Позиция Романчука представляет собой конструктивную критику. Он не ограничивается констатацией проблем, но и предлагает направления решений – разработку доктринальных основ взаимодействия, внедрение цифровых технологий, создание системы поэлементной оценки эффективности. Эта работа выгодно отличается комплексным взглядом на систему публичной власти, включая муниципальный уровень, что соответствует духу конституционных поправок.

Схожей широтой охвата отличается статья В.Т. Азизовой, М.М. Магдилова и И.Д. Азизова «К вопросу о системе органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Авторы также рассматривают изменения, внесенные Законом № 414-ФЗ, уделяя особое внимание роли высшего должностного лица субъекта, которое теперь признается обязательным органом публичной власти и неотъемлемой частью региональной системы.

Авторы выделяют несколько ключевых недостатков – дублирование полномочий, нестабильность структуры из-за отсутствия четкой стратегии реформ, частую сменяемость руководителей, недостаточную квалификацию государственных служащих, слабость внутрисистемных связей. На этой основе формулируются предложения по совершенствованию кадровой политики и организационных механизмов.

Итоговая оценка сбалансирована и осторожна: «Сложившаяся на сегодняшний день система органов исполнительной власти субъектов Федерации представляется оптимальной, однако имеются отдельные проблемные аспекты, нуждающиеся в анализе и разрешении» [1, с. 5].

Такая формулировка отражает позицию, характерную для многих представителей региональной юридической науки – признание достигнутого уровня организации при одновременном указании на необходимость точечной доработки. Можно предположить, что авторы сознательно избегают радикальных оценок, предпочитая эволюционный подход к совершенствованию системы.

Наиболее концептуальной среди рассмотренных работ является статья И.В. Упорова «Признаки исполнительной власти и ее разграничение на разных территориально-публичных уровнях». Автор предпринимает попытку теоретического синтеза, объединяя анализ признаков исполнительной власти с рассмотрением ее функционирования на всех трех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном.

Упоров обстоятельно разбирает различные доктринальные подходы (Козлов Ю.М., Старилов Ю.Н., Бельский К.С., Бахрах Д.Н.) и приходит к выводу о необходимости включения муниципального уровня в общую теорию исполнительной власти. Он выделяет общие

признаки для всех уровней – наличие аппарата управления, непрерывность деятельности, подзаконность, юридическая ответственность, ресурсная обеспеченность, универсальность задач – и особенные признаки муниципальной исполнительной власти, связанные с ограниченным масштабом и отсутствием структур принуждения.

Ключевой тезис Упорова выражен следующим образом: «Исполнительная власть, будучи одной из ветвей публичной власти, функционирует на всех трех уровнях публичной власти (федеральном, региональном, муниципальном). И в этом смысле исполнительная власть на всех уровнях обладает рядом общих и особенных признаков» [5, с. 3].

Позиция автора заслуживает особого внимания. Упоров фактически предлагает пересмотреть устоявшееся в административном праве представление об исполнительной власти как исключительно государственной. Он настаивает на необходимости рассматривать ее как единую систему, включающую муниципальный сегмент. Более того, автор высказывает спорную, но заслуживающую обсуждения идею о целесообразности назначения глав муниципальных и городских округов губернаторами, что, по его мнению, повысило бы эффективность управления и соответствовало бы историческим традициям.

Такая постановка вопроса неизбежно вызывает дискуссию о пределах самостоятельности местного самоуправления, гарантированной Конституцией. Однако нельзя не признать, что Упоров поднимает реальную проблему – существующая модель жесткого организационного обособления муниципальной власти от государственной в российских условиях действительно порождает трудности в решении общих социально-экономических задач.

Сопоставление рассмотренных работ позволяет сделать несколько обобщающих наблюдений.

Первое. В научном сообществе отсутствует единство даже в базовом вопросе о том, что следует понимать под исполнительной властью. Зуев фиксирует отсутствие легальной дефиниции и предлагает доктринальную. Упоров показывает множественность подходов и связывает это с неопределенностью самого понятия государственной власти. Такая теоретическая разноголосица неизбежно сказывается на качестве законодательства и правоприменения.

Второе. Все авторы признают наличие системных проблем в организации исполнительной власти. Серебренников указывает на нестабильность и размытость компетенций федеральных органов. Азизова с соавторами и Романчук фиксируют недостатки координации на региональном уровне и отсутствие эффективных механизмов взаимодействия с муниципалитетами. Конституционная реформа 2020 года, закрепившая единство публичной власти, пока не привела к созданию работающей модели такого взаимодействия.

Третье. Наиболее дискуссионным остается вопрос о месте муниципальной исполнительной власти в общей системе. Упоров прямо ставит вопрос о необходимости ее интеграции в вертикаль, тогда как другие авторы либо обходят эту проблему, либо ограничиваются констатацией нормативных пробелов. Представляется, что именно этот аспект станет одним из центральных в дальнейших научных и законодательных разработках.

Четвертое. Оценка эффективности действующей системы варьируется от осторожно-оптимистичной (Азизова и соавторы) до откровенно критической (Романчук, Серебренников). Однако никто из авторов не утверждает, что система безнадежна. Напротив, все предлагают конкретные направления совершенствования – от уточнения понятийного аппарата до реформирования кадровой политики и внедрения цифровых технологий.

Цифровизация государственного управления представляет собой комплексную трансформацию процессов внутри государственной системы с использованием современных информационных и коммуникационных технологий, направленную на повышение эффективности, прозрачности, доступности и качества предоставляемых государственных услуг, что влечёт за собой переосмысление и адаптацию традиционных принципов и подходов в управлении, включая принцип разделения властей, к новым условиям функционирования [6, с. 112–117].

В заключение следует отметить, что рассмотренные статьи, при всех различиях в методологии и расстановке акцентов, формируют достаточно целостную картину современного состояния исполнительной власти в России. Это состояние можно охарактеризовать как переходное – от постсоветской модели, унаследовавшей многие черты административной системы СССР, к новой конфигурации, отвечающей требованиям единства публичной власти и цифровой эпохи. Успех этого перехода будет зависеть от способности законодателя и научного сообщества выработать непротиворечивую теоретическую базу и на ее основе создать эффективные правовые механизмы.

Список источников

1. Азизова В.Т., Магдилов М.М., Азизов И.Д. К вопросу о системе органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2024. Т. 39. Вып. 4. – С. 118–124.
2. Зуев Е.Д., Минаев А.В. Понятие и признаки исполнительной власти в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2. – С. 49–51.
3. Серебренников А.С. Система и структура федеральных органов исполнительной власти, их функциональные особенности // Вестник науки. 2025. № 4 (85). Т. 4. – С. 309–312.
4. Романчук И.С. Исполнительная власть в единой системе публичной власти субъектов Российской Федерации: проблемы реализации полномочий // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 4. – С. 78–83.
5. Упоров И.В. Признаки исполнительной власти и ее разграничение на разных территориально-публичных уровнях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-5. – С. 239–243.
6. Аджиев А.А. Трансформация принципа разделения властей в условиях цифровизации государственного управления: теоретико-правовой анализ // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2 (58). – С. 112–117.

УДК 343.983

ПРАВИЛА ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Дацуев А.Х.,
магистр 1 курса кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Маказиева З.Д.,
старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью постоянного совершенствования инструментария криминалистической науки в условиях качественного изменения преступности. В современной следственной практике все чаще возникают ситуации, когда традиционные следы, такие как отпечатки пальцев или биологические выделения, пригодные для генетического анализа, отсутствуют на месте происшествия. В таких обстоятельствах метод криминалистической одорологии, основанный на изучении запаховых следов человека, становится уникальным и зачастую единственным способом идентификации личности преступника. Несмотря на длительную историю применения биодетекторов, вопросы процессуального оформления и технического обеспечения одорологических исследований сохраняют высокую степень дискуссионности в юридическом сообществе. Научный интерес к данной проблематике продиктован также стремительным развитием технологий, позволяющих переходить от исключительно биологических методов детекции к инструментальному анализу пахучих веществ. Проблема легитимности использования запаховых следов в качестве полноценных доказательств в уголовном процессе остается одной из наиболее острых.*
Ключевые слова: *криминалистика, инструментальный анализ, пахучие вещества, одорология, запаховые следы, доказательства, техническое обеспечение, судебная экспертиза.*

RULES FOR DETECTING, DOCUMENTING, AND REMOVING ODOR TRACES AT THE SITE OF AN ACCIDENT

Datsuev A.Kh.,
1st year master of the Department of Criminal Law, Procedure, and National Security
Kadyrov Chechen State University
Makazieva Z.D.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Procedure, and National Security
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The relevance of this research is due to the need for continuous improvement of the tools of forensic science in the context of a qualitative change in crime. In modern investigative practice, there are increasingly situations where traditional traces, such as fingerprints or biological samples suitable for genetic analysis, are absent at the crime scene. In such circumstances, the method of forensic odontology, based on the study of human odor traces, becomes a unique and often the only way to identify the perpetrator. Despite the long history of using biodetectors, the issues of procedural formalization and technical support for odontological investigations remain relevant.*
Keywords: *forensic science, instrumental analysis, odorous substances, odontology, odour traces, evidence, technical support, forensic examination.*

Эффективность раскрытия преступлений во многом зависит от качества первоначальных следственных действий, направленных на работу с невидимыми источниками информации. Запаховые следы человека представляют собой сложную смесь летучих органических соединений, которые непрерывно выделяются организмом в окружающую среду. В криминалистической литературе подчеркивается, что данные объекты обладают высокой степенью индивидуальности и устойчивости при соблюдении правил консервации [1]. Своевременное обнаружение таких субстанций позволяет сформировать доказательственную базу даже при отсутствии традиционных материальных улик. Работа с одорологическими объектами требует от специалиста строгого соблюдения технологической последовательности и мер предосторожности.

Процесс обнаружения пахучих веществ начинается с тщательного анализа обстановки на месте совершения противоправного деяния. Криминалисту необходимо реконструировать действия злоумышленника для определения наиболее вероятных зон локализации молекулярных наслоений. К таким местам относятся предметы одежды, брошенные орудия преступления, а также поверхности, с которыми контактировал субъект [2]. Важно учитывать, что летучие частицы быстро рассеиваются под воздействием воздушных потоков и температурных колебаний. Поэтому поиск и фиксация одорологических данных должны осуществляться в приоритетном порядке, опережая поиск следов рук или обуви.

Техническое обеспечение изъятия пахучих проб предполагает использование специализированных адсорбентов, способных удерживать молекулы запаха. Наиболее распространенным материалом для этих целей является стерильная хлопчатобумажная ткань, предварительно очищенная от посторонних примесей [7]. Применение фланелевых салфеток позволяет эффективно аккумулировать летучие соединения с различных поверхностей.

Проблематика изъятия запаховых следов также тесно связана с вопросами правовой регламентации использования биодетекторов. В отечественной криминалистике традиционно применяется кинологический метод, где в качестве анализатора выступает собака-детектор [1]. Однако для обеспечения объективности результатов необходимо строгое соблюдение протокола подготовки сравнительных образцов. Любое отклонение от правил фиксации на месте происшествия ставит под сомнение выводы эксперта-кинолога. Поэтому техническая грамотность следователя и специалиста является фундаментом для формирования неоспоримой доказательственной базы.

Эффективное применение метода криминалистической одорологии остается одним из наиболее перспективных путей совершенствования следственной деятельности. Дальнейшее изучение механизмов образования и сохранения запахов позволит еще более точно определять круг лиц, причастных к совершению преступлений.

Технико-криминалистическое обеспечение работы с запаховыми следами представляет собой сложную систему материальных средств и методических приемов, направленных на сохранение летучих молекул пахучих веществ. Эффективность последующего экспертного исследования напрямую зависит от качества проведения первоначальных действий на месте происшествия.

Для интенсификации процесса перехода пахучих веществ на салфетку применяется метод увлажнения или накрытия адсорбента алюминиевой фольгой. Фольга выполняет роль экрана, препятствующего испарению молекул в атмосферу и создающего замкнутое пространство. Время контакта адсорбента с объектом должно составлять не менее тридцати минут для обеспечения достаточной концентрации пробы. В случаях, когда объект невозможно изъять целиком, данный метод является единственно возможным [7].

Герметизация изъятых проб осуществляется в стеклянные банки с притертыми крышками или металлическими зажимами. Стеклянная тара признана наиболее нейтральной средой, не вступающей в химическую реакцию с компонентами запаха. Использование полиэтиленовых пакетов допускается лишь на кратковременный период, так как полимеры способны пропускать молекулы газа.

Развитие инструментальных методов анализа требует еще более жестких стандартов к чистоте технических средств. В перспективе ожидается внедрение криогенных методов консервации, позволяющих буквально «замораживать» молекулярный состав пробы. Это исключит любые биологические процессы разложения внутри емкости. На текущем этапе сочетание классических адсорбентов и стеклянной тары остается «золотым стандартом» одорологии.

Таблица 1. *Характеристика технических средств консервации запаховых следов*

Наименование средства	Назначение и материал	Срок сохранения следа
Байковый адсорбент	Сбор пахучих веществ (хлопок 100%)	До 5–10 лет в герметичной таре
Стеклянная емкость	Хранение проб (стекло с притиркой)	Бессрочно при герметичности
Алюминиевая фольга	Экран для концентрации запаха	Вспомогательное средство
Одорологический аспиратор	Принудительный отбор проб воздуха	Зависит от типа фильтра
Специализированный зажим	Обеспечение герметичности крышек	Весь период хранения

Анализ методик консервации подтверждает, что техническое обеспечение одорологии вышло на уровень строгой стандартизации. Успех идентификации личности по запаховым следам в равной степени зависит как от биологических способностей собак-детекторов, так и от точности соблюдения физико-химических условий хранения проб. Дальнейшее развитие технических средств должно быть направлено на создание портативных экспресс-анализаторов, способных фиксировать наличие запахового следа непосредственно на месте происшествия до его консервации.

Процессуальное оформление применения технических средств также требует детальной регламентации. В протоколе осмотра места происшествия необходимо указывать не только факт изъятия, но и серию, номер партии используемых адсорбентов, а также время начала и окончания контакта с объектом. Это исключает сомнения в происхождении запаховой пробы при судебном разбирательстве.

Эффективность использования запаховых следов в раскрытии преступлений напрямую зависит от строгого соблюдения правил их консервации и перемещения. Пахучие вещества представляют собой летучие соединения, которые крайне чувствительны к внешним воздействиям окружающей среды. Любое нарушение герметичности упаковки или температурного режима может привести к необратимой утрате доказательственной информации. В связи с этим технико-криминалистическое обеспечение данного этапа требует особого внимания со стороны следственных органов [1].

Процесс хранения проб начинается непосредственно после их изъятия на месте происшествия с использованием специализированных адсорбентов. В качестве основного материала для фиксации запаха традиционно применяются стерильные фланелевые салфетки, которые после контакта с объектом помещаются в стеклянные емкости. Стеклянная тара является наиболее предпочтительной, так как она химически инертна и не вступает в реакцию с молекулами пахучего вещества. Использование полимерных пакетов допускается лишь в исключительных случаях и на короткий срок из-за их газопроницаемости [5].

Герметизация емкостей осуществляется с помощью плотно прилегающих стеклянных или металлических крышек с прокладками из алюминиевой фольги. Фольга предотвращает контакт запаховой пробы с резиновыми или пластмассовыми элементами крышки, которые могут выделять собственные запахи.

Проблематика транспортировки также связана с необходимостью защиты проб от воздействия агрессивных химических паров, которые могут присутствовать в служебном

транспорте. Пары бензина, масел или чистящих средств обладают высокой проникающей способностью и могут исказить одорологический профиль. Поэтому размещение контейнеров с пробами в багажных отделениях рядом с горюче-смазочными материалами категорически запрещено. Только комплексный подход к обеспечению сохранности проб гарантирует достоверность результатов одорологической экспертизы [5].

Анализ представленных в таблице данных позволяет сделать вывод о том, что наиболее критическим фактором для долгосрочного сохранения запаховой информации является выбор материала упаковки и температурный режим. Использование стекла в сочетании с алюминиевой фольгой создает надежный барьер для летучих соединений, предотвращая их диффузию во внешнюю среду. Соблюдение температурного диапазона от +4 до +18 градусов Цельсия минимизирует биологическую активность и химическую деградацию компонентов пота и жировых выделений человека, являющихся носителями запаха.

Выявленные закономерности указывают на необходимость стандартизации технических средств, используемых следственно-оперативными группами при изъятии проб.

Необходимо также учитывать правовой аспект фиксации условий транспортировки в протоколах следственных действий.

Список источников

1. Сулимов К.Т. Криминалистическая одорология: кинологический подход. – М.: Институт Наследия, 2019. – 256 с.
2. Миролюбов С.Л., Габдрахманов А.Ш. Криминалистическая одорология в раскрытии и расследовании преступлений: учебно-практическое пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2021. – 60 с.
3. Симакина Е.Н. Криминалистическая одорология и ее значение в процессе раскрытия преступлений // Царскосельские чтения. 2015. Т. 1, № 19. – С. 232–235.
4. Гордеев С.Б. Криминалистическое исследование запаховых следов: учебное пособие. – Владивосток: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2011. – 84 с.
5. Гриценко В.В., Старовойтов В.И., Сулимов К.Т. Запаховые следы участников происшествия: обнаружение, сбор, организация исследования: методические рекомендации. – М.: НЦБС МВД России, 1993. – 48 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 1 января 2024 г.).
7. Майоров М.Г. Приемы и технические средства криминалистической одорологии в расследовании преступлений // Внедрение научных методов и криминалистической техники в практику расследования. – М.: Юридическая литература, 1973. – С. 136–144.
8. Егоров Н.Н. Криминалистическая одорология: лекция. – Хабаровск: Восточно-Сибирский юридический институт МВД России, 1998. – 24 с.
9. Комаров И.М. Криминалистика: учебник / под ред. И.М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 712 с.

УДК 347.51

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Джамулаев С.-Х.С.-Э.,
студент 2 курса направления «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Научный руководитель: Абдулаева Э.С.,
канд. филос. наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовых моделей распределения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный автономными системами искусственного интеллекта (ИИ). Рассматриваются три основных подхода: квалификация ИИ в качестве источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), применение норм об ответственности за недостатки товаров (ст. 1095 ГК РФ) и концепция «электронного лица». На основе сравнительного анализа российских законодательных инициатив и европейского опыта (AI Act, проект Директивы об ответственности за ИИ) обосновывается необходимость внедрения риск-ориентированной модели с солидарной ответственностью разработчика и оператора. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию отечественного законодательства.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, электронное лицо, деликт, риск-ориентированный подход, солидарная ответственность, AI Act, оператор ИИ, разработчик ИИ.*

CIVIL LIABILITY FOR HARM CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS: SEARCH FOR AN OPTIMAL MODEL FOR RUSSIAN LEGISLATION

Dzhamulaev S.-Kh.S.,
2nd year student of group «G», Law programme
Kadyrov Chechen State University
Scientific adviser: Abdulaeva E.S.,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Theory and Technology of Social Work
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article analyses legal models for distributing civil liability for harm caused by autonomous artificial intelligence (AI) systems. Three main approaches are examined: qualification of AI as a source of increased danger (Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation), application of product liability rules (Article 1095 of the Civil Code), and the concept of «electronic person». Based on a comparative analysis of Russian legislative initiatives and European experience (AI Act, draft Directive on AI Liability), the necessity of introducing a risk-oriented model with joint and several liability of the developer and operator is substantiated. Specific measures for improving domestic legislation are proposed.*

Keywords: *artificial intelligence, civil liability, source of increased danger, electronic person, tort, risk-oriented approach, joint and several liability, AI Act, AI operator, AI developer.*

Стремительное развитие и повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в критически значимые сферы – медицину, транспорт, кредитование, государственное управление – со всей остротой ставит перед отечественным правопорядком

вопрос: кто и на каком основании должен нести гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный автономными действиями ИИ-систем? Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержит норм, специально рассчитанных на подобные ситуации, что порождает правовую неопределенность и риски как для потерпевших, так и для разработчиков технологий.

Центральная проблема заключается в том, что ИИ-системы с высокой степенью автономности принимают решения, которые их создатели и операторы не всегда способны предвидеть и проконтролировать в полной мере. В отличие от обычного оборудования, поведенческие алгоритмы таких систем эволюционируют в процессе самообучения, что существенно затрудняет установление причинно-следственной связи между действиями конкретных лиц и наступившими неблагоприятными последствиями. В российской и зарубежной доктрине к настоящему моменту сформировались три основные модели решения данной проблемы.

Первая модель – квалификация ИИ как источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Статья 1079 ГК РФ устанавливает особый режим ответственности для владельцев источников повышенной опасности (далее – ИПО), ключевой особенностью которого является наступление ответственности независимо от вины причинителя вреда. Деятельность по использованию ИИ обладает рядом признаков, сближающих ее с эксплуатацией ИПО: невозможность полного контроля над процессом функционирования системы и связанная с этим высокая вероятность причинения вреда окружающим [7, с. 48–52].

Ряд авторитетных экспертов поддерживает данную квалификацию. Так, проректор по инновационному научно-технологическому развитию МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Вайпан прямо указывает, что «технологии с ИИ являются источником повышенной опасности, что следует четко прописать в законодательстве» [8]. В судебной и правоприменительной практике отмечается, что «искусственный интеллект должен быть приравнен к источникам повышенной опасности, где эксплуатант несет ответственность даже за случайное причинение вреда» [1, с. 5].

Однако модель ИПО применительно к ИИ обладает существенными ограничениями. Во-первых, в ряде случаев вред причиняется не столько деятельностью по эксплуатации ИИ, сколько конструктивными недостатками самой системы, заложенными на этапе ее разработки. Во-вторых, владелец ИИ-системы зачастую является рядовым потребителем технологии, не обладающим специальными познаниями для оценки ее безопасности. В-третьих, как отмечает сам В.А. Вайпан, «даже привлечения к ответственности по статье 1079 ГК РФ в скором времени будет недостаточно» [8].

Вторая модель – деликтная ответственность за недостатки товара (ст. 1095 ГК РФ). Данный подход предполагает привлечение к ответственности изготовителя или продавца ИИ-системы как товара с конструктивными или иными недостатками. Как отмечается в правовой доктрине, «в интересах потребителя, как более слабой стороны, авторами предлагается установить нормы с возможностью привлечения к солидарной ответственности как владельца, так и изготовителя искусственного интеллекта» [9, с. 6–8].

Преимуществом данной модели выступает то, что именно разработчик обладает наиболее полной информацией об алгоритмах работы ИИ и потенциальных рисках их применения. Вместе с тем ограниченность этого подхода проявляется в ситуациях, когда вред возник не из-за дефекта системы как таковой, а вследствие непредвиденного результата самообучения ИИ в процессе эксплуатации, что не охватывается классической конструкцией «недостатка товара».

Третья модель – концепция «электронного лица». Наиболее радикальный подход, обсуждаемый преимущественно в европейской правовой доктрине, предполагает наделение высокоавтономных ИИ-систем особой правосубъектностью, что позволило бы возлагать ответственность непосредственно на саму систему. В российской науке эта идея также получила определенное развитие: авторы предлагают «рассматривать «электронное лицо» как формальный технико-юридический призрак с признаками юридической фикции, обладающий

в правовом пространстве специальной правосубъектностью квазисубъекта искусственного интеллекта» [14, с. 3].

Однако данная концепция подвергается серьезной критике. В зарубежных исследованиях делается вывод, что «электронная личность не является эффективным решением проблемы разрыва в ответственности, возникающего из-за постоянно расширяющегося использования автономных роботов с искусственным интеллектом» [4] (свой перевод). Практическая ценность признания ИИ субъектом права остается сомнительной до тех пор, пока у ИИ-системы отсутствует обособленное имущество, на которое можно обратить взыскание. По существу, конструкция «электронного лица» не решает, а лишь маскирует проблему распределения ответственности между реальными субъектами – разработчиками, операторами и владельцами.

Европейский опыт регулирования. Наиболее продвинутой юрисдикцией в части правового регулирования ИИ выступает Европейский союз. Принятый в 2024 году AI Act (Регламент ЕС 2024/1689) классифицирует ИИ-системы по уровню потенциального риска: от систем с недопустимым риском (запрещены к применению) до систем с минимальным риском (не подлежат специальному регулированию) [10]. Параллельно Европейская комиссия разработала проект Директивы об ответственности за искусственный интеллект, который, однако, как отмечается в научной литературе, сохраняет «the positions of subjective liability (responsibility based on fault)» с перспективой возможного перехода к объективной ответственности лишь на втором этапе имплементации [11, с. 308–328].

Российские законодательные инициативы. В Российской Федерации также активизировалась работа по созданию правовой базы для регулирования ИИ. Профильной рабочей группой с участием юристов, депутатов и представителей рынка разработан законопроект «О регулировании систем ИИ в России», предусматривающий классификацию систем ИИ по уровню риска и «введение ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу для лиц, которые принимают участие в разработке и эксплуатации систем ИИ» [6]. При этом разработчик освобождается от ответственности, если он принял все необходимые меры для предотвращения вреда, а вред возник вследствие нарушения правил эксплуатации.

В сфере беспилотного транспорта Минтрансом России подготовлен законопроект, устанавливающий распределение ответственности при ДТП с участием высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС): производитель отвечает за аварии, вызванные нарушением ПДД самим беспилотником; владелец – за нарушение требований руководства по эксплуатации; сервисный центр – за некачественный ремонт или несвоевременное обновление ПО [16].

Представляется, что оптимальной моделью для российского законодательства должна стать дифференцированная риск-ориентированная система ответственности, сочетающая элементы всех трех описанных подходов. Ее основными элементами должны выступить:

1. Классификация ИИ-систем по уровню риска (по аналогии с AI Act и российским законопроектом): системы с неприемлемым, высоким, ограниченным и минимальным уровнем риска.

2. Презумпция солидарной ответственности разработчика и оператора за вред, причиненный системами высокого риска, с возможностью каждого из них доказывать отсутствие своей вины в конкретном инциденте.

3. Обязательное страхование гражданско-правовой ответственности для операторов ИИ-систем высокого риска, что позволит гарантировать возмещение вреда потерпевшим без возложения чрезмерного бремени на отдельного субъекта.

4. Введение в ГК РФ отдельной статьи, специально посвященной ответственности за вред, причиненный ИИ-системами, которая учитывала бы автономность и самообучаемость таких систем как особые факторы риска.

В перспективе, по мере дальнейшего развития технологий, может потребоваться рассмотрение вопроса о признании за высокоавтономными ИИ-системами ограниченной

правосубъектности в форме «квазисубъекта» с обязательным наличием реального имущественного фонда для покрытия возможных убытков, однако на сегодняшний день такой шаг представляется преждевременным [14, с. 5].

Таким образом, российское законодательство стоит перед необходимостью комплексного решения проблемы деликтной ответственности за вред, причиненный ИИ-системами. Наиболее сбалансированный подход предполагает дифференцированную модель, основанную на классификации систем по степени риска, с солидарной ответственностью разработчика и оператора, подкрепленной механизмами обязательного страхования. Принятие соответствующих законодательных норм позволит, с одной стороны, обеспечить эффективную защиту прав потерпевших, а с другой – не создавать несоразмерных препятствий для инновационного развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Список источников

1. Адвокатское бюро ЕПАМ. Правовой статус искусственного интеллекта: комментарий Ильи Никифорова для РАПСИ // Аналитика АБ ЕПАМ. URL: https://epamlaw.com/analitika/pravovoj-status-iskusstvennogo-intellekta.html (дата обращения: 27.04.2026).
2. Журавлева А.В., Куликова Ю.А. Искусственный интеллект как субъект права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 3. – С. 3–5.
3. Казанцев Д.А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3, № 3. – С. 446–471.
4. Крюков М. В России могут запретить искусственный интеллект с «неприемлемым уровнем риска» // Парламентская газета. 2025. 11 апреля. URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-mogut-zapretit-iskusstvennyy-intellekt-s-nepriemlemym-urovnem-riska.html (дата обращения: 27.04.2026).
5. Минтранс России. Законопроект о распределении ответственности при ДТП с беспилотным транспортом // RUБЕЖ. 2025. 2 октября. URL: https://ru-bezh.ru/zakonodatelstvo-i-normativyi/news/25/10/02/mintrans-razrabotal-zakonoproekt-o-raspredelenii-otvetstvennosti (дата обращения: 27.04.2026).
6. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография. – Москва: Буки Веди, 2017. – 257 с.
7. Технология искусственного интеллекта как объект повышенной опасности: правовой анализ в контексте положений российского законодательства // Юридический мир. 2026. № 1. – С. 48–52.
8. Dabić D. The proposal for a Directive on liability for artificial intelligence // Evropsko zakonodavstvo. 2024. Vol. 23, No. 87–88. – P. 308–328.
9. EU AI Act published on the Official Gazette and comes into force on 01 August 2024 // REVERA. URL: https://revera.legal/info-centr/news-and-analytical-materials/1687-eu-ai-act-published-on-the-official-gazette-and-will-come-into-force-on-01-august-2024/ (дата обращения: 27.04.2026).
10. Is Electronic Personhood an Effective Solution to the Problem of Responsibility Gap? // Journal of Law and Digital Technologies. – URL: https://journal.kci.go.kr (дата обращения: 27.04.2026).
11. Вайпан В.А. ИИ нужно начинать рассматривать как субъект правоотношений // РАПСИ. 2025. 19 мая. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20250519/310871105.html (дата обращения: 27.04.2026).
12. Возмещение вреда, причиненного при использовании искусственного интеллекта // Нотариус. 2023. № 2. – С. 6–8.

УДК 343.3/.7

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Едреев Т.Ш.-М.,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (FEGS-2024-0017)

Аннотация. *В статье рассматривается влияние цифровых технологий на вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность. На базе ряда исследований по профилактике молодежного экстремизма и радикализма проанализированы возможные причины и формы радикализации молодежи, совершения ими преступлений экстремистской направленности. Приведен отечественный опыт противодействия проблематике вовлечения молодёжи в экстремистскую деятельность: рассмотрены как правовые, так и иные методы, направленные на профилактику и предотвращение рассматриваемого явления. В работе приведена позиция автора относительно возможных направлений правового и профилактического регулирования отдельных цифровых технологий для снижения вовлечения молодёжи в экстремистскую деятельность.*
Ключевые слова: *экстремизм, Интернет, профилактика, молодежь, социальные сети, цифровые технологии.*

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR INVOLVING YOUNG PEOPLE IN EXTREMIST ACTIVITIES

Edreev T.Sh.–M.,
Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article examines the impact of digital technologies on the involvement of young people in extremist activities. Based on a number of studies on the prevention of youth extremism and radicalism, the possible causes and forms of radicalization of young people and their commission of extremist crimes have been analyzed. The domestic experience of countering the problem of youth involvement in extremist activities is presented: both legal and other methods aimed at preventing and preventing the phenomenon under consideration are considered. The paper presents the author's position on possible areas of legal and preventive regulation of certain digital technologies to reduce the involvement of young people in extremist activities.*
Keywords: *extremism, Internet, prevention, youth, social media, digital technologies.*

Современная цифровая среда обладает рядом характеристик, которые делают её особенно удобной для распространения экстремистских идей. Интернет не имеет территориальных границ, что позволяет сторонникам различных экстремистских идеологий воздействовать на молодёжь независимо от места проживания интернет-пользователей. Высокая скорость распространения информации, в свою очередь, обеспечивает практически мгновенную передачу и скачивание материалов, а относительная анонимность затрудняет выявление организаторов и участников противоправных интернет-сообществ.

Молодежь находится в группе риска, являясь наиболее уязвимой категорией для деструктивного информационно-психологического воздействия со стороны экстремистских и террористических сообществ различного идеологического толка [5, с. 10].

В молодежной среде экстремизм проявляется в деформациях сознания, увлеченности националистическими, неофашистскими идеологиями, нетрадиционными для Российской Федерации новыми религиозными доктринами, участии в деятельности радикальных движений и групп, совершении противоправных, а иногда и преступных действий в связи со своими убеждениями [1, с. 12].

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, за последние годы отмечается стабильный рост преступлений данной направленности: в 2022 году их число увеличилось на 48,2%, в 2023 году – на 37,4%, а в 2024 году – на 28,3% [4]. Также отмечается, что практически половина указанных преступлений была совершена в сети Интернет, что подчеркивает существенную значимость рассматриваемой проблематики.

Нужно отметить очевидное погружение современного общества в сеть Интернет, значимость цифровых технологий для общества в целом и для молодежи в частности, для представителей которой социальные сети, онлайн-игры, видеоплатформы, иные цифровые технологии и инструменты являются неотъемлемой и важной частью повседневной жизни. К сожалению, любое позитивное открытие или изобретение может использоваться не только во благо человека и общества, но и берется на вооружение лицами и организациями, нацеленными на совершение различных преступлений. С этой точки зрения высказывание о том, что Интернет стал манной небесной для преступности, не будет звучать как преувеличение.

Такие особенности сети Интернет, как анонимность и трансграничный характер, выступают в качестве существенного преимущества, позволяющего преступникам с минимальными рисками взаимодействовать со своими жертвами. Не являются в этом плане исключением и преступления экстремистской направленности, так как, с одной стороны, уголовно-наказуемое деяние может быть совершено непосредственно на тех или иных площадках сети Интернет (к примеру, размещение материалов экстремистской направленности в социальных сетях, рассылка запрещенных материалов, публикация лозунгов и комментариев), а с другой – сеть Интернет позволяет вербовать лиц для совершения иных преступлений, в том числе террористического и экстремистского характера. Так, на фоне проведения Специальной военной операции правоохранительные органы России сталкиваются с большим числом правонарушений, совершенных молодыми людьми, манипулируемыми злоумышленниками из-за рубежа. Подобного рода манипуляции, производимые на профессиональном уровне, к сожалению, наносят вред не только интересам общества и государства в результате совершения противоправного деяния, но и калечат судьбы десятков молодых людей, поддавшихся влиянию радикальных идей, психологических уловок, иного воздействия и оказавшихся на скамье подсудимых.

Важной особенностью современных социальных сетей также являются алгоритмы рекомендаций, то есть речь идет о так называемых информационных пузырях, когда цифровые платформы анализируют интересы пользователей и предлагают им контент схожей тематики. В результате пользователь сети Интернет, проявивший интерес к определённым материалам, начинает получать всё больше подобных публикаций, заводит знакомства с людьми со схожими интересами, что в конечном итоге создает определенную информационную среду, влияющую на сознание и поведение человека.

Также следует отметить, что экстремистские сообщества активно используют визуальные методы воздействия, позволяющие привлекать внимание потенциальных последователей и сторонников. В интернете распространяются мемы, короткие видеоролики, элементы субкультурной символики и эмоционально насыщенные материалы, часто имеющие развлекательную и, на первый взгляд, безобидную форму, что затрудняет своевременное распознавание признаков радикальной пропаганды.

Манипулятивное воздействие осуществляется лидерами и участниками преступных сообществ с использованием широкого арсенала методов. Среди них – как примитивные (откровенно ложные сообщения), так и более сложные техники: геймификация, фрейминг, рекламные и маркетинговые методики и т. п.

Существенную угрозу представляют мессенджеры и закрытые каналы связи, популярность которых обусловлена высоким уровнем конфиденциальности и возможностью скрытого общения (например, технология сквозного шифрования). В отличие от открытых социальных сетей, мессенджеры позволяют осуществлять более целенаправленное психологическое воздействие на потенциальную жертву. Подобная работа ведется в течение продолжительного промежутка времени, позволяющего сформировать доверительные отношения и постепенно навязать радикальные идеи.

Процесс вовлечения молодёжи в экстремистскую деятельность обычно происходит постепенно: на первоначальном этапе у подростка формируется интерес к радикальному контенту, далее происходит участие в интернет-дискуссиях и взаимодействие с пользователями, разделяющими экстремистские взгляды. В результате поведение подростка привлекает интерес со стороны лиц, желающих вовлечь дополнительного участника в закрытые сообщества, где осуществляется более интенсивное психологическое воздействие. Итогом всего описанного процесса становится изменение мышления и поведения человека, формирование у такого подростка лояльного отношения к экстремистской идеологии, готовности к совершению преступлений экстремистской направленности, подверженности внешнему влиянию и манипуляциям на базе схожести идеологических позиций и ощущения причастности к группе, разделяющей схожие ценности и взгляды.

Таким образом, цифровые технологии существенно изменили формы и методы вовлечения молодёжи в экстремистскую деятельность. Интернет стал эффективным инструментом скрытой радикализации, психологического воздействия и распространения экстремистской идеологии. Наибольшую опасность представляют социальные сети, мессенджеры, видеоплатформы и игровые сообщества, поскольку именно они формируют основную информационную среду современной молодёжи. При этом попытки государства урегулировать рассматриваемую сферу, борьба с интернет-площадками, отказывающимися соблюдать российское законодательство, ограничения и блокировки отдельных ресурсов часто приводят к противоположному эффекту, так как молодежь, в условиях блокировок привычных ресурсов и площадок, стремится посредством использования различных технологий получить доступ к запрещенному контенту.

В настоящее время проблемы, связанные с профилактикой и противодействием попыткам экстремистов и террористов агитировать новых сторонников и сочувствующих им лиц к ведению противоправной деятельности, решаются правоохранительными структурами на недостаточно высоком уровне. Ключевые процессы осуществляются работниками постфактум, поэтому говорить о предупреждении террористической и экстремистской деятельности некорректно [3, с. 128].

Российский и зарубежный опыт показывает, что эффективное противодействие интернет-экстремизму возможно только при комплексном подходе. В этой связи можно отметить, что особое значение приобретают развитие цифровой грамотности, формирование критического мышления и совершенствование профилактической работы среди подростков и молодёжи. Блокирование и ограничение работы тех или иных ресурсов в сети Интернет должно происходить, во-первых, посредством предложения альтернативных качественных площадок, позволяющих восполнить потребность в заблокированном ресурсе; во-вторых, важным является проведение профилактически-разъяснительной работы, адаптированной для молодой аудитории; в-третьих, большое значение имеет четкое разграничение и градация публикуемой в сети Интернет информации по критериям свободы слова, наличия признаков административной или уголовной ответственности. В условиях дальнейшего развития цифровых технологий проблема интернет-радикализации будет сохранять высокую актуальность и потребует постоянного совершенствования механизмов защиты молодёжи от экстремистского воздействия, что особенно важно в условиях современной геополитической напряженности.

Профилактика терроризма в РФ реализуется через общие и индивидуальные методы. Общие включают нормативно-правовые меры (установление ответственности за

преступления), информационно-просветительские инициативы (формирование антитеррористического сознания) и режимные ограничения (техническая защита объектов и контроль доступа) [6, с. 138–146].

Список источников

1. Зализняк Н.Л., Лундовских И.В., Синеглазова А.Г. Профилактика экстремизма и формирование толерантности в молодежной среде: методическое руководство / Н.Л. Зализняк, И.В. Лундовских, А.Г. Синеглазова. 2-е изд., испр. и доп. – Казань: ИД «МеДДок». 2020. – С. 12.
2. Кондратюк С.В., Саламов Р.Д. Криминолого-криминалистическая профилактика экстремизма (на материале новых субъектов Российской Федерации). Часть 1. Теоретические основы криминолого-криминалистической профилактики экстремизма // Социальное управление. 2025. Т. 7. №. 3. – С. 117–138.
3. Куршев А.Х. Высокие технологии в противодействии преступлениям экстремистской и террористической направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. – С. 128–132.
4. Состояние преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://media.mvd.ru/files/application/9209203 (дата обращения: 22.04.2026).
5. Теория и практика профилактики деструктивных идеологий в молодежной среде: методическое пособие для сопровождения программ повышения квалификации / А.Ю. Карпова, А.О. Савельев. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2024. – С. 10.
6. Ахъядов Эльман С-М., Тепсуев М.С. Профилактика терроризма в России: роль государственной власти и органов местного самоуправления // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 138–146.

УДК 343.2

СМЯГЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ОБОРОТ НАРКОТИКОВ БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА: АНАЛИЗ ИНИЦИАТИВЫ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Едреев Т.Ш.-М.,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу инициативы Верховного суда России, направленной на гуманизацию действующего уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков. Автором исследуется современная антинаркотическая политика России и других государств, влияние ее подходов на состояние наркопреступности в рассматриваемых странах. В статье приводятся экспертные мнения и оценки указанной инициативы, возможные направления дальнейшего совершенствования действующего законодательства, а также мер профилактики и предотвращения данного вида преступности.*
Ключевые слова: *преступность, наркотики, антинаркотическая политика, реформа, гуманизация, уголовное законодательство.*

MITIGATION OF PUNISHMENT FOR DRUG TRAFFICKING WITHOUT THE PURPOSE OF SALE: ANALYSIS OF THE INITIATIVE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Edreev T. Sh.–M.,
Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the initiative of the Supreme Court of Russia aimed at humanizing the current criminal legislation in the field of drug trafficking. The author examines the modern anti-drug policy of Russia and other countries, the impact of its approaches on the state of drug crime in the countries under consideration. The article provides expert opinions and assessments of this initiative, possible directions for further improvement of current legislation, as well as measures to prevent and prevent this type of crime.*
Keywords: *crime, drugs, anti-drug policy, reform, humanization, criminal legislation.*

Наркомания и наркопреступность представляют собой комплексное социальное явление, представляющее угрозу личности, обществу и государству. В России, как и во многих других странах, борьба с наркопреступностью носит сложный характер, что объясняется масштабностью рассматриваемого явления, его трансграничностью, высокой коррупционной составляющей и иными признаками, затрудняющими проведение эффективной антинаркотической политики.

Оценивая отечественное и зарубежное законодательство в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, можно отметить, что подходы государств могут кардинальным образом отличаться, что обусловлено массой обстоятельств, в том числе позицией относительно необходимости борьбы с теми или иными видами наркотиков. Сравнительное исследование антинаркотической политики в тех или иных странах позволяет классифицировать государства на несколько групп в зависимости от жесткости проводимой антинаркотической политики. К примеру, для таких стран, как Нидерланды, Канада, США, считается приемлемым допущение граждан к так называемым легким наркотикам, что, по мнению законодателей указанных стран, позволяет бороться с наркокартелями, лишая последних рынка сбыта [1].

В Сингапуре, Индонезии, Саудовской Аравии и многих иных, наоборот, существует политика нулевой терпимости, в рамках которой даже рядовым перевозчикам запрещенных наркотических средств грозят суровые наказания, вплоть до смертной казни.

Столь существенные расхождения в подходах обусловлены множеством причин, при этом, безусловно, наибольшее значение имеет то, какое конечное влияние на ситуацию в стране оказывает применение тех или иных стратегий в рассматриваемой сфере. Например, относительная доступность пациентам лекарств, содержащих вещества с наркотическим действием, привела к возникновению «опиоидного кризиса» в США.

Как отметил министр здравоохранения США в феврале текущего года, в стране 48 млн человек страдают от опиоидной зависимости [5].

С точки зрения автора, Россия в этом плане, как и многие другие страны СНГ, занимает срединное положение: с одной стороны, жестко ограничивая оборот наркотических средств, а с другой – вынося относительно мягкие уголовные наказания, давая тем самым виновным шанс на исправление без попадания в места лишения свободы.

Данные доклада Государственного антинаркотического комитета РФ о наркоситуации в стране в 2024 году свидетельствуют о тяжелой ситуации, связанной с наркоманией и преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. Например, в указанном документе отмечается, что в 2024 году количество зарегистрированных правоохранительными органами наркопреступлений увеличилось на 3,7% (198 043; 2023 г. – 190 988), их удельный вес составил 10,4% в структуре преступности России (2023 г. – 9,8%) [2].

При этом нужно подчеркнуть, что речь, во-первых, идет именно о зарегистрированных наркопреступлениях, а во-вторых, многие иные преступления также бывают так или иначе связаны с незаконным оборотом наркотических средств, что также влияет на общий уровень преступности в стране. Помимо этого, безусловно, наркопреступность и наркомания оказывают комплексное негативное воздействие на многие аспекты жизнедеятельности, ложась тяжким бременем на все социальные институты.

Наркомания и наркопреступность, будучи крайне опасными социальными явлениями, требуют от каждого государства комплексного подхода в профилактике и противодействии. В России в настоящее время действует Стратегия государственной антинаркотической политики на период до 2030 года, структура которой сформирована с учетом наркоситуации в стране на 2020 год и произошедших изменений в сравнении с предыдущим десятилетием. Стратегия представляет собой основные подходы государства в борьбе с наркопреступностью и наркозависимостью, устанавливая главные цели и задачи, направления и меры по реализации антинаркотической политики.

Наркопреступления носят динамический характер, поэтому своевременная реакция законодателя позволит грамотно и централизованно реагировать на изменения, связанные с появлением новых веществ, новых способов совершения преступлений, а также оценку института множественности и соучастия [6, с. 246].

При этом можно отметить, что антинаркотическая политика России традиционно отличается жесткостью подходов в отношении всех возможных проявлений наркопреступности, стремлением подобным образом исключить малейшую возможность незаконного доступа к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам.

Вместе с тем, в настоящее время в России наметились определенные признаки некоторого смягчения наказания за незаконный оборот наркотиков без цели сбыта.

Так, по итогам работы Совета по правам человека при Президенте РФ В.В. Путин в 2025 году поручил Верховному суду России проанализировать практику применения уголовного законодательства по статьям, связанным с наркопреступлениями (в частности, ст.ст. 228, 228.1 УК РФ). Позиция Президента о возможном смягчении содержания указанных норм и практики применения была обусловлена тем, что, согласно материалам, предоставленным Советом, в 2024 году наркопреступления составляли 13% от общего числа приговоров по стране. При этом чаще всего на скамье подсудимых по статье 228 УК РФ

оказывались мужчины (90,4%), из которых каждый третий относился к возрастной категории 18–29 лет. Членами Совета также приводились примеры вынесения суровых приговоров за наркопреступления, сопоставимых с наказаниями за жестокие насильственные преступления, несоразмерности наказания совершенному противоправному деянию и т. д. [4]

Интересной в этом контексте является и позиция М. Бурова, по мнению которого текущие тенденции по относительному смягчению антинаркотического законодательства связаны в первую очередь с вынужденным расчетом, а не гуманизмом, так как наркопреступность вовлекает слишком большое количество молодых людей, необходимых для общества и государства.

По данным СМИ, Правительство России в апреле текущего года предварительно одобрило инициативы Верховного суда России, предусматривающие ряд положений, смягчающих практику применения уголовного законодательства, в частности, в отношении лиц, за незаконный оборот наркотиков без цели сбыта. Также предлагается смягчить максимальные сроки за приобретение, хранение, перевозку или изготовление наркотиков для личного потребления, поскольку они «излишне суровы» [3].

На наш взгляд, подобный подход является оправданным и необходимым.

К сожалению, наркопреступность построена таким образом, что борьба с распространением наркотиков зачастую сводится к поимке рядовых исполнителей, выполняющих функции курьеров и закладчиков, которые выступают в качестве расходного материала для организаторов подобных схем. Как следует из материалов обзоров судебной практики по наркотикам, курьеры и закладчики, как правило, в течение одного или двух месяцев осуществления подобной противоправной деятельности становятся фигурантами уголовного дела. Тем не менее наркобизнес в России не испытывает серьезной проблемы в поиске новых исполнителей, активно применяя социальные сети и мессенджеры с предложением потенциальным кандидатам легкой работы с хорошим заработком. Следовательно, инициатива ВС РФ по изменению действующего законодательства позволит снизить число лиц, которые не представляют серьезной угрозы для общества. Это позволит снизить нагрузку на суды, правоохранительные органы, а также даст шанс правонарушителям на лечение и исправление без попадания в пенитенциарную систему, которая, несмотря на декларируемые принципы, в большинстве случаев только усиливает погружение осужденного в преступную среду.

Назначение наказания – это процесс, в рамках которого суд определяет меру ответственности за совершенное преступление, учитывая как характер и степень общественной опасности деяния, так и личность виновного. В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты назначения наказания, его цели, принципы и проблемы реализации в современном российском уголовном праве [7, с. 118–124].

Таким образом, наметившиеся изменения в уголовном законодательстве в вопросах привлечения к уголовной ответственности виновных лиц по наркотическим статьям являются необходимыми и своевременными. В то же время относительная гуманизация Уголовного кодекса не окажет существенного влияния на само состояние наркопреступности, так как главной целью изменений является в первую очередь снижение возможности назначения чрезмерно суровых наказаний для впервые осужденных.

Список источников

Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год – официальный веб-сайт УНП ООН [Электронный ресурс]. https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

1. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2024 году – официальный сайт Государственного антинаркотического комитета России [Электронный ресурс]. https://adm-nao.ru (дата обращения: 24.04.2026).
2. Мармышев А. Верховный суд попросил снизить срок для тех, кто попадается с наркотиками – Сетевое издание «74.ру». 21.04.2026 [Электронный ресурс]. https://74.ru/text/criminal/2026/04/21/76376873/ (Дата обращения: 29.04.2026).

3. Надеждин И., Палей И. В России задумались о смягчении наказаний за наркотики – ООО «Лента.Ру» [Электронный ресурс]. https://lenta.ru/articles/2026/05/01/narcos/ (Дата обращения: 29.04.2026).
4. Сергеева А. Глава Минздрава рассказал о 48 млн наркозависимых в США. Сообщения и материалы информационного агентства «РБК», 25.02.2026 [Электронный ресурс]. www.rbc.ru/rbcfreenews/69a283559a7947961bd45177 (дата обращения: 24.04.2026).
5. Ульянова М.И. Уголовно-правовые основы антинаркотической политики Российской Федерации: генезис, этапы и современные противоречия // Преступность нового времени: смена парадигмы (к 30-летию Уголовного кодекса Российской Федерации). – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2026. – С. 246.
6. Ходжалиев С.А. Анализ назначения наказания как уголовно-правового института // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1(57). – С. 118–124.

УДК 340.5

О ПОНЯТИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ: ПРОСПЕКТИВНЫЙ И РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯДЫ

Идрисов Х.В.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Идрисов М.Х.,
студент 1 курса обучения по специальности
«Правовое обеспечение национальной безопасности»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация*. В статье исследуется концепция ответственности в исламском праве (фикхе) с точки зрения её теоретических основ, классификации и практического применения. Понятие ответственности рассматривается через призму норм Шариата и исламской этики, которые формируют её уникальную структуру. Выделяются ключевые аспекты ответственности в зависимости от объекта ее направленности. Особое внимание уделяется исламским источникам – Священному Корану и Сунне, – которые выступают основой для формирования принципов ответственности. Статья демонстрирует, что исламское понимание ответственности сочетает в себе как личностно-духовные, так и правовые аспекты, что делает её универсальной и адаптируемой к различным социальным и культурным условиям. Работа представляет собой вклад в развитие дискуссии о роли исламского права в современных правовых системах и его влиянии на формирование этически ответственного общества.*
Ключевые слова*: исламское право, ответственность, фикх, Священный Коран, Сунна, хадис, Шариат.*

ON THE CONCEPT OF RESPONSIBILITY IN ISLAMIC LAW: PROSPECTIVE AND RETROSPECTIVE PERSPECTIVES

Idrisov H.V.,
Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University
Idrisov M.H.,
1st year student specializing in Legal Support of National Security
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article explores the concept of responsibility in Islamic law (Fiqh) from the perspective of its theoretical foundations, classification, and practical application. The concept of responsibility is examined through the lens of Sharia law and Islamic ethics, which form its unique structure. The article highlights the key aspects of responsibility, depending on the object of its focus. Special attention is given to Islamic sources, such as the Holy Quran and the Sunnah, which serve as the foundation for the principles of responsibility. The article demonstrates that the Islamic understanding of responsibility combines both personal and spiritual aspects with legal aspects, which makes it universal and adaptable to various social and cultural conditions. The work contributes to the development of the discussion on the role of Islamic law in modern legal systems and its influence on the formation of an ethically responsible society.*
Keywords*: Islamic law, responsibility, fiqh, Holy Quran, Sunnah, hadith, Sharia.*

Введение. В арабском языке понятие ответственности передаётся словом «ма́сулúя» (араб. – مسؤولية, чеч. – *жо́ьпалла*). Также в позитивном ключе используется термин «аль-ама́на» (араб. – الأمانة, чеч. – *ама́нат*, на рус. – *аманáт*), который связан с бережным отношением к вверенному имуществу или обязанностям. Аманат буквально подразумевает следующее: что-либо передаётся на хранение или в долг, при этом предполагается рачительное обращение с имуществом и возвращение его в целости и сохранности законному владельцу. В исламской традиции аманат рассматривается как неотъемлемая часть ответственности, подчеркивая её позитивный, проспективный смысл.

Согласно высказыванию «одного из сподвижников Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), ставшего затем вторым по счету праведным халифом – Умара ибн аль-Хаттаба, соблюдение аманата является важным качеством человека и мужчины: «Тот, кто бережет аманат (отдаваемое на хранение или тайна) и не задевает честь мусульман, именно такой человек является мужчиной» [14, с. 86].

В Священном Коране подчеркивается значимость аманата. В аяте 58 суры «Ан-Ниса» указано (смысловой перевод): «*Поистине, Аллах велит вам возвращать вверенное на хранение [имущество] его владельцам и когда вы судите людей, [велит] судить по справедливости. Поистине, то, к чему побуждает вас Аллах, – прекрасно! Поистине, Аллах – Слышащий, Видящий*». (Сура 4, аят 58) [17, с. 115].

Кроме Священной Книги, вопросы ответственности регулируются в том числе и на базе таких источников исламского права, как хадисы, составляющих Сунну. В одном из достоверных хадисов, «переданном Абдуллахом ибн Умаром (да будет доволен Аллах им и его отцом), говорится, что Посланник Аллаха ﷺ сказал: «Поистине, каждый из вас – пастырь, и каждый из вас несет ответственность за свою паству. Правитель – пастырь для подданных и несет ответственность за свою паству, и мужчина – пастырь для своих домочадцев и несет ответственность за свою паству, и женщина – пастырь для дома мужа своего и его детей и несет ответственность за свою паству, и раб – пастырь для имущества своего хозяина и несет ответственность за свою паству… Так что каждый из вас – пастырь и несет ответственность за свою паству». Приведенный хадис обладает свойством «сахих» (достоверный) и содержится в сборнике «Сунан» Абу Дауда (14. Книга правления /имара/, имущества, полученного без боя, и земельного налога, хадис 2928) [4], в сборнике «Сахих» аль-Бухари (хадис 893) [8].

Аманат религии (Ислама), души, тела, времени, имущества, секрета (тайны)

В исламском вероучении устанавливается, что всё сущее, включая человека, создано Всевышним Аллахом. Следовательно, каждый индивид, пользующийся земными благами, несёт перед Творцом ответственность (аманат) за то, как он распорядился данными ему возможностями. В Судный день с человека будет спрошено, на что он потратил своё время, здоровье, имущество и знания, соответствовали ли его действия его намерениям, воле и повелениям Аллаха, а также остерегался ли он запретов Всевышнего.

Особое место в системе аманата занимает сфера воспитания и образования подрастающего поколения. Учитель (муаллим) несёт ответственность не только за процесс передачи знаний, но и за нравственное становление и воспитание учеников (муталимов). Как отмечает в этом контексте О.Н. Топбаш, эта ответственность подобна заботе пастуха о своём стаде: «Пастух несет ответственность за свое стадо. Если какой-либо ягненок сломает ногу, то он должен нести его на руках. Следовательно, и ученики находятся под защитой и покровительством учителя» [24, с. 31].

Аманат в Исламе охватывает сферы как материального, так и нематериального. Другими словами, все блага (имущественные и неимущественные), которые даны человеку Всевышним, находятся в статусе аманата, т. е. под ответственностью. Среди таких разновидностей аманата мы можем выделить фундаментальные объекты, к которым относятся:

1) Ислам (религия);
2) душа;
3) тело;

4) время;

5) блага;

6) тайна (секрет, доверенный другому).

Каждый из этих видов аманата требует осознанного отношения, поскольку в День Суда человеку предстоит отчитаться за их соблюдение и рачительное пользование. Таким образом, исламская концепция ответственности охватывает все сферы жизни, формируя целостную систему духовных и социальных обязанностей верующего.

Аманат религии Ислам. Ислам – величайший аманат, дарованный Всевышним Аллахом человечеству. Это не просто религия, а милость Аллаха, завершённая и совершенная, о чём упомянуто в Книге посредством следующего аята: «<…> *Сегодня Я завершил для вас вашу религию [закончил передавать постановления, касающиеся религии Ислам] и довел до конца Свою милость для вас [дав вам возможность завоевать Мекку и вознеся вашу религию над всеми другими], и Я доволен для вас Исламом как религией*. <…>». (Сура 5, аят 3) [17, с. 134].

Этот аят подчёркивает, что Ислам – окончательное руководство для человечества, ниспосланное через Пророка Мухаммада ﷺ как путь истины и дарованного блага от Всевышнего Аллаха (Священный Коран, Сура 1) [17, с. 31].

Суть аманата Ислама:

1. Принятие и сохранение веры – мусульманин обязан придерживаться Ислама, оберегать его принципы и передавать знания о религии следующим поколениям.

2. Следование Корану и Сунне – Священное Писание защищено Аллахом от искажений: «*Поистине, Мы ниспослали [Куръан как] Наставление, и Мы, без сомнения, сохраним его [от искажений и изменений]*». (Сура 15, аят 9) [17, с. 295].

3. Практика в отправлении религиозных обрядов – выполнение обязательных предписаний (фардов), избегание запретного (харама) и искренность (ихсан) в поклонении своему Творцу.

Одним из примеров аманата в повседневных нормах взаимоотношений людей служит передача салама (заочное приветствие одного мусульманина другому). Согласно мнению шафиитского факиха Зайнуддина аль-Малибари, если человек согласился передать приветствие (салам) от одного другому человеку, это становится его аманатом, и он обязан выполнить данное им обещание. Адресат салама, получив его, должен ответить сразу (если салам передан устно или письменно). Желательно упомянуть отправителя: «Алайка ва алайхи-с-салам (тебе и ему салам)» [13]. Таким образом, аманат Ислама охватывает как глобальные аспекты веры, так и бытовые формы взаимоотношений людей, формируя ответственность мусульманина перед Аллахом и мусульманским сообществом (уммой).

Аманат человеческой души. В исламском вероучении душа является важнейшим аманатом, доверенным человеку Всевышним. Аллах создал душу чистой, но предоставил человеку свободу выбора, возложив на него ответственность за её сохранение и очищение. В Судный День каждая душа вернётся к Творцу и даст отчёт за свои деяния. Это подтверждают следующие слова из Писания (смысловой перевод): «*Он оживляет и умерщвляет, и к Нему вы будете возвращены [и получите воздаяние за свои дела]*». (Сура 10, аят 56) [17, с. 245].

Всемудрому и Всезнающему Аллаху известно все: искренни ли люди в своих делах и поступках или нет, земной срок и жизненный удел человека, его хорошие и плохие действия и даже то, что самому человеку неведомо о нем (человеке) самом: «*Поистине, Аллаху принадлежит все, что на небесах и на земле. Он знает ваше положение [верующие вы или лицемеры] и день, когда они вернутся к Нему. Тогда Он расскажет им все, что они делали [в земной жизни – и о хорошем, и о плохом]. И Аллах знает [абсолютно все] обо всем*». (Сура 24, аят 64) [17, с. 394–395].

При рождении душа человека чиста и свободна от грехов. Впоследствии, в мирской жизни под влиянием страстей, дурных поступков и ослушания Аллаха душа может осквернятся. В День суда человек предстанет перед Аллахом с тем состоянием души, которое он приобрел в течение своей жизни.

Душа в религии Ислам представляет из себя объект пристального внимания: именно души предстанут в Судный день перед своим Создателем для осуществления самого справедливого суда – суда беспристрастного и неотвратимого. В Книге Аллаха касательно души и ее свойств мы можем найти такой аят (смысловой перевод): «*И душой [человеком] и Тем, Кто придал ему соразмерность и дал ему [человеку] понимание греха и набожности. Поистине, преуспел тот, кто очистил ее [душу], и потерпел убыток тот, кто запятнал ее [грехами]*». (Сура 91, аяты 7–10) [17, с. 633].

Чтобы сохранить душу в чистоте, мусульманин должен:

– соблюдать предписания Ислама (намаз, пост, закят[1] и др.);

– избегать грехов (в частности: лжи, зависти, прелюбодеяния, несправедливости и др.);

– искренне каяться в совершенных грехах и исправляться, совершая таубу;

– заниматься духовным самосовершенствованием.

Тот, кто сознательно разрушает свою душу грехами, рискует оказаться в убытке: в мирской жизни (дунья) – утрата внутреннего покоя, ожесточение сердца; в вечной жизни (ахират) – суровый расчёт перед Аллахом и справедливое наказание. Таким образом, душа – это священный дар от Всевышнего Аллаха и в то же время испытание. Её чистота зависит от выбора человека (его действий и поступков), а её окончательная участь определится в День суда. Мусульманин обязан беречь этот аманат, чтобы удостоиться довольства Аллаха и вечного блаженства в Раю.

Аманат человеческого тела. Человеческое тело – это физическая оболочка души, данная Всевышним во временное пользование. Оно не принадлежит человеку, а является собственностью Аллаха, и за него (в смысле поступков и действий) придётся отвечать в Судный день.

Относительно упомянутого, Книга Аллаха содержит следующий аят (смысловой перевод): «*И они спросят свою кожу [и другие части тела]: „Почему вы свидетельствуете против нас?“. Они ответят: „Нас заставил говорить Аллах, который заставил говорить все [живое]“. Он создал вас в первый раз, и к Нему – ваше возвращение*». (Сура 41, аят 21) [17, с. 512].

Этот аят подчёркивает, что каждая часть тела будет свидетельствовать о деяниях человека. В Судный день каждый орган заговорит и расскажет о своих грехах или благих поступках. Запечатан будет только один орган – язык.

Поскольку тело – аманат, мусульманин обязан:

1. Беречь его от повреждений (запрет на членовредительство, татуировки, подвергание неоправданным рискам и пр.).

2. Избегать вредных привычек (курение, алкоголь, наркотики – всё, что разрушает здоровье).

3. Не совершать самоубийство (суицид и эвтаназия[2] запрещены, так как жизнь человека (душа и тело) принадлежит только Аллаху).

Шариат устанавливает одним из тяжких грехов убийство человека, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку. На убийство наложен прямой коранический запрет, что подтверждается следующими словами из Книги Аллаха (извлечение из аята, смысловой перевод): «<…> *И не убивайте друг друга [не проливайте кровь своих братьев-мусульман]*». (Сура 4, аят 29) [17, с. 110].

Кроме, собственно говоря, человекоубийства, Шариат вводит в ранг запретного и самоубийство (суицид). Так, в одном из «хадисов Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) приводится следующее положение о клятвопреступниках и самоубийцах:

[1] Закат (закят, чеч. – *за́кат*) – обязательная милостыня (обязательный платеж с доходов или имущества), которую мусульманин выплачивает один раз в лунном году при определенных условиях в пользу обездоленных, нуждающихся членов уммы (общества).

[2] Эвтаназия (от греч. *eu* – «хорошо» и *thanatos* – «смерть») – намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий (см.: Большой энциклопедический словарь. – СПб.: Норинт, 2004. – С. 1388).

«Сообщается от Сабита ибн ад-Даххака, да будет доволен им Аллах, что Пророк ﷺ сказал: „Кто поклялся не религией Ислама, тот таков, как он сам сказал, и кто убил себя посредством какого-то предмета, того будут мучить этим предметом в огне Ада, и проклинание верующего подобно его убийству, и кто обвинил верующего в неверии, подобен тому, кто его убил!“» (хадис 6652) [8].

Человек не властен над своей смертью, но в ответе за то, как использовал своё тело, как оболочку души, вверенную Всевышним человеку как аманат. При этом, если он допускал праведное использование, то результат – довольство Аллаха и обещанный Рай; если же допускал пренебрежение вверенным аманатом, то справедливый результат – суровый расчёт и наказание от Всевышнего и обещанный Ад. Таким образом, ключевой принцип аманата тела следующий: «Ты не владеешь своим телом как полновластный хозяин – ты лишь его временный хранитель».

Аманат времени. Время – доверенный аманат от Аллаха. Время – это ограниченный ресурс, данный человеку Всевышним. Оно не принадлежит нам, мы над ним не властны; время, как и все остальное, является собственностью Аллаха, и за его использование придётся отчитываться в Судный день. Книга Аллаха содержит следующий, весьма показательный аят, демонстрирующий конечность земного времени и неизбежность смерти (смысловой перевод): «*Каждая душа вкусит смерть. Лишь в Судный день вы получите ваше воздаяние сполна. Кого отдалят от Ада и введут в Рай, тот обретет успех. А земная жизнь – только обманчивое [и краткое] наслаждение*» (Сура 3, аят 185) [17, с. 102–103].

Ограниченность земного срока – это объективное явление. Так, по некоторым наблюдениям, «средняя продолжительность жизни современного человека колеблется в пределах от 60 до 80 лет. Примечательно, что об этом упомянуто в хадисе Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Так, в нем приводятся следующие слова: «Сообщается, что Абу Хурайра (да будет доволен им Аллах) сказал: „Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «(Продолжительность) жизни членов моей общины (составляет) от шестидесяти до семидесяти лет»“» (хадис 2331) [12]. При этом, «если в первом случае речь идет вообще о средней продолжительности жизни любого человека, то в хадисе говорится о средней продолжительности жизни человека из уммы Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует)».

Известный толкователь Корана Ибн ‘Аббас и многие другие ученые поясняли: «Это означает: разве не дали Мы вам возможность прожить до шестидесяти лет?» [15]. В свою очередь, Хасан аль-Басри наставлял: «О сын Адама, ты состоишь из дней. Когда уходит день, уходит часть тебя».

Таким образом, человек обязан:

– избегать пустых занятий (бесцельные разговоры, праздное времяпрепровождение и пр.);

– уделять время поклонению своему Создателю (намаз, зикр, чтение Корана);

– заниматься полезными делами (учёба, поиски пропитания для себя и своей семьи, помощь другим, самосовершенствование);

– не откладывать благие поступки – смерть может прийти внезапно.

В данном контексте обращает на себя внимание один из хадисов Сунны Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха): «Сообщается от Ибн ‘Аббаса (да будет доволен Аллах ими обоими) о том, что Посланник Аллаха ﷺ сказал: „Многие люди обделены двумя милостями: здоровьем и свободным временем“» (хадис 2304) [12]. На самом деле, очень часто мы являемся свидетелями того, как в наше время люди часто жалуются как на нехватку времени, так и на отсутствие здоровья.

Между тем молодость и здоровье у некоторых людей создают иллюзию бесконечности человеческой жизни. Но смерть неизбежна, и время уходит безвозвратно. В Судный день человек пожалеет о потерянных возможностях, и свидетельством тому являются следующие слова из Книги Аллаха (смысловой перевод):

«*И там будут кричать: „Господь наш! Выведи нас отсюда! Мы будем поступать праведно, а не так, как мы поступали раньше!“. Но разве Мы не предоставили вам целую жизнь, чтобы прислушивающийся [к наставлениям] успел прислушаться [к ним]? И к вам приходил увещеватель [пророк]. Так вкусите же [наказание]! Не будет злодеям помощников!*» (Сура 35, аят 37) [17, с. 472].

Отдельного упоминания заслуживает такое качество человека, как пунктуальность. Относительно указанного качества «один из выдающихся исламских теологов нашего времени, шейх Абдуль-Фаттах Абу Гудда, в своей книге «О мусульманском этикете» отмечает, что человеку необходимо приходить на место встречи в оговоренный срок, поскольку время – самая большая ценность для любого человека, которую нельзя ни вернуть, ни заменить чем-то другим» [3, с. 16].

И возникает совершенно закономерный вопрос: как правильно распоряжаться своим временем? Ответ следующий: взять за основу своеобразный мусульманский тайм-менеджмент по Сунне:

– планировать день (соотношение ритуалов поклонения, работы и отдыха);

– ставить в приоритет духовные цели (изучение Ислама, помощь нуждающимся и т. п.);

– избегать лени и промедления – каждый момент может стать последним.

Самым лучшим для человека будет использование своего времени для всемерного поклонения Всевышнему Аллаху. Ведь главная цель создания человека именно в этом и состоит. На это указывает Всевышний Аллах в Книге (смысловой перевод): «*И Я сотворил джиннов и людей лишь затем, чтобы они поклонялись Мне*». (Сура 51, аят 56) [17, с. 557].

Выдающийся сподвижник Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) «Ибн Мас’уд в отношении рачительного подхода к собственному времени сказал: «Воистину, мимо вас проходят дни и ночи, ваши сроки коротки, дела сохранены, а смерть приходит неожиданно. Кто посеет благо, тот пожнет только желаемое, а кто посеет зло, тот пожнет только сожаление. Каждому посеявшему – то, что он посеял» [22; 25]. Другой ученый – Сахль ибн ‘Абдуллах – сказал: «Время является самым ценным, что у тебя есть, посему занимай это время самыми важными делами» [19].

Следующий хадис наглядно демонстрирует важность осознания неминуемости смерти и окончания земного срока и удела любого человека: «От Абу Хурайры сообщается, что Посланник Аллаха (мир ему и благословение Аллаха) говорил: „Почаще вспоминайте разрушительницу наслаждений [удовольствий] (т. е. смерть)“» (хадис 2307) [12]. При этом такое осознание делает человека свободным от этого бренного мира. Выдающийся муфассир аль-Куртуби сказал: «Обладающие знанием сказали: „Воспоминание о смерти отталкивает от грехов, смягчает черствое сердце, удаляет радость владения благами ближней жизни и облегчает беды“» [9].

Время – невосполнимый дар Аллаха. Его разумное использование ведёт к довольству Творца, а беспечность – к сожалению и убытку. Таким образом, ключевой принцип аманата времени следующий: «Ты не хозяин времени – ты лишь его единица».

Аманат имущества (материального состояния, богатства). Имущество – доверенный аманат от Аллаха. Все материальные блага принадлежат только Аллаху, а человек – лишь временный распорядитель своего удела (ризк). Без сомнения тот факт, что «материальное состояние человека – это есть результат воли и предопределения Господа миров, зафиксированных в Священном Коране (см. аят 29 Суры[3] 2, аяты 3 и 90 Суры 5, аяты 31–34 Суры 14, аят 53 Суры 16) [21]. При этом, как приводится в Книге Аллаха, Всевышний Аллах как Создатель и Хозяин всего (выдержка, смысловой перевод)»: «<…> *что на небесах, и все, что на земле, а также все, что между ними, и все, что под землей*» (Сура 20, аят 6) [17, с. 347].

Мудрый Аллах обеспечил людей всем, что необходимо для их полноценного существования (кого-то в большей степени, кого-то в меньшей) в целях испытания человека

[3] Сура – один из 114 разделов Священного Корана.

на предмет его благодарности Всевышнему за дарованное, установления справедливости между собой и умеренности для себя (аят 165 Суры 6 и аят 14 Суры 10) [17]. Как сказал выдающийся исламский богослов, ученый и знаток хадисов Хасан аль-Басри: «Я прочитал в 99 местах в Коране, что Аллах определил ризк (удел) и взял это на себя для творений, а также прочитал в одном месте: „Сатана угрожает вам бедностью…“. Мы засомневались в словах Правдивого в 99 местах и посчитали правильным слово лжеца в одном месте».

Аллах распределяет удел по Своей мудрости, испытывая людей: богатых – на благодарность и щедрость; бедных – на терпение и довольство.

Толкователь Корана Ибн Касир говорил, что, «если ты выполняешь должным образом молитвы, к тебе придет жизненный удел оттуда, откуда ты даже не предполагаешь [23]. Всевышний Аллах, таким образом, испытывает человека на предмет покорности Себе в таком трудном состоянии, в котором находится бедный человек, чтобы многократно отблагодарить его за все лишения мирской жизни, преодоленные им с достоинством веры, сделав его обитателем райских садов».

Имам аш-Шафии (да смилуется над ним Аллах) говорил, что «ценность человека проявляется в трех качествах: в скромности, довольстве и терпении» [7].

Как приводится в одном из хадисов (выдержка): «Береги себя от запретного, и будешь самым поклоняющимся Аллаху среди людей. Будь довольным тем, что Аллах дал тебе, и будешь самым богатым человеком <…>» [11, с. 381; 12; 18].

Сподвижнику Пророка (мир ему и благословение Аллаха) Абдуллаху ибн Мас‘уду принадлежат следующие слова: «Человек, просыпаясь утром, должен чувствовать себя гостем в этом мире, а богатство, имеющееся у него, – считать взятым во временное пользование. Наступает время, когда гостю нужно уйти и оставить имущество, взятое на пользование» [20].

В сборнике хадисов «Сунан», автором которого является мухаддис ат-Тирмизи, есть следующий хадис: «Пророк (мир ему и благословение Аллаха) сообщил нам, что Всевышний Аллах сказал: „О человек, освободись для поклонения мне, и Я наполню твое сердце богатством и избавлю тебя от бедности. А если же ты не сделаешь этого, то я займу тебя и не избавлю тебя от нищеты“» (хадис 2466) [12].

Человек должен проявлять благодарность Всевышнему Аллаху за все, что Он ниспосылает: и за тяготы, лишения и испытания, и за блага и радости жизни. Как приводится в одном из хадисов: «Сообщается от ‘Абдуллаха ибн ‘Амра, что Посланник Аллаха ﷺ сказал: „Преуспел тот, кто принял Ислам и был наделен пропитанием, достаточным для (поддержания) жизни, а Аллах сделал его довольным тем, что Он ему даровал“» (хадис 2348) [12].

Весьма красноречиво сказал ибн Мас‘уд о земном (временном) мире и его материальных (имущественных) аспектах: «Дунья (мирская жизнь) – это дом того, у кого нет дома, и имущество того, у кого нет имущества, и припасает для нее тот, у кого нет разума» [5; 16].

Также у Ахмада ибн Ханбаля (да смилуется над ним Аллах) приводится, что дунья – это место деяний, платой за которые является ахират. Тот, кто не будет трудиться в мире этом (в смысле поклонения Всевышнему Аллаху – *прим. авт.*), пожалеет в мире вечном.

В контексте рассмотрения вопроса имущественных отношений (фикх аль-муамалят)[4], особыми являются отношения, связанные с залогом. Фикх дозволяет практику залога. При этом по исламскому праву залог остаётся собственностью залогодателя [26; 1]. Залогодержатель обязан сохранить его как аманат. К примеру, из известного хадиса: Пророк ﷺ оставил кольчугу в залог за зерно (хадис 2068) [8].

Таким образом, ключевой принцип аманата имущества следующий: «Ты – не владелец, а лишь временный пользователь и хранитель имущества. Используй его так, чтобы в Судный день оно стало твоим спасением, а не погибелью».

[4] См. об этом подробнее: *Идрисов Х. В.* Отдельные вопросы мусульманской системы права: фикх, частные правоотношения, ответственность: монография. 2-е изд. испр., перераб. и доп. М.: Блок-Принт, 2022. – 192 с.

Аманат тайны (секрета). Когда человек доверяет вам свою тайну, это становится аманатом – обстоятельством, за которое вы отвечаете перед Всевышним. В хадисе Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) приводится (выдержка): «<…> Оправдывай доверие тех, кто доверяет тебе, и не поступай вероломно с тем, кто поступил вероломно с тобой» (хадис 3534) [4].

Примеры тайн, которые считаются аманатом: личные секреты (семейные, финансовые, духовные); конфиденциальная информация (даже если человек не сказал: «Не рассказывай»); грехи других (если кто-то раскаялся, нельзя разглашать в публичном пространстве его прошлые ошибки).

Также приведем ряд мнений сподвижников Пророка (мир ему и благословение Аллаха) и великих ученых Ислама по данному вопросу.

Ближайший сподвижник Пророка (мир ему и благословение Аллаха) Умар ибн аль-Хаттаб (да будет доволен им Аллах) говорил: «Если твой брат (по вере) сказал тебе что-то, будучи наедине с тобой, а затем ушел, то сказанное им является аманатом (вверенным на хранение), даже если он не предупредил тебя о том, чтобы ты никому об этом не рассказывал» [2].

Великий ученый Ислама Хасан аль-Басри говорил: «Из проявлений предательства, когда ты рассказываешь о тайне своего брата» [6, с. 404].

Сказал Му'авия: «Каждый раз, когда я открывал для кого-либо свой секрет, меня непременно постигало долгое раскаяние и сильное сожаление. И каждый раз, скрывая его (свой секрет), оставляя в себе, меня постигало величие, слава и высокое положение. Его спросили: „Даже если ты скрывал от Ибн Аль-'Аса“? Он сказал: „Даже от него“. Поэтому Му'авия говорил: „То, что ты скрываешь от своего врага, не раскрывай даже другу“» [10, с. 46].

Шейх Абдуль-Фаттах Абу Гудда в своей книге «О мусульманском этикете» пишет, что если друг доверил вам тайну, то нельзя предавать его доверие, нельзя рассказывать об этом даже самому вашему близкому другу и родственнику [3, с. 25].

Надлежащее соблюдение аманатов – это обязанность каждого мусульманина. Неисполнение же этого обязательства предполагает ответственность человека перед Всевышним Аллахом.

В плане понимания смысла и важности явления ответственности в исламской религии[5] примечателен следующий аят Священного Корана (смысловой перевод):

«*Мы предложили небесам, земле и горам взять на себя ответственность, но они отказались нести ее, испугавшись ее. Но человек понес ее, будучи, поистине, несправедливым [к себе], и совсем не зная [на что соглашается]*» (Сура 33, аят 72) [17, с. 461].

Имам ибн Касир (да смилуется над ним Аллах) при толковании приведенного аята отмечает следующее: «Аль-Ауфи передает, что ибн Аббас сказал: „Смысл ответственности (**الأمانة** – «*аль-ама́на*») – это покорность. Это было предложено им прежде, чем Адаму (Мир ему!), и они не смогли понести его. Всевышний Аллах сказал Адаму: "Я предложил небесам, земле и горам взять на себя ответственность, но они не смогли ее нести. Возьмешь ли ты ее на себя?". Адам спросил: "Господи, а что она включает в себя?" На что Аллах сказал: "Если ты будешь творить добро, то будешь награжден, а если станешь творить зло, то будешь наказан". Адам взял ее на себя и понес ее“» [21].

Заключение

Проведённое исследование концепции ответственности в исламском праве позволяет сделать вывод о её комплексном и многогранном характере. Ответственность в фикхе проистекает из фундаментальных источников Шариата – Священного Корана и Сунны, – которые устанавливают как правовые, так и духовно-моральные ориентиры поведения для личности и общества. В основе исламского понимания ответственности лежит синтез

[5] См. об этом подробнее: *Хареханов А.Г., Идрисов Х.В.* Ответственность в мусульманской системе права: теоретические основы и практические аспекты реализации (монография), изд. 2-е, испр. и доп. – Грозный: изд-во ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2021. – 110 с.

религиозных, этических и юридических аспектов, что обеспечивает её универсальность и актуальность в различных исторических и социальных формациях.

Таким образом, явление ответственности в исламском праве не только подтверждает свою значимость в рамках ее анализа традиционными школами фикха, но и открывает новые перспективы для диалога с современными правовыми системами.

Список источников

1. Абдуллах бин Кудама аль-Макдиси, Абу Мухаммад. Аль-Кафи фи фикх аль-имам аль-мубаджжаль Ахмад бин Ханбаль. Бейрут: Мактаб ислями. 2/146 (на араб. яз.).
2. Абдуллах1 Мухаммад бин Муфлих аль-Макъдиси. Адаб Аш-Шари'а (на араб. яз.).
3. Абдуль-Фаттах Абу Гудда. О мусульманском этикете / пер. с англ. Askimam.ru. 2013. URL: https://askimam.ru/books/zhizn-musulmanina/o-musulmanskom-etikete/ (дата обращения: 04.06.2026).
4. Абу Дауд. Сунан. URL: https://isnad.link/book/sunan-abu-dauda/ (дата обращения: 04.06.2026).
5. Абубакар Абдуллах1 ибн Аби Дунья. Зухд (на араб. яз.).
6. Абубакар Абдуллах1 ибн Абу ад-Дунья. Ас-Самт (на араб. яз.).
7. Абубакр Аль-Байх1акъи. Манакъиб аш-Шафи'и, 2/188 (на араб. яз.).
8. Аль-Бухари. Сахих. URL: https://isnad.link/book/sahih-al-buhari/ (дата обращения: 04.06.2026).
9. Аль-Куртуби. Ат-Тазкира, 1/133 (на араб. яз.).
10. Амр бин Бахьр Аль-Жахьиз. Аль-махасин уа аль-а'дад (на араб. яз.).
11. Ат-Тирмизи М. Сунан ат-Тирмизи [Свод хадисов Имама ат-Тирмизи]. Рияд: аль-Афкяр ад-давлийя, 1999.
12. Ат-Тирмизи. Сунан. URL: https://isnad.link/book/sunan-at-tirmizi/ (дата обращения: 04.06.2026).
13. Ахьмад Зайнуддин аль-Малибари. Фатх аль-му'ин, 4/337 (на араб. яз.).
14. Ибн Абдул Аль-Барра. Бахджатуль-маджалис (на араб. яз.).
15. Имам ан-Навави. Рийад ас-салихин (Сады праведных) (12. Глава: О побуждении к совершению большего количества благого в конце жизни, хадисы 112–116). URL: https://isnad.link/book/riyadh-as-salikhin/glava-12-o-pobuzhdenii-k-sovershеniyu-bolshego-kolichestva-blagogo-v-konce-zhizni/allah-skazal-razve-ne-darovali-my-vam-dostatochno-dolguyu-zhizn-chtoby-odumalsya-v-techenie-etoj-zhizni-tot-kto-hotel-odumatsya (дата обращения: 04.06.2026).
16. Как не быть середнячком – Жак Фреско. URL: https://dzen.ru/a/YC3W219GKjv9j6OD (дата обращения: 04.06.2026).
17. Калям Шариф. Перевод смыслов. – Казань: «Издательский дом «Хузур» − «Спокойствие», 2020. – 652 с.
18. Мухаммад Али Сабуни. Фикх аль-Муамалят (фикх имущественных отношений). Т. 1. Бейрут: Изд-во «Альмактаба аль асрия». 2003. – 244 с. (на араб. яз.).
19. Мухаммад бин Аль-Хусайн. 'Уйуб ан-Нафс, 1/45 (на араб. яз.).
20. Не увлекайтесь земными наслаждениями. URL: https://obislame.info/propoved/ne-uvlekajtes-zemnymi-naslazhdeniyami.html (дата обращения: 04.06.2026).
21. Священный Коран // Коран онлайн. URL: https://quran-online.ru (дата обращения: 04.06.2026).
22. Суфьян ас-Саури. Хилья аль-аулия, 1/133 (на араб. яз.).
23. Тафсир ибн Касира, 5/327 (на араб. яз.).
24. Топбаш О.Н. 101 шаг в образовании и воспитании / пер. с тур. Н. Наджиоглу. М.: ООО «Изд-во „Эркам"», 2013.
25. Шамсуддин Мухаммад Аз-Захьабий. Сияр а'лям ан-Нубаля, 1/497 (на араб. яз.).
26. Шариатские стандарты / Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений. М.: Издательство «Исламская книга», 2017. – 920 с.

УДК 349

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «ДИПФЕЙК» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Исаева Г.Г.,
доцент кафедры информационного права и информатики
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала
Давудов З.Э.,
студент 1 курса Юридического института
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала

Аннотация. *В статье анализируются риски использования дипфейк-технологий для национальной безопасности и частных прав граждан. Рассматриваются пробелы в российском законодательстве, статистика киберпреступлений за 2024–2025 гг., зарубежный опыт (Китай, ЕС, США) и актуальные законодательные инициативы РФ. Авторами обосновывается необходимость введения квалифицирующего признака в УК РФ и технологической маркировки контента.*
Ключевые слова: *дипфейк, цифровые копии, правовое регулирование, административная ответственность, уголовная ответственность.*

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF "DIPFAKE" TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Isaeva G.G.,
Associate Professor of the Department of Information Law and Informatics
Dagestan State University, Makhachkala
Davudov Z.E.,
1st year student of the Law Institute
Dagestan State University, Makhachkala

Annotation. *The article analyzes the risks of using deepfake technologies for national security and private rights of citizens. It examines gaps in Russian legislation, statistics on cybercrimes for 2024–2025, foreign experience (China, the EU, and the USA), and current legislative initiatives in the Russian Federation. The authors justify the need to introduce a qualifying feature in the Criminal Code of the Russian Federation and technological labeling of content.*
Keywords: *deepfake, digital copies, legal regulation, administrative liability, and criminal liability.*

Развитие генеративных нейросетей и доступность алгоритмов глубокого обучения (Deep Learning) привели к массовому распространению синтетического медиаконтента – дипфейков. Под Deepfake (от англ. «deep learning» и «fake») понимается искусственно созданный медиаконтент (изображение, аудио, видео), имитирующий реальных людей или события с высокой степенью достоверности.

Термин был впервые введен на платформе Reddit в 2017 году, однако реальную угрозу технология приобрела в 2018 году после публикации вирусного ролика с имитацией речи бывшего президента США Барака Обамы. Сегодня дипфейки используются не только для мошенничества и клеветы, но и как инструмент информационной войны, провоцирования межнациональных конфликтов и политической дестабилизации.

По данным Совета Федерации РФ за 2025 год, было зафиксировано более 55 000 копий дипфейков. Общее количество подобных материалов в сети превысило 8 млн. Общий ущерб граждан РФ от кибермошенничества с использованием технологий синтеза голоса и

изображения составил около 300 млрд рублей. Примечательно, что сумма ущерба за 2024 год оценивалась в 200 млрд рублей, что демонстрирует динамику роста угрозы.

Технология позволяет создавать цифровые копии для манипуляции общественным мнением. Наиболее показательным примером эскалации угрозы в 2025 году стал инцидент с официальным представителем МИД РФ М.В. Захаровой [8].

В сентябре 2025 года в казахстанских онлайн-сообществах распространился дипфейк, в котором на оригинальный видеоряд (интервью на Петербургском международном экономическом форуме-2025) была наложена сгенерированная мимика и аудиодорожка. В фейковом ролике официальный представитель МИД РФ Мария Захарова участвовала в мероприятии.

Захарова якобы очерняла президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева русофобскими высказываниями в контексте встречи с представителями Украины [8].

В МИД РФ официально заявили, что видео является грубой фальшивкой, и указали на «почерк украинских спецслужб» (Центр информационно-психологических операций). Целью провокации был назван «раскол союзнических отношений» и дестабилизация внутриполитической обстановки в странах-партнерах.

Юридическое понятие «дипфейк» до сих пор не закреплено в российском законодательстве, однако отдельные действия подпадают под общие нормы права.

Гражданский кодекс: Создание подделок ограничено ст. 152.1 («Охрана изображения гражданина») и ст. 152.2 («Охрана частной жизни»). Изображение и голос трактуются как биометрические персональные данные (ФЗ-152 «О персональных данных»), обработка которых требует письменного согласия.

Административная и уголовная ответственность: Если дипфейк содержит признаки возбуждения ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ), это влечет административное преследование (при первом нарушении), а при рецидиве – уголовное.

Определение Верховного суда (июнь 2024): Судебная коллегия по административным делам ВС РФ сформулировала определение дипфейка как «вводящих в заблуждение и выдаваемых за достоверные недостоверные изображения, аудио- и аудиовизуальная информация, в том числе созданные с помощью компьютерных технологий» [4][5]. Штраф за использование таких технологий в агитации составляет от 5 до 20 тыс. рублей для граждан (ст. 5.12 КоАП РФ).

В мире не сложилось единого подхода к регулированию дипфейков, однако прослеживается тренд на введение обязательной маркировки (водяные знаки). Приведем сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта.

США: Разработан DEEPFAKES Accountability Act (H.R. 5586), требующий внедрения идентификаторов в контент под угрозой уголовной ответственности. Однако по состоянию на 2026 год законопроект находится в подкомитетах и еще не принят.

Европейский Союз: AI Act (Регламент об ИИ) определяет дипфейк как контент, способный ввести в заблуждение относительно подлинности, и обязывает провайдеров маркировать его (Статья 50). Однако недостатком является возможность удаления маркеров и отсутствие механизмов компенсации вреда для потерпевших [6]. В связи с этим страны ЕС (Италия) вводят собственные уголовные санкции.

Китай (передовой опыт): КНР первой приняла «Положения об администрировании глубинного синтеза интернет-информационных услуг» (2023 г., с ужесточениями в 2025 г.). Китай использует двойную систему маркировки (явную и неявную), ведет реестры алгоритмов. На июль 2025 года опубликован 12-й пакет данных об алгоритмах. Обязательна верификация пользователей по ID перед использованием сервисов [6].

Актуальные законодательные инициативы в РФ (2024–2026)

В российском праве выделяются две перспективные инициативы, заслуживающие научного внимания:

1. Инициатива Я. Нилова и А. Пушкова (с привязкой к данным 2024/2026):

Депутат ЛДПР Ярослав Нилов (в соавторстве с сенатором Алексеем Пушковым) внес законопроект, предлагающий дополнить УК РФ новым квалифицирующим признаком – «совершение преступления с использованием дипфейк-технологии».

– Клевета (ст. 128.1 УК РФ): штраф до 1,5 млн рублей или лишение свободы до 2 лет.

– Мошенничество (ст. 159 УК РФ): штраф до 400 тыс. рублей или лишение свободы до 6 лет [2, 8].

Позиция ВС РФ: Верховный Суд ранее указывал авторам, что данный способ может расцениваться лишь как вариант обмана, однако потребность в специализированной норме остается высокой [8].

2. Инициатива Б. Чернышова:

Вице-спикер Госдумы Борис Чернышов предложил обязать российские цифровые платформы (соцсети) внедрить специализированную кнопку «Пожаловаться на дипфейк».

Суть предложения: Внедрение кнопки как отдельной категории обращения. Ускоренная процедура модерации (приоритетное рассмотрение).

Разработка механизмов взаимодействия с гражданами, чьи персональные данные (биометрия) были использованы для создания подделки.

Технологии дипфейк-синтеза создают новый вызов системе права, балансируя между техническим прогрессом и национальной безопасностью. Зарубежный опыт (особенно китайская модель централизованного контроля) и отечественные инициативы (Нилов, Чернышов) указывают на необходимость комплексного подхода:

Юридического: Закрепление понятия «дипфейк» в УК и КоАП РФ с введением отягчающих обстоятельств.

Технологического: Внедрение передовых систем распознавания артефактов (машинное обучение) и обязательной неявной маркировки контента.

Институционального: Обеспечение оперативного реагирования на жалобы граждан через механизмы, предложенные Б. Чернышовым.

Только сочетание правовой охраны и технического контроля позволит минимизировать риски использования дипфейков как оружия массового поражения в информационном пространстве.

Список источников

1. Архиреев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков/Н.В. Архиереев //Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2. – С. 22–30.
2. В Госдуму внесен проект об уголовном наказании за использование дипфейков https://rg.ru/2024/09/16/v-gosdumu-vnesen-proekt-ob-ugolovnom-nakazanii-za-ispolzovanie-dipfejkov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
3. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон. Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). – С. 97–105.
4. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. – С. 112–119.
5. Парламентская газета. Верховный Суд объяснил, по какой статье будут наказывать за дипфейки на выборах. 25.06.2024. https://www.pnp.ru/social/verkhovnyy-sud-obyasnil-po-kakoy-state-budut-dokazyvat-za-dipfeyki-na-vyborakh.html
6. Постановление Верховного Суда РФ от июня 2024 г. (об административных правонарушениях в ходе избирательных кампаний). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479579/
7. Свиридова Е.А. Правовое регулирование использования и распространения дипфейка в законодательстве Европейского союза: возможности имплементации зарубежного опыта // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 6. – С. 84–92.
8. Токолов А.В Правовое регулирование дипфейков//Вестник экономической безопасности.2025. № 2. – С.141–147.
9. Фонд поддержки пострадавших от преступлений. Уголовный кодекс предлагают дополнить нормами об использовании дипфейков (Обзор законопроекта Пушкова и Нилова).
10. https://fedpress.ru/news/77/policy/3402561#comments В МИД России разоблачили поддельное интервью Захаровой о Токаеве. 24.09.2025.

УДК 346.7

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ТОЧЕЧНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, МАЙНИНГ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РАСЧЕТЫ

Куруев С.А.,
магистрант 2 курса кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова»
Абдулаева З.Т.,
ассистент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова»
Альтемирова Э.Р.,
ассистент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова»

Аннотация. *В статье рассматривается современное состояние правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации. Основное внимание уделено не общему вопросу легализации криптовалют, а более узкой проблеме, связанной с разрывом между правовыми формулировками и реальной практикой рынка. Проанализированы подходы к определению цифровой валюты, регулированию майнинга, использованию стейблкоинов в международных расчетах, а также месту цифровой валюты в системе цифровых активов. Сделан вывод, что российская модель регулирования развивается не через полное признание криптовалют, а через осторожное включение отдельных практик в контролируемое правовое поле. Такая модель может быть рабочей, но только при условии более ясного понятийного аппарата, учета роли стейблкоинов, разумного контроля майнинга и создания понятных правил для внешнеторговых расчетов.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, криптовалюта, стейблкоины, майнинг, цифровые активы, трансграничные расчеты, правовое регулирование, цифровой рубль.*

DIGITAL CURRENCY IN RUSSIA AS AN OBJECT OF TARGETED REGULATION. THE CONCEPT, MINING AND INTERNATIONAL SETTLEMENTS

Kuruev S.A.,
2nd year master's student of the Department of Law at the GPNTU named after Academician M.D. Millionshchikov
Abdulaeva Z.T.,
Assistant of the Department of Law at the GPNTU named after Academician M.D. Millionshchikov
Altemirova E.R.,
Assistant of the Department of Criminal Law, Procedure, and National Security at the Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article examines the current state of legal regulation of digital currency in the Russian Federation. The main focus is placed not on the general issue of cryptocurrency legalization, but on a narrower problem related to the gap between legal wording and actual market practice. The article analyzes approaches to defining digital currency, regulating mining, using stablecoins in international settlements, and determining the place of digital currency within the system of digital assets. The conclusion is made that the Russian regulatory model is developing not through full recognition of cryptocurrencies, but through the cautious inclusion of certain practices into a controlled legal framework. Such a model can be effective only if a clearer conceptual framework is*

developed, the role of stablecoins is taken into account, mining is regulated reasonably, and clear rules for foreign trade settlements are established.
Keywords: *digital currency, cryptocurrency, stablecoins, mining, digital assets, cross-border settlements, legal regulation, digital ruble.*

Цифровая валюта в российском праве все чаще рассматривается не как редкое технологическое явление, а как часть экономического оборота. Еще несколько лет назад основная дискуссия строилась вокруг вопроса: признавать криптовалюту или запрещать ее. Сейчас этот спор стал уже слишком узким. Криптовалюта фактически используется. Майнинг существует. Стейблкоины применяются в расчетах. Компании ищут способы проводить международные платежи в условиях ограниченного доступа к привычным банковским каналам.

Проблема в другом – законодательство не всегда успевает за практикой. Иногда оно признает цифровую валюту как имущество, иногда рассматривает ее как рискованный финансовый инструмент. В отдельных случаях допускает ее значение для внешнеэкономических расчетов. Но единой и простой модели пока нет.

Отсюда появляется главный вопрос данной статьи – российское право действительно формирует устойчивый режим цифровой валюты или лишь точечно реагирует на самые заметные проблемы рынка?

Для ответа важно рассмотреть пять аспектов: понятийную неопределенность, статус цифровых активов, майнинг, роль стейблкоинов, международные расчеты. Именно эти блоки позволяют увидеть не только теорию, но и живую практику.

Первый уровень проблемы связан с языком закона. Если право не может точно назвать явление, оно не может нормально его регулировать. В сфере цифровой валюты эта мысль особенно заметна.

М.А. Бажина справедливо пишет, что «отсутствует единый понятийный аппарат, используемый для обозначения цифровой валюты» [2, с. 423]. На первый взгляд речь идет о научной терминологии. На деле проблема гораздо шире. В обороте используются слова: цифровая валюта, криптовалюта, виртуальная валюта, криптоактив, цифровые деньги, цифровой рубль, токен, стейблкоин. Для пользователя это часто одно поле, для закона – это разные вещи.

Терминологическая путаница мешает не только студентам и исследователям. Она мешает бизнесу, налоговым органам, судам и банкам. Например, если компания получает оплату в USDT по внешнеторговому контракту, возникает сразу несколько вопросов: это цифровая валюта, криптоактив, иностранный платежный инструмент или имущественный объект? От ответа зависит налоговый учет, валютный контроль, оценка риска и возможность защиты прав.

Здесь нужен не красивый набор понятий, а рабочая карта. Цифровой рубль не равен биткоину. ЦФА не равны NFT. Стейблкоин USDT не равен волатильному токену без обеспечения. Если все эти объекты описывать одной общей формулой, регулирование будет неточным. Если дробить их слишком сильно, участники оборота утонут в правилах.

В этой связи важна позиция Д. О. Сергеева и В. Е. Костина. Авторы определяют цифровые активы как «электронные данные, обладающие свойствами ценности и оборотоспособности» [4, с. 258]. Такая формула полезна как широкий вход в тему. Она показывает главный признак цифровых активов: они существуют в цифровой среде, но имеют реальную стоимость. Биткоин можно продать. NFT может подтверждать право на уникальный цифровой объект. ЦФА может закреплять денежное требование. Цифровой рубль может использоваться как форма национальной валюты.

Но широкого определения мало. Оно объясняет общее свойство, но не решает вопрос о режиме каждого объекта. В этом и состоит слабость многих подходов. Цифровые активы объединяют по форме, но различаются по содержанию. Для права важна не только цифровая оболочка, но и то, что именно стоит за активом: право требования, средство

расчёта, инвестиционный интерес, доступ к услуге, запись о владении. Все эти варианты требуют разных правил.

Отдельная проблема связана со стейблкоинами. На практике именно они становятся одним из самых удобных инструментов расчетов. Причина проста: в отличие от биткоина или эфириума, стейблкоины обычно привязаны к доллару США, евро, золоту или другому активу. Их стоимость менее подвижна. Для бизнеса это важно. Никто не хочет заключать контракт на 100 тысяч долларов и через два дня получить результат, который резко изменился из-за скачка курса.

А.М. Переседов обращает внимание на то, что действующее определение цифровой валюты не всегда охватывает наиболее ликвидные и менее волатильные активы. Автор предлагает «скорректировать определение цифровой валюты» [5, с. 272]. В этом тезисе есть сильная практическая мысль: закон не должен быть построен так, чтобы самые востребованные инструменты выпадали из правового поля только из-за наличия эмитента или иностранного режима регулирования.

Стейблкоины показывают слабое место российской дефиниции. Если у актива есть обязанное лицо или обеспечение, он может не вписываться в классическое понимание децентрализованной криптовалюты. Но бизнес использует именно такие активы. Получается странная ситуация: право может подробно регулировать менее удобные и более рискованные цифровые валюты, а более ликвидные инструменты остаются на границе режима. Это не снижает риски, это делает их менее видимыми.

Второй важный блок связан с майнингом. Майнинг долго находился в серой зоне. Он существовал физически, но не имел понятного правового контура. В регионах с дешевой электроэнергией появлялись криптофермы. Оборудование размещалось в гаражах, квартирах, промышленных помещениях, складских зонах. Электрическая сеть несла нагрузку. Государство долго смотрело на эту сферу как на что-то пограничное. Затем стало ясно, что без учета, регистрации и налоговых правил она будет только расти в тени.

Е.А. Коржов формулирует нынешний подход достаточно прямо: «Майнинг легален, но подлежит обязательной регистрации и контролю» [3, с. 340]. В этой короткой фразе заключена вся логика нового регулирования. Государство не запрещает майнинг как явление, но оно не готово оставлять его без надзора.

Такой подход выглядит разумным. Майнинг не похож на обычную покупку актива на бирже. Он связан с электроэнергией, оборудованием, помещениями, налогами и нагрузкой на региональные сети. Если в одном районе десятки ферм потребляют энергию по бытовому тарифу, страдает не только бюджет. Возникают перегрузки, аварии, конфликты с энергокомпаниями и соседними потребителями. Правовой вопрос становится уже инфраструктурным.

Регистрация майнеров решает часть проблемы. Юридические лица и индивидуальные предприниматели получают понятный статус. Операторы майнинговой инфраструктуры включаются в отдельные реестры. Физические лица могут майнить только при ограниченном потреблении электроэнергии. Такой режим похож на компромисс: небольшая личная активность не должна сразу превращаться в сложный бизнес. Промышленная добыча должна быть видимой для государства.

Но контроль майнинга нельзя строить только на запретах и лимитах. Если правила будут слишком жесткими, часть майнеров уйдет в нелегальные подключения, занижение потребления, дробление ферм и фиктивное размещение оборудования. Уже сейчас в судебной практике появляются споры о самовольном потреблении электроэнергии и ущербе энергокомпаниям. Значит, нужно не только вводить ответственность, но и создавать нормальную модель легального входа в сферу. Регистрация должна быть понятной, налоги должны быть предсказуемыми, тарифы должны учитывать реальную нагрузку.

Третий блок касается международных расчетов. Здесь цифровая валюта получает совсем другой смысл. Внутри страны она ограничена как средство платежа, но во внешней торговле криптовалюты и стейблкоины становятся инструментом выживания для отдельных

компаний. Особенно после 2022 года, когда российские банки столкнулись с ограничениями по SWIFT, корреспондентским счетам и расчетам с иностранными контрагентами.

А.В. Кузнецов и М.О. Беспалова отмечают, что «стейблкоины де-факто применяются в международных расчетах российскими компаниями» [1, с. 100]. Эта цитата важна тем, что она выводит обсуждение из области абстрактного права. Рынок уже действует, компании уже ищут обходные платежные маршруты. Вопрос только в том, будет ли право видеть эти практики и задавать для них условия.

Ситуация противоречивая. Формально цифровая валюта не используется как свободное средство платежа на территории России. Но для международных расчетов появляются экспериментальные режимы, обсуждаются ЦФА, цифровые валюты центральных банков, специальные платежные решения. Законодатель фактически признает, что полный отказ от цифровых инструментов во внешней торговле невозможен.

Практический пример прост. Российский экспортер поставляет товар контрагенту в стране, где банковский платеж затруднен из-за санкционных рисков. Контрагент готов рассчитаться стейблкоином. Экспортер может получить цифровой актив быстрее, чем ждать банковский перевод через сложную цепочку посредников. Но дальше появляются вопросы: как отразить такой платёж в учёте, как подтвердить курс, как показать происхождение средств, как выполнить валютные и налоговые требования. Без ответов даже полезная операция превращается в риск.

Именно здесь видна главная особенность российского подхода: государство не легализует криптовалюту как обычные деньги. Оно допускает ее точечно, в тех сферах, где она помогает решать экономическую задачу. Это осторожная модель, понятная с точки зрения защиты рубля и контроля незаконных операций. Но у нее есть минус: чем больше исключений и специальных режимов, тем сложнее становится общая система.

Внутренний и внешний оборот цифровой валюты здесь нельзя рассматривать как одну и ту же правовую ситуацию. Внутри страны запрет на оплату товаров, работ и услуг цифровой валютой сохраняет понятную логику. Рубль в этой системе выступает не просто привычным средством платежа, а основой денежного суверенитета. Если разрешить свободные расчеты криптовалютой на внутреннем рынке, государство фактически получит параллельный платежный контур, который сложнее контролировать через налоговые, банковские и антиотмывочные механизмы.

Во внешней торговле ситуация выглядит иначе. Российские компании после 2022 года столкнулись не с теоретической, а с вполне практической проблемой расчетов. Банковские переводы стали проходить дольше, контрагенты начали избегать операций с российскими банками, а часть привычных финансовых каналов оказалась заблокирована или сильно ограничена. В таких условиях цифровая валюта может использоваться не как замена рублю внутри страны, а как технический расчетный инструмент между участниками внешнеэкономической сделки.

Опасность возникает тогда, когда цифровой рубль начинают воспринимать как универсальный ответ на криптовалюты. Это разные инструменты. Цифровой рубль удобен для легальных платежей, бюджетных операций, расчетов в национальной валюте и контроля движения средств. Но он не решает вопрос трансграничных расчетов со всеми юрисдикциями, не заменяет стейблкоины в глобальном крипторынке и не устраняет потребность бизнеса в гибких платежных маршрутах.

Поэтому государственная цифровая валюта и частные цифровые активы должны рассматриваться параллельно. Цифровой рубль может укреплять национальную платежную систему. Криптовалюты и стейблкоины требуют отдельного режима рисков, учета и ограниченного допуска. ЦФА могут развиваться как регулируемый инвестиционный инструмент. NFT нуждаются в уточнении статуса, особенно в части прав на цифровой объект. Все это разные линии одной цифровой среды.

Собственная позиция по данному вопросу сводится к тому, что российскому праву не нужно резко открывать оборот криптовалют. Такая мера была бы слишком рискованной. Но и

прежняя логика осторожного полузапрета уже не подходит. Она плохо работает в условиях, когда миллионы граждан владеют криптоактивами, бизнес использует стейблкоины для расчетов, майнинг стал отдельной отраслью, а цифровой рубль входит в платежную систему.

Нужна не полная свобода, а честная правовая настройка.

Первый шаг связан с понятийным аппаратом. Цифровая валюта должна быть определена так, чтобы закон охватывал не только абстрактные децентрализованные активы, но и реальные инструменты рынка. Стейблкоины нельзя оставлять за пределами режима. Именно они чаще всего используются в расчетах из-за относительной устойчивости стоимости.

Второй шаг касается разделения цифровых активов. ЦФА, цифровой рубль, криптовалюты, стейблкоины, NFT и утилитарные токены должны иметь разные правовые режимы. Общее слово «цифровой» не должно скрывать различия в функциях. Один объект подтверждает право требования, другой используется как средство хранения стоимости, третий связан с государственными расчетами, четвертый дает доступ к цифровой услуге. Право должно видеть эти различия.

Третий шаг связан с майнингом. Регистрация и контроль нужны, но они не должны превращаться в административную ловушку. Нужны понятные правила для физических лиц, промышленных майнеров и операторов инфраструктуры. Отдельно требуется связка с энергетическим правом. Если регион испытывает дефицит электроэнергии, ограничения оправданы. Если мощности достаточно, майнинг может быть легальным источником налогов и инвестиций в инфраструктуру.

Четвертый шаг касается международных расчетов. Внешнеторговые операции с цифровой валютой должны получить более ясный режим. Нужны правила подтверждения платежа, определения курса, учета стейблкоинов, проверки контрагента и фиксации операции в документах. Без этого компании будут использовать цифровую валюту все равно, но делать это в более рискованной форме.

Пятый шаг связан с судами. Когда появляется спор о цифровом активе, суду нужны понятные ориентиры: что считать доказательством владения, как оценивать транзакцию в блокчейне, как определять стоимость актива на дату нарушения, как учитывать операции через иностранную биржу. Эти вопросы нельзя постоянно оставлять на усмотрение разных судов, иначе правовая практика будет неровной.

Цифровая валюта в России уже вышла за пределы теоретической темы. Она затрагивает инвестиции, майнинг, внешнеторговые расчеты, энергетику, налоги, банковские ограничения и цифровую инфраструктуру. Поэтому регулирование не может строиться только на осторожных запретах.

Сопоставление пяти научных позиций показывает, что спор вокруг цифровой валюты в российском праве уже вышел за пределы вопроса о запрете или разрешении. Проблема стала сложнее. Бажина обращает внимание на терминологическую путаницу, из-за которой цифровая валюта, цифровые финансовые активы, токены и иные цифровые инструменты нередко смешиваются в одну категорию. Переседов показывает более узкое, но не менее важное слабое место: законодательное определение цифровой валюты пока не дает достаточной опоры для правоприменения. Оно фиксирует общий контур явления, но не всегда помогает понять, как квалифицировать конкретные операции.

Главный вывод заключается в том, что российскому праву пора перейти от ситуативной реакции к связной модели регулирования. Полная свобода в этой сфере вряд ли возможна, поскольку цифровая валюта затрагивает денежный суверенитет, налоги, валютный контроль и финансовую безопасность. Полный запрет также выглядит нереалистично, потому что он не устраняет экономический спрос и не отменяет уже сложившуюся практику. Более жизнеспособной выглядит средняя линия: цифровая валюта признается как экономический факт, но ее оборот переводится в прозрачную, проверяемую и юридически понятную форму.

Современная цифровая эпоха порождает принципиально новые вызовы для правовой системы. Уголовное право, сформированное в докибернетическую эпоху, зачастую неспособно адекватно реагировать на стремительное развитие технологий [6, с. 210–216].

Список источников

1. Кузнецов А.В., Беспалова М.О. Регуляторные особенности использования криптовалют в международных расчетах России // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4. № 4. – С. 100–108.
2. Бажина М.А. Понятийный бум в правовом регулировании цифровой валюты // Правоведение. 2025. Т. 69. № 3. – С. 423–433.
3. Коржов Е.А. Регулирование майнинга в Российской Федерации // Вестник науки. 2026. № 4 (97). Т. 4. – С. 339–352.
4. Сергеев Д.О., Костин В.Е. Цифровые активы как объект правового регулирования в Российской Федерации // Вестник науки. 2026. № 1 (94). Т. 2. – С. 258–264.
5. Переседов А.М. О совершенствовании законодательного определения цифровой валюты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 1 (168). – С. 272–278.
6. Улезько И.С. Уголовно-правовые вызовы цифровой эпохи: регулирование преступлений с использованием искусственного интеллекта и deepfake-технологий // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 210–216.

УДК 347.73

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ОТ ОГРАНИЧЕННОГО ОБОРОТА К МОДЕЛИ КОНТРОЛИРУЕМОЙ ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Куруев С.А.,
магистрант 2 курса кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова»
Абдулаева З.Т.,
ассистент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова»
Альтемирова Э.Р.,
ассистент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье рассматривается современное состояние правового регулирования обращения цифровой валюты в Российской Федерации. Особое внимание уделяется противоречию между фактическим использованием цифровой валюты в экономике и неполной правовой определенностью ее статуса. На основе анализа научных работ 2024 и 2025 годов раскрываются основные проблемы регулирования цифровой валюты, включая запрет ее использования как средства платежа внутри страны, особенности майнинга, вопросы налогообложения, защиту прав владельцев цифровой валюты в суде и риски для финансовой системы. Сделан вывод о том, что российская модель регулирования постепенно переходит от запретительного подхода к осторожной легализации отдельных операций, но нуждается в более ясной системе правовых норм.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, майнинг, гражданский оборот, судебная защита, правовое регулирование, Российская Федерация.*

DIGITAL CURRENCY IN RUSSIAN LAW. FROM RESTRICTED CIRCULATION TO A MODEL OF CONTROLLED LEGALIZATION

Kuruev S.A.,
2nd year master's student of the Department of Law at the GPNTU named after Academician M.D. Millionshchikov
Abdulaeva Z.T.,
Assistant of the Department of Law at the GPNTU named after Academician M.D. Millionshchikov
Altemirova E.R.,
Assistant of the Department of Criminal Law, Procedure, and National Security at the Kadyrov Chechen State University

Abstract: *The article examines the current state of legal regulation of digital currency circulation in the Russian Federation. Special attention is paid to the contradiction between the actual use of digital currency in economic relations and the incomplete legal certainty of its status. Based on the analysis of academic articles published in 2024 and 2025, the paper identifies the main problems of digital currency regulation, including the ban on its use as a means of payment within Russia, the legal status of mining, taxation issues, judicial protection of digital currency owners, and risks to the financial system. The article concludes that the Russian regulatory model is gradually moving from a prohibitive approach to the cautious legalization of certain operations. At the same time, the*

existing legal framework still requires clearer rules, a more consistent classification of digital assets, and effective mechanisms for protecting bona fide participants in digital currency circulation.
Keywords: *digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, mining, civil circulation, judicial protection, legal regulation, Russian Federation.*

Правовое регулирование цифровой валюты в России складывалось не по заранее выстроенной схеме. Сначала появилась практика. Люди покупали биткоин, эфириум и стейблкоины, переводили активы через кошельки, участвовали в майнинге, использовали P2P-площадки и иностранные биржи. Потом право начало догонять эту реальность. Запретить такую сферу полностью оказалось невозможно. Запрет не убирает оборот, он только переносит его в обменники, закрытые каналы и зарубежные сервисы.

Сейчас цифровая валюта уже не выглядит для российского права чем-то совсем внешним. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ закрепил ее определение, а последующие изменения показали более осторожную позицию государства. Цифровую валюту можно рассматривать как имущество, ее можно хранить, продавать, декларировать, использовать в отдельных внешнеторговых расчетах. Но внутри страны она не стала обычным платежным средством. Оплатить товар или услугу криптовалютой в легальной модели нельзя. В этом и проявляется главная неполнота регулирования. Государство признает экономическую ценность актива, но не дает владельцу ясного и полного набора гарантий.

«А.П. Перетолчин и Ю.В. Пономарева справедливо показывают, что один закон не раскрывает весь режим цифровой валюты. Для понимания оборота приходится учитывать федеральные нормы, судебную практику, письма Банка России, позицию Минфина и разъяснения органов власти» [1, с. 105]. Для юриста такая многослойность привычна. Для гражданина или небольшого бизнеса она создает путаницу. Например, человек может купить цифровую валюту на зарубежной площадке, перевести ее на личный кошелек, а затем столкнуться с вопросом налогообложения или доказывания права на актив. Понятного маршрута действий у него нет.

Позиция Перетолчина и Пономаревой важна еще и потому, что авторы не сводят проблему только к статусу криптовалюты. Они показывают практическую сторону споров. В делах о цифровой валюте редко есть привычный договор на бумаге, акт приема-передачи или банковская выписка с понятным назначением платежа. Чаще используются скриншоты, переписка, данные кошелька, сведения с биржи, транзакционный хэш. Суду приходится работать с доказательствами, которые могут быть неполными, технически сложными или спорными. В результате право на защиту формально существует, но фактически владелец не всегда способен доказать владение.

«С.П. Саяпин рассматривает более новый этап регулирования. В центре его анализа находятся изменения 2024 года, когда были уточнены правила в отношении цифровых валют и цифровых финансовых активов» [2, с. 193]. Эти изменения нельзя назвать обычной технической правкой. В законодательстве появились понятия майнинга, майнинг-пула, майнинговой инфраструктуры, а также возможность использовать цифровую валюту и ЦФА в трансграничных внешнеторговых сделках.

Этот поворот показывает прагматичную линию государства. Внутри страны цифровая валюта не признается полноценным средством платежа. Зато во внешней торговле она начинает рассматриваться как рабочий инструмент. Причина понятна: после санкционных ограничений бизнесу потребовались альтернативные способы расчетов с зарубежными партнерами. Поэтому речь идет не о свободной легализации криптовалюты, а о точечном допуске там, где она помогает решать экономические задачи.

«Но у такого подхода есть слабое место. Саяпин обращает внимание на то, что понятие майнинговой инфраструктуры может толковаться слишком широко» [2, с. 194]. Под него потенциально попадает не только крупный дата-центр, но и квартира, где физическое лицо разместило оборудование для добычи цифровой валюты. Отсюда возникает практический вопрос: как отличить обычное потребление электроэнергии от майнинга? Если контроль будет

возложен на энергосбытовые организации, им нужны ясные критерии. Пока они выглядят недостаточно понятными.

С.П. Мышакова делает акцент на теоретическом разграничении цифровой валюты и цифровых финансовых активов. Такой акцент нужен, поскольку в обычной речи эти понятия часто смешиваются. Между тем ЦФА связаны с конкретными правами, денежными требованиями, участием в капитале или ценными бумагами. Цифровая валюта устроена иначе. «Она основана на криптографических методах, цифровой записи и отсутствии привычного центра управления» [3, с. 44].

Именно поэтому криптовалюту нельзя просто поставить рядом с безналичными деньгами. У безналичных денег есть банк, счет, платежная система и обязанное лицо. У криптовалюты часто есть только адрес кошелька, закрытый ключ и запись в блокчейне. Это другая правовая ситуация. Если потерян закрытый ключ, фактический доступ к активу может быть утрачен без участия банка или иного посредника. Если перевод ушел на другой адрес, отменить его обычным распоряжением невозможно.

Мышакова также подчеркивает межотраслевой характер проблемы. Гражданское право ищет имущественную природу цифровой валюты. Налоговое право определяет доход от продажи или майнинга. Уголовное право реагирует на мошенничество, хищение и легализацию преступных доходов. Финансовое право защищает устойчивость денежной системы. Эта многослойность неизбежна, но она должна быть согласованной. Иначе один и тот же актив будет признаваться значимым для налогообложения, но недостаточно определенным для защиты владельца.

Вывод Мышаковой о необходимости единого правового поля выглядит убедительно, если понимать его не как смешение всех цифровых объектов, а как общую систему правил. Цифровой рубль, ЦФА, цифровые права и криптовалюта не должны попадать в одну корзину. У цифрового рубля есть связь с Центральным банком. У ЦФА есть конкретное право требования. У криптовалюты часто нет обязанного лица. Поэтому общими могут быть принципы прозрачности, защиты участника, учета рисков и судебной защиты. Конкретные режимы должны различаться.

«Ю.А. Кузьменко и А.В. Воронина рассматривают цифровую валюту шире, через инвестиционную среду и технологические риски. Авторы выделяют слабую дифференциацию цифровых активов, нехватку норм о транзакциях криптоактивов, низкую привлекательность официальной цифровой среды и высокую киберпреступность» [4, с. 62]. Такой подход точен, поскольку цифровая валюта существует не в пустоте. Она связана с биржами, кошельками, обменниками, майнинговыми площадками, мошенническими схемами и инвестиционными ожиданиями.

Низкая привлекательность легальной цифровой среды становится серьезной проблемой. Если регулирование слишком жесткое, пользователь уходит на иностранные сервисы. Если оно слишком мягкое, растут риски обмана, кражи ключей, фиктивных инвестиционных проектов и отмывания денег. Российская практика уже показывает, что интерес к криптовалюте не исчезает из-за запретов. Люди продолжают покупать биткоин, эфириум и USDT, использовать P2P-сделки, хранить активы на зарубежных площадках. Технологию нельзя выключить административным запретом.

Кузьменко и Воронина верно ставят вопрос о классификации цифровых активов. Это не отвлеченная теория. От классификации зависит налог, учет, защита инвестора и ответственность посредника. Например, токен, который дает право на долю в проекте, не равен децентрализованной криптовалюте без эмитента. Цифровой актив, связанный с недвижимостью, не должен регулироваться так же, как монета, используемая для накопления или обмена. Пока эти различия не закреплены ясно, правоприменение будет оставаться неровным. «К.В. Шубенкова и В.Ю. Парфенов переводят вопрос в наиболее практическую плоскость. Их внимание сосредоточено на судебной защите владельцев цифровой валюты. Авторы показывают, что суды уже используют разные доказательства владения криптовалютой, но споры нередко заканчиваются отказом в удовлетворении требований» [5,

с. 65]. Это важный сигнал. Формальное признание цифровой валюты еще не означает, что владелец реально защищен.

Суды фактически вынуждены создавать подходы сами. Где-то цифровая валюта признается имуществом. Где-то решающим становится декларирование. В других делах суд смотрит на доказанность принадлежности кошелька конкретному лицу. Классические способы защиты здесь работают плохо. Виндикационный иск рассчитан на вещь, которую можно индивидуально определить и вернуть из чужого владения. С криптовалютой иначе. Транзакция необратима, закрытый ключ дает фактический контроль, а цифровой актив не существует как вещь в обычном смысле.

Более рабочими выглядят обязательственно-правовые способы защиты. Это взыскание неосновательного обогащения, возмещение вреда, признание нарушения договора. Например, если лицо передало цифровую валюту в обмен на рубли, но деньги не получило, спор разумнее строить вокруг компенсации стоимости, а не вокруг возврата той же самой криптовалюты. Для классической теории собственности такой путь может казаться менее точным. Для суда и сторон он гораздо полезнее.

Особенно осторожно нужно подходить к декларированию цифровой валюты. Логика государства понятна. Если владелец хочет защиты, он должен действовать открыто, сообщать о владении и соблюдать налоговые правила. Но автоматическая зависимость судебной защиты от декларирования создает опасный эффект. Недобросовестный контрагент может избежать ответственности только потому, что потерпевший не исполнил налоговую обязанность. Налоговое нарушение должно влечь налоговые последствия. Оно не должно лишать лицо защиты от хищения, обмана или злоупотребления доверием.

Пять рассмотренных позиций дают общую картину. Перетолчин и Пономарева показывают сложность источников регулирования и проблемы доказывания. Саяпин фиксирует новый этап, связанный с майнингом и внешнеторговыми расчетами. Мышакова разделяет цифровую валюту и ЦФА на уровне правовой природы. Кузьменко и Воронина обращают внимание на рынок, киберриски и слабую классификацию активов. Шубенкова и Парфенов показывают, как все эти проблемы доходят до суда. Общий вывод здесь достаточно жесткий. Право уже признало цифровую валюту как экономический факт, но пока не научилось стабильно защищать добросовестного участника оборота.

Полная легализация криптовалюты как обычного платежного средства сейчас вряд ли нужна российскому праву. Риски для рубля, налогового контроля и противодействия незаконным операциям остаются значительными. Но и нынешняя половинчатая модель не выглядит устойчивой. Цифровая валюта признается, когда речь идет о налогах, майнинге и контроле. При этом в ситуации судебной защиты владелец часто сталкивается с неопределенностью. Более разумным выглядит поэтапное изменение режима. Сначала нужно прямо определить место цифровой валюты среди объектов гражданских прав: не как деньги, не как ценную бумагу, не как обычную вещь. Цифровая валюта должна получить статус особого имущественного цифрового объекта. Далее следует закрепить допустимые сделки: купля-продажа, обмен, дарение, залог, передача в рамках внешнеторговых расчетов должны быть описаны ясно. Такие операции уже существуют на практике. Право должно не закрывать глаза, а задавать безопасные условия.

Отдельный блок должен касаться доказательств. Суду нужны понятные ориентиры: адрес кошелька, транзакционный хэш, биржевая выписка, электронная подпись, договор, переписка сторон, сведения о банковском переводе при покупке актива. Перечень не должен быть закрытым, но он может стать основой для единообразной практики.

Налоговое регулирование также нуждается в большей ясности. Доход от продажи цифровой валюты и майнинга уже интересует государство. Но участник оборота должен заранее понимать, когда возникает доход, как считается налоговая база, можно ли учитывать расходы на оборудование, электроэнергию и комиссии бирж. Чем понятнее правила, тем выше шанс выхода операций из тени. Простое давление без удобной процедуры обычно дает обратный результат.

Нужна и защита инвестора. Официальная цифровая среда не станет привлекательной, если пользователь видит только запреты и подозрения. Нужны понятные операторы, раскрытие информации, базовые требования к кибербезопасности, ответственность за недобросовестное хранение активов. Для России это особенно важно, потому что значительная часть криптооборота связана с иностранными площадками. Чем меньше доверия к внутренней системе, тем больше операций уходит туда, где российское право почти не работает.

Перспективным шагом могли бы стать разъяснения Верховного Суда РФ по спорам о цифровой валюте. Такой акт помог бы единообразно оценивать доказательства, определять стоимость актива на дату нарушения, различать договорные и внедоговорные требования, учитывать декларирование без автоматического отказа в защите. Судебная практика уже накопила материал. Теперь ей нужна системность.

Правовое регулирование обращения цифровой валюты в Российской Федерации находится в переходной стадии. Полного запрета уже нет. Полноценной правовой модели тоже нет. Государство признает цифровую валюту как экономический актив, регулирует майнинг, допускает отдельные внешнеторговые операции, вводит налоговые правила и усиливает контроль. Но гражданско-правовой статус остается неполным, а судебная защита зависит от сложного доказывания и неодинаковой практики. Главная проблема заключается не в том, что норм совсем нет, а в том, что они плохо соединены между собой. Закон, налоговый режим, судебная практика и финансовый контроль должны работать как одна система. Сейчас участник оборота вынужден собирать эту систему по частям. Это снижает доверие к легальному рынку и поддерживает теневой оборот.

Наиболее взвешенным решением выглядит не резкая отмена ограничений, а понятная легализация допустимых операций. Цифровая валюта должна получить специальный имущественный статус, ясные правила обращения, предсказуемый налоговый порядок и реальные способы судебной защиты. Тогда регулирование сможет не просто догонять цифровую экономику, а направлять ее в более безопасное и прозрачное правовое поле.

Современная цифровая эпоха порождает принципиально новые вызовы для правовой системы. Уголовное право, сформированное в докибернетическую эпоху, зачастую неспособно адекватно реагировать на стремительное развитие технологий [6, с. 210–216].

Список источников

1. Перетолчин А.П., Пономарева Ю.В. Правовое регулирование использования цифровых валют в гражданском обороте Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 2. – С. 103–110.
2. Саяпин С. П. О новых тенденциях в правовом регулировании цифровой валюты в России // Юридическая наука. 2024. № 8. – С. 193–196.
3. Мышакова С.П. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровых валют // Право и государственность. 2025. № 1 (6). – С. 43–46.
4. Кузьменко Ю.А., Воронина А.В. Перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. – С. 62–68.
5. Шубенкова К.В., Парфенов В.Ю. Защита судами прав на цифровые валюты в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. 2025. Т. 24. № 3. – С. 60–69. DOI 10.15688/lc.jvolsu.2025.3.7.
6. Улезько И.С. Уголовно-правовые вызовы цифровой эпохи: регулирование преступлений с использованием искусственного интеллекта и deepfake-технологий // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 210–216.

УДК 316

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лабазанов И.Л.,
ассистент кафедры теория и история государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу воздействия цифровой трансформации на сферу социальной работы в России. Она обусловлена глобальными тенденциями технологического прогресса. В работе изучаются успешные зарубежные практики, которые эффективно функционируют и улучшают качество жизни уязвимых групп населения. Цель исследования направлена на выявление ключевых аспектов влияния цифровизации, а также определение перспектив развития социальной работы. Особое внимание уделяется повышению эффективности социального обслуживания. В статье рассматривается применение информационно-коммуникативных технологий для оптимизации предоставления социальных услуг, совершенствования управленческих процессов и улучшения взаимодействий с целевыми группами населения.*
Ключевые слова: *цифровизация, трансформация, социальная сфера, деятельность, социальная работа, прогресс, социальные технологии, социальная услуга, население.*

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SPHERE OF ACTIVITY

Labazanov I.L.,
Assistant Professor at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the impact of digital transformation on the field of social work in Russia. It is driven by global trends of technological progress. The work examines successful foreign practices that function effectively and improve the quality of life for vulnerable groups of the population. The purpose of the study is to identify the key aspects of the impact of digitalization, as well as to determine the prospects for the development of social work. Special attention is paid to improving the efficiency of social services. The article examines the use of information and communication technologies to optimize the provision of social services, improve management processes, and enhance interactions with target groups of the population.*
Keywords: *digitalization, transformation, social sphere, activity, social work, progress, social technologies, social service, population.*

По определению, цифровизация – это процесс преобразования данных в цифровую структуру, обеспечивающую их легкую обработку и хранение цифровыми технологиями [3]. В XXI веке глобальное распространение интернета и явление цифровизации кардинально трансформировали место и значение информационных технологий в жизни общества. Это привело к тому, что IT стали неотъемлемой частью всех сфер жизнедеятельности – от экономики и бизнеса до образования, науки, государственного управления и повседневных потребностей граждан, формируя новое цифровое пространство существования.

Лидирующие позиции в области цифровой трансформации социальной сферы занимают государства Европейского союза и США, активно внедряющие цифровые инструменты для поддержки населения. Ключевой задачей цифровизации социальной политики в ЕС является оптимизация коммуникации между властью и гражданами при решении социальных проблем, повышение результативности государственных структур и стимулирование участия населения в управлении с помощью современных технологий, что, в свою очередь, способствует развитию гражданской активности. Общая тенденция развития

цифровой социальной политики в ЕС – расширение участия граждан в принятии решений и разработке инициатив. Важную роль в этом процессе играют средства массовой информации.

Для анализа уровня цифровой трансформации государственного и общественного обслуживания в странах Евросоюза применяется индекс DESI (Digital Economy and Society Index). Он охватывает такие аспекты, как цифровая готовность бизнеса, развитие человеческого потенциала, обеспеченность доступом к сети Интернет и предоставление цифровых услуг в социальной сфере [4].

В Европейском союзе можно отметить успешные примеры цифровизации социальной сферы, такие как развитие цифрового здравоохранения и разработка онлайн-сервисов для получения социальных выплат. Согласование цифровой трансформации социальной политики с целями и принципами устойчивого развития ЕС позволяет органично интегрировать ее в экономику и ключевые структуры социальной сферы.

Эффективность цифровой модернизации социальной политики в странах ЕС зависит не только от использования инновационных технологий, но и от создания возможностей для участия всех стран Центральной и Восточной Европы, в частности через распространение лучших практик [6].

В КНР непрерывно развивается электронное правительство и цифровизация социальной сферы. В центре внимания как государственных инициатив, направленных на совершенствование электронного управления, так и научных исследований в этой области стоит концепция создания современной демократии. Данная идея базируется на принципе обеспечения равного доступа для всех граждан к необходимым услугам, которые упрощаются и становятся более удобными за счет использования цифровых технологий.

В Китае реализуется важная цифровая инициатива под названием «Электронное правительство», стартовавшая в 1999 году и регулярно модернизирующаяся [2].

Проект «Электронное правительство» направлен на оптимизацию работы государственных органов власти посредством перевода приоритетных услуг в цифровой режим. Вдобавок предусматривается обновление кадрового состава государственных служащих, сокращение бюджетных расходов и минимизация коррупционных рисков. Повышение качества государственного управления, социального обеспечения граждан и доступ к актуальной информации являются ключевыми целями вышеуказанного проекта.

В процессе цифровой трансформации социальной политики проект «Электронное правительство» выполняет значимую функцию по обеспечению граждан доступом к информации, формированию единой платформы для взаимодействия с государственными органами. Развитие электронного документооборота способствует укреплению взаимодействия между государством и обществом. Вдобавок государственные служащие получают своевременные сведения о социально значимых проблемах.

По оценке экспертов, проект «Электронное правительство» в КНР реализуется по принципу «сверху вниз». В то же время не учитывается мнение граждан относительно удобства использования электронных сервисов и доступности необходимой социальной помощи.

Инновационные решения выступают одним из ключевых индикаторов процесса цифровизации социальной политики в Китае. При этом разработанные в США и странах Европейского союза проекты КНР активно заимствует и адаптирует в данной сфере. Развитие электронного правительства и цифровизация социальной сферы существенно поддерживаются широким распространением информационно-коммуникационных технологий. Именно такая поддержка обеспечивает оперативную реализацию проектов по предоставлению социальных услуг населению. Также значимым аспектом цифровизации социальной политики в Китае является повышение уровня цифровой грамотности населения. Данная мера способствует активному использованию современных цифровых сервисов.

В Российской Федерации наблюдается значительное усиление внимания к государственной социальной политике в сфере цифровизации социальных услуг. Данная тенденция нашла практическое воплощение в проведении целого ряда профильных

мероприятий: от тематических круглых столов до масштабных форумов. Например, «Цифровая трансформация социального сектора», «Цифровая инициатива в социальном секторе», «Цифровизация, национальные проекты», «Цифровая социальная защита» и т. д.

В ходе мероприятия «Цифровая трансформация социального сектора», организованного при сотрудничестве Фонда развития интернет-инициатив и Фонда социального страхования, участники определили этап развития социальных служб посредством цифровых технологий. Процесс цифровизации реализуется в рамках национальных проектов. Для развития проектной деятельности правительство России предоставляет денежные средства. В рамках национальных проектов реализуются проекты «Цифровая экономика», «Здоровье», «Демография» и другие, предусматривающие цифровую модернизацию социального обслуживания граждан.

Алексей Скляр, заместитель министра труда и социальной защиты, отметил, что приоритетными задачами ведомств являются определение стратегических направлений развития отрасли и формирование нормативно-правовой базы для регулирования цифровых инноваций в социальной сфере. Также он установил, что в предшествующие годы профильные министерства, включая Минтруд, Минцифры, Роструд, ФСС, обязаны разработать единый план мероприятий по цифровизации социальной политики [5].

Бывший председатель Фонда социального страхования Андрей Кигим подчеркнул потенциал электронных сервисов, которые способны коренным образом трансформировать доступ к социальным услугам и информационной среде. Он предложил усовершенствовать взаимодействие государства и бизнеса, чтобы обеспечить ясность функций всех сторон. Социальный фонд уже реализует проекты, такие как «электронный больничный лист» и мобильные приложения «Госуслуги», «Дом» «Налоги ФЛ» и др., а также поддерживает инновационные стартапы [5].

По словам Евгения Борисова, директора по развитию ФРИИ, наблюдается повышенный интерес к цифровым социальным сервисам со стороны как государственных, так и коммерческих организаций. Согласно его информации, на данный момент зафиксировано свыше 22,5 тысяч цифровых стартапов, среди которых преобладают социальные проекты, в числе которых, например, «Кнопка жизни» и «Сурдо–онлайн» [5].

Анализируя данные тенденции, становится очевидным, что цифровизация социальной сферы в России выходит на уровень государственной стратегии, требующей разработки конкретных планов, механизмов реализации и правовых основ. Это свидетельствует о сформированном понимании актуальной значимости цифровизации для развития социальной инфраструктуры страны.

В заключение, цифровизация социальной политики – это глобальная тенденция, охватывающая как развитые государства, так и стремящиеся к модернизации. Опыт ЕС, США, Китая и России демонстрирует различные приоритетные подходы в этой области: от акцента на гражданском участии (демократизации) до централизованного внедрения инноваций государственных услуг.

Несмотря на различия в подходах, общим для всех стран является:

- стремление к повышению эффективности и доступности социальных услуг;
- улучшение взаимодействия между государством и гражданами;
- создание более прозрачной и инклюзивной социальной среды.

В перспективе успешная цифровизация социальной политики требует не только внедрения передовых технологий, но также учета потребностей и интересов различных социальных групп, развития цифровой грамотности населения, в том числе создания эффективной правовой, а также институциональной базы для регулирования цифровых инноваций в социальной сфере. Только в этом случае цифровизация сможет стать реальным инструментом повышения благосостояния граждан.

Современная цифровая эпоха порождает принципиально новые вызовы для правовой системы. Уголовное право, сформированное в докибернетическую эпоху, зачастую неспособно адекватно реагировать на стремительное развитие технологий [7, с. 210–216].

Список источников

1. Бульдяева К.А. Тенденции цифровизации социального обеспечения в Российской Федерации / К.А. Бульдяева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2025. № 1 (552). – С. 129–130.
2. Бурденко Е.В. Модели электронного правительства / Е.В. Бурденко // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 1. – С. 59–76.
3. Мерзлов И.Ю. Методы оценки цифровой зрелости: обзор международной практики / И.Ю. Мерзлов // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 2. – С. 503–520.
4. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: ООО «КомНьюс Груп», 2019 – 368 с.
5. «Финмаркет»: сайт: URL: https://www.finmarket.ru/ (дата обращения: 12.04.2025).
6. Галкин К.А. Цифровизация социальной политики в ЕС, России и КНР. Обзор исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. № 1 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sotsialnoy-politiki-v-es-rossii-i-knr-obzor-issledovaniy (дата обращения: 12.04.2025).
7. Улезько И.С. Уголовно-правовые вызовы цифровой эпохи: регулирование преступлений с использованием искусственного интеллекта и deepfake-технологий // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 210–216.

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Лабазанов И.Л.,
ассистент кафедры теория и история государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье рассматриваются изменения в системе социальной защиты населения, которые вызваны развитием информационных технологий, анализируются современные тенденции и проблемы в системе социальной защиты. Внимание акцентируется на значении цифровизации как важного элемента процесса преобразования. Выделяются такие аспекты, как автоматизация процессов, использование больших данных, цифровое неравенство, кибербезопасность. Рассматриваются как положительные, так и отрицательные аспекты внедрения цифровых технологий в социальную защиту. Подчеркивается необходимость балансирования между инновациями и защитой прав граждан.*
Ключевые слова: *социальная защита, цифровизация, цифровые технологии, социальная помощь, социальная услуга, возможности, риски, информация.*

SOCIAL PROTECTION IN THE AGE OF DIGITALIZATION: NEW OPPORTUNITIES AND RISKS

Labazanov I.L.,
Assistant Professor at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Annotation. *The article discusses the changes in the social protection system caused by the development of information technology. The article analyzes current trends and problems in the social protection system. Attention is focused on the importance of digitalization as an important element of the transformation process. Aspects such as process automation, the use of big data, digital inequality, and cybersecurity are highlighted. It examines both the positive and negative aspects of the introduction of digital technologies into social protection. The article highlights the need to balance innovation and the protection of citizens' rights.*
Keywords: *social protection, digitalization, digitalization, digital technologies, social assistance, social service opportunities, risks, information.*

В XX веке развитие системы социальной защиты характеризовалось широким спектром различных моделей. В странах, придерживавшихся социально ориентированной политики, социальная помощь органично сочеталась с государственными принципами помощи и в значительной степени расширила полномочия государства в социальной области. Данная стратегия проявлялась в приоритетном внимании к защите прав граждан в сфере труда и социальной жизни.

На сегодняшний день социальная защита является неотъемлемой частью государственной политики в социальной сфере. Ее задача – предоставить каждому человеку реальные возможности и перспективу для реализации своих прав, гарантируя достойный уровень жизни, необходимый для полноценного развития личности, поддержания демографической стабильности и комфортного существования [6].

Под социальной защитой обычно подразумевается совокупность мер, реализуемых государственными органами, направленных на создание минимально приемлемых условий

для жизни и поддержание благополучия конкретного человека. Но в XXI веке к системе государственной социальной защиты добавилась общественная структура.

Таким образом, интеграция общественной составляющей в систему социальной защиты позволяет более оперативно реагировать на возникающие социальные проблемы. Общественная социальная защита, в отличие от государственной, опирается на инициативы социально ориентированных некоммерческих организаций, благотворительных фондов и волонтерских движений. Данная структура часто фокусируется на оказании помощи тем категориям населения, которые по тем или иным причинам остаются за пределами внимания государственных программ либо нуждаются в дополнительной поддержке.

Социально ориентированные некоммерческие организации, как правило, ближе к нуждам конкретных сообществ и отдельных людей, что позволяет им разрабатывать и реализовывать более эффективные программы помощи.

Взаимодействие государства и общественных организаций в сфере социальной защиты является ключевым фактором успешного функционирования всей системы. Государство может оказывать финансовую и организационную поддержку общественным инициативам, а общественные организации, в свою очередь, могут дополнять и расширять возможности государственных программ.

Исходя из вышеуказанного, современная система социальной защиты представляет собой многоуровневую структуру, в которой государство и общество взаимодействуют, чтобы обеспечить достойный уровень жизни для всех граждан. Для улучшения и совершенствования всех направлений деятельности в данный момент происходит процесс внедрения цифровых технологий, по-другому говоря, цифровизация. В российском законодательстве с 2010 года цифровизация трактуется как смена аналоговых методов передачи данных на цифровые [5].

В современном мире цифровая трансформация рассматривается как ключевой фактор успеха в самых разных сферах государственного управления, способствующий повышению конкурентоспособности страны, улучшению благосостояния граждан, подъему экономики и обеспечению безопасности. Поэтому модернизация информационных технологий в сфере социальной защиты населения становится крайне важной задачей: скорость и результативность взаимодействия между государственными структурами и гражданами напрямую влияют на устойчивость общества, его вовлеченность в общественную жизнь и возможность оперативного решения насущных вопросов. Современная цифровая революция изменила устои общественной жизни [1].

Цифровая трансформация открывает новые горизонты для совершенствования механизмов социальной поддержки граждан. К основным позитивным эффектам интеграции информационных технологий в эту сферу относятся: упрощение процедуры получения государственных услуг, автоматизация социальной поддержки, обработка информации в электронном виде, а также укрепление координации между различными ведомствами.

Следовательно, цифровая революция не просто меняет форматы коммуникации, но и кардинально обновляет архитектуру социальной защиты. Устаревшие методы, перегруженные бумажной волокитой, уступают место современным решениям, основанным на быстром обмене данными.

Значимым плюсом цифровизации является способность создавать персонализированные стратегии социальной помощи. Анализ массивов данных из разных источников позволяет точно идентифицировать группы риска и направлять адресную поддержку тем, кто в ней нуждается больше всего [2].

Интеллектуальные алгоритмы способны прогнозировать потенциальные финансовые или социальные проблемы граждан, анализируя их доходы, расходы и общую экономическую конъюнктуру. Предоставление социальной помощи в превентивном режиме позволяет предотвращать развитие кризисных ситуаций. Цифровые платформы существенно ускоряют процедуру подачи заявок на получение поддержки, что приводит к сокращению времени ожидания.

Процесс цифровизации, хотя и способствует улучшению качества социальных услуг, создает значительные риски. На сегодняшний день внедрение цифровых технологий сталкивается с рядом препятствий, включая:

- недостаточное покрытие Интернетом;
- низкий уровень цифровой грамотности среди населения;
- недостаточная информированность граждан о доступных цифровых сервисах.

Вышеуказанные проблемы могут усилить социальное неравенство, особенно для наиболее уязвимых слоев населения. Люди, не имеющие доступа к информационным технологиям, рискуют оказаться исключенными из системы цифровой социальной защиты. Кроме того, возрастает угроза нарушения конфиденциальности данных. Утечка персональной информации может привести к злоупотреблениям со стороны должностных лиц. В связи с этим крайне важно внедрять надежные механизмы защиты информации.

Ключевым условием успешного внедрения цифровых технологий является прозрачность используемых алгоритмов. Алгоритмы должны быть понятными и интерпретируемыми, а их результаты – проверяемыми. Решения о предоставлении социальной помощи не должны приниматься исключительно в автоматическом режиме. Все принимаемые решения требуют человеческого контроля. Цифровая модернизация системы социальной защиты требует комплексного подхода, включающего взвешенную оценку преимуществ и рисков.

Современная цифровая эпоха порождает принципиально новые вызовы для правовой системы. Уголовное право, сформированное в докибернетическую эпоху, зачастую неспособно адекватно реагировать на стремительное развитие технологий [7, с. 210–216].

Список источников

1. Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения //Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. – С. 145–163.
2. Жулего В.Г. и др. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере //Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9-2. – С. 36–43.
3. Романова Н.В. Цифровизация услуг в социальной сфере: проблемы и перспективы //Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2020. № 1 (31). – С. 58–65.
4. Егорова М.С. Понятие и сущность социальной защиты населения / М.С. Егорова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 35 (325). – С. 111–113. URL: https://moluch.ru/archive/325/73303/ (дата обращения: 08.05.2025).
5. Улезько И.С. Уголовно-правовые вызовы цифровой эпохи: регулирование преступлений с использованием искусственного интеллекта и deepfake-технологий // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 3(59). – С. 210–216.

УДК 342

ПРИЧИНЫ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ БАЗОВЫХ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Магомадов М.А.,
магистр 1 курса направления «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Магомадова Э.И.,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые причины, воздействовавшие на переосмысление базовых категорий прав: право собственности, свобода, равенство и т. д., а также влияние цифровой революции на правовые институты.*
Ключевые слова: *права, обязанности, имущество, трансформация, цифровая революция, искусственный интеллект.*

REASONS FOR RETHINKING BASIC LEGAL CATEGORIES

Magomadov M.A.,
1st year Master's degree in Law
Kadyrov Chechen State University
Magomadova E.I.,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article discusses some of the reasons that influenced the rethinking of basic categories of rights, such as property rights, freedom, equality, etc. It also examines the impact of the digital revolution on legal institutions.*
Keywords: *rights, obligations, property, transformation, digital revolution, artificial intelligence.*

Следует выделить несколько ключевых причин:

- **«Глобальная технологическая трансформация».**

Цифровая революция создала принципиально новую среду существования и взаимодействия – интернет-пространство, где традиционные правовые конструкции зачастую теряют свою определенность.

- Новые объекты и субъекты:

Появление цифровых активов (криптовалюты, токены, данные), искусственного интеллекта, автономных систем, сложных алгоритмов ставит вопрос: можно ли применять к ним категории «имущество», «вещь», «собственность», «вина», «ответственность» в их классическом понимании? Необходимо ли признание ограниченной правосубъектности за киберагентами?

✓ По отношению к категории «ВЕЩЬ» происходят глубокие изменения, то есть из материального объекта «вещь» преобразовывается в цифровые данные, например, «биткоин», в программный код, домены и т. д. Как таковой материальной формы эти объекты лишены, но имеют экономическую ценность, оборотоспособность.

✓ «ИМУЩЕСТВО», как совокупность вещей в целом, также преобразовывается и становится цифровым. Ценность «имущества» не в физических активах, а в самих данных и цифровых правах. Например, приобретая цифровую книгу либо музыку, пользователь приобретает не право собственности, а ограниченное право пользования этим имуществом.

✓ «ВИНА», как субъектное условие гражданско-правовой ответственности, подвергается более сложным изменениям, поскольку в условиях работы искусственного

интеллекта очень сложно установить субъективную вину человека. На ком лежит вина за действия ИИ? На владельце, разработчике или производителе ИИ?

✓ Соответственно, это требует развития доктрин объективной ответственности за вред, причиненный нейросетью.

- Переквалификация приватности и свободы:

1. Категория «частная жизнь» в корне меняется в эпоху тотального цифрового наблюдения и прогнозной аналитики. Право на защиту личной информации, контроль над персональными данными становятся новыми рамками фундаментальных свобод [2, с. 65–66].

- **Эволюция труда и собственности:**

Платформенная экономика, удаленная работа расширяют такие понятия, как «трудовой договор, работодатель, рабочее место», требуя тем самым пересмотра социальных и трудовых прав.

- **Фундаментальные социокультурные изменения в общественном сознании и морали напрямую влияют на правопонимание.**

Развитие общества при всем его разнообразии, борьба за права исторически дискриминируемых групп (этнические, расовые меньшинства) приводят к пересмотру категорий «Равенство», «Семья». Устоявшиеся определения уступают место более гибким и инклюзивным, которые отражают новые социальные реалии и потребности.

В российском правоустройстве принцип равенства закреплен в статье 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и других обстоятельств.

- Экологическое сознание и права будущих поколений. Концепция устойчивого развития и экологический кризис способствуют переосмыслению категории «Права собственности», вводя в него экологические ограничения и социальную функцию. Возникают новые взгляды на права природы и юридические обязанности перед будущими поколениями, что расширяет временные и субъектные горизонты права.

Изменение статуса и идентичности личности – развитие этики бионауки (к примеру, вопросы эвтаназии, суррогатного материнства, редактирования генома) ставит под сомнение абсолютность категорий «неприкосновенность частной жизни», «Свобода», тем самым требуя нового баланса между волей индивида и интересами общества [3, с. 87–93.].

- **Экономические и геополитические изменения.**

Мировая интеграция и ее возможный откат создают напряжение между национальными правовыми системами и международными контролирующими органами.

- Всемирная унификация, цифровой суверенитет, цифровые потоки, деятельность международных организаций требуют переосмысления юрисдикции государственного суверенитета и источников права.

- Изменения экономических отношений, рыночной экономики меняют суть владения, пользования, тем самым бросая вызов классическому праву собственности.

- **Развитие научного знания и междисциплинарность.**

Право превращается в динамично развивающуюся систему. Влияние нейросетей, понимание механизмов принятия решений, автономия воли, влияние когнитивных искажений заставляет пересмотреть основы юридической ответственности. Может ли человек быть полностью ответственным за действия искусственного интеллекта?

Право все активнее взаимодействует с экономикой, социологией, психологией, это приводит к более инструментальному и гибкому пониманию правовых категорий как механизмов достижения общественных задач.

- **Потеря доверия к традиционным институтам.**

Ослабление авторитета государственных, судебных, международных институтов ведет к поиску альтернативных механизмов регулирования и управления. Это проявляется в различных сферах, например, в распределении, правоприменении и цифровых реестрах (электронное правосудие).

Переосмысление базовых правовых категорий – это не академическое упражнение, а насущная необходимость, вызванная тем, что правовая система, сформированная в индустриальную эпоху для регулирования отношений, даёт сбои в условиях цифровой, культурно-разнообразной реальности [4, с. 18].

Процесс этот болезненный, конфликтный, так как затрагивает основы социального устройства. Он неизбежен, поскольку право, чтобы оставаться эффективным инструментом организации жизни общества и защиты человека, должно эволюционировать вместе с этим обществом, отражая его новые ценности, вызовы и технологические возможности.

Список источников

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.pravo. gov.ru
2. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение//Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. – С. 65–66.
2. Чесноков А.А. Ресурсы Интернет и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. 1999. Серия 18. № 4. – С. 87–93.
3. Азизов Р.Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – СПб. 2017. – С. 18.
4. Efroni Z. Access-Right: The Future of Digital Copyright Law. – Oxford University Press. 2013. – P. 8.
5. Цифровые активы как объекты гражданских прав//Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2018. – С. 199–205.

УДК 342.721 + 004.056

ЦИФРОВАЯ ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ (BIG DATA): ПРАВОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Мадаев С.М.,
студент 1 курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Алихаджиев С.-М.Х.,
канд. ф.-м. наук, доцент кафедры
«Программирование и инфокоммуникационные технологии»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу защиты персональных данных в условиях Big Data. Исследуется противоречие между ценностью накопления информации для аналитики и необходимостью приватности граждан. Рассматриваются изменения в российском законодательстве (ФЗ № 152) и GDPR, а также технологии: от обезличивания до гомоморфного шифрования и дифференциальной приватности. Автор приходит к выводу, что эффективная защита невозможна без симбиоза правового регулирования и Privacy-Enhancing Technologies.*
Ключевые слова: *большие данные, персональные данные, цифровая защита, гомоморфное шифрование, правовое регулирование, 152-ФЗ, GDPR.*

DIGITAL PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE ERA OF BIG DATA (BIG DATA): LEGAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS

Madayev S.M.,
1st year master's student
Kadyrov Chechen State University
Alikhadzhiev S-M.Kh.,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Programming and Information and Communication Technologies
Kadyrov Chechen State University

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the protection of personal data in the context of Big Data. It explores the contradiction between the value of accumulating information for analytics and the need for citizens' privacy. The article examines changes in Russian legislation (Federal Law No. 152) and the GDPR, as well as technologies ranging from anonymization to homomorphic encryption and differential privacy. The author concludes that effective protection is impossible without a symbiosis of legal regulation and Privacy-Enhancing Technologies.*
Keywords: *big data, personal data, digital protection, homomorphic encryption, rights.*

В современной цифровой реальности данные перестали быть просто статичным отражением событий – они превратились в динамичный, самовоспроизводящийся ресурс, обладающий колоссальной экономической и прогностической ценностью. Феномен больших данных (Big Data) кардинально трансформировал ландшафт информационной безопасности, выведя проблему защиты персональной информации на принципиально иной уровень сложности [1, с. 84]. С одной стороны, агрегация и анализ огромных массивов сведений позволяют выявлять скрытые закономерности, персонализировать сервисы, повышать эффективность управленческих решений и ускорять научный прогресс. С другой стороны, именно эта способность алгоритмов к выявлению неочевидных корреляций создаёт беспрецедентные риски для частной жизни, поскольку технологии Big Data зачастую

позволяют с высокой долей вероятности реидентифицировать человека даже в обезличенных наборах данных [3, с. 3]. Центральной коллизией нашего времени становится не просто противоречие между «хочу скрыть» и «хочу знать», а гораздо более тонкий и трудноразрешимый конфликт между экономической целесообразностью обработки неструктурированных потоков информации и фундаментальным правом личности на неприкосновенность частной жизни. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, существует конфликт между развитием технологий больших данных и действующим законодательством о персональных данных, что требует создания новых правовых механизмов для обеспечения баланса интересов государства, бизнеса и общества. В рамках данной статьи предпринимается попытка детально рассмотреть этот конфликт через призму двух ключевых измерений: эволюционирующей правовой базы и прорывных технологических решений, призванных если не устранить, то хотя бы сгладить остроту существующих противоречий.

Прежде чем углубляться в анализ, необходимо четко разграничить понятийный аппарат, поскольку смешение категорий «большие данные» и «персональные данные» часто приводит к юридическим коллизиям и неверной интерпретации рисков. Под большими данными в современной научной литературе понимаются не просто массивы информации большого объема, а совокупность технологий, методов обработки структурированных и неструктурированных данных значительных объемов и разнообразия, которые требуют применения специальных вычислительных средств для получения воспринимаемых человеком результатов, обладающих свойством новизны и практической ценности [3, с. 1–2]. Персональные же данные, в соответствии с российским законодательством, – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [4, с. 129]. Сложность регулирования возникает именно в точке пересечения этих двух понятий: в среде Big Data любая информация, даже изначально деперсонализированная, потенциально может стать идентифицирующей при сопоставлении с другими разрозненными фрагментами. Эта онтологическая особенность больших данных заставляет пересматривать традиционные подходы к защите информации, которые формировались в эпоху «закрытых» реляционных баз данных с четко очерченными контурами доступа.

Правовой ландшафт защиты персональных данных в контексте больших данных переживает период существенной трансформации, причем законодательные изменения как в Российской Федерации, так и за рубежом демонстрируют явную тенденцию к ужесточению требований и расширению ответственности операторов. В Российской Федерации ключевые изменения вступили в силу в середине 2025 года, когда поправки к Федеральному закону № 152-ФЗ «О персональных данных» существенно усилили требования к бизнесу и любым операторам данных [4, с. 130]. Фактически в 2025 году сформирован новый, значительно более строгий режим регулирования, влияющий на каждую компанию, которая использует персональные данные в своей деятельности. В первую очередь следует отметить расширение круга субъектов, обязанных уведомлять Роскомнадзор и регистрироваться в качестве операторов: теперь это касается не только крупных корпораций, но и небольших интернет-магазинов, и даже самозанятых граждан, использующих клиентские базы [4, с. 130]. Ещё более значимым с точки зрения эпохи Big Data становится ужесточение правил локализации и хранения данных: все данные должны храниться на серверах, расположенных на территории Российской Федерации, а использование зарубежных облачных платформ теперь сопряжено с высокими рисками привлечения к ответственности. Для технологий больших данных, которые по своей природе часто распределены и используют гибридные облачные инфраструктуры, это требование создаёт дополнительный слой технической и организационной сложности.

С 1 сентября 2025 года вступили в силу принципиально новые требования к оформлению согласия субъекта на обработку данных. В отличие от ранее действовавшей нормы, допускавшей включение согласия в пользовательское соглашение или договор, теперь оно должно оформляться исключительно в виде отдельного документа. Это, на первый взгляд,

формальное требование имеет далеко идущие последствия для экосистемы Big Data, так как затрудняет практику «сбора всего подряд» и вынуждает компании имплементировать принцип минимизации данных (data minimization) в свои бизнес-процессы. Параллельно с этим вводится более четкая регламентация процедур обезличивания. Постановление Правительства РФ от 01.08.2025 № 1154 и приказ Роскомнадзора № 140 от 19.06.2025 не только закрепили пять официальных методов обезличивания (введение идентификаторов, изменение состава или семантики, декомпозиция, перемешивание и новый метод преобразования), но и обязали операторов использовать для этих целей сертифицированное программное обеспечение, исключающее совместное хранение обезличенных и исходных массивов, а также вести строгий учёт всех действий по обезличиванию.

Анализ зарубежного опыта, в частности европейского Общего регламента по защите данных (GDPR), показывает, что схожие проблемы решаются за счёт внедрения риск-ориентированного подхода и принципов «Privacy by Design». GDPR применим к любой обработке персональных данных в системах больших данных, независимо от того, являлись ли персональные данные основной целью сбора.

Если правовое регулирование пытается установить нормативные границы и запреты, то технологический инструментарий защиты данных нацелен на создание таких условий обработки, при которых риски нарушения приватности сводятся к минимуму либо полностью исключаются, причём без потери ценности самих данных. В условиях экспоненциального роста объемов информации на передний план выходят технологии, повышающие конфиденциальность (Privacy-Enhancing Technologies, PETs), которые можно условно разделить на два больших класса: методы обезличивания (анонимизации и псевдонимизации) и методы криптографической защиты вычислений. Обезличивание является одним из ключевых инструментов, позволяющих повторно использовать данные, снижая риски утечек и регуляторных нарушений без потери аналитической ценности. Однако, как показывает практика, в эпоху больших данных простое удаление прямых идентификаторов (имени, паспортных данных) уже не гарантирует невосстановимость личности [1, с. 86]. Существует так называемая проблема «quasi-identifiers» (квазиидентификаторов), когда комбинация косвенных признаков, таких как почтовый индекс, дата рождения и пол, позволяет однозначно вычислить конкретного человека в массиве данных. Именно поэтому в последние годы активно развиваются риск-ориентированные модели оценки повторной идентификации, которые позволяют математически оценить вероятность выявления персональной информации в обезличенных наборах данных.

Гомоморфное шифрование представляет собой передовой рубеж криптографической науки, позволяющий производить вычислительные операции непосредственно над зашифрованными данными, не расшифровывая их предварительно. В контексте аналитики больших данных это открывает поистине революционные перспективы: организация может передать свой зашифрованный датасет на внешний вычислительный кластер (например, в облако), там над этими данными будут выполнены все необходимые агрегации, поиск закономерностей или обучение моделей машинного обучения, после чего владелец данных получит обратно зашифрованный результат и расшифрует его своим ключом, при этом ни одна сторона, участвовавшая в вычислениях, не получит доступа к содержимому исходной информации [2, с. 4]. Как отмечается в специализированных аналитических докладах, гомоморфное шифрование позволяет проводить вычисления над зашифрованными данными, не раскрывая их содержимое, и наряду с протоколами распределённых безопасных вычислений значительно расширяет возможности криптографической защиты информации. Однако, несмотря на очевидные преимущества, данная технология пока не стала мейнстримом из-за существенных накладных расходов на производительность. Вычисления над гомоморфно зашифрованными данными могут быть на несколько порядков медленнее, чем аналогичные операции над открытым текстом, что критично для систем Big Data, оперирующих петабайтами информации. Тем не менее, с развитием аппаратного ускорения и

оптимизацией алгоритмов частичного гомоморфного шифрования эта технология постепенно переходит из разряда академических экспериментов в практическую плоскость.

Другим важным технологическим инструментом, который также часто упоминается в научных обзорах безопасности данных в распределенных системах, является дифференциальная приватность. В отличие от гомоморфного шифрования, которое защищает данные в процессе вычислений, дифференциальная приватность нацелена на защиту результатов этих вычислений от разглашения информации о конкретном индивиде. Суть метода заключается в добавлении к выходным данным статистического запроса специально откалиброванного случайного шума (помех). К примеру, если аналитик запрашивает средний возраст пользователей в определенном сегменте, система выдает не точное число, а значение с небольшой случайной погрешностью, которая не влияет на общие тренды, но делает математически невозможным точное определение того, участвовали ли данные конкретного человека в выборке или нет [2, с. 4]. В этом и заключается главное свойство дифференциальной приватности: она обеспечивает математически доказуемые гарантии неразличимости присутствия или отсутствия отдельной записи в датасете. Для экосистем больших данных, где из агрегированных отчетов порой можно извлечь конфиденциальные сведения (как это было в нашумевших случаях реидентификации пользователей в анонимизированных медицинских публикациях), дифференциальная приватность становится незаменимым слоем защиты.

Стоит также упомянуть и такое направление, как федеративное обучение (Federated Learning), которое, хотя и не является в чистом виде технологией шифрования, представляет собой парадигму распределённой обработки данных, чрезвычайно релевантную для защиты приватности в контексте Big Data. Вместо того чтобы собирать все сырые данные пользователей в центральное облачное хранилище для обучения нейронной сети, обучение модели происходит локально на устройствах пользователей, а на центральный сервер отправляются лишь градиенты (обновлённые веса модели) в зашифрованном или агрегированном виде. Такой подход минимизирует объём передаваемой персональной информации и снижает риски компрометации централизованного хранилища. Хотя в статье не будет подробного анализа этой технологии, её упоминание необходимо для полноты картины существующих решений.

Подводя итог проведённому анализу, следует признать, что эпоха больших данных бросила фундаментальный вызов сложившейся парадигме защиты персональной информации. На смену бинарной логике «доступ разрешён – доступ запрещён» приходит сложная многомерная модель, в которой ключевую роль играют оценка рисков реидентификации, управление согласиями в условиях многократного переиспользования данных и обеспечение математически доказуемых гарантий конфиденциальности. Правовое регулирование, как показано в статье, движется в направлении ужесточения требований к операторам и детальной регламентации процессов обезличивания, примером чему служат последние поправки к ФЗ № 152 и внедрение стандартов GDPR. Однако одних лишь нормативных ограничений недостаточно. Технологии больших данных по своей природе направлены на извлечение смысла из кажущегося хаоса, и любая формальная юридическая анонимизация может быть преодолена при помощи сложных алгоритмов корреляционного анализа. Следовательно, эффективная стратегия цифровой защиты должна строиться на синтезе правовых и технологических мер.

С технологической точки зрения, будущее лежит в плоскости комбинации различных методов PETs. Использование дифференциальной приватности для защиты публикуемой статистики, внедрение гомоморфного шифрования для критически важных вычислений над конфиденциальными данными и строгое соблюдение протоколов обезличивания в соответствии с риск-моделями – всё это должно стать неотъемлемой частью архитектуры современных Big Data платформ. Проблема заключается в том, что многие из этих технологий всё ещё сложны в имплементации и требовательны к вычислительным ресурсам, что создаёт барьеры для их массового применения. Тем не менее, динамика развития законодательства и

усиление ответственности за утечки (включая оборотные штрафы) неизбежно будут стимулировать компании к переходу на принципиально иной уровень зрелости IT-инфраструктуры, как это уже происходит в сфере импортозамещения и сертификации средств защиты информации.

В конечном счёте, поиск баланса между утилитарностью больших данных и незыблемостью права на частную жизнь представляет собой непрерывный итеративный процесс, в котором право и технологии вынуждены постоянно догонять друг друга. Задача научного и экспертного сообщества в этих условиях видится не только в разработке новых методов защиты, но и в формировании адекватной культуры работы с данными, где приватность по умолчанию (Privacy by Default) станет не просто модным лозунгом, а базовым принципом проектирования любых информационных систем, работающих с данными о человеке.

Список источников

1. Ишбаева А.Э. Проблемы защиты персональных данных в эпоху больших данных / А.Э. Ишбаева, А.Р. Мансурова, А.В. Сысоева // Информационные технологии обеспечения комплексной безопасности в цифровом обществе: материалы VII Всероссийской молодёжной научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 23–24 мая 2025 г.). – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 84–88.
2. Чумбуридзе Я.А. Изучение технологий, повышающих конфиденциальность / Я.А. Чумбуридзе, О.А. Какорина // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 27, № 3. – С. 5–12.
3. Шайдуллина В.К. Большие данные и защита персональных данных: основные проблемы теории и практики правового регулирования / В.К. Шайдуллина. Текст: электронный // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 2019. URL: https://www.fa.ru (дата обращения: 10.04.2026). Режим доступа: свободный.
4. Джурук Д.С. Защита персональных данных в эпоху больших данных / Д.С. Джурук, А.В. Коршунов, А.А. Пушечников // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. – С. 129–132.

УДК 347.7

ТОРГОВОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ, СИСТЕМЫ И СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА

Натаева З.А.,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Тураева Д.С.,
ассистент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных научных подходов к пониманию торгового права в российской юридической доктрине. Исследуются позиции Т.А. Батровой, А.А. Долганина, Н.В. Кузнецовой, К.С. Гордеева и А.А. Рожнова по вопросам предмета, системы, субъектного состава, международных аспектов и исторических оснований торгового права. Показано, что в современной науке отсутствует единый подход к определению сущности торгового права, что обусловливает дискуссионность его места в правовой системе и границ правового регулирования. Особое внимание уделяется связи торгового права с объективными экономическими отношениями, трансформации субъектного состава торговой деятельности в условиях цифровизации, а также значению исторического опыта для осмысления современных торгово-правовых конструкций. Делается вывод о том, что торговое право представляет собой сложную и динамичную область юридического регулирования, сочетающую частноправовые, организационные, международные и историко-правовые элементы.*

Ключевые слова: *торговое право, коммерческое право, предмет торгового права, система торгового права, субъекты торгового права, международное торговое право, цифровая торговля, торговый оборот, историческое развитие права, юридическая доктрина.*

TRADE LAW IN CONTEMPORARY RUSSIAN LEGAL SCHOLARSHIP, PROBLEMS OF CONCEPT, SYSTEM, AND SUBJECT COMPOSITION

Nataeva Z.A.,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University
Turaeva D.S.,
Assistant of the Department of Jurisprudence
Millionshchikov Grozny State Oil Technological University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of contemporary scholarly approaches to understanding trade law in Russian legal doctrine. It examines the positions of T.A. Batrova, A.A. Dolganin, N.V. Kuznetsova, K.S. Gordeev, and A.A. Rozhnov on the issues of the subject matter, system, subject composition, international aspects, and historical foundations of trade law. It is shown that modern legal scholarship lacks a unified approach to defining the essence of trade law, which explains the ongoing debate regarding its place in the legal system and the boundaries of legal regulation. Special attention is paid to the connection between trade law and objective economic relations, the transformation of the subject composition of trade activity in the context of digitalization, and the significance of historical experience for understanding contemporary trade law constructions. It is concluded that trade law constitutes a complex and dynamic field of legal regulation combining private-law, organizational, international, and historical-legal elements.*

Keywords: *trade law, commercial law, subject matter of trade law, system of trade law, subjects of trade law, international trade law, digital trade, trade turnover, historical development of law, legal doctrine.*

Торговое право остается одной из тех сфер юридической науки, где внешняя определенность темы скрывает внутреннюю сложность. Само словосочетание кажется ясным, однако при обращении к современной литературе быстро обнаруживается отсутствие единого понимания его предмета, системы, субъектного состава и места в правовой системе. Именно поэтому обращение к новейшим исследованиям по торговому праву представляет не только учебный, но и методологический интерес.

Наиболее принципиально эту проблему ставит Т.А. Батрова. Исследователь прямо указывает, что «в настоящее время в науке отсутствует единый подход к определению сущности торгового права» [Батрова, 2011, с. 27]. Уже в этой формуле содержится важный вывод. Речь идет не о частном разногласии между отдельными авторами, а о более глубокой неопределенности, касающейся самого основания торгово-правовой конструкции. Батрова показывает, что споры о торговом праве начинаются не на уровне деталей, а на уровне исходного вопроса о том, что именно должно считаться торговым отношением. В этом состоит сильная сторона статьи. Автор не пытается искусственно сгладить противоречия, а, напротив, демонстрирует их как объективное состояние доктрины.

Позиция Батровой отличается теоретической честностью. Она не предлагает упрощенного решения и не сводит торговое право ни к внутреннему обороту, ни только к коммерческой деятельности в узком смысле. Напротив, статья убеждает в том, что спор о предмете торгового права напрямую влияет на его систему. Если предмет определяется слишком широко, торговое право начинает терять собственные границы. Если слишком узко, оно лишается значительной части реально существующих отношений, без которых торговый оборот невозможен. Отсюда следует более общий вывод. Научная ценность статьи заключается не только в перечислении подходов, но и в предупреждении против догматической самоуверенности.

Другой аспект проблемы раскрывает А.А. Долганин. Его статья выводит разговор о торговом праве за пределы отраслевого спора и показывает его как фактор развития российской правовой системы в целом. Особенно показательно суждение автора о том, что «универсальность, значимая для коммерциалистики, возникает из объективных экономических отношений и формируется "нуждой жизни" (Р. Иеринг), а не формальной логикой» [Долганин, 2025, с. 99]. Эта мысль имеет принципиальное значение. Долганин фактически противопоставляет живую экономическую необходимость абстрактной нормативной конструкции и тем самым подчеркивает прикладную природу торгового права.

Именно в этом проявляется авторская позиция Долганина. Для него торговое право не просто обслуживает рынок. Оно вырабатывается под воздействием реального движения товаров, интересов участников оборота, потребностей обмена и унификации хозяйственных практик. Такой подход представляется убедительным. Торговое право действительно плохо поддается чисто кабинетному конструированию. Оно быстро утрачивает эффективность, если перестает слышать хозяйственную реальность. Вместе с тем статья Долганина ценна еще и тем, что не впадает в экономический редукционизм. Автор не утверждает, что право полностью растворяется в рынке. Напротив, подчеркивается особая роль торгово-правовых механизмов в поддержании баланса между национальной спецификой и внешними моделями регулирования. Это уже не просто отраслевой тезис, а полноценная концепция правового развития.

Более конкретный и прикладной ракурс предлагает Н.В. Кузнецова, исследующая субъектов коммерческого, то есть торгового, права. Центральная цитата статьи звучит следующим образом: «Анализ приведенных высказываний позволяет сделать вывод о том, что квалифицирующим признаком посредника являются действия в чужом интересе, а следовательно, и за чужой счет» [Кузнецова, 2020, с. 107]. На первый взгляд, это частное

замечание, касающееся посредничества. Однако по существу оно имеет более широкий смысл. Автор показывает, что в торговом праве недостаточно описывать участников оборота только по экономической функции. Требуется строгий юридический критерий, позволяющий различать самостоятельного торговца и посредника.

Сильная сторона статьи Кузнецовой состоит в ее точности. Автор не ограничивается общими словами о коммерсантах, а детально разбирает внутреннюю структуру субъектного состава торговых отношений. Особенно важно то, что в поле анализа включаются не только традиционные участники, но и агрегаторы, информационные посредники, субъекты цифровой инфраструктуры. Здесь статья приобретает выраженную современность. Если Батрова главным образом ставит проблему границ торгового права, то Кузнецова показывает, как эти границы усложняются в цифровую эпоху. Авторская позиция выглядит последовательной: торговое право не может оставаться в рамках дорыночных или раннерыночных представлений о субъекте, если реальные каналы продвижения товара уже давно изменились.

Вместе с тем статья Кузнецовой подталкивает и к собственному выводу. Современный торговый оборот все чаще организуется не прямым продавцом, а системой посредующих платформ, сервисов и информационных узлов. Это означает, что субъект торгового права сегодня определяется не только участием в передаче товара, но и участием в организации возможности такой передачи. Иначе говоря, торговое право постепенно смещается от модели физического перемещения вещи к модели координации оборота. Такая перспектива в явном виде в статье не развернута, но логика исследования к ней подводит.

Статья К.С. Гордеева переносит обсуждение в международную плоскость. Автор справедливо замечает, что «в настоящее время в юриспруденции не имеется общепризнанной системы международного торгового права» [Гордеев, с. 2]. Эта формула хорошо передает состояние темы. Международное торговое право существует как признанная область регулирования, но его границы, состав источников и внутренний статус до конца не стабилизированы. Гордеев делает ставку на систематизацию подходов и классификацию источников. Работа носит преимущественно обзорный характер, однако именно в этом и заключается ее польза.

Авторская позиция Гордеева строится на признании смешанной природы международного торгового права. Оно включает в себя как межгосударственные соглашения, так и внутригосударственные нормы, а также внегосударственные регуляторы. Такой взгляд представляется оправданным. Международная торговля действительно не укладывается в одну плоскость. Она не исчерпывается ни публичным международным правом, ни национальным частным правом. Слабой стороной статьи можно считать некоторую описательность. Автор скорее собирает существующие позиции, чем вступает с ними в острую полемику. Но для общей картины это даже полезно: работа дает исходный каркас, без которого дальнейший анализ был бы слишком фрагментарным.

Историческое измерение темы наиболее убедительно раскрыто в статье А.А. Рожнова. Автор пишет, что «Свод законов Российской Империи 1832 г. выделил торговое право в самостоятельную отрасль отечественного права (законодательства)» [Рожнов, 2023, с. 75]. Эта цитата имеет большее значение, чем просто факт истории законодательства. Она опровергает распространенное представление о торговом праве как о вторичном или сугубо современном образовании. Рожнов показывает, что в отечественной правовой традиции уже в XIX веке существовала развернутая и системно оформленная модель торгово-правового регулирования.

Позиция Рожнова ценна своей конкретностью. Автор не ограничивается общим тезисом о существовании дореволюционного торгового права, а анализирует виды торговли, торговые свидетельства, специальные договоры, вексельное право и несостоятельность. Исторический материал в статье работает не как фон, а как аргумент. Из него следует, что торговое право в России формировалось в тесной связи с предпринимательской практикой, профессионализацией оборота и необходимостью правовой специализации. Отсюда вытекает важный исследовательский вывод: современные споры о самостоятельности торгового права

нельзя рассматривать в отрыве от истории отечественного законодательства. Иначе доктрина теряет память о собственных основаниях.

Сопоставление всех пяти статей позволяет увидеть, что современная наука о торговом праве движется сразу в нескольких направлениях. Одно направление связано с поиском понятия и границ отрасли; его наиболее ярко представляет Батрова. Другое связано с выяснением места торгового права в развитии правовой системы, что особенно характерно для Долганина. Третье сосредоточено на субъектах оборота и новых участниках цифровой торговли, как у Кузнецовой. Четвертое раскрывает международный уровень регулирования, что видно у Гордеева. Пятое возвращает исследователя к историческим основаниям темы, как это делает Рожнов.

При всей разнице подходов между этими авторами есть важная общая черта: ни один из них не рассматривает торговое право как чисто техническую совокупность норм. Во всех работах оно предстает как сложное явление, в котором соединяются экономика, история, система источников, структура субъектов и общая логика правового развития. Это обстоятельство имеет принципиальное значение. Оно позволяет утверждать, что торговое право не является периферией юридической науки. Напротив, через него особенно отчетливо видны механизмы адаптации права к изменяющемуся обороту.

Отсюда следует общий вывод: современное торговое право нельзя описать одной формулой. Оно не сводится ни к предпринимательскому праву, ни к гражданскому праву, ни к международному регулированию торговли по отдельности. Его реальная природа сложнее. Это динамичная правовая область, которая формируется под воздействием хозяйственной необходимости, исторической традиции, технологических изменений и процессов унификации. Именно поэтому научные споры о его предмете и системе не свидетельствуют о слабости дисциплины, а скорее указывают на ее живое развитие.

В конечном счете рассмотренные статьи позволяют сделать еще одну оценку. Наиболее перспективным представляется такой подход, при котором торговое право изучается одновременно в трех плоскостях: доктринальной, институциональной и исторической. Без доктрины невозможно понять его границы. Без институционального анализа невозможно увидеть реальных субъектов оборота. Без истории невозможно объяснить, почему торговое право вообще претендует на самостоятельность. Только совмещение этих уровней дает полноценную картину.

Поэтому современное исследование торгового права должно исходить не из желания окончательно закрыть спор, а из стремления точнее уловить его действительное содержание. В этом смысле рассмотренные работы представляют значительную научную ценность. Они не только дают материал для цитирования, но и показывают, что торговое право остается одной из самых подвижных и концептуально насыщенных областей современной юриспруденции.

Список источников

1. Батрова Т.А. Спорные вопросы предмета и системы торгового права // Юридическая наука. 2011. № 1. – С. 27–30.
2. Долганин А.А. Фактор коммерческого (торгового) права в развитии российской правовой системы // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20, № 2. – С. 97–121. DOI 10.35427/2073-4522-2025-20-2-dolganin.
3. Кузнецова Н. В. О субъектах коммерческого (торгового) права // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. – С. 105–112. DOI 10.17803/2311-5998.2020.71.7.105-112.
4. Гордеев К.С. Международное торговое право: понятие и источники // [б. и.]. [б. г.]. – С. 1–4.
5. Рожнов А.А. Торговое право России во второй четверти XIX в. по Своду законов Российской Империи 1832 и 1857 гг. // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. № 3. – С. 74–83.

УДК 347.64

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ГРАЖДАН

Натаева З.А.,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Тураева Д.С.,
ассистент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»

Аннотация. *В статье рассмотрены опека и попечительство как форма законного представительства граждан, которые не могут самостоятельно и в полном объёме реализовывать свои права. Основное внимание уделено правовой природе опеки и попечительства, процессуальному положению опекунов, попечителей и органов опеки, а также проблемам практического применения данного института. На основе анализа работ Р.З. Алексеевой, В.Е. Чаптыковой, А.Ю. Томилова, Р.Р. Долженко, О.В. Дулепиной, А.И. Шумилова и А.А. Капитоновой показано, что законное представительство в сфере опеки и попечительства имеет не только формально-юридическое, но и социальное значение. Оно связано с защитой несовершеннолетних, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан, а также с обеспечением их доступа к судебной защите.*
Ключевые слова: *опека, попечительство, законное представительство, несовершеннолетние, недееспособные граждане, органы опеки и попечительства, гражданский процесс, судебная защита.*

GUARDIANSHIP AND CUSTODIANSHIP AS A FORM OF LEGAL REPRESENTATION OF CITIZENS

Nataeva Z.A.,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University
Turaeva D.S.,
Assistant of the Department of Jurisprudence
Millionshchikov Grozny State Oil Technological University

Abstract. *The article examines guardianship and custodianship as a form of legal representation of citizens who are unable to exercise their rights independently and in full. The main focus is placed on the legal nature of guardianship and custodianship, the procedural status of guardians, custodians and guardianship authorities, as well as the problems of practical application of this legal institution. Based on the analysis of works by R.Z. Alekseeva, V.E. Chaptykova, A.Yu. Tomilov, R.R. Dolzhenko, O.V. Dulepina, A.I. Shumilov and A.A. Kapitonova, it is shown that legal representation in the field of guardianship and custodianship has not only formal legal significance, but also social importance. It is connected with the protection of minors, legally incapacitated and partially capable citizens, as well as with ensuring their access to judicial protection.*
Keywords: *guardianship, custodianship, legal representation, minors, legally incapacitated citizens, guardianship and custodianship authorities, civil procedure, judicial protection.*

Институт опеки, попечительства и законного представительства в гражданском процессе обычно описывается как устойчивый и достаточно проработанный механизм. При более внимательном рассмотрении картина выглядит сложнее. На уровне закона модель

действительно выстроена: есть круг уполномоченных лиц, есть полномочия органов опеки, есть нормы ГПК РФ и специального закона. Но в практической плоскости этот механизм работает неровно. Именно поэтому научные публикации последних лет все чаще смещают внимание с общей характеристики института на его сбои, пробелы и противоречия. Такой поворот представляется оправданным. «Для несовершеннолетнего или недееспособного лица имеет значение не сама по себе норма, а то, кто именно и насколько качественно защитит его интерес в конкретном споре» [1–3].

Наиболее удобную отправную точку для анализа дает статья Р.З. Алексеевой. В ней опека и попечительство рассматриваются не как техническая процедура назначения ответственного лица, а как способ компенсировать недостаток самостоятельной правовой воли у подопечного. Подход выглядит верным, поскольку без такой исходной установки дальнейшее обсуждение процессуальных гарантий теряет смысл. Алексеева показывает, что опекун не сводится к фигуре бытового помощника. Он включен в юридически значимые действия, представляет интересы подопечного в судах, органах власти, имущественных отношениях. Здесь важно и другое: автор проводит четкое различие между опекой и попечительством, не смешивая полное замещение дееспособности с формой содействия в осуществлении прав. «Для теоретической главы такой материал особенно полезен, поскольку создает базу, без которой трудно объяснить, почему процессуальные ошибки представителя так болезненно отражаются на положении подопечного» [5].

При этом одной общей дефиниции явно недостаточно. В реальной судебной практике вопрос почти никогда не упирается только в правильное определение понятий. Гораздо важнее, как именно работает фигура законного представителя в споре о месте жительства ребенка, порядке общения, распоряжении имуществом, взыскании задолженности, защите жилищных прав. Здесь заметно, что формальная конструкция представительства не всегда совпадает с интересом лица, которое подлежит защите. И именно в этой точке статья Р.Р. Долженко, О.В. Дулепиной и А.И. Шумилова выглядит особенно содержательной. Авторы исходят из очевидного положения о том, что родители выступают законными представителями детей, но не останавливаются на этом. Они сразу ставят неудобный, но принципиальный вопрос: всегда ли наличие родства означает добросовестное и приоритетное представление интересов ребенка? Практика убеждает в обратном. «В имущественных и семейных конфликтах родители нередко защищают не ребенка, а собственную позицию» [2].

Именно этот вывод представляется одним из самых сильных во всем массиве рассмотренных работ. В научных текстах на семейно-правовую тему довольно часто встречается излишне мягкая риторика, когда семья по умолчанию описывается как пространство естественной защиты прав ребенка. В действительности спорные дела показывают другую картину. При разделе имущества ребенок может рассматриваться как дополнительный аргумент, при споре о порядке общения он иногда превращается в инструмент давления на другого родителя, а при жилищном конфликте интерес несовершеннолетнего легко отодвигается на второй план. Долженко, Дулепина и Шумилов ценны именно тем, что не маскируют эту проблему. Более того, они связывают ее с пассивностью органов опеки и с общей слабостью правового просвещения несовершеннолетних. Такой ход мысли выглядит убедительно. «Когда уязвимая сторона зависит от взрослых участников конфликта, нейтральный и активный публичный защитник становится не дополнительной гарантией, а необходимым элементом всей конструкции» [2].

На этом фоне особенно весомо выглядит статья А.А. Капитоновой. Если у предыдущих авторов акцент сделан на природе представительства и конфликте интересов, то здесь фокус смещен на качество участия органов опеки в гражданском процессе. Именно этот материал наиболее явно показывает разрыв между нормативной моделью и реальной судебной повседневностью. Автор описывает ситуации, когда представители органов опеки не являются в заседания, просят рассмотреть спор без их участия, дают поверхностные заключения или ограничиваются общими формулировками без должного анализа обстоятельств дела. Такой подход нельзя считать частной технической недоработкой. Фактически речь идет о

деформации самой логики процесса. Суд получает обязанность защищать ребенка, но не всегда получает сильную и предметную позицию органа, который специально создан для представления интересов несовершеннолетнего [1].

В этом месте возникает важный практический вывод. Заключение органа опеки не является решающим доказательством и не связывает суд. Формально это правильно: суд не должен передавать функцию оценки доказательств внешнему субъекту. Но слабость такого заключения влечет другой эффект. Она повышает риск того, что суд будет вынужден компенсировать чужую пассивность собственными усилиями. В спорах о месте жительства ребенка, об определении графика общения, о согласовании сделок с имуществом несовершеннолетнего или о разделе жилья это особенно заметно. Чем менее содержателен вывод органа опеки, тем выше вероятность либо затягивания процесса, либо принятия решения на более узкой доказательственной базе. Капитонова точно улавливает этот институциональный перекос. И здесь ее позиция выглядит не просто критической, а практически значимой. Автор показывает, что проблема лежит не в отсутствии полномочий, а в формальном стиле их реализации [1].

Более строгий юридический ракурс предлагает А.Ю. Томилов. Его статья ценна тем, что переносит обсуждение с уровня общих упреков в сторону процессуальной конструкции. Томилов фактически поднимает вопрос о том, насколько последовательно законные представители встроены в гражданский процесс как особые участники. Это уже не разговор об общих целях опеки, а анализ того, кто, в каком объеме и при каких ограничениях вправе совершать процессуальные действия от имени подопечного. Подход заслуживает особого внимания. В делах с участием недееспособных лиц ошибка представителя редко остается чисто формальной. Отказ от иска, заключение мирового соглашения, делегирование ведения дела другому лицу или иное действие без должного контроля способны повлечь прямое ухудшение имущественного и личного положения подопечного. Поэтому идея Томилова о более четкой реакции суда на отсутствие обязательных разрешений органа опеки выглядит не академической деталью, а важной гарантией [3].

Сила этой статьи еще и в том, что она показывает уязвимость модели, основанной только на последующем контроле. Если нарушение обнаруживается уже после вступления решения в силу, восстановление права становится заметно сложнее. Возрастает цена процессуальной ошибки, увеличивается срок защиты, а иногда фактически закрепляется неблагоприятное положение подопечного. В таком контексте превентивный контроль со стороны суда представляется разумным. Не все исследователи в одинаковой степени акцентируют этот аспект, и именно поэтому работа Томилова выделяется на общем фоне. Она заставляет смотреть на опеку не только как на социальный институт, но и как на механизм, который требует точной процессуальной настройки [3].

Еще один значимый слой проблемы раскрывается в статье В.Е. Чаптыковой. В отличие от авторов, сосредоточенных главным образом на суде, она выводит обсуждение на уровень всей системы. Речь идет уже не столько о конкретном заключении органа опеки или отдельном процессуальном действии представителя, сколько о несогласованности нормативного массива и о слабой организационной базе института. Такой взгляд особенно полезен, потому что позволяет увидеть причину многих частных сбоев. Если в законодательстве нет единого подхода к объему полномочий подопечных, к статусу опекунов и попечителей, к разграничению гражданско-правового и семейно-правового регулирования, то правоприменение неизбежно становится дробным и неоднородным. А дальше начинается знакомая цепочка. Один орган толкует норму узко, другой – расширительно, третий вообще исходит из ведомственной практики. В итоге страдает тот, чьи права изначально требовали повышенной защиты [4].

Особенно важным представляется то, что Чаптыкова связывает юридические противоречия с кадровым и управленческим измерением. Такой подход кажется наиболее реалистичным. Нельзя всерьез обсуждать качество защиты несовершеннолетних, если у органов опеки высокая нагрузка, недостаток подготовленных специалистов и слабая внутренняя методическая база. На бумаге полномочия могут быть выписаны достаточно подробно. Но если сотрудник не успевает изучить материалы дела, не владеет уверенно семейным и гражданским правом или формирует заключение по шаблону, результат предсказуем. Возникает имитация участия вместо реальной защиты. В этом смысле организационный фактор в сфере опеки не второстепенен. Напротив, он определяет, насколько жизнеспособны даже хорошие нормы [4].

Сопоставление всех пяти публикаций позволяет сделать более жесткий вывод, чем тот, который обычно формулируется в учебной литературе. Российская модель опеки, попечительства и законного представительства не выглядит нормативно пустой. Проблема в другом: она слишком часто работает как система с избыточной формальной оболочкой и недостаточной глубиной фактической защиты. Теоретическая конструкция выстроена, но практическое содержание постоянно проседает. Алексеева создает добротную понятийную основу. Долженко, Дулепина и Шумилов показывают, что семейный статус не гарантирует добросовестного представительства. Томилов вскрывает процессуальные риски и указывает на необходимость более жестких гарантий. Капитонова демонстрирует реальную пассивность органов опеки в суде. Чаптыкова завершает эту картину системным диагнозом, связывая частные дефекты с общим состоянием регулирования и управления [1–5].

Здесь важно сделать еще одно наблюдение. В центре всех этих работ стоит не абстрактный спор о правовой природе института, а вопрос о качестве защиты слабой стороны. Для взрослого участника гражданского оборота ошибка в процессе нередко означает имущественные потери. Для ребенка или недееспособного лица ошибка представителя может означать значительно больше: потерю стабильной среды проживания, ухудшение режима общения с близкими, ослабление контроля за имуществом, затяжной судебный конфликт, в котором сам подопечный почти не способен влиять на ход дела. Поэтому особая строгость к органам опеки и законным представителям не выглядит избыточной. В данной сфере формализм всегда бьет по наиболее уязвимому участнику. И это, пожалуй, главный вывод, к которому подводит весь рассмотренный круг авторов [1–3].

В итоге можно говорить о достаточно цельной авторской линии, несмотря на различие ракурсов. Все исследователи сходятся в одном: эффективность института определяется не количеством норм и не широтой деклараций, а тем, насколько согласованно действуют законный представитель, орган опеки и суд. Когда хотя бы один из этих элементов работает формально, общий защитный механизм дает сбой. По этой причине дальнейшее развитие института опеки и попечительства должно быть связано не только с уточнением терминов и полномочий, но и с повышением качества заключений, усилением процессуального контроля, сокращением кадровой перегрузки и более требовательным подходом к реальному содержанию представительства. Без этого правовая защита подопечных будет оставаться во многом зависимой от случайного качества конкретного исполнителя, а не от устойчивости самой системы [1, 3, 4].

Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей играет ключевую роль в защите идентичности российского общества и укреплении его социальной стабильности. Эти ценности веками формировались как основа морально-нравственного состояния общества, объединяя народ в условиях исторических, культурных и религиозных изменений [6, с. 112–117].

Список источников

1. Капитонова А.А. Обеспечение и защита прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском процессе // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 9 (119). – С. 21–24.
2. Долженко Р.Р., Дулепина О.В., Шумилов А.И. Некоторые особенности законного представительства в гражданском процессе // Вестник науки. 2023. № 4 (61). Т. 5. – С. 204–209.
3. Томилов А.Ю. Защита интересов недееспособного лица, находящегося под опекой и попечительством, в судебном порядке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31 (169). Право. Вып. 21. – С. 44–47.
4. Чаптыкова В.Е. Опека и попечительство: современные проблемы реализации // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 10-4 (49). – С. 141–144.
5. Алексеева, Р.З. Понятие и сущность опеки и попечительства // Вестник магистратуры. 2024. № 9-1 (156). – С. 17–19.
6. Алексеева М.В., Саидов З.А., Ярычев Н.У. Правовое регулирование вопросов сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации в условиях информационного воздействия // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1(57). – С. 112–117.

УДК 340.12

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Оздамирова Л.М.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных теоретических подходов к пониманию правоприменения как особой формы реализации права. Рассматриваются основные научные позиции, связанные с определением сущности правоприменения, его соотношения с правоприменительным процессом, характеристикой его государственно-властной природы и выявлением признаков акта применения права. Особое внимание уделено взглядам отечественных исследователей, раскрывающих функциональный, институциональный, управленческий и процедурный аспекты правоприменительной деятельности. Показано, что правоприменение занимает особое место в механизме правового регулирования, поскольку обеспечивает переход от абстрактного нормативного предписания к индивидуально-конкретному решению по юридическому делу. Сделан вывод о том, что наиболее продуктивным направлением современной теории выступает комплексный подход, позволяющий рассматривать правоприменение одновременно как форму реализации права, как государственную деятельность и как юридически значимый процесс, завершающийся вынесением индивидуального правового акта.*

Ключевые слова: *правоприменение, применение права, реализация права, правоприменительный процесс, акт применения права, механизм правового регулирования, государственно-властная деятельность, юридическое дело, индивидуальный правовой акт, теория права.*

LAW ENFORCEMENT AS A FORM OF THE IMPLEMENTATION OF LAW: MODERN THEORETICAL APPROACHES

Ozdamirova L.M.,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern theoretical approaches to understanding law enforcement as a special form of the implementation of law. The main scholarly positions related to defining the essence of law enforcement, its correlation with the law enforcement process, the characteristics of its state-power nature, and the identification of the features of the act of application of law are examined. Particular attention is paid to the views of Russian scholars who reveal the functional, institutional, managerial, and procedural aspects of law enforcement activity. It is shown that law enforcement occupies a special place in the mechanism of legal regulation, since it ensures the transition from an abstract normative prescription to an individual and concrete decision in a legal case. It is concluded that the most productive direction of modern theory is a comprehensive approach allowing law enforcement to be considered simultaneously as a form of implementation of law, as a type of state activity, and as a legally significant process ending with the issuance of an individual legal act.*

Keywords: *law enforcement, application of law, implementation of law, law enforcement process, act of application of law, mechanism of legal regulation, state-power activity, legal case, individual legal act, theory of law.*

Проблема реализации правовых норм занимает центральное место в механизме правового регулирования, поскольку именно через претворение юридических предписаний в фактическое поведение субъектов право достигает своих социальных целей. Среди различных способов осуществления права особое положение занимает правоприменение, которое традиционно рассматривается в юридической науке как специфическая форма, сочетающая в себе властно-организующий характер и строгую процессуальную регламентацию. Актуальность теоретического осмысления данной категории обусловлена не только её фундаментальным значением для общей теории государства и права, но и практической потребностью в чётком разграничении сфер, где субъекты могут самостоятельно реализовывать свои права и обязанности, и тех областей общественных отношений, где необходимо властное вмешательство компетентных органов. В современной отечественной юриспруденции накоплен значительный массив научных работ, посвящённых сущности, признакам и стадиям правоприменения, однако единообразие в понимании данной правовой категории до сих пор не достигнуто, что делает сравнительный анализ существующих подходов важной теоретико-методологической задачей.

Одним из дискуссионных аспектов остаётся соотношение понятий «применение права», «правоприменение» и «правоприменительный процесс». В исследовании Е.М. Котляр предпринята попытка терминологического упорядочения, и автор приходит к выводу, что *«применение права и правоприменение как юридические категории должны рассматриваться как синонимы. Однако применение права и правоприменительный процесс не совсем тождественные правовые категории, поскольку применение права является особой формой реализации права, а правоприменительный процесс выступает нормативно урегулированным порядком совершения тех или иных субъектов правоприменительной деятельности»* [1]. Данное утверждение фиксирует принципиально важное разграничение: правоприменение как форма реализации права представляет собой содержательную характеристику деятельности, в то время как правоприменительный процесс относится к её процедурной, внешней стороне. Такой подход позволяет избежать смешения сущности явления с его процессуальным оформлением, что нередко встречается в учебной и научной литературе. Позиция автора, таким образом, направлена на достижение терминологической чёткости, без которой невозможно продуктивное развитие теории правоприменения.

Если работа Е.М. Котляр сосредоточена на понятийной дифференциации, то исследование А.П. Видманкина предлагает более развёрнутую характеристику сущности правоприменения, объединяющую функциональный и институциональный аспекты. Автор, проанализировав широкий спектр доктринальных источников, формулирует собственную позицию: *«Проанализировав различные подходы к определению понятия правоприменения, полагаем, что данная дефиниция, с одной стороны, выступает как функциональная и представляет собой властную деятельность государства в лице его компетентных органов по разрешению конкретного юридического дела, а с другой – как организационно-правовая форма государственной деятельности, направленная на реализацию правовых предписаний в жизнь»* [2]. В приведённой цитате отчётливо прослеживается стремление автора преодолеть односторонность существующих трактовок. Функциональный подход акцентирует внимание на содержательной стороне правоприменения – разрешении конкретных жизненных ситуаций на основе норм права. Организационно-правовой подход, в свою очередь, подчёркивает институциональную природу данной деятельности, её встроенность в систему государственного управления. Синтез этих двух ракурсов, предложенный А.П. Видманкиным, позволяет охватить правоприменение во всей его полноте – и как динамический процесс, и как статическую форму государственной активности.

Конкретизация властной природы правоприменения находит отражение в работе Г.Б. Максимова, где данная форма реализации права характеризуется с точки зрения её субъектного состава и целевой направленности. Исследователь определяет правоприменение следующим образом: *«Особой формой реализации права, сочетающей в себе черты непосредственных форм реализации права, является его применение, то есть властная,*

управляющая деятельность компетентных государственных органов и органов местного самоуправления по вынесению решений индивидуально-конкретного характера, осуществляемая в строго установленных законом формах» [3]. Анализ данного определения позволяет выделить несколько ключевых аспектов авторской позиции. Во-первых, подчёркивается сочетание в правоприменении черт непосредственных форм реализации – использования, исполнения и соблюдения. Это указывает на комплексный характер правоприменительной деятельности, которая не существует изолированно, а взаимодействует с иными способами осуществления права. Во-вторых, Г.Б. Максимов делает акцент на управленческой, организующей роли правоприменения, что выводит его за рамки сугубо юрисдикционной сферы и распространяет на широкий круг административных и регулятивных отношений. В-третьих, автор настаивает на строгой процессуальной урегулированности данной деятельности, что служит гарантией законности и защиты прав участников правоприменительных отношений.

В работе Э.Р. Черновой и С.Л. Ямщиковой представлен более лаконичный, но не менее содержательный взгляд на сущность правоприменения. Авторы формулируют его как *«всегда действие, акт поведения управомоченного лица, государственного органа, направленный на реализацию нормы права»* [4]. Несмотря на кажущуюся простоту данного определения, в нём заложен глубокий теоретический смысл. Во-первых, акцентируется деятельностный, поведенческий аспект правоприменения, что позволяет отграничить его от статичных состояний или мыслительных процессов. Правоприменение всегда выражается вовне в виде конкретных актов поведения. Во-вторых, подчёркивается, что данное действие совершается только управомоченным лицом или органом, то есть субъектом, наделённым соответствующей компетенцией. Тем самым из сферы правоприменения исключаются действия частных лиц, даже если они фактически способствуют реализации правовых норм. В-третьих, указание на направленность действия на реализацию нормы права фиксирует целевую ориентацию правоприменения, его служебную роль по отношению к объективному праву. Позиция авторов, таким образом, акцентирует волевой и целенаправленный характер правоприменительной деятельности, что имеет важное значение для понимания её места в механизме правового регулирования.

Логическим завершением теоретического анализа правоприменения выступает обращение к его итоговому результату – акту применения права. В исследовании В.А. Васильева данная категория подвергается детальной проработке, и автор предлагает развёрнутое определение, интегрирующее многочисленные признаки правоприменительного акта. Согласно его позиции, *«актом применения права можно считать правовой акт, содержащий индивидуальное властное предписание, исходящий от компетентных органов и уполномоченных должностных лиц, совершенный по конкретному юридическому делу (официально оформляющий и закрепляющий решение по конкретному делу), принятый на основе нормативно-правового акта, опирающийся на конкретную норму (нормы) права, в установленной законом форме, в соответствии с закрепленной в нормативных актах процедурой, направленный на реализацию требований юридических норм, непосредственно влекущий юридические последствия, охраняемый принудительной силой государства»* [5]. В приведённой цитате сконцентрированы практически все сущностные характеристики правоприменительного акта: его индивидуальный, властный, подзаконный, процедурный и правореализующий характер. Особого внимания заслуживает указание на то, что акт применения права непосредственно влечёт юридические последствия, выступая юридическим фактом, изменяющим правовое положение конкретных субъектов. Кроме того, В.А. Васильев подчёркивает охранительную функцию государства, обеспечивающего исполнение правоприменительного акта мерами принуждения. Такой комплексный подход позволяет рассматривать акт применения права не просто как документ, а как центральное звено, в котором фокусируется вся предшествующая правоприменительная деятельность и из которого развёртываются последующие правоотношения.

Сравнительный анализ представленных авторских позиций обнаруживает как общие концептуальные основания, так и индивидуальные акценты, отражающие многогранность исследуемого феномена. Е.М. Котляр фокусируется на терминологической строгости, предлагая различать правоприменение как форму и процессуальный порядок его осуществления. А.П. Видманкин стремится к синтезу функционального и институционального подходов, что позволяет преодолеть односторонность многих существующих определений. Г.Б. Максимов акцентирует управленческую, властно-организующую природу правоприменения и его комплексный характер, сочетающий элементы иных форм реализации права. Э.Р. Чернова и С.Л. Ямщикова придерживаются лаконичного, но ёмкого определения, подчёркивающего деятельностную природу правоприменения. Наконец, В.А. Васильев предлагает детализированную характеристику акта применения права, интегрируя в едином определении весь спектр его юридических свойств. Несмотря на различия в формулировках, все авторы едины в признании правоприменения особой, специфической формой реализации права, отличной от непосредственных форм и характеризующейся властным характером, строгой процедурностью и индивидуальной направленностью.

Правовая культура в эпоху цифровых технологий подвергается значительным изменениям, что актуализирует необходимость глубокого понимания её теоретических аспектов. Под правовой культурой авторы понимают нравственные, идеологические, психологические и профессиональные установки, ориентации и нормы, которые отражают отношение общества и индивида к праву и правоприменению и включают в себя знание правовых норм, понимание их значимости в жизни общества и осознание необходимости их соблюдения и применения [6, с. 131–137].

Подводя итог проведённому анализу, можно сформулировать несколько обобщающих выводов. Во-первых, в современной российской юридической науке отсутствует единое, общепризнанное определение правоприменения, что обусловлено сложностью и многоаспектностью данного правового явления. Тем не менее, в доктрине сложился устойчивый консенсус относительно ключевых признаков правоприменения: государственно-властный характер, осуществление компетентными органами и должностными лицами в установленных процессуальных формах, направленность на разрешение конкретных юридических дел и вынесение индивидуальных правовых актов. Во-вторых, важным достижением теоретической мысли следует признать разграничение правоприменения как формы реализации права и правоприменительного процесса как процедурного порядка его осуществления, что способствует терминологической ясности и предотвращает смешение содержательных и формальных аспектов. В-третьих, анализ акта применения права как итогового результата правоприменительной деятельности демонстрирует его центральную роль в механизме правового регулирования: именно через правоприменительный акт абстрактные нормативные предписания трансформируются в конкретные права и обязанности индивидуально определённых субъектов. Дальнейшее развитие теории правоприменения видится в углублении межотраслевых исследований, изучении особенностей правоприменительной деятельности в различных сферах правового регулирования, а также в разработке практических рекомендаций по повышению эффективности и качества правоприменительных актов.

Список источников

1. Котляр Е.М. Понятие правоприменения как особой формы реализации права // Вопросы студенческой науки. 2020. № 9 (49). – С. 141–144.
2. Видманкин А. П. К вопросу о понятии и юридических свойствах правоприменения как особой формы реализации права // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 1 (27). – С. 88–91.
3. Максимов Г.Б. Применение права – особая форма реализации права // Право и практика. Б. г. – С. 46–52.
4. Чернова Э.Р., Ямщикова С.Л. К вопросу о применении права как одной из форм реализации права // Сборник научных трудов. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ. – С. 273–276.
5. Васильев В.А. Применение права как особая форма его реализации // Научный вестник Крыма. 2020. № 6 (29). – С. 1–15.
6. Гасанов И.Г. Правовая культура в эпоху цифровых технологий: теоретические аспекты формирования и развития // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 131–137.

УДК 340.114

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ ВОСПИТАНИЮ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Оздамирова Л.М.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных подходов к правовому воспитанию в контексте развития правового государства и трансформации механизмов формирования правосознания. Рассматриваются основные теоретические модели правового воспитания, его понятийные основания, формы, методы и средства реализации. Особое внимание уделено позициям отечественных исследователей, раскрывающих роль правосознания, правовой культуры, проектных и интерактивных технологий, а также институционального взаимодействия государства и гражданского общества в правовоспитательной деятельности. Показано, что современное правовое воспитание все в меньшей степени сводится к передаче нормативной информации и все в большей степени ориентируется на формирование внутренней правовой мотивации, устойчивых ценностных установок и способности личности к самостоятельному правомерному поведению. Сделан вывод о том, что наиболее продуктивной моделью правового воспитания выступает комплексный междисциплинарный подход, сочетающий юридические, педагогические, психологические и социокультурные механизмы воздействия.*
Ключевые слова: *правовое воспитание, правосознание, правовая культура, формы правового воспитания, методы правового воспитания, правовое обучение, интерактивные технологии, проектный метод, самовоспитание, правомерное поведение.*

MODERN APPROACHES TO LEGAL EDUCATION: THEORETICAL MODELS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

Ozdamirova L.M.,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern approaches to legal education in the context of the development of the rule-of-law state and the transformation of mechanisms for shaping legal consciousness. The main theoretical models of legal education, its conceptual foundations, forms, methods, and means of implementation are examined. Particular attention is paid to the positions of Russian scholars who reveal the role of legal consciousness, legal culture, project-based and interactive technologies, as well as the institutional interaction of the state and civil society in legal educational activity. It is shown that modern legal education is increasingly moving away from the mere transmission of normative information and is becoming more focused on the formation of internal legal motivation, stable value orientations, and an individual's ability for independent lawful behavior. It is concluded that the most productive model of legal education is a comprehensive interdisciplinary approach combining legal, pedagogical, psychological, and sociocultural mechanisms of influence.*
Keywords: *legal education, legal consciousness, legal culture, forms of legal education, methods of legal education, legal training, interactive technologies, project method, self-education, lawful behavior.*

В условиях продолжающегося строительства правового государства в Российской Федерации проблема формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры

населения приобретает статус одной из наиболее значимых государственных задач. Многообразие социальных, экономических и информационных вызовов современности обусловливает необходимость постоянного пересмотра как содержания, так и методов правовоспитательной деятельности. Юридическая наука и педагогическая практика накопили значительный объем теоретических разработок и эмпирических данных, позволяющих систематизировать существующие подходы к пониманию сущности, форм и средств правового воспитания. Анализ публикаций последних лет, посвященных данной проблематике, демонстрирует отчетливую тенденцию к смещению акцентов с пассивной трансляции нормативного материала на активное вовлечение личности в процесс освоения правовых ценностей через интерактивные и проектные технологии. Рассмотрение позиций ряда отечественных исследователей дает возможность проследить эволюцию научных представлений о механизмах воздействия на правосознание различных категорий населения и выявить наиболее перспективные направления дальнейшей работы.

Теоретико-методологическим фундаментом для любого исследования в области правового воспитания выступает четкое определение базовых категорий, среди которых центральное место занимает понятие правосознания. Обращаясь к работе Е. А. Сунцова, посвященной актуальным проблемам воспитания правовой культуры молодежи, можно зафиксировать классическое, устоявшееся в отечественной теории государства и права определение, которое автор приводит со ссылкой на труды С.А. Комарова: *«Правосознание – это форма общественного сознания, система понятий, представлений и идей о должном порядке правового регулирования общественной жизни»* [1, с. 326]. Выбор данной дефиниции в качестве отправной точки не случаен. Она отражает традиционный для российской юриспруденции подход, согласно которому правосознание рассматривается не просто как совокупность знаний о конкретных нормах, а как целостная система представлений о должном, идеальном состоянии правопорядка. Автор статьи акцентирует внимание на структурном делении правосознания на общественное, групповое и индивидуальное, подчеркивая, что именно на индивидуальном уровне происходит согласование конкретной деятельности индивида с эмпирическими нормами правового поведения. Позиция Е.А. Сунцова заключается в том, что формирование правовой культуры молодежи невозможно без целенаправленного воздействия на все три уровня, причем особое значение приобретает противодействие правовому нигилизму, который признается им характерной чертой современного российского общества. В этом контексте правовое воспитание предстает не как самоцель, а как необходимый инструмент социализации личности, обеспечивающий выработку устойчивых ценностно-нормативных моделей поведения.

Если работа Е.А. Сунцова закладывает понятийный базис, то исследование З.В. Бочкаревой переводит разговор в сугубо методическую плоскость, предлагая конкретные педагогические технологии, отвечающие вызовам времени. Автор фиксирует качественные изменения в психологии современных школьников и подростков, которые делают традиционные лекционно-семинарские формы малоэффективными. В качестве альтернативы выдвигается проектный метод, сущность которого раскрывается с опорой на педагогические идеи Джона Дьюи. Как отмечает З. В. Бочкарева, *«проектный метод представляет собой такой способ обучения, который, по словам Дж. Дьюи, можно охарактеризовать как „обучение через делание“, когда учащийся самым непосредственным образом включен в активный познавательный процесс, самостоятельно формирует учебную проблему, осуществляет сбор необходимой информации, планирует возможные варианты решения проблемы, делает выводы, анализирует свою деятельность, формируя „по кирпичикам“ новое знание и приобретая новый учебный и жизненный опыт»* [2]. Анализ данной цитаты позволяет выявить принципиальную авторскую установку: правовое воспитание не может быть сведено к механическому запоминанию статей закона. З.В. Бочкарева настаивает на необходимости создания условий для самостоятельного поиска смысла, для проживания и переживания правовых ситуаций в рамках учебного процесса. Именно такой подход, по ее мнению, способен преодолеть разрыв между декларируемыми знаниями и реальным

поведением подростка. Дополнительную глубину работе придает обращение к таким нетривиальным для юридической педагогики категориям, как фасилитация и фасцинация. Фасилитация трактуется как искусство педагога создавать благоприятную психологическую среду для самоактуализации воспитанника, в то время как фасцинация рассматривается в качестве инструмента эмоционального воздействия, способного «пробить» защитные фильтры сознания и вызвать непосредственный интерес к правовой материи. Таким образом, позиция З.В. Бочкаревой может быть охарактеризована как последовательная ориентация на субъект-субъектную педагогику, где правовое знание не транслируется сверху вниз, а добывается самим обучающимся в процессе активного взаимодействия с учебной средой.

Расширение методического инструментария правового воспитания требует одновременного уточнения его институциональных и содержательных границ. Эту задачу решает в своей публикации О.В. Богданова, предлагая авторскую дефиницию, которая интегрирует усилия государства и структур гражданского общества. Исследователь формулирует следующее определение: *«Правовое воспитание – это целенаправленный процесс воздействия на сознание людей государственных структур и институтов гражданского общества с целью формирования правовой культуры, основанной на приоритете ценностей правомерного поведения»* [3]. В приведенной цитате важно подчеркнуть два концептуальных момента. Во-первых, О.В. Богданова разграничивает широкое «правовое воздействие» (которое может быть стихийным и разнонаправленным) и собственно «правовое воспитание» как планомерную, управляемую деятельность конкретных субъектов. Во-вторых, автор намеренно включает в число таких субъектов не только государственные структуры, но и институты гражданского общества, что отражает современные реалии, закрепленные в «Основах государственной политики в сфере правовой грамотности и правосознания граждан». Позиция автора проявляется в критическом осмыслении существующей терминологической путаницы, когда формы, средства и методы правового воспитания неоправданно смешиваются. О.В. Богданова настаивает на необходимости четкой категориальной сетки, что имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение при разработке образовательных программ и оценке эффективности правовоспитательных мероприятий. Особое внимание в работе уделяется анализу такой формы, как юридические клиники, действующие на базе высших учебных заведений. Автор оценивает их не только как средство получения студентами практических навыков, но и как важный канал бесплатной юридической помощи населению, способствующий повышению общего уровня правовой грамотности и, как следствие, правовой культуры.

Применение общих теоретических схем к конкретным социальным группам требует неизбежной адаптации методик с учетом специфики аудитории. В этом отношении значительный интерес представляет исследование А.Ч. Кодоевой, посвященное формам и методам организации правового воспитания курсантов образовательных организаций системы МВД России. Автор констатирует наличие серьезных барьеров в восприятии правовой информации современными молодыми людьми, к числу которых относятся клиповость мышления, падение речевой культуры и предпочтение виртуального общения живому диалогу. В ответ на эти вызовы А.Ч. Кодоева обосновывает необходимость перехода к интерактивным формам обучения, подчеркивая: *«В последнее время интерес педагогов направлен на освоение активных и интерактивных форм и методов обучения, основанных на деятельностных и диалоговых (внутри- и межгрупповых) формах познания. Сейчас уже для теоретиков и практиков образования очевидно, что главными факторами развития личности являются предметно-практическая деятельность и взаимодействие между людьми»* [4]. Данный тезис раскрывает принципиальную методологическую установку автора: правовое воспитание будущих сотрудников правоохранительных органов не может ограничиваться изучением нормативных актов в отрыве от моделирования реальных ситуаций профессиональной деятельности. А.Ч. Кодоева подробно анализирует арсенал интерактивных методик – от дискуссий и мозговых штурмов до ролевых и деловых игр, кейс-стади и коучинга. При этом подчеркивается, что выбор конкретного метода должен определяться не

только педагогическими задачами, но и результатами психологического анализа группы. Позиция автора заключается в том, что именно интерактивное обучение, воссоздающее в учебной аудитории элементы будущей служебной среды, способно преодолеть инфантилизм и правовой нигилизм курсантов, сформировав у них устойчивую внутреннюю мотивацию к правомерному поведению не за страх, а за совесть.

Логическим завершением обзора существующих теоретических подходов выступает работа О.В. Адаевой, в которой предпринята попытка систематизации форм правового воспитания и их отграничения от смежных категорий. Автор проводит скрупулезный анализ доктринальных источников и констатирует, что в юридической литературе отсутствует единство мнений по данному вопросу. Критическому разбору подвергаются позиции тех ученых, которые относят к формам правового воспитания средства массовой информации, произведения литературы или компьютерные правовые базы. По мнению О.В. Адаевой, такие элементы являются не формами, а средствами осуществления правовоспитательной деятельности. В качестве итога собственного анализа автор формулирует следующее положение: *«Механизм правового воспитания представлен основными его формами – конкретными способами организации воспитательного процесса. В юридической доктрине выделяются следующие формы правового воспитания: правовое обучение, правовая пропаганда, юридическая практика и повседневный опыт, самовоспитание»* [5]. Ценность данного вывода состоит в его системности и практической ориентированности. О.В. Адаева не просто перечисляет формы, но и выстраивает их иерархию, отмечая, что правовое обучение выступает в качестве базовой, обязательной формы, на которой надстраиваются все остальные. Особо подчеркивается роль самовоспитания как интегрирующей формы, без которой любые внешние воздействия рискуют остаться невостребованными. Позиция автора отличается взвешенностью и стремлением к терминологической чистоте, что особенно важно для дальнейшего развития теории правового воспитания и ее применения в законотворческой и правоприменительной практике.

Правовая культура в эпоху цифровых технологий подвергается значительным изменениям, что актуализирует необходимость глубокого понимания её теоретических аспектов. Под правовой культурой авторами понимаются нравственные, идеологические, психологические и профессиональные установки, ориентации и нормы, которые отражают отношение общества и индивида к праву и правоприменению и включают в себя знание правовых норм, понимание их значимости в жизни общества и осознание необходимости их соблюдения и применения [6, с. 131–137].

Подводя итог анализу рассмотренных публикаций, можно сформулировать несколько принципиальных выводов, характеризующих современное состояние научной разработки проблем правового воспитания в России. Во-первых, налицо консенсус относительно того, что правовое воспитание является не изолированным педагогическим процессом, а сложным социально-правовым феноменом, требующим комплексного междисциплинарного подхода. Исследования Е.А. Сунцова и О.В. Богдановой закладывают теоретический фундамент, определяя базовые понятия и разграничивая сферы ответственности государства и гражданского общества. Во-вторых, анализ методических работ З.В. Бочкаревой и А.Ч. Кодоевой демонстрирует решительный поворот от авторитарной педагогики к личностно ориентированным технологиям. Проектный метод, фасилитация, интерактивные игры и тренинги рассматриваются сегодня не как факультативные дополнения, а как магистральный путь повышения эффективности правового воспитания в условиях изменившейся психологии обучающихся. В-третьих, работа О.В. Адаевой актуализирует проблему понятийной определенности, напоминая о необходимости строгого разграничения форм, средств и методов. Без такой теоретической дисциплины любые практические рекомендации рискуют оказаться эклектичными и трудно воспроизводимыми. Наконец, выраженная позиция всех авторов сводится к единому знаменателю: цель правового воспитания заключается не в формальном знании законов, а в формировании внутренней убежденности в ценности права и готовности действовать в соответствии с его предписаниями в любой жизненной ситуации.

Дальнейшее развитие данного научного направления видится в углублении междисциплинарных связей юриспруденции с педагогикой, психологией и социологией, а также в накоплении эмпирических данных о результативности тех или иных инновационных методик в различных социальных и возрастных группах.

Список источников

1. Комаров С.А. Общая теория государства и права. – М., 1998. – С. 326. (Цит. по: Сунцов Е. А. Актуальные проблемы воспитания правовой культуры молодежи).
2. Бочкарева З.В. Методика правового воспитания школьников // Юридические науки. Б. г. – С. 2.
3. Богданова О.В. Правовое воспитание: основные подходы к трактовке и реализация некоторых форм // Б. изд. 2014. – С. 3.
4. Кодоева А.Ч. Формы и методы организации правового воспитания курсантов в учебной и во внеаудиторной деятельности // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). – С. 2.
5. Адаева О.В. Основные формы правового воспитания в современной России: теоретические и практические аспекты // Б. изд. Б. г. – С. 1.
6. Гасанов И.Г. Правовая культура в эпоху цифровых технологий: теоретические аспекты формирования и развития // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2(58). – С. 131–137.

УДК 340.11:004.8

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Расумов Ю.Ш.,
доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Хаджиев У.К.,
старший преподаватель кафедры таможенного дела
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению современных подходов к использованию информационных технологий в юридической сфере. В центре внимания находятся вопросы цифровизации профессиональной деятельности юриста, внедрения систем поддержки принятия решений, изменения судебных процедур, развития Legal Tech и применения больших языковых моделей в правовой работе. Показано, что цифровые инструменты затрагивают не только организацию юридических процессов, но и более глубокие основания правовой деятельности, включая профессиональную ответственность, доверие, процессуальные гарантии и требования юридической этики. Отдельный акцент сделан на проблемах алгоритмической прозрачности, защите персональных данных, рисках формализованного правосудия и допустимых границах использования искусственного интеллекта в консультативной и правоприменительной практике. В результате обосновывается вывод о том, что цифровые технологии должны усиливать юридическую работу, а не подменять профессиональное правовое суждение. Наиболее обоснованной представляется модель ограниченной и контролируемой цифровизации, при которой технологическая эффективность сочетается с требованиями справедливости, объяснимости и юридической ответственности.*

Ключевые слова: *информационные технологии, юриспруденция, цифровизация права, искусственный интеллект, Legal Tech, цифровое правосудие, системы поддержки принятия решений, большие языковые модели, юридическая этика, правоприменение.*

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL ACTIVITY AND THE LIMITS OF APPLYING INFORMATION TECHNOLOGIES IN JURISPRUDENCE

Rasumov Yu.Sh.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University
Khadzhiev U.K.,
Senior Lecturer at the Department of Customs Affairs
Millionshchikov Grozny State Petroleum Technical University

Abstract. *The article examines modern approaches to the use of information technologies in the legal sphere. The focus is placed on the digitalization of legal professional activity, the introduction of decision support systems, the transformation of judicial procedures, the development of Legal Tech, and the use of large language models in legal practice. It is shown that digital tools affect not only the organization of legal processes, but also the deeper foundations of legal activity, including professional responsibility, trust, procedural guarantees, and the requirements of legal ethics. Particular attention is paid to the issues of algorithmic transparency, personal data protection, the risks of overly formalized justice, and the permissible limits of using artificial intelligence in advisory and law enforcement practice. As a result, the article substantiates the conclusion that digital*

technologies should strengthen legal work rather than replace professional legal judgment. The most justified model is that of limited and controlled digitalization, in which technological efficiency is combined with the requirements of fairness, explainability, and legal responsibility.
Keywords: *information technologies, jurisprudence, digitalization of law, artificial intelligence, Legal Tech, digital justice, decision support systems, large language models, legal ethics, law enforcement.*

Современное развитие информационных технологий меняет не только техническую сторону юридической практики, но и само представление о работе юриста. Цифровые инструменты уже трудно считать внешним вспомогательным ресурсом. Они входят в правоприменение, юридическое консультирование, судебную деятельность и обработку правовой информации. По этой причине научная литература все чаще рассматривает цифровизацию юриспруденции не как временный тренд, а как устойчивое направление правового анализа.

В статье Е.Л. Власовой и Е.Н. Каниной цифровизация раскрывается через практический критерий. Авторы указывают, что «цифровизация юриспруденции предполагает использование цифровых инструментов для автоматизации бизнес-процессов в юридической сфере» [Власова, Канина, 2025, с. 280]. Ценность такого определения – в его предметности. Оно сразу связывает цифровизацию не с абстрактными рассуждениями, а с изменением реальных рабочих процедур. При этом авторы не ограничиваются описанием очевидных плюсов. Их подход заметно сдержаннее. Наряду с ростом доступности юридической помощи, ускорением документооборота и расширением дистанционных сервисов они фиксируют и риски. Речь идет об угрозе шаблонного правосудия, цифровом неравенстве и проблеме распределения ответственности за ошибки алгоритмических систем. Смысл их позиции сводится к следующему: технологии полезны, но не должны подменять юридическое суждение скоростью обработки данных.

Такой подход выглядит обоснованным. Власова и Канина, по сути, отстаивают модель ограниченной технологизации права. Они не отрицают эффективность цифровых решений, но напоминают, что юридическая деятельность не сводится к механической обработке информации. Особенно отчетливо это проявляется в судебной сфере, где решение зависит не только от алгоритма, но и от оценки обстоятельств, доводов и поведения участников процесса. По этой причине их статья важна именно как попытка удержать баланс между технологическим оптимизмом и профессиональной осторожностью.

А.В. Чудесенко расставляет акценты иначе. В его работе подчеркивается, что «в настоящее время наблюдается заметный рост интереса к использованию информационных технологий в юридической деятельности» [Чудесенко, 2025, с. 64]. Формально это лишь констатация, но в логике статьи она означает более глубокий сдвиг. Автор показывает, что речь идет уже не о точечном применении отдельных сервисов, а о перестройке профессиональной среды, где Legal Tech, машиночитаемое право, автоматизированный анализ документов и цифровая инфраструктура становятся частью обычной юридической практики.

Подход Чудесенко более конструктивен и в большей степени ориентирован на технологическое обновление. Автор связывает модернизацию юридической деятельности с возможностью повысить качество услуг, ускорить обработку информации и усилить защиту данных. Вместе с тем статья не сводится к однозначно позитивной оценке. В ней обозначены риски недостоверной информации, вторжения в частную сферу, роста киберугроз и уязвимости крупных массивов данных. Особенно значим вывод о том, что цифровая трансформация требует не только внедрения технологий, но и обновления образовательных и научных программ, а также более точной правовой регламентации. Благодаря этому статья выходит за пределы описания и предлагает более институциональное понимание проблемы.

На этом фоне работа А.Ю. Кузьмина, О.О. Гофман и С.В. Ковальчука выделяется прежде всего своей методологией. Авторы прямо отмечают, что «область юриспруденции

остается одной из наиболее сложных для их внедрения» [Кузьмин, Гофман, Ковальчук, 2025, с. 106]. Под этим имеются в виду системы поддержки принятия решений на базе искусственного интеллекта. Значение статьи состоит в том, что она переносит обсуждение из общей темы цифровизации в более точную плоскость взаимодействия юриста и интеллектуальной системы. В центре внимания оказывается не только технический потенциал алгоритма, но и вопрос доверия к нему.

Такой ракурс особенно важен. Долгое время в юридической науке цифровизация обсуждалась главным образом в нормативном и организационном измерении. Кузьмин с соавторами показывают, что без анализа пользовательского доверия внедрение ИИ остается поверхностным. Опора на экспертную фокус-группу позволяет увидеть реальные ожидания и опасения профессиональной среды. Авторы приходят к выводу, что решающее значение имеют уровень подготовки пользователя, его когнитивный стиль, степень доверия к системе и понятность алгоритмического вывода. Из этого следует важная мысль: в юридической сфере нельзя просто ввести интеллектуальную систему и рассчитывать на автоматический рост качества решений. Ее нужно соотносить с профессиональной логикой пользователя и с его способностью понять основания предложенного вывода.

Именно здесь выявляется одно из ключевых противоречий современной цифровой юриспруденции. Юристу нужна не только скорость, но и объяснимость. Если технология ускоряет поиск решения, но не позволяет проверить, на чем это решение основано, она перестает быть надежным помощником и превращается в источник нового риска. В этом смысле статья Кузьмина, Гофман и Ковальчука особенно значима, поскольку показывает, что доверие к ИИ в юридической деятельности должно строиться не на вере в технологию, а на возможности ее контроля человеком.

Процессуальный аспект цифровизации последовательно раскрыт в статье Ю.А. Вирич и И.Н. Иваненко. Авторы указывают, что «цифровизация судебной системы представляет собой значительный шаг на пути к повышению эффективности, доступности и прозрачности правосудия» [Вирич, Иваненко, с. 59]. Эта формула задает общий тон работы. Цифровые технологии в судопроизводстве рассматриваются как средство повышения доступности правосудия, ускорения процедур и сближения судебной практики. Но сразу вслед за этим авторы переходят к анализу ограничений и проблем.

Сильная сторона статьи состоит в том, что она показывает цену цифровизации правосудия. Электронный документооборот, удаленный доступ, цифровые доказательства и видеоконференцсвязь действительно расширяют процессуальные возможности. Но одновременно меняется содержание таких принципов, как гласность, непосредственность и устность. Авторы обоснованно ставят вопросы о защите персональных данных, надежности технической инфраструктуры и сохранении процессуальных гарантий. За этим стоит важный вывод: само по себе техническое обновление суда не означает автоматического усиления правосудия. Без точной нормативной настройки цифровая форма может ослабить как раз те принципы, которые она должна поддерживать.

Этическое измерение наиболее последовательно раскрыто в статье О.В. Лукиной. Автор отмечает, что «одними из актуальных вопросов являются этические аспекты применения больших языковых моделей в юридической деятельности» [Лукина, 2025, с. 132]. В этой формулировке сосредоточен главный смысл работы. Если одни авторы говорят о плюсах и рисках цифровизации в целом, а другие анализируют доверие к системам поддержки решений, то Лукина ставит вопрос более жестко. Можно ли использовать большие языковые модели в юридической работе, если они способны генерировать недостоверные сведения, галлюцинации и искаженные выводы?

Позиция автора выглядит рациональной и взвешенной. Лукина не отвергает ИИ и не склонна его идеализировать. Она показывает, что генеративные модели действительно расширяют возможности поиска, анализа и подготовки правовых материалов. Но вместе с тем они порождают новые угрозы для точности, справедливости и профессиональной репутации. Особенно важны ее выводы о прозрачности, ответственности, недискриминации и необходимости постоянного контроля со стороны человека. Работа ценна тем, что вводит в обсуждение цифровизации этический фильтр. Для юридической деятельности это принципиально, поскольку ошибка здесь затрагивает не только информацию, но и права, свободы и судьбы людей.

Сопоставление этих статей показывает, что современные исследования информационных технологий в юриспруденции постепенно отходят от простого перечисления цифровых новшеств.

В центре внимания уже не сами инструменты, а условия их допустимого и полезного применения. Один автор выделяет организационные эффекты, другой говорит о модернизации профессии, третий изучает доверие к ИИ, четвертый анализирует процессуальные изменения, пятый акцентирует этические пределы. Это говорит о том, что тема становится более зрелой и по-настоящему междисциплинарной.

Из этого вытекает и более общий вывод: информационные технологии в юриспруденции нельзя оценивать по упрощенной схеме «полезно или вредно». Для правовой сферы такой подход слишком груб. Главный вопрос состоит в другом: какие именно технологии, в каких сегментах юридической деятельности, при каких гарантиях и в каком объеме способны усиливать качество правовой работы, не разрушая ее профессиональной и ценностной основы. Универсального ответа здесь нет. Автоматизация поиска судебной практики, цифровой документооборот и дистанционный доступ к правосудию связаны с одним уровнем риска. Генеративный ИИ при формировании правовой позиции или аналитической поддержке решения создает уже иной уровень угроз.

По этой причине наиболее обоснованной выглядит модель ограниченной и контролируемой цифровизации. В такой модели технологии усиливают юриста, но не подменяют его. Они ускоряют технические и аналитические операции, но окончательная юридическая оценка остается за человеком. Они способны снизить нагрузку на суд и правоприменителя, но не должны разрушать принципы объяснимости, состязательности и ответственности. При соблюдении этого баланса цифровая трансформация действительно может укрепить юридическую деятельность. При его утрате она начинает производить новые формы формализма, недоверия и профессионального упрощения.

Сегодня в мире происходит стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий. Лица, имеющие доступ к ресурсам информационного пространства, получают информацию, хранят ее, обмениваются ею, пользуются социальными сетями, библиотеками, многочисленными виртуальными ресурсами, презентуют свои проекты, реализуют товары и услуги через сеть Интернет и т. д. [6, с. 131–137].

В итоге анализ рассмотренных публикаций показывает, что цифровая юриспруденция уже оформилась как самостоятельное направление научного поиска. Ее проблематика давно вышла за пределы технического обновления. Речь идет о перестройке юридической профессии, о новом понимании доказательства, консультации, правоприменения и судебного решения. Именно поэтому эта тема приобретает особую значимость. Чем активнее технологии входят в право, тем настойчивее право должно сохранять собственные критерии разумности, справедливости и ответственности. Только при таком условии цифровая модернизация не разрушит юридическую профессию, а станет одной из форм ее развития.

Список источников

1. Власова Е.Л., Канина Е.Н. К вопросу о цифровизации юриспруденции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. – С. 280–282. DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_280.
2. Кузьмин А.Ю., Гофман О.О., Ковальчук С.В. Цифровые технологии поддержки принятия решений в юриспруденции: психологический профиль и доверие пользователей // Управленческое консультирование. 2025. № 5. – С. 106–114. EDN IJDDMP.
3. Лукина О.В. Этика применения больших языковых моделей как современных информационных технологий в юридической деятельности // Clinica Law. 2025. № 1. – С. 131–137. DOI 10.24412/cl-37031-2025-1-131-137.
4. Вирич Ю.А., Иваненко И.Н. Проблемы внедрения цифровых технологий в гражданское, арбитражное и административное судопроизводство // [б. и.]. [б. г.]. – С. 59–68.
5. Чудесенко А.В. Перспективы и проблематика модернизации юридической деятельности в условиях цифровой трансформации // Правовая информатика. 2025. № 1. – С. 63–69. DOI 10.24412/1994-1404-2025-1-63-69.
6. Ахъядов Э.С.-М. Защита информационного пространства мерами уголовно-правового характера // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1(57). – С. 125–131.

УДК 34:004.65

РОЛЬ СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И ЭЛЕКТРОННЫХ БАЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Расумов Ю.Ш.,
доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Хаджиев У.К.,
старший преподаватель кафедры таможенного дела
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»

Аннотация. *Статья рассматривает значение справочно-правовых систем и электронных баз судебной практики в современной юридической работе. В центре внимания находятся возможности «КонсультантПлюс», «Гаранта» и ресурсов поиска судебных актов, включая «СудАкт». Показано, что такие платформы влияют не только на скорость поиска нормативной базы и судебных решений, но и на сам способ юридического анализа, построение аргументации и подготовку правовой позиции. Отдельное внимание уделено достоверности, актуальности и систематизации правовой информации, а также роли цифровых ресурсов в обучении, правоприменении и подготовке документов. Сделан вывод, что справочно-правовые системы и базы судебной практики уже стали обычной частью юридической профессии, однако их использование требует внимательности, развитой информационно-правовой культуры и самостоятельного профессионального суждения.*
Ключевые слова: *справочно-правовые системы, «КонсультантПлюс», «Гарант», «СудАкт», судебная практика, цифровые правовые ресурсы, юридическая деятельность, правовая информация, поиск правовой информации, цифровизация юриспруденции.*

THE ROLE OF LEGAL REFERENCE SYSTEMS AND ELECTRONIC DATABASES OF JUDICIAL PRACTICE IN THE DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY LEGAL ACTIVITY

Khadzhiev U.K.,
Senior Lecturer at the Department of Customs Affairs
Millionshchikov Grozny State Petroleum Technical University
Rasumov Yu.Sh.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article examines the significance of legal reference systems and electronic databases of judicial practice in contemporary legal work. It focuses on the capabilities of ConsultantPlus, Garant, and resources for searching judicial acts, including SudAct. It is shown that such platforms influence not only the speed of finding legislation and court decisions, but also the very manner of legal analysis, the construction of argumentation, and the preparation of a legal position. Particular attention is paid to the reliability, relevance, and systematization of legal information, as well as to the role of digital resources in legal education, law enforcement, and document drafting. The article concludes that legal reference systems and databases of judicial practice have already become a routine part of the legal profession, although their use requires attentiveness, a developed information and legal culture, and independent professional judgment.*
Keywords: *legal reference systems, ConsultantPlus, Garant, SudAct, judicial practice, digital legal resources, legal activity, legal information, legal information retrieval, digitalization of jurisprudence.*

Современная юридическая работа уже почти неотделима от цифровой среды. Обращение к нормативному материалу, поиск судебной практики, проверка актуальности правовых позиций, сопоставление редакций актов и подготовка процессуальных документов – все плотнее завязано на электронные ресурсы. По этой причине научное осмысление роли справочно-правовых систем и специализированных баз судебных актов приобретает уже не узкоприкладной, а общепрофессиональный смысл.

В статье О.В. Брянцевой акцент сделан на образовательном и профессиональном потенциале системы КонсультантПлюс. Автор отмечает, что «информация, предоставляемая СПС, отвечает требованиям полноты, достоверности, доступности и актуальности» [Брянцева, 2014, с. 158]. Значение этой позиции шире, чем простая положительная характеристика конкретного программного продукта. По сути, речь идет о более общем тезисе. В современной юридической практике ценится уже не сам факт доступа к информации, а качество ее отбора и скорость обновления. КонсультантПлюс в этой логике выступает не как электронное хранилище документов, а как рабочая интеллектуальная среда, в которой формируется профессиональная компетенция.

Такой взгляд выглядит достаточно убедительным. Для юриста мало просто открыть текст закона. Важнее сразу увидеть действующую редакцию, взаимосвязи с другими актами, разъяснения, комментарии и аналитическое сопровождение. Именно в этом смысле справочно-правовые системы меняют не только технику поиска, но и саму логику правовой работы. Юридическое мышление постепенно переходит от отдельного документа к целостному массиву взаимосвязанных правовых данных. За счет этого аргументация становится точнее, а риск опоры на устаревший материал заметно снижается.

Е.В. Клейменова и Д.А. Иванеев развивают ту же тему, но делают это в более технологическом и структурированном ключе. Авторы указывают, что «рынок справочно-правовых информационных систем характеризуется доминированием трех систем, среди которых названы КонсультантПлюс, Гарант и Кодекс» [Клейменова, Иванеев, 2018, с. 20]. На первый взгляд это лишь фиксация общеизвестного положения. На деле за ней скрывается важное наблюдение. Правовая информация давно перестала существовать только как текст, опубликованный в официальном источнике. Теперь она организована внутри специальных цифровых платформ, которые не просто хранят документы, но и задают способы их чтения, отбора и сопоставления.

Позиция Клейменовой и Иванеева отчетливо прикладная. Авторы подробно разбирают функциональные группы системы, механизмы поиска, способы работы со списками документов и сервисы персонализации. За этим просматривается более глубокая мысль. Эффективность юриста сегодня определяется уже не только уровнем знания права, но и способностью уверенно ориентироваться в цифровом правовом массиве. По сути, цифровая грамотность становится составной частью профессиональной юридической компетенции. Без нее даже хорошая теоретическая подготовка начинает уступать в условиях реальной практики.

При этом статья преимущественно выдержана в позитивной тональности. Система описывается как надежный и достоверный источник информации. Такой вывод в целом оправдан, но требует одной важной оговорки. Ни одна справочно-правовая система не освобождает юриста от необходимости критически оценивать найденный материал, сверять его с официальными источниками опубликования и учитывать специфику конкретной правовой ситуации. Электронная среда ускоряет поиск, но не отменяет профессиональную ответственность пользователя.

Работа Н.А. Бородиной и В.В. Грициной, посвященная системе Гарант, также дает ценный материал для анализа. Авторы пишут, что «система включает поисковые и аналитические инструменты, способные сделать работу пользователя проще и результативнее» [Бородина, Грицина, 2015, с. 162]. Здесь особенно заметен акцент на удобстве и продуктивности. Гарант рассматривается как инструмент, который помогает не просто находить документы, а быстро выделять главное, отсекать лишнее, переходить к связанным материалам и выстраивать более целостное понимание вопроса.

Именно в этом состоит сильная сторона данной статьи. Авторы показывают, что современная юридическая практика строится вокруг сокращения избыточности. Правовой материал огромен. По этой причине выигрывает не тот, кто имеет доступ к большему числу текстов, а тот, кто быстрее находит юридически значимое. Функции подбора похожих документов, поисковые фильтры, переходы по связям и отбор по реквизитам перестают быть второстепенными техническими возможностями. Они становятся частью юридической стратегии. Грамотно выстроенный поиск уже сам влияет на качество последующего правового вывода.

Вместе с тем публикация Бородиной и Грициной хорошо отражает особенность более ранних работ о справочно-правовых системах: в ней почти не ставится вопрос о возможных ограничениях цифрового поиска. Между тем удобство еще не гарантирует полноту. Алгоритмы подбора похожих документов помогают ориентироваться, но одновременно могут навязывать пользователю слишком узкий маршрут. Отсюда напрашивается важное наблюдение: чем совершеннее поисковая система, тем сильнее риск зависимости от ее внутренней логики. Для юриста важно не раствориться в предложенной навигации и сохранять способность самостоятельно строить правовую позицию.

Отдельное место занимает статья Ю.П. Гармаева и А.С. Степаненко, посвященная поиску судебной и судебно-экспертной практики через интернет-ресурсы. Авторы прямо указывают, что «СудАкт представляет собой интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ» [Гармаев, Степаненко, 2020, с. 16]. Однако значение статьи значительно шире этой характеристики. Исследователи последовательно сопоставляют сайт конкретного суда, ГАС «Правосудие и СудАкт», показывая достоинства и слабые стороны каждого ресурса. Именно такой сравнительный подход делает публикацию особенно полезной для практикующего юриста.

Позиция Гармаева и Степаненко отчетливо ориентирована на практику. Для них поиск судебной практики не является дополнительным навыком. Он рассматривается как обязательный элемент профессиональной подготовки, особенно в условиях цифровизации правоприменения и распространения дистанционных форм обучения. Авторы исходят из того, что юрист должен работать не только с теорией и текстом закона, но и с живой практикой. Такой подход заслуживает поддержки. Полноценное правовое мышление формируется лишь тогда, когда норма рассматривается не в отрыве от реальности, а через судебную интерпретацию, фабулы дел и конкретные доказательственные ситуации.

Именно по этой причине использование ресурсов вроде «СудАкт» получает особую значимость. В отличие от классической СПС, сосредоточенной главным образом на нормативном массиве и его аналитическом сопровождении, базы судебных актов вводят юриста в пространство правоприменительной конкретики. Перед ним раскрывается не только то, как должна работать норма, но и то, как она действительно применяется. За счет этого меняется и качество правовой позиции. Аргументация становится точнее, когда она опирается не только на текст акта, но и на выявленную линию судебного подхода.

На пересечении этих работ у нас возникает более общий вопрос: можно ли рассматривать «Гарант», «КонсультантПлюс» и «СудАкт» просто как удобные цифровые библиотеки? Анализ рассмотренных публикаций позволяет ответить отрицательно. Эти системы выполняют более сложную функцию: они становятся посредниками между юристом и правовой реальностью. Через них организуется доступ к нормативному материалу, судебной практике, комментариям, редакциям актов, связанным документам и аналитическим материалам. Иначе говоря, они формируют саму архитектуру юридического поиска.

Отсюда следует наш важный вывод о преобразовании профессии. Раньше существенная часть профессиональной ценности юриста заключалась в умении добыть редкую или труднонаходимую информацию. Сегодня акцент сместился. Ценность все больше определяется способностью интерпретировать найденное, критически сопоставлять источники, замечать пробелы в выборке, проверять актуальность и строить аргументацию на

основе цифрового массива данных. Доступность информации не снижает роль юриста. Меняется ее содержание.

Рассмотренные нами авторы в целом едины в признании высокой ценности цифровых правовых ресурсов. Брянцева подчеркивает их образовательную и профессионально развивающую роль. Клейменова и Иванеев делают акцент на системности и технологичности «КонсультантПлюс». Бородина и Грицина выделяют удобство и аналитические инструменты «Гаранта». Гармаев и Степаненко показывают практическую значимость онлайн-поиска судебных актов и экспертной практики. При всех различиях в ракурсах все эти публикации сходятся в одном: работа современного юриста уже невозможна вне цифровой правовой инфраструктуры.

Мы можем предполагать, что использование «Гаранта», «КонсультантПлюс» и «СудАкт» в юридической деятельности следует рассматривать не как дополнительный навык, а как обязательный элемент профессиональной подготовки и повседневной практики. Но действительно результативным этот ресурс становится лишь тогда, когда он сочетается с критическим мышлением, хорошим знанием источников права и пониманием пределов цифрового поиска. Электронная система способна предоставить документ. Его юридический смысл по-прежнему извлекает человек.

Список источников

1. Брянцева О.В. Возможности справочной правовой системы «КонсультантПлю»с для повышения профессионального уровня специалистов различного профиля // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). – С. 157–161.
2. Бородина Н.А., Грицина В.В. СПС «ГАРАНТ» // Теория и практика современной науки. 2015. № 6 (6). – С. 161–164.
3. Гармаев Ю.П., Степаненко А.С. Современные методы поиска судебной и судебно-экспертной практики с использованием сети Интернет // [б. и.]. 2020. – С. 11–20.
4. Клейменова Е.В., Иванеев Д.А. Особенности справочно-правовой системы КонсультантПлюс // [б. и.]. 2018. – С. 20–22.

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПЕРВООСНОВА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И НОРМАТИВНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Тевсаева Э.М.,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье рассматривается Конституция Российской Федерации как основной источник конституционного права и как нормативный центр всей российской правовой системы. Основное внимание сосредоточено не на формальном повторении тезиса о высшей юридической силе Конституции РФ, а на раскрытии тех юридических свойств, которые обеспечивают ее реальное системообразующее значение. Анализируются учредительный характер конституционных норм, их фундаментальность, прямое действие, общеобязательность и способность определять содержание текущего законодательства, судебной практики и правоприменения. Отдельное внимание уделено тому, что Конституция РФ выступает не только верхним звеном иерархии нормативных актов, но и исходной правовой рамкой, в пределах которой формируются законы, институты публичной власти и механизмы защиты прав человека. В статье обосновывается вывод о том, что центральное положение Конституции РФ в системе источников конституционного права определяется не одним признаком, а совокупностью взаимосвязанных характеристик, среди которых особенно важны прямое действие, учредительная функция, регулятивный потенциал и способность задавать единый конституционный смысл всему правовому регулированию.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, конституционное право, источник права, высшая юридическая сила, прямое действие Конституции, конституционные нормы, правовая система, правовое регулирование, учредительный характер, конституционный порядок.*

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE PRIMARY FOUNDATION OF CONSTITUTIONAL LAW AND THE NORMATIVE CORE OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Tevsaeva E.M.,
Assistant Professor at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article examines the Constitution of the Russian Federation as the main source of constitutional law and as the normative core of the entire Russian legal system. The focus is placed not on the formal repetition of the thesis concerning the supreme legal force of the Constitution, but on the disclosure of those legal features that ensure its real system-forming significance. The paper analyzes the constituent nature of constitutional norms, their fundamental character, direct effect, generally binding force, and their ability to determine the content of current legislation, judicial practice, and law enforcement. Special attention is paid to the fact that the Constitution of the Russian Federation acts not only as the highest element in the hierarchy of normative legal acts, but also as the initial legal framework within which laws, institutions of public authority, and mechanisms for the protection of human rights are formed. The article substantiates the conclusion that the central position of the Constitution in the system of sources of constitutional law is determined not by one feature alone, but by a combination of interrelated characteristics, among which direct effect, constituent function, regulatory potential, and the ability to set a unified constitutional meaning for the entire legal regulation are of particular importance.*

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, constitutional law, source of law, supreme legal force, direct effect of the Constitution, constitutional norms, legal system, legal regulation, constituent character, constitutional order.*

В учебной литературе Конституцию Российской Федерации почти всегда называют главным нормативным актом государства и вершиной всей правовой системы. Формула правильная, но слишком удобная. Именно поэтому она часто перестает что-либо объяснять. Намного важнее показать, почему Конституция реально сохраняет ведущее положение, какими юридическими свойствами это обеспечивается и в каких именно ситуациях ее верховенство перестает быть абстрактным тезисом и превращается в рабочее правило.

Проблема здесь вполне практическая. Пока Конституция описывается только через слова «высшая юридическая сила» и «основной закон», разговор остается на уровне общих деклараций. Но правовая система действует не лозунгами. Она действует через статьи, процедуры, компетенции, запреты, пределы усмотрения, судебные решения и механизм проверки нормативных актов. По этой причине Конституция РФ должна рассматриваться не как торжественный текст, открывающий сборник законов, а как нормативная конструкция, которая удерживает всю систему в определенных рамках.

«Е.В. Колесников прямо пишет, что Конституция РФ находится во главе всех источников права» [1]. На первый взгляд формула выглядит привычно. Но в действительности в ней сосредоточен ключевой смысл. Речь идет не о символическом старшинстве, а о нормативном центре. Именно Конституция закрепляет основы конституционного строя, статус личности, принципы федерализма, систему органов публичной власти, основы местного самоуправления. Достаточно посмотреть на статьи 1, 2, 3, 10, 15, 18 и 32 Конституции РФ, чтобы увидеть, что в них уже заложены опорные элементы всего дальнейшего регулирования. Законодатель не начинает работу с пустого листа. Границы заданы заранее.

В этом и состоит главное отличие Конституции от обычного федерального закона. Закон регулирует отдельный вопрос: например, порядок проведения выборов, статус государственного органа, конкретные процессуальные процедуры, правила обработки персональных данных. Конституция решает более глубокую задачу. Она не просто регулирует, а учреждает. Именно в ней закрепляется сама допустимая модель власти, пределы вмешательства государства, место человека в правовой системе и базовые ориентиры для последующего законодательства. По этой причине федеральный закон можно существенно переработать без изменения основ системы. С Конституцией такой подход невозможен. Ее нормы задают сам каркас, внутри которого закон вообще получает юридический смысл.

«И.Н. Исаков называет Конституцию РФ всеобщей и общеобязательной основой всех компонентов системы российского права» [2]. Эта позиция особенно ценна потому, что позволяет уйти от слишком узкого понимания Конституции как текста только для конституционалистов. В действительности она работает намного шире. Конституция влияет на парламент, суды, правительство, региональные органы, муниципальный уровень и правоприменение в целом. Даже там, где действует специальный отраслевой акт, конституционная рамка не исчезает. Она продолжает определять пределы допустимого решения.

Это хорошо видно на тех участках, где общественная жизнь меняется быстрее законодательства. За последние годы особенно заметными стали споры, связанные с цифровым контролем, обработкой персональных данных, ограничением передвижения, перераспределением публичных полномочий, защитой собственности, доступом к социальной поддержке. В каждом из этих случаев правовой конфликт рано или поздно поднимается до конституционного уровня. Причина понятна: когда обычный закон не дает убедительного ответа или сам становится спорным, юрист, суд и заявитель выходят к более высоким ориентирам, прежде всего к статьям 2, 17, 18, 23, 24, 35, 46 и 55 Конституции РФ. Именно в

такие моменты особенно ясно видно, что Конституция остается не декоративным фоном, а первичным источником правового смысла.

«В.В. Гошуляк справедливо связывает особое положение Конституции с ее прямым действием» [3]. Это один из самых сильных аргументов. Источник права должен не просто существовать формально, он должен реально включаться в регулирование. Если бы Конституция была только учредительным документом с высокой политической ценностью, но без способности напрямую влиять на правоприменение, ее главенство выглядело бы гораздо слабее. На практике все иначе. Часть 1 статьи 15 закрепляет высшую юридическую силу Конституции, а статья 18 прямо указывает, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность власти и обеспечиваются правосудием. Для конституционного права это не красивая формула, это рабочая норма.

Прямое действие Конституции особенно заметно в трех типичных ситуациях.

Первая ситуация связана с проверкой законов и подзаконных актов на соответствие конституционным принципам.

Вторая возникает тогда, когда отраслевой нормы недостаточно и спор приходится разрешать через более общий конституционный смысл права.

Третья проявляется в законотворчестве, когда новый закон фактически строится как развитие уже существующего конституционного предписания.

Во всех трех случаях Конституция не уходит на второй план. Наоборот, именно она задает меру допустимости. И здесь проявляется важная практическая деталь: даже самый детально прописанный закон не становится самодостаточным, если он расходится с конституционными основаниями. Формальная точность без конституционной опоры не делает норму сильнее.

«Эту линию убедительно продолжают А.В. Баранов и Б.Х. Арсанов. Они рассматривают нормы Конституции как базисные и основополагающие положения, отличающиеся учредительным характером, устойчивостью и особой функциональной нагрузкой» [4]. Такой подход представляется наиболее точным. Конституционные нормы не решают частные задачи в узком секторе отношений. Их уровень другой: они задают архитектуру всей публично-правовой системы. Именно поэтому статьи о народовластии, разделении властей, федерализме, приоритете прав и свобод и местном самоуправлении нельзя воспринимать как общие вступительные формулы. На этих нормах строится дальнейшая правовая детализация.

Здесь особенно заметна ошибка, которая часто встречается в учебных работах. Конституцию ставят на первое место только потому, что так требует иерархия актов. Этого мало. Одной иерархии недостаточно, чтобы объяснить ее действительное значение. Например, федеральный конституционный закон тоже обладает повышенной юридической силой и регулирует важнейшие институты. Но он не может стать главным источником отрасли. Причина проста: он возникает уже внутри конституционной модели. Его функция состоит в развитии и уточнении, но не в учреждении исходных основ. Он зависим от Конституции и по содержанию, и по пределам допустимого регулирования.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос о том, почему Конституция является основным источником именно конституционного права. Ответ связан с предметом самой отрасли. Конституционное право работает не с периферийными, а с первичными вопросами: суверенитет, народовластие, права и свободы человека, федеративное устройство, разделение властей, система высших органов государства, судебная власть, местное самоуправление. Для такой отрасли обычный закон по определению не может быть исходным центром. Он может подробно регулировать отдельный институт, но не способен соединить все базовые элементы правопорядка в единую систему. Конституция способна.

Позиция Колесникова особенно полезна еще и потому, что он показывает организационную роль Конституции в самой системе законодательства [1]. На федеральном уровне правовая конструкция выстроена не хаотично. Существуют федеральные конституционные законы, законы о поправке к Конституции, обычные федеральные законы.

Такая система не могла бы появиться без исходного конституционного основания. Конституция здесь выступает не просто верхней ступенью. Она задает саму логику деления, подчинения и соотношения актов. Это уже не внешний признак, это системообразующая функция.

После поправок 2020 года данный аспект стал еще заметнее. В тексте Конституции получили закрепление новые положения о единой системе публичной власти, социальных гарантиях, защите исторической правды, государствообразующем народе, браке как союзе мужчины и женщины, приоритете Конституции в вопросах исполнения решений межгосударственных органов в определенной конституционной интерпретации. В результате резко усилился вопрос не только о содержании самих поправок, но и о качестве их законодательного развития. И вот здесь проявилась реальная сила Конституции как источника отрасли. Если последующий закон лишь повторяет конституционную формулу, правовое развитие буксует. Если закон пытается слишком свободно расширить исходный смысл, возникает риск искажения конституционной идеи. В обоих случаях именно Конституция остается мерой проверки.

«Критическая линия В.Д. Фетисова и Н.Д. Эриашвили здесь выглядит особенно уместно. Авторы определяют Конституцию как акт верховной юридической силы, но одновременно обращают внимание на методологические и практические трудности ее реализации» [5]. Этот взгляд кажется особенно полезным, потому что он разрушает излишне гладкую картину. Наличие у Конституции высшего статуса еще не означает, что ее потенциал раскрывается автоматически. Многое зависит от качества правотворчества, от точности судебного толкования, от готовности государственных институтов воспринимать конституционные нормы как рабочий стандарт, а не как обязательный ритуал для вступительной части любого закона или судебного акта.

На практике именно здесь и проходит самое болезненное место. Конституцию в российской правовой системе цитируют часто, но использовать ее как реальный критерий оценки значительно сложнее. Особенно в тех случаях, когда речь идет о конфликте между публичным интересом и индивидуальным правом, между удобством государственного управления и пределами вмешательства в частную сферу, между формальной законностью и конституционной справедливостью. В этих точках становится видно, насколько Конституция жива. Если обращение к ней остается чисто риторическим, отрасль начинает сползать к формализму. Если же конституционный уровень действительно влияет на исход решения, тогда правовая система сохраняет внутреннюю связность.

Нельзя игнорировать и судебное измерение проблемы. Именно суд наиболее наглядно показывает, работает ли Конституция как источник права или остается абстрактной вершиной иерархии. Когда рассматриваются споры о равенстве, о допустимости ограничений, о гарантиях судебной защиты, о содержании социальных прав, о пределах вмешательства государства в частную жизнь, простого чтения отраслевой нормы часто недостаточно. Требуется более высокий уровень аргументации. В таких случаях статьи 19, 21, 23, 35, 46 и 55 Конституции РФ становятся не фоном, а основой правовой оценки. Без этой опоры судебное решение может остаться формально законным, но содержательно слабым.

Именно поэтому тезис о Конституции как основном источнике конституционного права нужно понимать строже. Речь идет не только о ее месте в иерархии актов. Речь идет о совокупности признаков: учредительный характер, высшая юридическая сила, прямое действие, всеобщая обязательность, способность задавать рамки законотворчества, способность направлять судебное толкование, способность связывать в единые целые права личности, организацию власти и принципы государственного устройства. Лишь в этой совокупности становится понятно, почему ни один другой акт не может занять ее место.

Есть и еще один важный слой – ценностный. Конституция закрепляет не случайный набор норм, а опорные ориентиры всего общественного устройства: правовое государство, социальное государство, федерализм, разделение властей, идеологическое многообразие, защита достоинства личности, свобода экономической деятельности. Эти положения часто

воспринимаются как общетеоретический фон, хотя на самом деле именно они удерживают отрасль конституционного права от распада на отдельные, слабо связанные блоки. Пока данные ориентиры сохраняются в едином обязательном тексте, отрасль остается цельной.

В современных условиях эта функция не ослабевает, а становится заметнее. Государственное регулирование стало плотнее. Конфликтов между частной автономией и публичным контролем стало больше. Технологии дали власти новые инструменты наблюдения, учета, проверки и ограничения. По этой причине почти любой крупный правовой спор сегодня довольно быстро выходит на конституционный уровень. Вопрос уже не только в том, что написано в специальном законе. Вопрос в том, совместимо ли это с конституционным пониманием свободы, равенства, достоинства, неприкосновенности частной жизни и правовой определенности.

В итоге Конституция Российской Федерации является основным источником конституционного права не потому, что ее принято ставить на первое место в учебной схеме, а потому, что без нее сама отрасль теряет исходную опору. Именно Конституция учреждает правовой порядок, определяет первичные основы статуса личности и государства, организует систему законодательства, ограничивает публичную власть, направляет судебное толкование и сохраняет обязательную силу для всех уровней правотворчества и правоприменения [1–5]. В этом состоит ее реальное, а не формальное главенство.

Список источников

1. Колесников Е.В. Конституция Российской Федерации и проблемы типологии законов // Право и государственность. 2023. № 1 (1). – С. 24–31.
2. Исаков И.Н. Конституционный уровень правового регулирования, основополагающий компонент системы права Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4 (66). – С. 25–36.
3. Гошуляк В.В. Прямое действие Конституции Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. – С. 59–68.
4. Баранов А.В., Арсанов Б.Х. Специфические свойства норм Конституции Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. – С. 217–227.
5. Фетисов В.Д., Эриашвили Н.Д. Некоторые вопросы развития Конституции РФ, проблемы методологии и перспективы совершенствования // Закон и право. 2025. № 10. – С. 133–140.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО КАК ЯДРО РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Тевсаева Э.М.,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье рассматривается современная роль конституционного права как центральной отрасли российской правовой системы. Основное внимание сосредоточено не на воспроизведении традиционных доктринальных определений, а на выявлении конкретных юридических механизмов, через которые конституционное право сохраняет свое системообразующее значение. Особый акцент сделан на структуре научных публикаций по конституционно-правовой тематике за 2020–2024 годы, включая форматы публикационной активности, показатели цитируемости и общую динамику научного дискурса. Проведенный анализ показывает, что устойчивый интерес к конституционной проблематике еще не гарантирует концептуальной глубины, поскольку краткие публикационные форматы все заметнее вытесняют монографии и диссертационные работы.*
Ключевые слова: *конституционное право, российская правовая система, свобода передвижения, частная собственность, экономическая солидарность, конституционные гарантии, публичная власть, правовое регулирование, конституционная доктрина, правовой порядок.*

CONSTITUTIONAL LAW AS THE CORE BRANCH OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM IN CONTEMPORARY CONDITIONS

Tevsaeva E.M.,
Assistant Professor at the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *He articles examines the current role of constitutional law as the core branch of the Russian legal system. The focus is placed not on repeating traditional doctrinal definitions, but on identifying the specific legal mechanisms through which constitutional law preserves its system-forming significance. Particular attention is given to the structure of scholarly publications on constitutional law in 2020–2024, including publication formats, citation patterns, and the general dynamics of academic discourse. The analysis shows that sustained scholarly interest in constitutional issues does not always guarantee conceptual depth, since short publication formats increasingly prevail over monographs and dissertation-level works.*
Keywords: *constitutional law, Russian legal system, freedom of movement, private property, economic solidarity, constitutional guarantees, public authority, legal regulation, constitutional doctrine, legal order.*

«Конституционное право в российской правовой системе обычно рассматривается как ее центральная отрасль. В учебной и научной литературе за ним устойчиво закрепились характеристики ведущей, основополагающей и фундаментальной отрасли» [1]. Но простого воспроизведения этих определений уже недостаточно. Сами по себе они звучат убедительно, однако почти ничего не объясняют, если не показать, в чем именно проявляется реальное системообразующее значение конституционного права. Намного важнее проследить, как эта отрасль влияет на устройство всей правовой системы, каким образом она связывает различные правовые институты и почему именно через нее проходят ключевые линии баланса между государством, обществом и человеком.

«Показательно, что интерес к конституционно-правовой проблематике не снижается даже на фоне высокой изменчивости правовой и политической повестки. За 2020–2024 годы было выявлено 2769 публикаций, что в среднем составляет 554 работы в год» [2]. Однако для оценки состояния отрасли важен не только объем, но и структура научного массива. В журналах опубликовано 1270 статей, или 45,9 процента. В сборниках вышло 1337 работ, что составляет 48,3 процента. Книги заняли лишь 159 позиций, то есть 5,7 процента, а диссертаций зафиксировано всего 3 [2]. Уже на этом уровне видно, что конституционное право активно обсуждается, но основное обсуждение сосредоточено в коротких форматах.

Такое соотношение нельзя оценивать однозначно. Оперативная статья действительно позволяет быстро осмыслить новые конституционные поправки, позиции Конституционного Суда РФ, изменения в системе публичной власти или острые конфликты вокруг содержания прав и свобод. Для текущей правовой реальности этот жанр удобен. Проблема в другом. Короткий формат редко дает возможность выстроить устойчивую теоретическую конструкцию, показать внутренние связи между институтами и раскрыть развитие доктрины на более глубоком уровне. По этой причине малая доля книг и диссертаций выглядит не частной статистической деталью, а признаком определенного смещения. Фундаментальная отрасль права все чаще объясняется через реакцию на события, а не через крупные обобщающие работы. В результате научный разговор становится быстрее, но не всегда глубже.

«Дополнительные показатели подтверждают этот вывод. Среднее число авторов на одну публикацию составило 1,3» [2]. Показатель небольшой, и за ним стоит не только особенность академической традиции, но и характер самого научного общения. Конституционно-правовая мысль в России по-прежнему развивается преимущественно в логике индивидуального авторского письма. Для классических тем такой подход естественен. Вопросы формы государства, системы органов власти, федерализма или конституционных принципов долгое время действительно разрабатывались через личные концепции и авторские школы. Но современная проблематика заметно изменилась. Цифровые права, экономическая солидарность, публичная власть, социальное государство, правовой статус личности в условиях технологических трансформаций уже не укладываются в рамки узкоотраслевого анализа. Поэтому слабое соавторство сегодня воспринимается не просто как статистика, а как признак того, что научный дискурс пока не в полной мере открылся междисциплинарному формату.

«Еще более наглядно проблему показывает цитируемость. В 2020 году на одну работу приходилось в среднем 3,4 ссылки, тогда как к 2024 году показатель снизился до 0,1 при суммарном количестве ссылок 4734 за весь период» [2]. Разумеется, свежие публикации еще не успели накопить полноценный индекс цитирования. Такой временной лаг неизбежен. Но даже с учетом этого обстоятельства тенденция выглядит настораживающей. Получается, что значительная часть новых текстов пока не становится основой для дальнейшего развития дискуссии. Научный массив растет, а влияние отдельных публикаций оказывается менее заметным. Для отрасли, претендующей на фундаментальный статус, это чувствительный сигнал.

«Интересный штрих дает и динамика названий. Среднее количество слов в заголовке сократилось с 10,99 в 2020 году до 10,69 в 2024 году, а наиболее частотная длина названий снизилась с 10 до 8 слов» [2]. Внешне изменение незначительное. Но за ним угадывается важная тенденция: чем шире и короче формулировка названия, тем выше вероятность, что автор берет слишком общий ракурс и избегает точной постановки вопроса. Для конституционного права это особенно заметно. Отрасль оперирует масштабными категориями, и именно поэтому ей особенно нужна предметная точность. Без нее дискурс сохраняет объем, но теряет плотность. Тексты множатся, а содержательная концентрация отдельных работ снижается.

Однако окончательные выводы о месте конституционного права нужно делать не по библиометрии как таковой, а по тому, как конституционная материя работает в конкретных

юридических ситуациях. Особенно ясно это видно там, где общая доктрина соединяется с реальным правом человека. «В этом смысле показательной является статья Л.А. Лариной, посвященная свободе передвижения» [3]. В рамках данной темы право рассматривается не как общая декларация, а как сложный нормативный механизм, в основе которого лежит статья 27 Конституции РФ, а реальное содержание раскрывается через Закон РФ от 25 июня 1993 года № 5242-1, Федеральный закон от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ, нормы о миграционном учете, правовом положении иностранных граждан и международные акты о правах человека [3].

Именно на таком материале особенно хорошо видно, как конституционное право выходит из пространства общих принципов и переходит в практическую юридическую плоскость. Свобода передвижения связана с местом пребывания, регистрацией, выездом за пределы страны, возвращением в Россию, пересечением государственной границы и правомерностью ограничений в отдельных случаях. За каждым из этих действий стоит не только интерес самого человека, но и система публичного контроля. По этой причине свобода передвижения не может быть понята как абсолютная автономия. Ее реальное содержание раскрывается через баланс. «Сюда входят пограничные зоны, закрытые административно-территориальные образования, режим чрезвычайного или военного положения, санитарные ограничения и требования национальной безопасности» [3]. Конституционное право в данном случае ценно именно тем, что удерживает меру между свободой личности и охраной публичного интереса.

На практике это означает очень простую вещь: фундаментальность конституционного права проявляется не в торжественной характеристике отрасли, а в способности устанавливать юридически допустимые пределы вмешательства государства. Пока такие пределы четко определены, право сохраняет живое содержание. Когда они становятся размытыми, даже формально гарантированная свобода начинает работать с перебоями. Поэтому конституционное право остается центральной отраслью не потому, что так принято писать в учебниках, а потому, что именно оно задает общий стандарт соразмерности между властью и личностью.

Не менее убедительно практическая роль конституционного права раскрывается через вопрос частной собственности в новых субъектах Российской Федерации. А.А. Коноплянко подчеркивает, что защита имущественных конституционных прав граждан на присоединенных территориях требует единого и системного подхода [4]. В данном случае особенно заметно, что сама по себе статья 35 Конституции РФ еще не решает проблему. Конкретные трудности возникают на уровне признания ранее возникших прав, переоформления документов, кадастрового учета, регистрации объектов недвижимости, защиты прав отсутствующих собственников и обеспечения единообразной правоприменительной практики.

В переходных условиях эти вопросы приобретают повышенную остроту. Любая ошибка в регистрационном механизме, несогласованность процедур или неопределенность в статусе имущества способны превратить конституционную гарантию в формальную запись. Именно поэтому тема собственности на новых территориях важна не только в прикладном, но и в общетеоретическом смысле. Она показывает, что конституционное право должно не просто фиксировать базовые гарантии, а доводить их до стадии реального осуществления. Иначе между конституционной нормой и жизненной ситуацией образуется разрыв, который подрывает доверие к самому правопорядку.

«Работа Коноплянко ценна еще и тем, что выводит конституционное право на пересечение нескольких уровней правовой реальности» [4]. Здесь одновременно затрагиваются личное имущественное право, территориальная интеграция, административные процедуры, судебная защита, правовая преемственность и стабильность государственной политики. В подобных условиях особенно хорошо видно, что центральная отрасль права обязана обеспечивать не только нормативное провозглашение, но и юридическую

собираемость всей конструкции. Если процедура не работает, норма теряет значительную часть своей ценности.

Еще один важный пример связан с экономической солидарностью. Д.П. Геворкьян, П.И. Саидбегова и З.З. Тикова отмечают, что экономическая солидарность эволюционировала от ценностного ориентира к коммуникативному принципу, который влияет на пенсионную систему, социальное партнерство и бизнес-регулирование [5]. Данный подход особенно важен потому, что он показывает расширение самой конституционно-правовой повестки. Конституционное право сегодня уже не ограничивается вопросами устройства власти, каталогом прав и свобод или федеративными отношениями в их классическом виде. Все заметнее его влияние на экономическую и социальную организацию государства.

После поправок 2020 года статья 75.1 Конституции РФ стала одной из ключевых точек для обсуждения устойчивого экономического роста, социальной ответственности, взаимодействия государства и бизнеса, а также роли публичной власти в регулировании экономических процессов [5]. На этом фоне экономическая солидарность перестает выглядеть отвлеченной теоретической конструкцией. Напротив, она превращается в рабочий ориентир, который помогает объяснить логику пенсионной политики, социальной поддержки, партнерства между работодателями и работниками, антикризисных решений и перераспределительных механизмов. В условиях санкционного давления, цифровизации и постпандемийной перестройки экономики такая роль конституционного права становится особенно заметной.

Здесь проявляется еще одна существенная черта. Конституционное право не просто ограничивает власть и не только охраняет частную сферу. Оно формирует общую рамку согласования интересов. Государство не способно эффективно регулировать экономику только административным ресурсом. Бизнес не может существовать вне социальной ответственности. Гражданин не должен выпадать из системы гарантий в ситуации экономической нестабильности. Связать эти элементы в одну юридическую модель может именно конституционное право, поскольку оно работает на уровне основных принципов, ценностей и допустимых пределов публичного вмешательства [5]. В этом сегодня и проявляется его практическая сила.

В итоге центральное положение конституционного права подтверждается не столько привычными доктринальными формулами, сколько тем, как оно действует в конкретных правовых ситуациях. «Свобода передвижения показывает, каким образом выстраивается баланс между личной автономией и публичной безопасностью» [3]. Право частной собственности в новых субъектах Российской Федерации раскрывает значение правовой преемственности, процедурной точности и устойчивой правоприменительной практики [4]. Экономическая солидарность демонстрирует способность Конституции РФ влиять на социально-экономическую политику и задавать рамки взаимодействия государства, бизнеса и граждан [5].

Фундаментальность конституционного права сегодня состоит не в формальном признании его особого статуса. Реальное значение этой отрасли определяется другим: именно она превращает базовые принципы в работающие механизмы защиты прав, согласования интересов и развития правовой системы России. Пока такая функция сохраняется, разговор о центральном месте конституционного права остается не академической формальностью, а точным описанием его действительной роли.

Список источников

1. Мария Викторовна Варлен. «Конституционное право России: стратегическая роль в условиях современности». Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, no. 9 (133), 2025. – С 34–43. doi:10.17803/2311-5998.2025.133.9.034-043.
2. Бугаев Константин Валериевич. «Конституционное право: общий анализ научного дискурса». Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления, vol. 8, 2025. – С. 106–110.
3. Лариса Анатольевна Ларина. «Современное нормативное правовое регулирование конституционного права граждан на свободу передвижения». Вестник Московского университета МВД России, no. 6, 2025. – С. 137–141.

4. Коноплянко Александр Анатольевич (2025). Конституционное право частной собственности в новых субъектах как часть правовой системы России. Право и государство: теория и практика, (4), 245–247. doi: 10.47643/1815-1337_2025_4_245.
5. Геворкьян Дмитрий Павлович, Саидбегова Патимат Ибрагимсултановна, & Тикова Зарема Заурбиевна (2025). Экономическая солидарность в конституционном праве России: эволюция и реализация в современных условиях развития общества. Региональные проблемы преобразования экономики. (10 (180)), 17. doi: 10.26726/rppe2025v10esitc.

УДК 340.12

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

Хакимова М.Р.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу теоретико-правовых подходов к соотношению государства и общества. Основное внимание сосредоточено на различии и взаимосвязи этих категорий, на проблеме определения их границ, а также на особенностях их взаимодействия в правовой и политической реальности. Показано, что государство не может быть полностью отождествлено с обществом, поскольку обладает собственной институциональной природой, публично-властным характером и специальными механизмами правового воздействия. В то же время общество не существует вне государственного влияния, так как именно через право, управление и систему публичных институтов формируются условия его функционирования и развития. Отдельный акцент сделан на том, что научная дискуссия по данной теме строится вокруг разных смыслов понятия общества и разных моделей понимания государства. В результате обосновывается вывод о том, что наиболее продуктивной является трактовка, при которой государство и общество рассматриваются как самостоятельные, но взаимозависимые категории, связанные сложной системой правовых, политических и социальных отношений.*
Ключевые слова: *государство, общество, соотношение государства и общества, теория государства и права, публичная власть, гражданское общество, правовое регулирование, взаимодействие государства и общества, теоретико-правовой анализ, государственное управление.*

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF THE STATE AND SOCIETY IN THEORETICAL AND LEGAL DISCOURSE

Khakimova M.R.,
Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article analyzes theoretical and legal approaches to the correlation between the state and society. The main focus is placed on the distinction and interrelation of these categories, on the problem of defining their boundaries, and on the specific features of their interaction in legal and political reality. It is shown that the state cannot be fully identified with society, since it possesses its own institutional nature, a public-power character, and special mechanisms of legal influence. At the same time, society does not exist outside state influence, because the conditions for its functioning and development are formed through law, governance, and the system of public institutions. Particular attention is paid to the fact that the scholarly discussion on this issue is built around different meanings of the concept of society and different models of understanding the state. As a result, the conclusion is substantiated that the most productive interpretation is the one in which the state and society are regarded as independent but interdependent categories connected by a complex system of legal, political, and social relations.*
Keywords: *state, society, correlation between the state and society, theory of state and law, public power, civil society, legal regulation, interaction between the state and society, theoretical and legal analysis, public administration.*

Разговор о соотношении государства и общества кажется простым только на первом шаге. В учебной подаче обычно говорится, что общество шире, а государство выступает его политической организацией. Такая формула удобна, но она слишком быстро закрывает вопрос. При более внимательном рассмотрении становится видно, что спор идет не только о месте государства внутри социальной системы, но и о природе самой государственной формы. Здесь появляются разные линии анализа. Одни авторы пытаются определить границы общества как категории. Другие уточняют, может ли государство быть сведено к части общественного целого. Третьи делают акцент не на различии понятий, а на характере их взаимодействия. Именно поэтому тема сохраняет научную ценность и в современной теории права.

Наиболее глубокую постановку вопроса предлагает Р.Л. Иванов. Автор пишет, что «широкие воззрения на субстрат государства отождествляют его с обществом в целом» [1]. Эта фраза важна не сама по себе, а как вход в более серьезную проблему. Если государство полностью растворяется в обществе, исчезает возможность объяснить его институциональную специфику, аппаратный характер власти, принуждение и особую форму публичной организации. Позиция Иванова выглядит сильной именно потому, что она направлена против упрощения. В его подходе государство не сводится к простой сумме общественных связей. Такая логика представляется убедительной. Полное отождествление здесь действительно ведет к потере понятийной точности.

При этом сама категория общества тоже не является бесспорной. С.О. Конышев обращает внимание на исходную методологическую трудность и прямо отмечает, что «термин общество используется в широком и узком смыслах» [5]. Это замечание выглядит базовым, но именно оно нередко выпадает из обсуждения. Пока не уточнено, что именно понимается под обществом, любая схема его соотношения с государством остается неустойчивой. В широком смысле общество охватывает весь комплекс социальных связей, институтов и форм совместной жизни. В узком смысле оно может пониматься как сфера, отличная от государства и не совпадающая с политической властью. Из этого вытекает важный вывод: значительная часть споров о государстве на самом деле начинается со споров об объеме второго понятия. У Конышева этот момент схвачен очень точно.

С.С. Маилян выбирает более прикладной ракурс и пишет, что «рассматривается влияние государственного управления на формирование гражданского общества» [2]. Здесь акцент уже иной. Вопрос ставится не о логическом разграничении понятий, а о реальном воздействии государства на общественные процессы. Такой поворот полезен, поскольку он уводит анализ от абстрактной схемы. Государство в данном случае предстает не отвлеченной категорией, а силой, которая задает правовые рамки, организационные условия и степень свободы общественной самоорганизации. Позиция автора подчеркивает, что общество не развивается в пустоте. Однако в этом подходе есть и риск: если слишком сильно акцентировать влияние государства, общество начинает восприниматься как производное от управленческих решений. Для теории права это было бы чрезмерным упрощением. Общество шире любой формы политической организации, даже если государство заметно влияет на его институциональное оформление.

И.А. Гобозов выделяет еще одну важную особенность и утверждает, что «тема взаимодействия общества и государства практически не обсуждается в литературе» [3]. С этим тезисом можно спорить в части категоричности, однако сама интонация автора показательна. Гобозов стремится вывести discussion из состояния, где государство и общество рассматриваются либо как противники, либо как заранее согласованные элементы единой конструкции. Его интересует именно динамика отношений. Такой подход выглядит продуктивным. В реальной политико-правовой жизни проблема заключается не только в том, чтобы развести понятия по разным полкам, но и в том, чтобы объяснить, как они сосуществуют. Здесь появляются вопросы легитимности, обратной связи, доверия к институтам, уровня правовой активности граждан. В итоге статья Гобозова полезна тем, что переносит внимание с дефиниций на живую ткань взаимосвязи.

Более современный и в то же время более общий ракурс предлагает А.В. Брылев. Автор отмечает, что «в данной статье рассматриваются важные вопросы взаимодействия общества и государства» [4]. Формулировка широкая, но за ней просматривается значимый смысл. В современной теории права уже недостаточно повторять классическую мысль о первичности общества и вторичности государства. Сегодня важнее показать, как изменяется сама конфигурация их отношений. Цифровизация управления, рост публичных сервисов, расширение правового контроля, появление новых каналов гражданского участия меняют прежние модели связи между обществом и государством. Позиция Брылева ценна именно этой чувствительностью к современному контексту. Она позволяет уйти от чересчур статичного взгляда на тему.

Если сопоставить эти пять публикаций, становится заметно, что авторы работают в трех разных плоскостях. Иванов и Конышев концентрируются на понятийном каркасе. Маилян рассматривает управленческое влияние государства на общественную среду. Гобозов и Брылев смещают внимание к взаимодействию и взаимной зависимости. Такое распределение не случайно: оно показывает, что тема соотношения государства и общества не может быть раскрыта через один универсальный тезис. В ней сочетаются по меньшей мере три вопроса: что такое общество, что такое государство, как эти феномены соотносятся в реальной правовой и политической жизни. Именно разъединение этих уровней делает анализ более точным.

С теоретической точки зрения особенно слабой выглядит попытка полностью растворить государство в обществе. Иванов прав в том, что такая позиция ведет к потере специфики государства как особой формы публичной власти [1]. Но и противоположная крайность, когда государство рассматривается как полностью внешняя по отношению к обществу сила, тоже не выдерживает критики. В реальности государство формируется внутри общества, опирается на его социальную структуру, выражает баланс интересов и одновременно стремится этот баланс упорядочить через право, институты и принуждение. По этой причине более убедительной представляется промежуточная модель: государство не совпадает с обществом, но и не существует вне его. Оно выступает особой политико-правовой формой организации общественной жизни.

Не менее важен и вывод, который подсказывает статья Конышева: разные смыслы самого термина «общество» [5] делают неизбежной вариативность всех последующих схем. Когда общество понимается максимально широко, государство легко включается в него как один из институтов. Когда же общество трактуется уже и ближе к гражданскому обществу, государство оказывается вынесенным за его пределы или даже противопоставленным ему. В научном плане это означает одно: спор о соотношении государства и общества нельзя вести без предварительной фиксации понятийного уровня анализа. Иначе один автор будет говорить об обществе как о социальном целом, а другой – как о сфере негосударственной самоорганизации. Формально тема будет общей, а реальные предметы рассуждения – разными.

Публикация Маиляна полезна еще и тем, что возвращает тему в плоскость юридической практики. Влияние государственного управления на становление гражданского общества [2] хорошо видно на конкретных примерах: регистрация некоммерческих организаций, регулирование публичных мероприятий, доступ к информации о деятельности органов власти, механизм общественного контроля. Во всех этих зонах государство не просто существует рядом с обществом, а активно формирует пределы его активности. Здесь особенно заметно, что государство и общество нельзя понимать как две изолированные субстанции. Между ними постоянно действует правовой механизм взаимного определения. Государство задает рамки, общество отвечает на них уровнем участия, доверием или, наоборот, отчуждением.

Гобозов и Брылев подталкивают к еще одному важному наблюдению: само слово «взаимодействие» оказывается продуктивнее, чем простое противопоставление [3, 4]. Взаимодействие не отменяет различий, но показывает их в движении. Именно в этой

плоскости можно увидеть, как право превращается в посредника между обществом и государством. Через право оформляются полномочия власти, закрепляются гарантии свобод, устанавливаются процедуры участия и пределы государственного вмешательства. Когда такой правовой баланс работает, государство не подавляет общество и не растворяется в нем. Когда баланс нарушается, возникает либо гипертрофия власти, либо распад управляемости. Для теории права этот момент принципиален, поскольку он связывает абстрактные понятия с реальным действием юридических институтов.

В итоге рассмотренные статьи позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, государство и общество не тождественны, и попытка их полного отождествления снижает аналитическую точность [1]. Во-вторых, само понятие общества требует обязательного уточнения, иначе рассуждение становится расплывчатым [5]. В-третьих, государство влияет на общество через управление, право и институциональные рамки, но не исчерпывает собой общественную жизнь [2]. В-четвертых, наиболее продуктивный подход связан не с жестким противопоставлением, а с анализом взаимодействия, где право выполняет роль связующего механизма [3, 4]. По этой причине соотношение государства и общества в теоретико-правовом дискурсе правильнее понимать как сложную модель различия и взаимозависимости. Именно такая трактовка лучше всего объясняет и природу публичной власти, и пределы ее отношения к социальной среде.

Список источников

1. Иванов Роман Леонидович. Соотношение государства и общества (проблема субстрата государства) // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 2 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-gosudarstva-i-obschestva-problema-substrata-gosudarstva (дата обращения: 18.04.2026).
2. Маилян С.С., Миронов А.Л. Взаимоотношение государства и общества // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimootnoshenie-gosudarstva-i-obschestva (дата обращения: 18.04.2026).
3. Гобозов Иван Аршакович. Общество и государство: их взаимодействие // Философия и общество. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-i-gosudarstvo-ih-vzaimodeystvie (дата обращения: 18.04.2026).
4. Брылев Алексей Васильевич. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА // Образование и право. 2023. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-obschestva-i-gosudarstva (дата обращения: 18.04.2026).
5. Конышев Сергей Олегович. Проблема отношений государства и общества // Философия и общество. 2010. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otnosheniy-gosudarstva-i-obschestva (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 340.12

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Хакимова М.Р.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу основных теоретических моделей соотношения права и государства, представленных в современной отечественной юридической науке. Рассматриваются подходы, основанные на признании приоритета государства, примата права и их функциональной взаимозависимости. Особое внимание уделено интерпретации тоталитарной, либеральной и прагматической моделей, а также теоретическим позициям, связывающим проблему соотношения права и государства с правосознанием, интегративным воздействием на общественные отношения и методологией современного обществоведения. Показано, что в российской правовой мысли наблюдается отход от упрощенных иерархических схем и усиление интереса к многомерным конструкциям, учитывающим институциональные, социокультурные и аксиологические факторы. Обосновывается вывод о том, что наиболее продуктивным направлением развития теории выступает комплексный подход, рассматривающий право и государство как самостоятельные, но взаимосвязанные явления, взаимодействие которых определяет устойчивость правопорядка и эффективность публичной власти.*

Ключевые слова: *право, государство, соотношение права и государства, теоретические модели, правовое государство, правосознание, юридическая наука, государственная власть, правовое регулирование, теоретико-правовой анализ.*

THEORETICAL MODELS OF THE CORRELATION BETWEEN LAW AND THE STATE IN MODERN LEGAL SCIENCE

Khakimova M.R.,
Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the main theoretical models of the correlation between law and the state presented in modern Russian legal scholarship. It examines approaches based on the priority of the state, the primacy of law, and their functional interdependence. Particular attention is paid to the interpretation of totalitarian, liberal, and pragmatic models, as well as to theoretical positions linking the issue of the correlation between law and the state with legal consciousness, integrative influence on social relations, and the methodology of modern social science. It is shown that Russian legal thought demonstrates a departure from simplified hierarchical schemes and a growing interest in multidimensional constructions that take into account institutional, sociocultural, and axiological factors. The article substantiates the conclusion that the most productive direction for the development of theory is a comprehensive approach that treats law and the state as independent but interconnected phenomena whose interaction determines the stability of legal order and the effectiveness of public authority.*

Keywords: *law, state, correlation between law and the state, theoretical models, rule-of-law state, legal consciousness, legal science, state power, legal regulation, theoretical and legal analysis.*

Вопрос о характере взаимосвязи права и государства относится к числу фундаментальных проблем теоретико-правовой науки, не утрачивающих своей актуальности на протяжении всей истории существования организованных политических обществ. Смена

исторических эпох, эволюция типов правопонимания и трансформация политических режимов неизбежно влекут за собой пересмотр устоявшихся представлений о том, какое из названных явлений обладает приоритетом, в какой мере они способны ограничивать друг друга и как именно выстраивается их функциональное взаимодействие. Современный этап развития юридического знания характеризуется отходом от упрощенных линейных схем и формированием многомерных моделей, учитывающих как институциональные, так и социокультурные, а также идеологические аспекты соотношения государственной власти и нормативной системы. Особую ценность в данном контексте приобретает обращение к публикациям отечественных правоведов, в которых не только систематизируются классические доктрины, но и предлагаются оригинальные интерпретации, отражающие специфику текущего момента.

Исходной точкой для систематизации существующих в юридической литературе воззрений может служить классификация, предложенная М.М. Салиховым в работе, специально посвященной взаимодействию государства и права в условиях правовой государственности. Авторская позиция отличается концептуальной четкостью и позволяет структурировать обширный теоретический материал. Как отмечается в исследовании, *«в современной юридической литературе выделяют три модели соотношения государства и права: 1) тоталитарная; 2) либеральная; 3) прагматическая»* [1]. Данная трехуровневая типология, вынесенная автором в качестве отправного методологического ориентира, задает направление для последующего анализа каждой из обозначенных моделей. Важно подчеркнуть, что М.М. Салихов не ограничивается простой констатацией их существования, а рассматривает данные конструкции сквозь призму идеала правового государства, что придает его работе не только описательный, но и отчетливо выраженный аксиологический характер.

Первый тип взаимосвязи – тоталитарная модель – традиционно рассматривается в качестве исторически наиболее ранней формы симбиоза власти и нормативных предписаний, хотя ее теоретическое оформление происходило по мере становления этатистских концепций. В рамках данной модели право лишается собственной автономной ценности и редуцируется до уровня технического инструмента, совокупности приказов суверена, облеченных в специфическую форму. Государство здесь выступает абсолютным творцом правовой материи, а его воля, не связанная какими-либо внешними ограничениями, приобретает силу высшего закона. Анализируя публикацию М.М. Салихова, можно заметить, что автор связывает эту модель не только с крайними проявлениями диктатуры, но и с любым типом политического устройства, где целесообразность и административное усмотрение ставятся выше принципа формального равенства и неотчуждаемых прав личности. Отличительной чертой тоталитарной модели является принципиальная невозможность возникновения коллизии между государственным интересом и правовым предписанием, поскольку последнее при возникновении малейшего противоречия немедленно корректируется или игнорируется властным субъектом.

Диаметрально противоположный подход фиксируется в либеральной модели, укорененной в традиции естественно-правового мышления и получившей мощный импульс к развитию в эпоху буржуазных революций. Сущность данной модели заключается в признании примата права над государством. Позиция автора статьи [1] в этом вопросе демонстрирует приверженность ценностям конституционализма: право, особенно в его неотъемлемой части, касающейся основных свобод человека, мыслится как феномен, предшествующий государственной организации и ограничивающий ее дискреционные полномочия. Государство в этой парадигме не создает право, а лишь формулирует его в виде позитивных законов, будучи связанным глубинными принципами справедливости и правовой определенности. Анализ текста М.М. Салихова позволяет заключить, что для него либеральная модель является не просто одной из возможных теоретических схем, но нормативным идеалом, к которому следует стремиться в процессе построения правовой государственности. Именно в данной модели реализуется ключевая функция права как

средства обуздания государственного произвола и гаранта стабильности гражданского оборота.

Третья модель, обозначенная М.М. Салиховым как прагматическая, представляет собой попытку преодоления крайностей двух предыдущих подходов и отражает реалии функционирования современных демократических систем. Ее специфика заключается в отказе от поиска метафизического первенства и в сосредоточении внимания на функциональной взаимозависимости двух институтов. С точки зрения автора, государство и право в данной проекции существуют в режиме перманентного взаимного влияния и сдерживания. Право не способно существовать без механизма государственного принуждения, обеспечивающего его действенность, в то время как государство, лишенное правовой формы, рискует утратить легитимность и эффективность управления. В работе М.М. Салихова акцентируется внимание на том, что прагматическая модель наиболее адекватно описывает сложный механизм «сдержек и противовесов», где право выступает одновременно и продуктом государственной воли, и ее ограничителем. Здесь юридическая норма не является ни простым приказом, ни абсолютной догмой, а представляет собой результат сложного социального компромисса, институционализированного властью.

Если классификация М.М. Салихова дает синхронный срез существующих теоретических моделей, то работа Э.Р. Черновой обращает исследовательский взор к корневой дихотомии, лежащей в основе всех дискуссий о соотношении государства и права. Автор акцентирует внимание на первичности одного из элементов системы, формулируя проблему с предельной ясностью: *«Проблема соотношения государства и права всегда сводится к предмету обсуждения о том, что является первоначальным: государство или право»* [2]. Данное утверждение, вынесенное в заголовочный комплекс сниппета публикации, задает высокий теоретический градус анализу. Э.Р. Чернова, судя по содержанию доступного фрагмента, целенаправленно погружается в многовековой спор между сторонниками юридического позитивизма и юснатурализма, показывая, что ответ на этот кажущийся абстрактным вопрос имеет вполне конкретные политико-правовые последствия для законодательной практики и правоприменения.

Углубляя анализ заявленной Э.Р. Черновой дихотомии, стоит отметить, что позиция автора, по-видимому, направлена не столько на нахождение единственно верного ответа, сколько на демонстрацию методологической уязвимости однозначных решений. Если признать первичным государство, то право неизбежно низводится до функции властвования, что чревато легитимацией авторитарных тенденций. Если же абсолютизировать первичность права, существующего до и вне государства, возникает риск размывания суверенитета и подрыва монополии государства на легальное принуждение. В публикации прослеживается мысль о том, что современная юридическая наука все чаще уходит от этой антиномии, предпочитая рассматривать государство и право как коррелятивные понятия, которые конституируются одновременно в процессе социальной эволюции. Тем не менее, сама постановка вопроса о первоначальности остается важнейшим эвристическим приемом, позволяющим вскрыть идеологические основания той или иной правовой системы.

Значительное расширение предметного поля рассматриваемой проблематики предлагается в исследовании М.А. Гришечкиной. Автор выходит за рамки бинарной оппозиции «государство – право», вводя в анализ третий компонент – правосознание. Как указано в материалах публикации, *«в статье затрагивается проблема первостепенности государства по отношению к праву»* [3], однако эта проблема помещается автором в более сложную структуру взаимосвязей. М.А. Гришечкина демонстрирует, что теоретические модели соотношения права и государства не могут быть полноценно поняты без учета того, как эти институты отражаются в коллективных и индивидуальных представлениях профессиональных юристов и рядовых граждан. Позиция автора, судя по контексту, заключается в том, что правосознание выступает в качестве своеобразной «несущей среды», через которую преломляется любое властное веление и любое нормативное установление.

Аналитическая ценность подхода М.А. Гришечкиной состоит в том, что он позволяет объяснить феномен несовпадения формально-юридической модели соотношения права и государства с реальной практикой их взаимодействия. Можно законодательно закрепить либеральную модель примата права над властью, но если в общественном и профессиональном правосознании доминирует этатистская установка о вторичности закона по отношению к целесообразности, то фактически будет воспроизводиться тоталитарная или прагматическая модель в ее худшем варианте. Следовательно, анализ текста [3] приводит к выводу, что правосознание не является факультативным дополнением к институциональной структуре, а образует ее неотъемлемую ментальную основу. Этот вывод обладает высокой степенью новизны, так как переводит разговор о моделях соотношения из плоскости абстрактной институциональной архитектуры в плоскость живой правовой культуры.

Конкретизация общетеоретических положений применительно к условиям современной российской действительности осуществляется в работе А.Д. Желонкина. Фокус данного исследования смещен с универсальных исторических форм на текущую динамику общественных процессов. Автор формулирует цель своего анализа следующим образом: *«В статье анализируется взаимосвязь государства и права на современном этапе развития российского общества»* [4]. Данная цитата, подкрепленная содержанием публикации, позволяет охарактеризовать научную позицию А.Д. Желонкина как интегративную. Автор не просто констатирует факт взаимовлияния, но рассматривает его в качестве основы для особого типа воздействия на социальные отношения, требующего комплексного, системного подхода к регулированию.

Анализ доступных материалов показывает, что А.Д. Желонкин исходит из невозможности решения актуальных государственных задач исключительно административным ресурсом в отрыве от правовой формы или, напротив, посредством автономного действия правовых норм без их имплементации в государственный механизм. В современном российском обществе, пережившем период глубоких трансформаций нормативной системы, взаимосвязь государства и права приобретает характер интегративного воздействия, направленного на консолидацию социума и обеспечение устойчивого развития. Позиция автора видится в том, что эффективность функционирования политической системы напрямую зависит от степени синхронизации государственной воли и правовых предписаний. Разрывы в этой взаимосвязи, будь то чрезмерная зарегулированность или, наоборот, правовой нигилизм со стороны властных структур, порождают зоны нестабильности и снижают управляемость социальными процессами.

Методологическое измерение рассматриваемой темы находит отражение в трудах Ф.М. Раянова, в частности в его работе о праве и государстве в системе современного обществоведческого подхода [5]. Научная позиция Ф.М. Раянова, реконструируемая на основе контекста его других известных трудов, ориентирована на критику вульгарного экономического детерминизма и узконормативистского подхода к пониманию права. В рамках заявленной темы статья выполняет функцию методологического расширения, позволяя взглянуть на соотношение государства и права не изнутри самой юридической догматики, а с позиций более широкого социально-философского анализа. Обращение к этому источнику оправдано необходимостью показать, что теоретические модели не существуют в вакууме, а вписаны в сложную систему обществоведческого знания, где право и государство рассматриваются как подсистемы социума, детерминированные культурно-историческими и цивилизационными факторами.

Подводя итог анализу рассмотренных публикаций, представляется возможным сформулировать ряд обобщающих выводов, отражающих современное состояние теоретической разработки моделей соотношения права и государства в отечественной юридической науке. Во-первых, проведенный обзор демонстрирует отчетливую тенденцию к отходу от монистических трактовок и догматического противопоставления государства и права. На смену представлениям о жесткой иерархии приходит понимание сложной, многоуровневой функциональной взаимозависимости. Типология, предложенная М.М.

Салиховым, в сочетании с постановкой проблемы о первоначальности, артикулированной Э.Р. Черновой, создает прочную понятийную матрицу, в которой находят свое место все последующие теоретические новации.

Во-вторых, анализ позиций авторов показывает, что теоретическая модель не может быть редуцирована исключительно к формально-юридической догме. Включение в исследовательское поле категории правосознания, как это сделано М.А. Гришечкиной, существенно обогащает понимание реального механизма соотношения права и государства, указывая на идеальные и психологические детерминанты их взаимодействия. Следует признать, что любая модель, будь то тоталитарная, либеральная или прагматическая, реализуется в конкретной социокультурной среде и неизбежно подвергается деформации под влиянием господствующих в обществе ценностных ориентаций.

В-третьих, прагматический и интегративный подходы, нашедшие отражение в работах А.Д. Желонкина и частично в третьей модели по классификации М.М. Салихова, представляются наиболее релевантными для описания современного состояния государственно-правовой действительности. Они позволяют уйти от бесплодных споров о метафизическом приоритете и сосредоточиться на решении конкретных задач обеспечения баланса между эффективностью государственного управления и надежностью правовых гарантий свободы личности. Наконец, обращение к методологическим работам, примером которых служит исследование Ф.М. Раянова, подтверждает необходимость дальнейшего междисциплинарного синтеза, способного преодолеть ограниченность как сугубо юридического позитивизма, так и абстрактных спекуляций естественно-правовой школы, открывая путь к построению целостной и практически ориентированной концепции соотношения права и государства.

Список источников

1. Салихов М.М. Взаимодействие государства и права в правовом государстве [Электронный ресурс] / М.М. Салихов. 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-gosudarstva-i-prava-v-pravovom-gosudarstve (дата обращения: 18.04.2026).
2. Чернова Э.Р. Проблемы соотношения государства и права [Электронный ресурс] / Э.Р. Чернова. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sootnosheniya-gosudarstva-i-prava (дата обращения: 18.04.2026).
3. Гришечкина М.А. Проблемы взаимосвязи государства, права и правосознания [Электронный ресурс] / М.А. Гришечкина. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vzaimosvyazi-gosudarstva-prava-i-pravosoznaniya (дата обращения: 18.04.2026).
4. Желонкин А.Д. Взаимосвязь государства и права как основа интегративного государственно-правового воздействия в современном российском обществе [Электронный ресурс] / А.Д. Желонкин. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-gosudarstva-i-prava-kak-osnova-integrativnogo-gosudarstvenno-pravovogo-vozdeystviya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve (дата обращения: 18.04.2026).
5. Раянов Ф.М. Право и государство в системе современного обществоведческого методологического подхода [Электронный ресурс] / Ф.М. Раянов. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-gosudarstvo-v-sisteme-sovremennogo-obschestvovedcheskogo-metodologicheskogo-podhoda (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 7.06

ПРАВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ: ФОРМЫ ДИАЛОГА

Хамзатова З.Р.,
канд. филос. наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
доцент кафедры истории
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»;
руководитель Ассоциации искусствоведов (ООО АИС) по Чеченской Республике
Сосаева К.К.,
студентка 3 курса направления «Социальная работа» юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В статье исследуется активная роль искусства в формировании правового сознания и развитии правовой культуры. Анализируются способности художественных практик гармонизировать эмоциональную сферу, моделировать моральные ситуации и воздействовать на коллективное сознание. Рассмотрены современные формы взаимодействия искусства и права, включая визуальную коммуникацию, цифровые арт-практики и вопросы справедливого использования произведений. Авторы приходят к выводу, что искусство выступает самостоятельным инструментом гуманизации юридических процедур и укрепления доверия к правовым институтам.*
Ключевые слова: *искусство, право, правовая культура, справедливость, эмоциональное воздействие, современные художественные практики, визуальная коммуникация, междисциплинарный синтез.*

LAW IN THE ARTISTIC DIMENSION: FORMS OF DIALOGUE

Khamzatova Z.R.,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work,
Kadyrov Chechen State University;
Associate Professor at the Department of History,
Chechen State Pedagogical University;
Head of the Association of Art Historians (LLC AIS) for the Chechen Republic
Sosaeva K.K.,
3rd-year undergraduate student in «Social Work» at the Faculty of Law,
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article examines the active role of art in shaping legal consciousness and developing legal culture. It analyzes the capacity of artistic practices to harmonize the emotional sphere, model moral situations, and influence collective consciousness. Contemporary forms of interaction between art and law are considered, including visual communication, digital art practices, and fair use of creative works. The authors conclude that art serves as an independent tool for humanizing legal procedures and strengthening trust in legal institutions.*
Keywords: *art, law, legal culture, justice, emotional impact, contemporary artistic practices, visual communication, interdisciplinary synthesis.*

В современном обществе искусство и право нередко воспринимаются как самостоятельные сферы, которые развиваются по разным правилам и обращаются к различным сторонам человеческой жизни. При внимательном рассмотрении становится очевидно, что обе области обладают общей социальной природой и решают сходные задачи,

направленные на установление справедливого и гармоничного порядка. Исследователи отмечают, что правовая политика и искусство сопряжены в единстве своих целей, поскольку справедливость, закреплённая в законодательных актах и воплощённая в художественных произведениях, остаётся универсальным идеалом, востребованным всем обществом [1, с. 379]. Право структурирует общественные отношения через чёткие нормы, а искусство постепенно осмысляет эти отношения через образы, благодаря чему формируется единое пространство правовой культуры, которое укрепляет доверие граждан к правовым институтам.

Искусство влияет на нравственное сознание и эмоциональную сферу личности. Художественные произведения гармонизируют внутренние переживания, развивают чувство меры и переключают внимание человека с бытовых потребностей на духовные ценности. Это напрямую способствует повышению общей правовой культуры [1, с. 380]. Образы, созданные авторами, обращаются не только к разуму, но и к подсознанию. Зритель или читатель может прожить сложные моральные ситуации в безопасном пространстве вымысла и прочувствовать ответственность за собственные поступки. Через такое эмоциональное убеждение искусство помогает человеку сделать осознанный нравственный выбор, формирует коллективную совесть и укрепляет убеждения, необходимые для построения правового государства [1, с. 382]. Юридическое образование сегодня сталкивается с проблемами правового нигилизма, и интеграция художественных методов становится эффективным способом развития эмпатии и критического мышления у будущих специалистов.

На современном этапе взаимодействие этих сфер постепенно переходит от теоретического осмысления к практическим формам сотрудничества. В эпоху постмодерна границы между классическим творчеством и социальной реальностью размываются. Художественная деятельность начинает напрямую пересекаться с юридической и политической практикой [2, с. 14]. Многие современные авторы сознательно используют творческие методы в рамках социального диалога. Экспрессивный продукт искусства превращается в элемент правового регулирования. Яркий пример – проект «Караоке-суд». Реальные конфликты там разрешаются через музыкальное исполнение, а итоговое решение оформляется в виде договора, который стороны подписывают по собственной воле [Там же, с. 15]. Подобные эксперименты показывают, что художественные практики способны преодолевать формализм юридических процедур, возвращать праву человеческое измерение и создавать новые формы диалога между гражданами и законом.

Технико-юридический аспект этого взаимодействия выражается в развитии юридического дизайна и визуализации правовых норм. Методология графической и структурной оптимизации документов, судебных решений и пользовательских соглашений делает сложные тексты понятными для широкой аудитории, снижает риск неоднозначных толкований и способствует реализации принципа правовой определённости [3, с. 101].

Художественная сфера влияет на политические процессы и демократические трансформации. Она участвует в формировании общественных ориентиров и поддерживает правовые преобразования. Когда общество переживает этап устойчивого роста, культурные инициативы помогают консолидировать граждан вокруг разделяемых ценностей. В периоды кризисов они выступают катализатором общественного внимания к насущным вопросам и направляют энергию социума в русло поиска справедливости [1, с. 381]. Свобода творческого самовыражения тесно связана со степенью демократизации государственного строя и соблюдением принципов законности. Художественная среда естественным образом защищает личные свободы. Она наглядно демонстрирует принцип равных возможностей и открытости творчества для всех граждан [1, с. 382].

Формирование устойчивой арт-инфраструктуры зависит от трёх условий. Открытость в вопросах происхождения экспонатов выступает первым из них. Вторым условием является ответственный подход к коллекционированию. Третьим условием становится доверие между художниками, выставочными площадками и аудиторией. Только тогда культурное наследие получает надёжную защиту [4, с. 59].

Право вступает в диалог с искусством уже в момент создания произведения. Статья 1259 Гражданского кодекса РФ охраняет живопись, графику, скульптуру и дизайн с момента их появления [5]. Закон чётко разделяет идею и форму. Идея остаётся в общем доступе. Конкретное воплощение (композиция, колорит, авторская манера исполнения) получает защиту. На пересечении эстетики и юридической нормы рождается практический разговор между художником и правом.

Одних законов недостаточно. Автору нужно профессиональное сопровождение на всех этапах работы с произведением. Эту задачу решает Ассоциация искусствоведов (Общероссийская общественная организация историков искусства и художественных критиков) [6]. Организация готовит официальные справки и документальное обоснование для фиксации авторства. Она помогает художникам с оформлением виз для зарубежных выставок. Юридические консультации Ассоциации особенно важны в международных проектах, где сталкиваются разные правовые системы. Эта работа снижает риски нарушений и позволяет выстроить прозрачную модель монетизации. Правовая защита превращается из формальности в рабочий инструмент, а автор сохраняет контроль над своим творческим наследием.

В качестве локальной иллюстрации можно обратиться к Чеченской Республике. Творческое наследие чеченских мастеров давно вышло за пределы музейных каталогов. Сегодня это активный культурный ресурс, который требует чёткого правового оформления. В республике заметна динамика в использовании произведений визуального искусства. Вместе с тем появляются эпизоды, требующие дополнительного регулирования и повышения правовой грамотности участников рынка. Речь идёт не о местной особенности, а об общей угрозе для всех авторов. Знание авторского права перестаёт быть рекомендацией. Оно становится условием сохранения профессиональной независимости.

Связь между юридической системой и художественным миром строится на постоянном диалоге. Творческая деятельность не отражает законодательные процессы пассивно. Она превращается в механизм воспитания правовой культуры и смягчения юридических процедур.

Список источников

1. Васильева Е.Н. Единство задач правовой политики и искусства: теоретико-методологический дискурс // Образование и право. 2021. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvo-zadach-pravovoy-politiki-i-iskusstva-teoretiko-metodologicheskiy-diskurs (дата обращения: 20.03.2026).
2. Васильева Е.Н. Пути взаимодействия искусства и права в современном обществе / Е.Н. Васильева // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 8-1. – С. 12–17. DOI 10.34670/AR.2020.61.15.002. EDN GGYYVB.
3. Васильева Е.Н., Хамидуллина Ф.И. Право и искусство: грани взаимодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-iskusstvo-grani-vzaimodeystviya (дата обращения: 20.04.2026).
4. Искусство и право = Art and law: сборник научно-практических работ / сост. Д.В. Пономарева; [под ред. Д.В. Пономаревой]. – Казань: Бук, 2023. – С. 59.
5. Статья 1259. ГК РФ Объекты авторских прав. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (части первая, вторая, третья и четвертая) (с изменениями и дополнениями) |ГАРАНТ URL: https://base.garant.ru/10164072/2017e42bb4f69a83a4bd03b67d862357/ (дата обращения: 16.04.2026).
6. Официальный сайт Ассоциации искусствоведов (АИС). URL: https://aisart.ru/ (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 343.2

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ходжалиев С.А.,
д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры
уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
Дадашов М.М.,
доцент кафедры информационного права и юриспруденции
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени М.Д. Миллионщикова»

Аннотация. *В статье анализируются современные доктринальные подходы к пониманию уголовного наказания, его сущности, видов, правил назначения и перспектив развития в условиях цифровизации. На основе пяти научных публикаций 2025–2026 годов рассматриваются проблемы дополнительных наказаний, методология назначения, влияние смягчающих и отягчающих обстоятельств, системность наказания и его сущностное ядро. Особое внимание уделяется выявлению авторских позиций и их сопоставлению. Делается вывод о необходимости дальнейшей теоретической разработки института наказания с учётом как фундаментальных ценностных категорий, так и практических вызовов правоприменения.*
Ключевые слова: *уголовное наказание, сущность наказания, возмездие, дополнительные наказания, назначение наказания, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, система наказаний, цифровые технологии.*

MODERN CRIMINAL PUNISHMENT: FROM THEORETICAL ESSENCE TO DIGITAL TRANSFORMATION

Khojaliev S.A.,
Doctor of Law, Associate Professor
professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University
Dadashov M.M.,
Associate Professor, Department of Information Law and Jurisprudence
Millionshchikov Grozny State Oil Technological University

Abstract. *The article analyzes modern doctrinal approaches to understanding criminal punishment, its essence, types, rules of imposition, and prospects for development in the context of digitalization. Based on five scholarly publications from 2025–2026, the paper examines issues of additional punishments, sentencing methodology, the influence of mitigating and aggravating circumstances, the systemic nature of punishment, and its essential core. Particular attention is paid to identifying and comparing the authors' positions. The conclusion emphasizes the need for further theoretical elaboration of the institution of punishment, taking into account both fundamental value categories and practical challenges of law enforcement.*
Keywords: *criminal punishment, essence of punishment, retribution, additional punishments, sentencing, mitigating circumstances, aggravating circumstances, system of punishments, digital technologies.*

Институт уголовного наказания переживает период существенной концептуальной перестройки, обусловленный как внутренними потребностями правоприменительной

практики, так и внешними вызовами научно-технического прогресса. Традиционные подходы к определению карательного воздействия и его целей сталкиваются с необходимостью адаптации к условиям информационного общества, в то время как законодательные конструкции демонстрируют известную инертность. В научной литературе последних лет отчетливо выделяются несколько магистральных направлений дискуссии: от переосмысления фундаментальной сущности наказания до разработки инновационных механизмов контроля, базирующихся на цифровых платформах.

В доктринальной плоскости наиболее острую полемику вызывает вопрос о глубинной природе мер государственного принуждения. К.В. Корсаков, подвергая критическому анализу устоявшиеся в пенологии представления о наказании как исключительно о принуждении, страдании либо публичном порицании, аргументированно настаивает на возвращении в научный оборот категории возмездия. Исследователь подчеркивает, что именно данный термин позволяет сохранить сущностную связь карательной деятельности государства с идеалами справедливости и философской категорией меры. По его убеждению, «сущностью уголовного наказания следует признать возмездие, а смыслом – охрану общества от преступных посягательств. Термин «возмездие» связывает уголовное наказание с идеалами справедливости, а также с философской категорией меры – он указывает на то, что за преступлением должно следовать соразмерное наказание» [1, с. 48]. В рамках данной логики утилитарные цели исправления и предупреждения не отменяют воздаятельную основу, а надстраиваются над ней, предотвращая превращение уголовной репрессии в бесконтрольный произвол или, напротив, в неоправданно мягкое попустительство.

Если сущностные характеристики наказания апеллируют к фундаментальным принципам права, то структурное построение его системы отражает эволюцию законодательной техники и социальных приоритетов. Анализ действующей иерархии санкций, проведенный Л.А. Ибрагимовой, выявляет внутреннюю противоречивость классификации, закрепленной в статье 45 Уголовного кодекса РФ. Автор акцентирует внимание на неоднозначности выделения так называемых «смешанных» видов наказаний, полагая, что подобный прием юридической техники не имеет под собой достаточного теоретического обоснования и лишь размывает границы правового института. Особую тревогу вызывает состояние дополнительных мер воздействия, потенциал которых, по мнению исследователя, используется далеко не в полной мере. Констатируется, что «в настоящее время институт дополнительных видов наказания находится в неразвитом состоянии. В теории уголовного права не существует отдельной единой характеристики относительно преступника, совершающего противоправное посягательство. Каждое виновное лицо индивидуально, а, следовательно, к нему должно применяться и индивидуализированное наказание» [2, с. 5]. Отсутствие гибкости в применении дополнительных санкций (таких как лишение званий, чинов или права заниматься определенной деятельностью) существенно сужает диапазон судейского усмотрения, лишая правосудие инструментов для точечного карательного и превентивного воздействия.

Практическая плоскость назначения наказаний демонстрирует еще более выраженные дисфункции, связанные с разрывом между законодательной моделью и реальной судебной деятельностью. Ф.Г. Шахкелдов, опираясь на обширный эмпирический материал и статистику апелляционных изменений приговоров, приходит к неутешительному выводу о стагнации качества правоприменения в данной сфере. Количество судебных ошибок при учете смягчающих и отягчающих обстоятельств не обнаруживает тенденции к устойчивому снижению, что напрямую подрывает авторитет судебной власти и девальвирует цели уголовной ответственности. В исследовании подчеркивается, что корень проблемы кроется не столько в субъективных просчетах судей, сколько в системных изъянах самого нормативного материала, содержащего неработающие или трудноисполнимые санкции. В связи с этим автором выдвигается императивное требование ревизии перечня наказаний: «На сегодняшний день в условиях политических реалий и нестабильности общественных отношений внутри и за пределами государства особенно необходимо поддержание общественного порядка.

Достижение такой задачи при несовершенном законодательстве крайне затруднительно. В связи с чем, предлагается закрепить дефиницию системы наказаний в Уголовном кодексе, определить ее элементы, привести перечень видов наказаний в практически применимое положение, исключив из него неприменяемые виды наказаний» [3, с. 170]. Речь идет о необходимости устранения фиктивных норм (например, об аресте) и приведения формального закона в соответствие с ресурсными возможностями пенитенциарной системы.

Методологическая база, на которой зиждется процесс избрания меры государственного принуждения, также требует существенного уточнения и развития. С.А. Ходжалиев обращает внимание на недостаточную теоретическую проработку самих правил назначения наказания, которые зачастую воспринимаются как сугубо техническая процедура, лишенная глубинного правового содержания. Между тем именно на этом этапе уголовного судопроизводства происходит синтез абстрактных целей наказания с конкретными обстоятельствами деяния и личностными характеристиками виновного. Автор подчеркивает, что достижение баланса между справедливостью и эффективностью невозможно без опоры на четкие, научно обоснованные критерии, исключающие субъективизм в оценке содеянного. Как отмечается в работе, «правила назначения уголовного наказания являются сложным и многогранным институтом уголовного права, требующим постоянного изучения и совершенствования. Теоретико-методологический анализ этих правил, изучение практики их применения, учет современных тенденций в области пенализации необходимы для обеспечения законности, справедливости и эффективности системы уголовного правосудия» [4, с. 556]. В этом контексте особое значение приобретает разработка единообразных подходов к оценке типовых смягчающих обстоятельств и механизмов индивидуализации ответственности, что позволило бы минимизировать разброс судебной практики по аналогичным составам преступлений.

Вектор дальнейшего развития института наказания все чаще связывается исследователями с экспансией информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного контроля и надзора. Наиболее радикальный и вместе с тем прогностически точный взгляд на данную проблематику предлагает С.В. Розенко, выдвигая концепцию формирования нового правового субинститута. Автор исходит из того, что классические виды наказаний, ориентированные преимущественно на физическую изоляцию или материальные ограничения, утрачивают былую исключительность в условиях цифровизации повседневной жизни человека. Современные технические средства позволяют осуществлять непрерывный мониторинг поведения и создавать виртуальный «цифровой портрет» осужденного, что открывает беспрецедентные возможности для реализации дисциплинарной власти без применения традиционной изоляции. В исследовании формулируется смелое предложение: «Предлагается выделить правовой субинститут «цифровое наказание» как перечень определенных видов наказаний, являющийся частью межотраслевой категории наказания в целом, которую предлагается закрепить в уголовном и административном наказании» [5, с. 80].

Подобный подход к обновлению карательного инструментария, будь то запрет на операции с цифровыми финансовыми активами или принудительное ограничение сетевой активности, фиксирует сдвиг в самой природе общественных отношений. Законодатель уже не может игнорировать тот факт, что значительная часть социальных связей, финансовых потоков и даже деструктивных практик переместилась в виртуальное пространство. В этом контексте расширение перечня санкций за счет «цифровых» ограничений выглядит не просто данью моде, а логичным шагом, способным кратно усилить предупредительный эффект уголовного закона, особенно в делах о преступлениях, совершённых с применением информационных технологий.

Рассмотренные в рамках настоящего обзора исследовательские позиции демонстрируют не столько разрозненность мнений, сколько сложную, многоуровневую структуру отраслевой рефлексии. В ней отчетливо проступает двойственность текущего момента: теоретики права стремятся упрочить ценностный фундамент наказания, возвращая в

научный оборот идею возмездия как меры справедливого воздаяния, тогда как практическая юриспруденция всё настойчивее сигнализирует о неработоспособности ряда формально действующих норм и требует их скорейшей ревизии. Одновременно с этим вектор развития всё заметнее смещается в сторону признания цифровой реальности полноправной средой уголовно-правового воздействия.

Итогом сопоставления этих линий становится вывод: перспектива института наказания связана не с банальным наращиванием суровости, а с повышением точности его применения и освоением технологически новых форм контроля. Законодателю в обозримом будущем предстоит решить двуединую задачу: во-первых, очистить действующий кодекс от дисфункциональных элементов, а во-вторых, обеспечить легальные основания для внедрения высокотехнологичных мер, которые, не покушаясь на базовые конституционные свободы, будут работать на цели исправления и общей превенции.

Список источников

1. Корсаков К.В. Сущность уголовного наказания в современной пенологии и доктрине уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). – С. 41–50.
2. Ибрагимова Л.А. Дополнительные виды наказаний в современном уголовном праве // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». 2025. № 12 (93). Т. 2. – С. 454–458.
3. Шахкелдов Ф.Г. Обстоятельства, влияющие на назначение наказания в российском уголовном праве: вопросы теории и практики // Право и практика. 2025. № 4. – С. 163–170.
4. Ходжалиев С.А. Правила назначения уголовного наказания. Теоретико-методологические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. – С. 555–556.
5. Розенко С.В. Системность развития российского уголовного наказания // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). – С. 79–83.

УДК 343.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ОТ СВОЙСТВ И ЦЕЛЕЙ К СИСТЕМНОСТИ И КОНСТИТУЦИОННОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

Ходжалиев С.А.,
д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры
уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
Дадашов М.М.,
доцент кафедры информационного права и юриспруденции
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени М.Д. Миллионщикова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных теоретических подходов к пониманию уголовного наказания, его свойств, целей и системной организации. На основе анализа пяти научных публикаций 2025 года рассматриваются вопросы соотношения признаков и свойств наказания, эволюции представлений о его целях, требований необходимости и достаточности при построении системы наказаний, классификационных критериев, а также перспектив формирования конституционной теории наказания. Особое внимание уделено выявлению авторских позиций и их сопоставлению. Делается вывод о наметившемся переходе от догматического описания наказания к его системному и конституционно-ценностному осмыслению.*

Ключевые слова: *уголовное наказание, свойства наказания, цели наказания, система наказаний, классификация наказаний, конституционная теория наказания, человеческое достоинство.*

THEORETICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING CRIMINAL PUNISHMENT: FROM PROPERTIES AND GOALS TO SYSTEMICITY AND CONSTITUTIONAL INTERPRETATION

Khojaliev S.A.,
Doctor of Law, Associate Professor
professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University
Dadashov M.M.,
Associate Professor, Department of Information Law and Jurisprudence
Millionshchikov Grozny State Oil Technological University

Abstract. *The article analyzes modern theoretical approaches to understanding criminal punishment, its properties, goals, and systemic organization. Based on the analysis of five scholarly publications from 2025, the paper examines the correlation between features and properties of punishment, the evolution of ideas about its goals, the requirements of necessity and sufficiency in constructing a system of punishments, classification criteria, and the prospects for developing a constitutional theory of punishment. Special attention is paid to identifying and comparing the authors' positions. The conclusion is drawn about an emerging shift from a dogmatic description of punishment toward its systemic and constitutional-value interpretation.*

Keywords: *criminal punishment, properties of punishment, goals of punishment, system of punishments, classification of punishments, constitutional theory of punishment, human dignity.*

Современная уголовно-правовая доктрина демонстрирует устойчивый интерес к переосмыслению фундаментальных категорий, лежащих в основе института наказания. Принятие Конституции Российской Федерации, изменение социально-экономических условий, внедрение новых мер уголовно-правового характера и развитие института пробации создают запрос на теоретическую ревизию устоявшихся представлений о сущности, целях и внутренней организации наказания. Анализ научных публикаций 2025 года, выполненных представителями различных научных школ, позволяет зафиксировать несколько ключевых векторов развития пенологической мысли.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы практически единодушно отходят от упрощенного, сугубо нормативистского взгляда на наказание исключительно как на меру государственного принуждения, закрепленную в статье 43 УК РФ. Вместо этого исследователи стремятся выявить внутренние закономерности функционирования наказания как сложного правового явления, обладающего собственной структурой, свойствами и динамикой. При этом каждый из рассмотренных подходов акцентирует внимание на специфическом аспекте проблемы, что в совокупности формирует многомерную картину современного состояния теории уголовного наказания.

Одной из центральных проблем, неизбежно возникающих при попытке дать строгое определение уголовного наказания, является разграничение его свойств и признаков. Внешне схожие, эти понятия в юридической науке нередко употребляются как синонимы, что приводит к размыванию категориального аппарата и затрудняет дальнейший теоретический анализ. О.Н. Уваров и Д.Н. Ольховик в своей работе предпринимают попытку внести терминологическую ясность, опираясь на философскую традицию различения внутреннего содержания и внешней формы предмета или явления.

Авторы исходят из того, что сущность наказания есть кара, понимаемая как комплекс лишений и ограничений прав и свобод осужденного. Содержание наказания представляет собой конкретное воплощение кары применительно к определенному виду наказания, предусмотренному уголовным законом. Форма же задается самой системой наказаний, закрепленной в статье 44 УК РФ. В рамках этой триады «сущность – содержание – форма» свойства наказания соотносятся с его внутренней, сущностной стороной, тогда как признаки выполняют идентификационную, внешне различительную функцию.

Принципиально важным представляется следующий вывод, к которому приходят исследователи: «Каждый карающий элемент должен обладать свойствами законности и справедливости. Законность в данном случае определяется соответствием каждого элемента кары закону. Справедливость же должна включать в себя в рассматриваемом аспекте адекватность, т. е. восприниматься адекватно как существенный вред с точки зрения осужденного; значимость, т. е. нести соответствующий вред осужденному с точки зрения общества» [1, с. 19]. В этой формулировке отчетливо прослеживается стремление авторов соединить формально-юридический и социально-психологический критерии оценки наказания. Справедливость перестает быть абстрактной декларацией и приобретает вполне конкретное измерение: она должна быть воспринята как таковая и самим осужденным, и обществом в целом. Более того, О.Н. Уваров и Д.Н. Ольховик обращают внимание на необходимость обеспечения свойства прогрессивности кары, то есть возможности замены одних карательных элементов другими, более или менее строгими, в зависимости от поведения осужденного. Такой подход закладывает теоретические предпосылки для обоснования гибкости системы наказаний и ее способности к индивидуализации уголовно-правового воздействия.

Вопрос о целях наказания традиционно относится к числу наиболее дискуссионных в уголовно-правовой науке. Законодательная формулировка части 2 статьи 43 УК РФ, называющая три цели (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение преступлений), не столько снимает, сколько порождает теоретические споры. С.А. Ходжалиев в своем исследовании предпринимает обстоятельный обзор существующих в доктрине позиций, демонстрируя их впечатляющее разнообразие.

Автор фиксирует несколько принципиально различных подходов. Одна группа ученых (Н.Ф. Кузнецова, В.Д. Филимонов) настаивает на единственной цели – восстановлении социальной справедливости. Другие (М.Д. Шаргородский, С.И. Курганов) видят таковую в предупреждении преступлений. Третьи (И.С. Ной) – в исправлении преступника. Наряду с этим высказываются предложения о дополнении законодательного перечня такими целями, как реституция, ресоциализация, обеспечение безопасности общества и даже искупление вины. Особого внимания заслуживает позиция тех авторов (С.В. Познышев, М.В. Кирюшкин), которые полагают нецелесообразным само включение указания на цели в легальную дефиницию наказания, поскольку это вносит в правовой текст политико-идеологический элемент и создает иллюзию достижимости заведомо недостижимых идеалов.

С.А. Ходжалиев не формулирует собственную жесткую позицию в пользу одной из концепций, а скорее подводит читателя к пониманию исторической обусловленности любой теории целей. Ключевой вывод его работы звучит следующим образом: «Сущность наказания заключается в тех целях и том назначении, которое является целесообразным для государства в определённый период своего развития. И с этой точки зрения на первое место встает кара, которая одновременно служит и возмездием за нарушение социальных норм, и средством предупреждения совершения новых преступлений (этим же лицом или другими)» [2, с. 398]. Таким образом, автор признает кару не просто одним из элементов наказания, а его стержневой основой, которая, однако, не исключает, а напротив, предполагает реализацию утилитарных, предупредительных задач. В этом проявляется компромиссный, интегративный подход, характерный для многих современных исследователей.

Если работы О.Н. Уварова, Д.Н. Ольховика и С.А. Ходжалиева посвящены преимущественно анализу отдельного наказания как такового, то М.Т. Валеев переводит исследование на более высокий уровень абстракции – уровень системы наказаний. Постановка вопроса о необходимости и достаточности применительно к системе уголовных наказаний является не просто данью общенаучной системной методологии, но имеет вполне конкретный практический смысл: она позволяет оценить, насколько существующий перечень наказаний способен эффективно решать возложенные на него задачи и нет ли в нем избыточных или, напротив, недостающих элементов.

М.Т. Валеев исходит из того, что любая система существует ради достижения определенной цели, которая не может быть достигнута отдельными элементами вне их взаимодействия. Цель системы наказаний, по его мнению, не сводится к простому перечислению наказаний по степени строгости. Истинное предназначение системы раскрывается через анализ тех механизмов, которые обеспечивают взаимодействие наказаний между собой: сложение, поглощение, замена, зачет и сокращение. Все эти операции объединяет одна общая функция – корректировка кары, заложенной в наказании, применительно к конкретному преступнику и с учетом его поведения как на стадии назначения наказания, так и в процессе его исполнения.

Исследователь формулирует дефиницию, имеющую важное методологическое значение: «Цель системы наказаний – максимальное соответствие кары, заложенной в наказании, общественной опасности преступника, начиная от назначения наказания и заканчивая его исполнением. Система же уголовных наказаний в таком случае – это такая совокупность наказаний, которая в результате взаимодействия при назначении (статический аспект) и при исполнении (динамический аспект) благодаря заданным свойствам способна достигать цели – изменять (индивидуализировать и корректировать) количество и качество кары в отношении осужденного» [3, с. 7]. Из этого определения следует, что система наказаний не является застывшей конструкцией; она должна обладать внутренней динамикой и способностью к адаптации. М.Т. Валеев подробно анализирует условия необходимости (наличие не менее двух сопрягаемых наказаний, учет личности преступника) и условия достаточности, которые варьируются в зависимости от конкретного способа корректировки кары. Особую ценность представляет его указание на то, что ключевой характеристикой, обеспечивающей сопряжение наказаний, выступает возможность их приведения к «общему

знаменателю» – исчислению в сопоставимых единицах времени или денег. Этот тезис переводит обсуждение системы наказаний из плоскости абстрактных рассуждений в плоскость конкретных законодательных пропорций и эквивалентов.

Вопрос о классификации уголовных наказаний тесно связан с проблемой их систематизации. Если система отражает внутренние, сущностные связи между элементами, то классификация представляет собой внешнюю, логическую операцию по упорядочению множества наказаний на основе избранного критерия. П.П. Елисов и Л.И. Гаманенко в своей работе проводят детальный анализ существующих в доктрине классификационных схем, демонстрируя, насколько разнообразными могут быть основания для группировки.

Авторы последовательно рассматривают классификации по характеру карательных элементов (связанные и не связанные с лишением свободы), по характеру пенитенциарного воздействия, по срокам назначения (срочные, бессрочные, одномоментные), по содержанию лишений и ограничений прав, осужденных (имущественные, трудовые, морально-психологические). Приводятся позиции А.В. Наумова, Н.Ф. Кузнецовой, В.А. Уткина, А.В. Бриллиантова, И.Я. Козаченко, каждая из которых высвечивает определенную грань исследуемого явления. Особое внимание уделяется выделению наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и их внутренней дифференциации на основные, дополнительные и смешанные, что имеет важное значение для правоприменительной практики.

Обобщая рассмотренные подходы, П.П. Елисов и Л.И. Гаманенко приходят к выводу, который можно расценить как методологическое кредо всей работы: «Проанализировав представленные в научной литературе точки зрения, мы пришли к выводу о том, что причиной для классификации уголовных наказаний может стать любой значимый показатель, необходимо лишь соблюдать закономерные правила классификации явлений. При реализации этого условия каждый последующий вид классификации будет способен привнести новые познания об исследуемом предмете и его свойствах» [4, с. 485]. Данный тезис подчеркивает, что множественность классификаций является не недостатком теории, а ее достоинством, свидетельствующим о сложности и многогранности самого объекта познания. Важно лишь, чтобы каждая новая классификация была логически корректной и открывала новые, ранее не замеченные свойства наказания.

Наиболее концептуально насыщенной и устремленной в будущее представляется работа М.В. Арзамасцева, посвященная формированию конституционной теории уголовного наказания. Автор исходит из того, что большинство существующих пенологических концепций было разработано в иных исторических и политико-правовых условиях, до принятия действующей Конституции Российской Федерации, закрепившей принципы правового государства и приоритет прав и свобод человека. В этой связи назрела необходимость переосмысления института наказания сквозь призму конституционных ценностей.

М.В. Арзамасцев подвергает критическому анализу как традиционные теории (ретрибутивизм и утилитаризм), так и относительно новые подходы – коммуникативный, реститутивный и экономический. Признавая их эвристический потенциал, автор вместе с тем отмечает, что ни один из них не дает исчерпывающего ответа на вопрос о конституционно-правовом оправдании государственного принуждения в виде наказания. Компромиссное соединение различных целей в статье 43 УК РФ порождает, по мнению исследователя, внутренние противоречия и не позволяет выстроить непротиворечивую теорию.

Выход из сложившейся ситуации видится автору в разработке динамической концепции целей наказания, дифференцированных по стадиям уголовно-правового регулирования (пенализация, индивидуализация, исполнение, постпенитенциарная пробация, состояние судимости). На каждой из этих стадий доминирует одна, специфическая цель, что позволяет снять противоречие между ретрибутивными и утилитарными устремлениями законодателя.

Однако центральным, стержневым элементом предлагаемой конституционной теории должно стать понятие человеческого достоинства. Именно в этой категории автор усматривает

тот императив, который способен и оправдать применение наказания, и одновременно установить его жесткие пределы. М.В. Арзамасцев подчеркивает: «Если ч. 2 ст. 7 УК РФ исключает возможность цели унижения человеческого достоинства, то ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации указывает, что никто не должен подвергаться унижающему человеческое достоинство наказанию. Это означает, что уголовное принуждение не только субъективно, но и объективно не может ограничивать человеческое достоинство, отрицать субъектность человека, превращать его в объект воздействия» [5, с. 8]. Данный вывод имеет принципиальное значение. Он означает, что при конструировании системы наказаний, определении их содержания и порядка исполнения законодатель связан не только требованием соразмерности тяжести преступления, но и запретом на такое воздействие на осужденного, которое бы низводило его до уровня объекта, лишенного собственной воли и ценности. Человеческое достоинство выступает здесь как абсолютная граница государственного принуждения в сфере уголовной юстиции.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная отечественная наука уголовного права находится в состоянии активного теоретического поиска, направленного на переосмысление фундаментальных основ института наказания. Исследования О.Н. Уварова и Д.Н. Ольховика демонстрируют важность строгой дифференциации свойств и признаков наказания, без которой невозможна корректная оценка его карательного потенциала и эффективности. Работа С.А. Ходжалиева убедительно показывает историческую и идеологическую обусловленность любых теорий целей наказания, предостерегая от догматизации какой-либо одной концепции. М.Т. Валеев, применяя системный подход, выявляет глубинные закономерности организации совокупности наказаний и формулирует требования их необходимости и достаточности, что переводит обсуждение системы наказаний в практическую плоскость законодательного конструирования. П.П. Елисов и Л.И. Гаманенко наглядно иллюстрируют множественность возможных классификаций наказаний, каждая из которых раскрывает новые грани этого сложного правового феномена.

Наиболее перспективным направлением развития пенологической доктрины представляется формирование конституционной теории наказания, основы которой заложены в исследовании М.В. Арзамасцева. Перемещение фокуса внимания с абстрактных целей на конкретные конституционные ценности, и прежде всего – на человеческое достоинство, задает новые, более строгие критерии оценки как существующей системы наказаний, так и любых предложений по ее реформированию. Дальнейшее развитие уголовно-правовой науки, вероятно, будет связано именно с углубленной разработкой конституционно-правовых оснований государственного принуждения и поиском оптимального баланса между необходимостью защиты общества от преступных посягательств и безусловным уважением к достоинству личности даже того, кто преступил уголовный закон.

Список источников

1. Уваров О.Н., Ольховик Д.Н. К вопросу о свойствах уголовного наказания // Уголовная юстиция. 2025. № 25. – С. 17–20.
2. Ходжалиев С.А. Цели, сущность и необходимость уголовного наказания как особого вида государственного воздействия // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. – С. 396–399.
3. Валеев М.Т. Необходимость и достаточность системы уголовных наказаний // Уголовная юстиция. 2025. № 25. – С. 5–10.
4. Елисов П.П., Гаманенко Л.И. Классификация уголовных наказаний // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 483–485.
5. Арзамасцев М.В. Новые теории и новые цели уголовного наказания // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). – С. 3–11.

УДК 342.4

СОВРЕМЕННЫЕ ВЕКТОРЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ: ОТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ ДО АРХИТЕКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Эбаев З.С.-Э.,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных направлений развития конституционного права Российской Федерации в условиях обновления конституционной модели, цифровизации общественных отношений и усиления внимания к вопросам национальной безопасности. Рассматриваются научные подходы к осмыслению экспериментальных правовых режимов, национальной безопасности как конституционно-правового института, конституционно-правовой архитектуры безопасности, отраслевых правовых режимов и конституционных реформ в России и Республике Беларусь. Показано, что современное конституционно-правовое развитие характеризуется одновременным расширением нормативного инструментария и укреплением учредительных основ государственности. Особое внимание уделено роли Конституции как базового регулятивного и ценностного центра, обеспечивающего баланс между инновационными правовыми механизмами и охраной суверенитета, правопорядка и фундаментальных конституционных принципов. Сделан вывод о том, что ключевым вектором современного этапа выступает конституционализация новых общественных отношений при сохранении преемственности национальной конституционной модели.*

Ключевые слова: *конституционное право, конституционно-правовые нормы, конституционно-правовые институты, конституционная реформа, экспериментальные правовые режимы, национальная безопасность, конституционно-правовой режим, цифровизация, публичная власть, конституционализация.*

MODERN VECTORS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT FROM EXPERIMENTAL REGIMES TO THE ARCHITECTURE OF NATIONAL SECURITY

Ebaev Z.S.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern directions of constitutional law development in the Russian Federation under the conditions of constitutional renewal, digitalization of social relations, and increased attention to national security issues. It examines scholarly approaches to the understanding of experimental legal regimes, national security as a constitutional and legal institution, the constitutional and legal architecture of security, sectoral legal regimes, and constitutional reforms in Russia and the Republic of Belarus. It is shown that contemporary constitutional and legal development is characterized by the simultaneous expansion of normative instruments and the strengthening of the constituent foundations of statehood. Particular attention is paid to the role of the Constitution as the basic regulatory and value center ensuring a balance between innovative legal mechanisms and the protection of sovereignty, legal order, and fundamental constitutional principles. It is concluded that the key vector of the present stage is the constitutionalization of new social relations while preserving the continuity of the national constitutional model.*

Keywords: *constitutional law, constitutional legal norms, constitutional legal institutions, constitutional reform, experimental legal regimes, national security, constitutional legal regime, digitalization, public power, constitutionalization.*

Конституционное право Российской Федерации вступило в новый цикл своего развития, обусловленный как масштабными поправками 2020 года, так и стремительной цифровизацией общественных отношений, появлением новых угроз национальной безопасности и интеграционными процессами на постсоветском пространстве. Научная рефлексия происходящих изменений находит отражение в серии публикаций, посвященных различным аспектам конституционно-правовой материи: от теоретического осмысления отраслевых правовых режимов до анализа конкретных институтов – экспериментальных правовых режимов, национальной безопасности и конституционных реформ. В представленных работах С.Н. Максимовой, Н.В. Стус и Ю.А. Намитокова, А.В. Лукьяновой с соавторами, Г.С. Беляевой с соавторами, а также И.В. Шахновской с соавторами прослеживается стремление выявить фундаментальные принципы, обеспечивающие устойчивость конституционного строя в условиях динамично меняющейся социальной реальности.

Статья С.Н. Максимовой «Конституционализация экспериментальных правовых режимов в новом конституционном цикле Российской Федерации» посвящена одному из наиболее ярких проявлений современного правотворчества – экспериментальным правовым режимам (ЭПР) в сфере цифровых инноваций. Автор рассматривает ЭПР не как техническое изъятие из общего регулирования, а как феномен, требующий конституционно-правового осмысления. Показательно, что исследовательница выводит проблему на уровень конституционных принципов, подчеркивая: «В рамках конституционализации экспериментальных правовых режимов первоочередным является вопрос о соответствии подобных режимов эксплицитным (закрепленным в Конституции РФ) и имплицитным (не закрепленным в Конституции РФ, но производным от духа и буквы актов высшей юридической силы) конституционным принципам, определяющим конституционную допустимость специального регулирования и пределы изъятий из общего регулирования» [1, с. 126]. Данный подход методологически ценен тем, что не позволяет рассматривать «регуляторные песочницы» как зону, свободную от конституционного контроля. С.Н. Максимова убедительно показывает, что цифровые инновации, внедряемые через механизм ЭПР (дистанционное электронное голосование, налог на профессиональный доход, технологии искусственного интеллекта), должны не просто создавать новые возможности, но и обеспечивать баланс с фундаментальными правами граждан и основами конституционного строя. В ее позиции прослеживается взвешенный проактивный подход: государство обязано стимулировать технологический суверенитет, однако границы допустимого специального регулирования жестко детерминированы как буквой, так и духом Основного закона.

Иной ракурс исследования конституционно-правовой материи предлагают Н.В. Стус и Ю.А. Намитоков в работе «Конституционно-правовая архитектура национальной безопасности России: принципы, нормы, институты». Авторы обращаются к категории «архитектура», что само по себе свидетельствует о стремлении представить систему обеспечения национальной безопасности как сложноорганизованную, иерархически выстроенную конструкцию, фундаментом которой выступает Конституция. В их трактовке конституционно-правовое обеспечение не сводится к набору отдельных норм, а является первичным уровнем государственно-управленческого воздействия. Авторы подчеркивают: «Конституционно-правовое обеспечение является первичным, фундаментальным уровнем всего процесса организационно-правового и государственно-управленческого обеспечения национальной безопасности. Конституция как основной закон определяет принципы и приоритеты не только в системе развития национальных ценностей и национальной безопасности, но и приоритеты развития законодательства, которым и регулируются отдельные, более конкретные аспекты реализации функций безопасности государства» [2, с.

155]. В этом тезисе заключена идея о системообразующей роли Конституции: она не просто провозглашает ценности, но и задает вектор развития отраслевого законодательства. Особое внимание в статье уделено судебной власти как институциональному гаранту, способному ликвидировать угрозы национальной безопасности через механизмы конституционного контроля, в том числе посредством признания допустимости отказа от исполнения решений наднациональных органов, противоречащих национальному конституционному порядку.

Продолжая тематику безопасности, А.В. Лукьянова, Д.В. Попков и Л.В. Фролова в статье «Национальная безопасность как конституционно-правовой институт» смещают фокус с «архитектуры» на институциональную природу данного явления. Авторы исходят из того, что национальная безопасность представляет собой не аморфную совокупность политических установок, а вполне оформленный правовой институт, обладающий собственным объектом, субъектным составом и специфическим нормативным массивом. При этом они отмечают относительно недавнее формирование этого института в его современном виде: «Национальная безопасность является важным предметом внимания государства, учитывая, что она тесно связана с вопросами национальных интересов, для которых конституционные ценности и направления развития нашей страны являются главными. Как конституционно-правовой институт, национальная безопасность стала формироваться недавно. В него входят особые правовые регулирующие меры в области безопасности в сочетании с применением научной юридической методологии» [3, с. 123]. В приведенном высказывании фиксируется важная методологическая посылка: институт национальной безопасности находится в стадии активного становления, что требует как упорядочения многочисленных нормативных актов (по подсчетам авторов, более 250 законов и около 1000 подзаконных актов), так и выработки единых теоретических оснований. Показательно, что исследователи поддерживают идею кодификации законодательства в данной сфере, видя в этом путь к преодолению декларативности и фрагментарности правового регулирования.

Теоретико-правовой анализ конституционных явлений был бы неполным без обращения к категории «правовой режим». В статье Г.С. Беляевой, И.Ю. Капустиной и К.А. Белоусовой «Конституционно-правовой режим как разновидность отраслевых правовых режимов: теоретико-правовой ракурс» предпринята попытка определить место конституционно-правового режима в системе отраслевых режимов российского права. Авторы проводят детальное сравнение по ключевым параметрам: предмет, метод, юридический инструментарий, функции и субъектный состав. В результате они приходят к выводу об особом, интегративном характере конституционно-правового режима. Его уникальность раскрывается через широту и политическую значимость используемых средств: «Конституционно-правовой режим характеризуется наиболее широким и политически значимым набором инструментов: от норм-принципов и учредительных актов до механизмов конституционного контроля, которые отсутствуют в других отраслях. Он объединяет разнородный инструментарий (законы, судебные решения, институты прямой демократии) на базе конституционных принципов, выступая интеграционной основой для всех средств» [4, с. 9]. Данная позиция ценна тем, что она объясняет, почему конституционное право не может быть рядоположено с иными отраслями: оно формирует нормативную основу правопорядка, обеспечивая единство и целостность всей правовой системы. В отличие от узкоспециализированных отраслевых режимов, конституционно-правовой режим выполняет учредительную, интегративную и правозащитную функции, что придает ему качество системообразующего начала.

Завершает серию исследований работа И.В. Шахновской, П.В. Соловьева и М.М. Степанова «Конституционные преобразования в Республике Беларусь и Российской Федерации: анализ конституционных реформ», выполненная в жанре сравнительно-правового анализа. Авторы обращаются к опыту двух государств, недавно переживших масштабные конституционные обновления. Несмотря на суверенный характер каждой из реформ, исследователи фиксируют ряд общих тенденций, свидетельствующих о сближении конституционных моделей. К числу таких тенденций отнесены: усиление защиты

традиционных семейных ценностей, ужесточение требований к электоральному суверенитету (запрет иностранного гражданства для кандидатов в президенты, увеличение ценза оседлости), а также встраивание органов местного самоуправления в единую систему публичной власти. Принципиально важным представляется вывод авторов о сохранении преемственности в конституционном развитии: «Конституционные изменения в Республике Беларусь и Российской Федерации проведены в условиях сохранения преемственности в регулировании конституционно-правовых отношений, в рамках устоявшейся конституционной модели в государствах, на основе национально-культурных ценностей обоих народов, принципов развития социального, правового и демократического государства» [5, с. 114]. В этой оценке содержится указание на то, что конституционная реформа не является революционной ломкой существующего порядка, а представляет собой эволюционную адаптацию базовых принципов к новым вызовам (цифровизация, внешнее давление, интеграция).

Сопоставление позиций, выраженных в рассмотренных статьях, позволяет выявить несколько магистральных направлений в современной конституционно-правовой науке. Во-первых, наблюдается устойчивый запрос на конституционализацию новых общественных отношений, прежде всего связанных с цифровой трансформацией. Если С.Н. Максимова акцентирует внимание на необходимости проверки экспериментальных режимов через призму конституционных принципов, то И.В. Шахновская с соавторами констатируют недостаток конституционного регулирования цифровых процессов и предлагают закрепить в Основном законе понятия «цифровое государство» и «информационный суверенитет». Во-вторых, тематика национальной безопасности прочно вошла в предметное поле конституционного права, причем рассматривается она как в статике (институт – у Лукьяновой и др.), так и в динамике (архитектура – у Стус и Намитокова). Общим для этих подходов является признание Конституции РФ не просто сводом деклараций, а реально действующим инструментом обеспечения государственного суверенитета и правопорядка. В-третьих, теоретические работы, подобные исследованию Г.С. Беляевой и ее соавторов, выполняют важную функцию упорядочения понятийного аппарата, без чего невозможно дальнейшее развитие отраслевых юридических наук.

Подводя итог, следует заключить, что современный этап развития конституционного права характеризуется одновременным действием двух разнонаправленных, но взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, происходит усложнение правовой материи, появление новых институтов и режимов (цифровые «песочницы», новые механизмы народовластия), что требует гибкости и адаптивности правовой системы. С другой стороны, отчетливо проявляется стремление к укреплению конституционного каркаса, к защите базовых ценностей и суверенитета от внешних и внутренних угроз. Анализ представленных работ убедительно доказывает, что именно Конституция, благодаря своему учредительному характеру и высшей юридической силе, остается единственным легитимным основанием для балансировки между инновационным развитием и консервативной охраной устоев государственности.

Список источников

1. Максимова С.Н. Конституционализация экспериментальных правовых режимов в новом конституционном цикле Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9. – С. 121–128.
2. Стус Н.В., Намитоков Ю.А. Конституционно-правовая архитектура национальной безопасности России: принципы, нормы, институты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. – С. 155–158.
3. Лукьянова А.В., Попков Д.В., Фролова Л.В. Национальная безопасность как конституционно-правовой институт // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. – С. 123–126.
4. Беляева Г.С., Капустина И.Ю., Белоусова К.А. Конституционно-правовой режим как разновидность отраслевых правовых режимов: теоретико-правовой ракурс // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. – С. 7–10.
5. Шахновская И.В., Соловьев П.В., Степанов М.М. Конституционные преобразования в Республике Беларусь и Российской Федерации: анализ конституционных реформ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2025. № 3. – С. 114–121.

УДК 343.1

КОГДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕ ДОКАЗЫВАЮТ: КАК ДОБИТЬСЯ ОПРАВДАНИЯ ПРИ КОСВЕННОМ ОБВИНЕНИИ

Эльмурзаев С.М.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»;
адвокат коллегии адвокатов «КК» Адвокатской палаты Чеченской Республики
musslim95@mail.ru
Катаев У.Ш.,
адвокат коллегии адвокатов
«КК» Адвокатской палаты Чеченской Республики

Аннотация. *В данной статье рассматриваются противоречия в судебной практике, касающиеся оценки косвенных доказательств в уголовном процессе и вынесения обвинительных приговоров. Анализируя положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и прецеденты Верховного суда Российской Федерации, указывается на необходимость последовательной системы доказательств, исключающей другие разумные интерпретации дела. В то же время правоохранительные органы склонны к смягчению стандартов доказывания, и встречаются случаи, когда одних лишь косвенных доказательств считается достаточно без надлежащего изучения их взаимосвязей или альтернативных объяснений.*
В статье рассматриваются практические проблемы, с которыми сталкиваются адвокаты защиты в делах со «слабой доказательной базой», а именно, стратегии опровержения аргументов обвинения, построения альтернативных позиций и доказательства неразрешимых сомнений. В статье предлагаются рекомендации по построению стратегий защиты для достижения оправдательного приговора в процессе, основанном на факте несчастного случая.
Ключевые слова: *защита, правоохранительные органы, адвокатура, следствие, обвинительное заключение, суд, доказательства, уголовно-процессуальный кодекс*

WHEN EVIDENCE FAILS: HOW TO OBTAIN AN ACQUITTAL IN THE CASE OF INDIRECT ACCUSATION

Elmurzaev S.M.,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University, PhD in Law,
Attorney, Bar Association «KK» of the Bar Association of the Chechen Republic
Kataev U.Sh.,
Attorney, Bar Association «KK» of the Bar Association of the Chechen Republic

Abstract. *This article examines the contradictions in judicial practice regarding the evaluation of circumstantial evidence in criminal proceedings and the determination of convictions. Analyzing the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the precedents of the Supreme Court of the Russian Federation, the article emphasizes the need for a consistent system of evidence that excludes other reasonable interpretations of the case. At the same time, law enforcement agencies tend to relax evidentiary standards, and there are cases where circumstantial evidence alone is considered sufficient without properly examining its interrelations or alternative explanations.*
Key words: *defense, law enforcement agencies, advocacy, investigation, indictment, court, evidence, criminal procedure code*

Проблема и ее значимость

Согласно статье 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в судебном порядке и окончательным решением суда. В этом случае любые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу [6].

В случаях, основанных на косвенных доказательствах, это положение часто приобретает декларативный характер. Формально допустимая совокупность доказательств (статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) имеет приоритет над требованиями достаточности и достоверности доказательств (статья 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Сами по себе косвенные доказательства не запрещены и могут служить основанием для уголовного преследования. Это четко указано в пункте 13 Постановления 55 Пленарного собрания Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года «О судебных решениях». То есть обвинительный приговор может быть вынесен на основании совокупности косвенных доказательств, но только если они образуют непрерывную и взаимосвязанную систему, исключающую другие разумные объяснения дела. Проблема заключается в том, что на практике это требование часто игнорируется [4]. Суд просто излагает «всю совокупность доказательств», не рассматривая вопрос об исключении альтернатив. В результате, по сути, предвзятое мнение заменяет собой доказательство, что прямо противоречит статье 14, пункту 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [6], которая запрещает вынесение обвинительных приговоров на основании предвзятого мнения.

Алгоритм работы адвоката

Защита по делам, основанным на косвенных доказательствах, требует систематического подхода, ориентированного на разбор доказательств в единую логическую структуру, а не на опровержение отдельных доказательств.

1. Проверка соответствия обвинительного акта требованиям статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Необходимо подтвердить, установлены ли все обстоятельства, подлежащие доказыванию, а именно: преступное деяние, причастность подсудимого, вид преступления и мотив. На практике «причастность» часто выводится не из фактов, а из логических предположений, которые уже составляют основу защиты.

2. Анализ допустимости доказательств (статья 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)

Даже если одно доказательство признано недопустимым, вся структура может рухнуть. Особое внимание следует уделить:

- протоколам следственных действий, включая нарушения;
- показаниям, полученным под принуждением;
- материалам следственных действий, проведенных без соблюдения надлежащих процедур [6].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что недопустимые доказательства не могут быть использованы ни прямо, ни косвенно.

3. Возражение против «логической связи» между доказательствами

Главная ошибка обвинения заключается в представлении гипотез вместо доказательства причинно-следственной связи.

Защита оспаривает:

– то, что доказательства не образуют непрерывную цепочку;

– то, что между доказательствами нет необходимой связи;

– то, что результаты расследования носят вероятностный характер.

4. Представление альтернатив (Мнение Пленарного собрания Верховного Суда Российской Федерации)

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, обвинительный приговор не может быть вынесен, если общая картина представленных доказательств не исключает других

разумных объяснений. Иными словами, защите достаточно представить логически непротиворечивую альтернативу, удовлетворяющую следующим условиям:

– объяснить имеющиеся факты;
– обвинение не опровергло это.

5. Акцент на стандарте доказывания

Крайне важно, чтобы суд всегда выносил решение о том, был ли соблюден стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения» (хотя этот стандарт прямо не оговорен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, он может быть выведен из статьи 14 Кодекса и прецедентов Верховного Суда Российской Федерации). Противоречивые доказательства должны толковаться в пользу подсудимого.

Судебная практика

Верховный суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал несостоятельность обвинения, основанного на домыслах. Например, в Определении СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2018 г. N 5-УД18-145 суд изменил приговор, исключив из него квалифицирующий признак «с применением предмета, используемого в качестве оружия», поскольку вывод суда о совершении разбойного нападения с применением предмета, используемого в качестве оружия, вопреки требованиям закона основан на предположениях, что является недопустимым [7]. В документе прямо указано, что обвинительный приговор должен выноситься на фактах, доказанных однозначно, а не на вероятностных суждениях.

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.11.2019 № 46-УД19-37 [7] Верховный суд отменил обвинительный приговор, установив, что представленные доказательства не образуют единой системы и не исключают различных интерпретаций дела. Аналогичная позиция отражена в практике апелляционного суда, который определил, что несоответствия и отсутствие взаимной согласованности между доказательствами препятствуют доказыванию вины.

В Определении ВС РФ от 24 октября 2018 г. № 5-УД18-145 рассматривался приговор, которым обвиняемые признаны виновными в совершении разбойного нападения с применением предмета, используемого в качестве оружия. Обжалование было основано на аргументах о недоказанности отягчающего признака. ВС РФ признал вывод суда первой инстанции о применении предмета, используемого в качестве оружия, необоснованным**.** В мотивировочной части указано, что вывод о фактическом применении предмета был основан на предположениях, а не на достоверных доказательствах (например, отсутствовали подтвержденные сведения о возможностях предмета причинить вред, о реальной цели его применения). Верховный Суд подчеркнул, что обвинительный вывод не может опираться на вероятностные суждения и должен строиться только на фактах, доказанных однозначно. Это решение демонстрирует, что при недостаточности подтверждений отягчающего признака суд кассационной инстанции вправе скорректировать квалификацию, исключив сомнительные элементы [7].

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13 ноября 2019 г. № 46-УД19-37 Верховный Суд отменил обвинительный приговор, установив, что представленные доказательства не образуют единой непротиворечивой системы*, а также* не исключают различных толкований событий. В мотивировке указано, что вывод о виновности не подтвердился всем комплексом доказательств, поскольку между отдельными элементами доказательственной базы отсутствовала логическая связь. Данный подход отражает принцип объективной оценки доказательств: если их совокупность допускает альтернативное объяснение, не подтверждённое дополнительными фактами, вывод о виновности становится необоснованным**.** В судебной практике апелляционных инстанций аналогичные выводы встречаются регулярно: несоответствие показаний, отсутствие взаимной согласованности между событиями и неустранённые противоречия препятствуют доказательству вины [7].

В другом прецедентном определении Верховного Суда (Определение ВС РФ от 09.10.2018 г. № 5-УД18-122) отменён обвинительный приговор по делу о незаконном хранении боеприпасов. Анализ мотивировочной части показал, что вывод суда первой

инстанции о фактическом хранении основывался на *логических умозаключениях*, тогда как конкретные обстоятельства (конкретное место, время, обоснование возможности хранения) не были установлены достоверно. Суд кассационной инстанции указал, что такие выводы **не** обеспечивают исключения иных версий**,** что противоречит требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Анализ приведённых определений демонстрирует устойчивую позицию Верховного Суда: вывод о виновности должен основываться на доказательствах, исключающих альтернативные объяснения событий**.** Если косвенные доказательства не согласуются между собой или не подтверждаются другими фактами, они не могут служить основанием для признания обвиняемого виновным.

Данная позиция корреспондирует с основополагающими принципами уголовного процесса: презумпция невиновности, равенство сторон, обязательность судебного изучения доказательств. Существенные противоречия в доказательствах, отсутствие внутренней согласованности или логической завершённости подрывают возможность формирования объективного убеждения суда в виновности подозреваемого.

Выводы и рекомендации адвокатам

Дела, связанные с косвенными доказательствами, по сути, представляют собой не споры о самих фактах, а споры о критериях их оценки.

На основе практического опыта можно сделать следующие важные рекомендации:

– необходимо сместить акцент с «опровержения» на «потерю доверия к системе доказательств»;

– отдельные доказательства следует анализировать не изолированно, а в контексте всей аргументации обвинения;

– альтернативные точки зрения должны быть неотъемлемым элементом защиты;

– крайне важно всегда ссылаться на статьи 14, 73 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и прецеденты Генеральной Ассамблеи Верховного Суда Российской Федерации.

– все несоответствия и упущения следует указывать и подчеркивать как неразрешенные сомнения.

Когда суд склонен рассматривать косвенные доказательства в целом как достаточное доказательство, роль адвоката заключается в том, чтобы доказать, что целое не соответствует требуемому стандарту доказывания. Именно в этом и заключается ключевая стратегия защиты: не доказать невиновность, а показать, что вина не доказана.

Список источников

1. Бызова М.В. О действии принципа обеспечения права на защиту на стадии исполнения приговора // Законность. 2022. № 7. – С. 67–68.
2. Грачев С.А. Сокращение количества защитников по назначению: возможно ли? // Адвокатская практика. 2022. № 6. – С. 27–31.
3. Давыдова Н.Н. Проблемы нормативной регламентации принципов уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2025. № 6. – С. 25–29.
4. Постановление 55 Пленарного собрания Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года «О судебных решениях».
5. Постанюк В.Д. Отказ от адвоката (защитника) в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2021. № 1. – С. 29–32.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Российская газета. 2001. № 249.
7. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2018 г. № 5-УД18-145 Суд изменил приговор, исключив из него квалифицирующий признак «с применением предмета, используемого в качестве оружия», поскольку вывод суда о совершении разбойного нападения с применением предмета, используемого в качестве оружия, вопреки требованиям закона основан на предположениях, что является недопустимым URL: https://base.garant.ru/72093878/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 2.04.2026) Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.11.2019 № 46-УД19-37 URL: https://stykrf.ru/opredelenie-sudebnoj-kollegii-po-ugolovnym-delam-verxovnogo-suda-rf-ot-13-11-2019-n-46-ud19-37?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 2.04.2026), Определении ВС РФ от 24 октября 2018 г. № 5-УД18-145.

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИИ

Яскиева З.С.,
магистр 2 курса направления «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
Магомадова Э.И.,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Аннотация. *В представленной статье рассматриваются актуальные правовые проблемы ответственности за действия нейросетей и ИИ, влияние цифровой революции на правовые институты. Также приведены недоработки современной законодательной системы в области ИИ.*
Ключевые слова: *права, обязанности, ответственность, трансформация, цифровая революция, искусственный интеллект, ИИ.*

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF AI

Yaskieva Z.S.,
Master's degree in Law, 2nd year,
Magomadova E.I.,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University

Abstract. *This article discusses the current legal issues of responsibility for the actions of neural networks, AI, and the impact of the digital revolution on legal institutions. It also highlights the shortcomings of the current legislative system in the field of AI.*
Keywords: *rights, obligations, responsibility, transformation, digital revolution, artificial intelligence, AI.*

Проблема ответственности за действия искусственного интеллекта (ИИ) в праве представляет собой сложную и развивающуюся дилемму, которая ставит под сомнение традиционные правовые концепции вины, причинения вреда и субъекта ответственности. На данный момент не существует универсальной международной или национальной правовой модели, и подходы варьируются от адаптации существующих норм до создания совершенно новых регуляторных режимов.

Главная задача заключается в том, что ИИ, особенно системы с элементами автономности и самообучения, действуют не как простой инструмент в руках человека, а как сложный системный агент, решения которого не всегда предсказуемы и полностью прослеживаемы до конкретной команды разработчика или пользователя.

В связи с этим в юридической доктрине и законодательной практике обсуждаются несколько основных моделей распределения ответственности:

- ✓ Первая – это модель ответственности разработчика (производителя), которая по аналогии с продуктовой ответственностью возлагает обязанность возместить вред на создателя неисправного или небезопасного алгоритма, если тот не доказал наличие вины пользователя или непреодолимой силы.
- ✓ Вторая – модель ответственности оператора (пользователя), который непосредственно применяет систему и извлекает из нее выгоду. Он отвечает за надлежащий контроль, мониторинг и соблюдение инструкций.

✓ Третья – более дискуссионная модель – это признание ограниченной правосубъектности для высокоавтономных систем, что могло бы повлечь создание специальных фондов или обязательного страхования гражданской ответственности, аналогично тому, как это существует для юридических лиц или источников повышенной опасности.

В практике Европейского союза, а именно в Акте об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act – Al Act), формируется риск-ориентированный подход: «Чем выше потенциальный риск применения ИИ, тем строже требования к его разработке, тестированию, прозрачности и человеческому надзору, и тем жестче распределяется ответственность между всеми участниками цепочки создания и использования – от разработчика и интегратора до конечного оператора». То есть здесь предусмотрены требования в зависимости от риска применения:

- Обязанности поставщиков – проводят оценку соответствия (СА);
- Обязанности дистрибьюторов – проверяют наличие маркировки и сертификата;
- Создание Европейского Совета по ИИ.

В рамках данного закона предусмотрены только меры административной ответственности.

Нормативно-правовые документы, регулирующие форматы использования ИИ в Российской Федерации:

✓ ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. является основным правовым документом, который регулирует обработку персональных данных.

✓ Постановление Правительства РФ № 2386 «О государственной информационной системе «ЕДИНАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ» от 29.12.2023 г., устанавливающее требования к разработке и эксплуатации структуры платформы.

Вопрос же авторства произведений творчества, науки, созданных нейросетью, пока остается спорным [3, с. 144].

Таким образом, ответственность за действия ИИ в праве сегодня – это не поиск единственного виновного, а построение сбалансированной системы распределения рисков, которая, с одной стороны, стимулировала бы инновации, а с другой – обеспечивала бы эффективную защиту прав и компенсацию вреда для пострадавших, сохраняя принцип верховенства права в условиях цифровой трансформации.

На данный момент в российском законодательстве не существует специального (отраслевого) закона, регулирующего искусственный интеллект и прямо закрепляющего ответственность за его действия. Поэтому ответственность определяется на основе существующих норм права, по аналогии и с учётом разрабатываемых концепций.

Ответственность за действия систем искусственного интеллекта в праве Российской Федерации в настоящее время является каскадной и распределённой, а её конкретный субъект зависит от роли, уровня автономности ИИ и наличия вины.

В общем случае можно говорить о том, что ответственность несут люди и организации, создавшие, развернувшие или использовавшие ИИ, а не сам алгоритм как таковой, поскольку он не является субъектом права.

Ключевыми фигурами, которые могут и должны отвечать, являются:

✓ оператор ИИ;
✓ разработчик (создатель) ИИ;
✓ владелец данных;
✓ конечный пользователь.

Оператор ИИ – это лицо, которое использует технологию для достижения определённой цели, и именно он в первую очередь несёт ответственность перед потребителем или государством за результат работы системы, если иное не предусмотрено договором или законом.

Разработчик может быть привлечён к ответственности, если будет доказано, что вред причинён из-за недостатков в конструкции, алгоритмах или обучении модели, которые возникли по вине самого разработчика.

Владелец данных отвечает за их качество и законность сбора, если из-за некорректных данных ИИ принял вредоносное решение.

Конечный пользователь, в свою очередь, обязан использовать ИИ в соответствии с инструкцией и в предусмотренных целях. При злоупотреблении ответственность ложится на него.

В России действует концепция «человека в контуре», предполагающая, что окончательное решение по критическим вопросам (например, в медицине, судопроизводстве) должен принимать человек, который и будет нести за него ответственность [4, с. 96–106].

Таким образом, российский подход на текущем этапе ориентирован на возложение ответственности на физических и юридических лиц, контролирующих жизненный цикл искусственного интеллекта. При этом ведутся активные работы по созданию специального законодательства, которое уточнит эти принципы, возможно, введя понятие «электронного лица» или особый режим ответственности для высокоавтономных систем.

Категории ответственных лиц (субъектов):

- ✓ Оператор ИИ (лицо, использующее ИИ) – основная фигура ответственности перед третьими лицами.
- ✓ Разработчик или Создатель – ответственность за «производственные дефекты» ИИ (аналогично ответственности за товары/работы ненадлежащего качества).
- ✓ Владелец данных – ответственность за качество и легитимность данных для обучения.
- ✓ Конечный пользователь – ответственность за некорректное использование или злоупотребление.
- ✓ Человек-контролёр (в критических системах) – персональная ответственность за окончательное решение.

С 2024 года в России активно обсуждается и готовится пакет законов об ИИ («Закон об ИИ»), который должен внести ясность в эти вопросы, возможно, введя:

- ✓ Расширенную ответственность оператора.
- ✓ Обязательное страхование рисков при использовании ИИ в высокорисковых сферах.
- ✓ Сертификацию и обязательный аудит особо сложных систем.

Подводя итог, пока система основана на адаптации общих норм Гражданского, Уголовного и Административного кодексов, но движется к созданию специального правового режима для искусственного интеллекта.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // часть четвертая. 2006.
2. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации.
3. Кашкин С.Ю. Правовое регулирование искусственного интеллекта и робототехники: вызовы и перспективы. № 3 изд. – Москва: Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество», 2019. – 144 с.
4. Хисамова З.И. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности / З.И. Хисамова, И.Р. Бегишев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. – С. 96–106.

Всероссийская научно-практическая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых

«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА В XXI ВЕКЕ»

Подписано в печать 01.07.2026 г. Формат 60x84/8
Бумага офисная. Печать-ризография.
Уч.-изд. л. 19,3. Тираж 100 экз.

Издательство Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова
Адрес: 364037 ЧР, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33